

Колдовские
МИРЫ

ДУРНОЙ КОЛДУНЬЕ НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ

Даха
Тараторина

ДУРНАЯ КРОВЬ

Annotation

Дурной колдунье нечего терять. Родных, друзей и побратимов – всех отогнал от неё проклятый дар.

Так почему бы не распахнуть дверь, когда в неё стучится мужчина с колючим взглядом? Почему бы не согласиться, когда он предлагает пуститься в путь по заснеженному лесу?

И, может, тогда вновь научится любить тот, кто думал, что давно уже очерствел сердцем.

Непобедимая тройца главных героев: смелая умница, brutальный охотник и хитрый толстячок. В этой истории всё совсем не так, как кажется. Сочетание силы и нежности в женщине. Послевкусие чистоты, свежести и добра. Нестандартный, но очень хороший конец!

- [Даха Тараторина](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Эпилог](#)
-

Даха Тараторина

Дурная кровь

© Тараторина Д., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Дурная

– Дурна-а-а-а девка, – предупреждала беззубая старуха, принявшая его на ночлег.

Не бесплатно, конечно. Бабка не преминула взять втридорога за постой. А куда ещё пойти по беззвёздной темноте да в метель? Потому Верд не стал спорить. Сдержался, хоть и мог бы переломить жадную каргу надвое, заплатил и молча лёг спать, не спросив про ужин.

Наутро метель не утихла, напротив, принялась завывать свирепее, точно в снегу прятался голодный зверь, впивающийся когтями в бревенчатые стены, царапающийся, просящийся в тепло. Никто не впустил бы его: диким тварям не место среди людей.

Пережить, как и раскошелиться на ещё одну ночь, Верду не хотелось. Достанет и того, что подбитый мехом плащ высох и прогрелся у печи. Для вечного путника это ли не благодать? Унять бы урчащий голодный живот – вовсе счастье.

Пока щербатая гримза сплёвывала шелуху семечек в пригоршню, а свежие сплетни в уши неблагодарного слушателя, мужчина побренчал крышками многочисленных котелков в кухне. К величайшему разочарованию, ни в одном из них не обнаружилось ароматного томлёного мяса. Да и с чего бы? В эдакой глуши его небось только по праздникам и видят, да и то в окно на соседском столе.

– Не обес-с-с-судь, милай! – Старуха поудобнее уюстилась задом на плотно закрытом и завешенном тряпицей сундуке. – Ты за ночлег платил, об угощении речи не вели. Оголодал – будь добр, ещё монету выложи.

– Перебьюсь. – Гость равнодушно скрестил руки на груди и опёрся плечом о дверной косяк.

Кто другой не рискнул бы ссориться с таким, как он. Немного нужно зоркости, чтобы заметить осанку, какой не встретишь у согбенного вечным огородничеством селянина, выступающие жилы, рисующие на предплечьях узор, схожий с танцем струек крови на лезвии ножа, да и цепкий, колючий взгляд заставлял неуютно поёжиться. Но бабка считала, что пожила уже достаточно, а потому не

робела ни перед наёмником, ни перед его ухмылкой, разделённой надвое уродливым шрамом. Она самозабвенно делилась мудростью и думать не думала, что слова стоило бы взвешивать, прежде чем произносить.

– Дурная, – повторила она, – девка того... видно, умом тронулась. Ну и немудрено: с раннего детства одна. Небось родилась четвёртой, так её из дому и погнали, чтобы счастье не отнимала. Живёт особняком, ни с кем близко не знается. Вон прошлой весной сходил к ней сынок кузнеца. Известно, за чем пошёл: девка-то в летах, незамужняя. Ну паренёк и понёс ей кубышку мёда в подкуп. Так она ту кубышку бедняге на темечко вывернула, опосля едва сняли!

– Легко отделался. – Верд крепко завязал тесёмки плаща под горлом, по привычке проверил, чтоб свободно ходил в ножнах меч, и, прищурившись, спросил: – В какой стороне живёт? Девка эта ваша.

– А тебе к чему, добрый молодец? Дело какое али просто так любопытствуешь?

Старуха спрашивала для вида: и без того всё уразумела. С вечера она не раз выглядывала из-за занавесочки у лежака и рассматривала путника. Углядела, что на деле мужчина куда моложе, чем кажется, но шрамы да нелёгкая доля добавили серебра в волосы, заставили хмуриться и зло, подозрительно озираться. Не остались без внимания и треугольные метки на тыльных сторонах ладоней, хоть гость и снял с них повязки тогда только, когда хозяйка засопела. Однако ж старость лишает крепкого сна. Проснувшись и сходяв до задка в крайний раз, бабка застала, как тускло светятся чёрные линии.

Охотник.

Ясно, зачем дурная девка такому, как он. А им, деревенским, колдунья самим пригодится.

На этот раз Верд не стал терпеливо ждать, пока старуха наговорится. Со вчера он многожды спрашивал, где искать дурную, и всякий раз вместо ответа получал истории о тяжёлой беременности жены старосты, жалобы на жестокую раннюю зиму или заунывные песни.

Размашистым шагом он пересёк комнатушку, приподнял визжащую бабку одной рукой и откинул крышку сундука второй. Внутри ожидаемо обнаружались припрятанные намедни запасы, которые пришлым не полагались.

– Чаго удумал?! Наглец! Вор! Убивец!

Охотник поудобнее перехватил скандалистку, чтобы та кулаками доставала ему разве что до зада, и вознаградил себя за выдержку найденным ржаным хлебом и крынкой простокваши.

После грабежа старуха если бы и указала дорогу, то разве что к такой-то матери. Потому Верд спешно позавтракал под ругательные трели и ушёл. Главное он вызнал: колдунья в деревне действительно есть. Теперь он легко её отыщет.

Ох, как же охотник ошибался! Метки, что привели его в селение, светились и жгли почти постоянно, больше мешая, чем помогая. За день довелось обойти все стоящие поодаль от остальных дома, но без толку. Проклятая девка как сквозь землю провалилась!

А вьюга не затихала. Стоило и без того едва заметному солнцу скрыться, она словно взвыла от одиночества. Снег слепил, заползал за шиворот, пробирался в рукавицы. Тяжёлые сапоги проваливались в наметённые барханы, мужчина увязал по самые колени и с каждым разом всё с большим трудом выбирался.

Метель стонала и пела, убаюкивала. Ей не хотелось проводить очередную ночь в тоскливом отчаянии. Она мечтала о тепле живого тела, она страдала, что некого обнять и укутать, сжать крепко-крепко, пробираясь под плащ, куртку и плотную рубаху к самому сердцу. Она гладила раскрасневшиеся щёки путника, заглядывала в колючие глаза, запускала пальцы в волосы, словно припорошенные пеплом...

Но мужчина упрямо шёл вперёд. Силы его почти иссякли. Так уж нужна ему та колдунья? Вон сколько клиентов предлагали немалые деньги за охрану или сопровождение товара. А уж сколько сулили за тихое убийство – и вспомнить приятно! Ценят ещё мастерство...

Но охотник отказывался. Потому что за девку можно получить намного, намного больше. Если, конечно, знать, кому сбыть товар. Верд знал. Поэтому шёл, споря с непогодой и собственными продрогшими членами.

Позади мерцали огоньки удаляющейся деревни. Точно светлячки на болоте, обманом зазывающие в трясину. Ох, как же заманчиво развернуться и постучать в одно из окошек! Да хоть бы и в окошко беззубой карги! Она, конечно, затребует последние монеты, что остались в кошеле, но зато у неё жарко натоплено и небось ещё не убрано тяжёлое кусачее одеяло.

Но Верд не оборачивался. Он шёл вперёд. Туда, где нереально, сказочно подрагивала жёлтая точка. Поди догадайся, не голодный ли хищник наблюдает с кромки леса. А может, и вовсе ничего нет: так, игра усталой головы, отражение огней деревни. Но если есть хоть один малюсенький шанс, охотник не отступится. Потому что охотники не умеют отступать.

Когда Верд добрёл до маленького покосившегося домика и стукнул в дверь, он понимал, что обратный путь к селению закончится где-нибудь в сугробе. А ещё он понимал, что, если пришёл правильно и откроет ему та самая одинокая колдунья, она нипочём не пустит рослого, изуродованного шрамами и сурового мужика внутрь.

– Батюшки! Вы, господин, никак, решили снеговиком заделаться?!

Девка отворила сразу, не спросив, кто и зачем, не прикрыв бесстыдно распущенный ворот платья и не собрав гуляющих на ветру и абсолютно белых как снег волос. Смелая. Или правда дурная?

– Ты, что ли, колдунья? – начал Верд злее, чем полагалось. Объясняйся тут ещё, просись, доказывай, что не худой человек, ври.

– Вы заходите, господин, заходите! Подумать страшно, что вы себе отморозить успели в эдакую непогоду!

И втащила его внутрь.

Охотник не стал противиться. С наслаждением вытряхнул снег из всех мест, куда его, по идее, и занести не должно было, скинул и пристроил под лавкой у печи сапоги, развесил плащ и расстегнул куртку.

– Не боишься?

Усевшись, вытянул ноги, впервые за долгие недели позволив себе по-настоящему расслабиться. Он нашёл её. Нашёл! Тех, кто обладает даром, ни с кем не спутать, и метки не нужны! Тонкая, бледная, почти прозрачная, растрёпанная и лёгкая, как снежинка. Таких не встретишь среди простых людей.

Девка отняла у Верда рукавицы, чтобы подцепить горячий чугунок, перенесла его на стол, всё ж таки ошпарившись по пути, и затрясла пригоршней.

– Чего бояться прикажете?

Охотник хрустнул шеей, размял плечи, едва не застонав от удовольствия.

– Меня, к примеру. Ну как убийца к тебе пожаловал? Вор, душегуб? – постарался Верд вспомнить все нелестные слова, которыми одарила его давешняя старуха.

Хозяюшка звонко рассмеялась, проскакала, как воробышек какой, едва касаясь половиц босыми ступнями, и плюхнулась рядом, без малейшего страха заглядывая чужаку в глаза. Дурашливо протянула ручку:

– Я Талла. А вы, дяденька, душегуб?

Верд ошалело пожал ладошку, утонувшую в его смуглой лапе. «Дяденька»! Намного ли он старше наивной девчушки, покамест не успевшей обжечься о жизнь? На пять лет? Десять? Зато поседел и нажил шрамов как на коже, так и на душе. Вот тебе и «дяденька»...

– Верд. Хотя и душегуб тоже. Временами. Но не сегодня.

– Вот и чудненько. Вечерять будем?

Не таясь, она выложила всю снедь, какая нашлась. Пока Талла ловко орудовала ложкой, раскладывая горячую, только из печи, кашу и разливая ароматный кисель, Верд поглаживал наверхие мечи. Что мешает тюкнуть колдунью чуть ниже затылка, подхватить обмякшее невесомое тельце, перекинуть через плечо – и поминай как звали. Ни спрашивать не придётся, ни уговаривать. Знай себе вези по дороге, примотав к седлу, да еду изредка впихивай сквозь плотно сжатые зубы, чтобы вконец не отошала. Охотнику не впервой, так чего церемониться?

Талла придвинула тарелку и вложила в задумчиво расслабленные пальцы грубо стёсанную деревянную поварёшку. Мужчина недоумённо уставился на неё, поднял её к глазам, точно забыл, как держать, целиком закрыл половником суеящуюся фигурку.

– Дура ты, – сообщил он колдунье.

Та невольно среагировала и тут же смутилась:

– Сам дурак! Ой, дяденька, вы чего обзываетесь?

– Какой я тебе дяденька! – вспыхнул Верд, плюхнув поварёшку на горку кушанья. – Явился к ночи незнакомый страшный мужик, в избу ввалился, а ты его потчевать вздумала? Ну как злодей какой?

Талла отхлебнула из своей кружки, подержала кисель во рту, с усилием проглотила.

– Но вы же сказали, что не душегуб, – искренне удивилась она.

– Я мог соврать!

– А врать, – дурная подняла кверху бледный палец, – нехорошо!

Ну чисто дитё малое! Помнится, бабка говорила, что колдунье замуж пора. Какое замуж, когда девка-дура перед самым носом опасности не разглядит? Как до своих-то лет с таким норовом дожила, и то непонятно!

– Да и что бы, интересно, я сделала, окажись вы худым человеком? В сугроб бы сиганула? Закричала? Неужто я такая глупая, что надеялась бы на защиту этих вот стен? – Дурная колупнула ногтем брёвнышко, и от того сразу отстала щепка. – И двери не лучше, – прыснула, как с хорошей шутки.

Верду ничего не стоило огреть её рукоятью меча, вернуться в деревню за лошадьё да отправиться в путь. Такую доверчивую дурочку несложно доставить до места. Это не царापучая тяжеловесная тётка, которую он продавал в прошлый раз. Талла не попытается сбежать на привале, не станет упрямиться, отказываться от пищи и кусаться. Рыдать разве что начнёт. Но Верда давно уже не проймёшь горькими слезами.

Но то утром. Сейчас, как бы ни хотелось поставить девке ум на место доброй оплеухой, буяннить не дело. Он отдохнёт да отоспится, а там видно будет. В конце концов, колдунья может поехать и добровольно.

Мужчина долго тщательно пережёвывал кашу, всматриваясь в затухающие угли в печи. Натопила хозяйка знатно: его уже сладко разморило, а трещавшие от мороза кости в кои-то веки перестали болеть. Необычайная благодать напала на Верда. Она, и только она заставила его рискнуть:

– Давно ты живёшь здесь, Талла?

Она поправила соскользнувший плащ, чтобы скорее просох, надела на рога ухвата рукавицы путника и аккуратно пристроила к печному боку, чтобы не задымились.

– Давненько. Почитай, сколько себя помню. Мне эта деревня – дом родной, здесь выросла, здесь, видно, и помру.

Охотник засучил рукава, обнажая исчёрканные рубцами предплечья. Снять бы ещё плотные повязки с ладоней, дать подышать жгучим меткам, но рано. Напугается ещё колдунья, не станет вести разговоров.

– И что же, нравится?

– А как иначе? Меня здесь приняли, не погнали. Иногда помочь зовут, ежели у кого недуг или корова околеть грозится. За просто так кормят-поят...

За просто так? Вот же доверчивая девица! В городах за колдовство такую цену ломают, что не всякому по карману! Немудрено: кто ж станет рисковать шкурой за просто так? А эта небось всё селение на себе везёт да уверена, что это её приютили, а не выжимают почём зря!

– И никогда мир повидать не хотела? Платьев цветных поносить, дорогого сыру, заморских сладостей поесть? – котом замурлыкал Верд.

Глаза колдуньи засветились безоблачным зимним небом:

– Сладости... сладости – да. Мне позапрошлой весной проезжий купец подарил коробочку. Тесто тонкое-тонкое, слоёв – не пересчитать. Мёдом пахнет, пряно... Я, правда, совсем немного попробовала. Надо же детишек угостить. А их набежало – тьма! Ну и растащили всё, пока я лошадь того купца лечила.

– Подарил, значит? Не заплатил за то, что ты клячу его, чуть не околевшую, с того света вытащила, а подарил?

Талла кивнула, не понимая, почему гость криво, жестоко ухмыляется.

– Дура ты всё-таки. И это я не обзываюсь, а сообщаю тебе новость. Собирай-ка вещи, колдунья. Нечего здесь делать. Думаешь, сильно тебя любят местные? Помогают без повода? А знаешь ли, в каком достатке живут такие, как ты? Те, кто лечит не запойных пьяниц, перебравших накануне, а торговцев, городничих, дворян? Разумеешь, как могут устроиться? Собирай пожитки. Тебя не похищать, тебя спасать от этих пиявок надо.

Верд не врал. Он вообще не слишком любил врать. Просто Талла пока не заслужила всей правды. Колдуньи действительно жили в достатке. По крайней мере, те из них, что не попадались шавкам короля. Когда магия становится вне закона, любые её крохи ценятся куда дороже золота. А охотник знал, с кем поторговаться.

Талла растерянно прижала к груди кружку с киселём:

– Куда? Разве меня ждут где?

– До ближайшего города доведу, а там посмотрим, – уклончиво ответил охотник.

– Как же я деревню брошу, дяденька? Тут дом родной, тут меня любят. Как оставить всё? – Она обвела рукой скудное убранство.

– Показать? – недобро понизил голос Верд, снова находя пальцами крестовину меча. Не стоило заводить речь с вечера. Теперь девка точно перепугается и даст дёру. А ехать в ночь да по метели никак нельзя, тем паче с бездыханной колдуньей, которая, не ровен час, околет по пути.

Но тут в окно замолотили. Показалось, ветер кинул горсть снега, но нет. К грохоту прибавились крики:

– Талла! Талла, золотко!

Колдунья подскочила, метнулась распахнуть двери.

– Староста!

– Доченька, милая, выручай! – Мужик, не теряя времени, плюхнулся на колени. Густую чёрную бороду и огромные плечи запорошил снег, делая его похожим на одного из юродивых, что профессионально выпрашивают монетки близ монастырей и храмов. – Дана рожать вздумала! Не в срок, в пургу! За лекарем в соседнее село, как хошь, не успеть! Спасай, милая! На тебя одна надежда!

Колдунья схватила душегрею, набросила на хрупкие плечи прямо так, поверх лёгкого платья, и рванула на улицу. Староста сразу успокоился, подхватился.

– Стой! – Верд успел удержать девку за подол, когда та уже выскочила за порог, и втянул обратно. – Босой собралась?

Эдак впервые, чтобы товар так страстно желал себя угробить, прежде чем охотник доставит его к заказчику.

– Ой, и правда! – залиvisto рассмеялась девка, впрыгнула в валенки и припустила уже так, что проситель едва за ней поспевал.

– Дурная, – процедил охотник сквозь зубы, натянул обувку и выскочил следом, завязывая плащ уже на ходу.

* * *

Роженица вопила так, точно лез из неё не младенец, а по меньшей мере медведь. Верд, конечно, слышал, что дело это неприятное, но всяко не большее, чем схватиться с дюжинным отрядом и выжить, а потом три месяца едва двигаться. Наверное.

Не к добру мужчинам подглядывать за таинством рождения новой жизни, но женщину схватило внезапно, баню натопить только

бросились, так что, кроме как за стенку, Верду и старосте деться оказалось некуда.

– Чего припёрся? Звал тебя кто? Пшёл прочь! – попытался будущий отец замахнуть на незнакомца, когда тот только вошёл, но Верд так тяжело зыркнул, что староста не решился перечить. – А то и оставайся, всяко человек с мечом пригодится злых духов отгонять...

– Воды горячей! – Талла выглядывала из комнаты, повисая на двери, и тут же снова пряталась внутри, как вдёрнутая за волосы. – Тряпок чистых! И нож, да прокалите над огнём!

Верд не хотел смотреть, но всё одно увидел женщину, катающуюся по смятой кровати, потную, зарёванную. И колдунью. Не наивную глупую девчонку, что впустила в дом незнакомца, а настоящую магичку, уверенную, сильную, с прямой спиной и лёгкими, но крепкими ладонями. Она прижимала их ко лбу женщины, окутывала её лицо голубоватым сиянием, и крики той ненадолго стихали.

Староста ругался, меряя избу шагами:

– Баба нерадивая! Ну куда, куда, в метель-то рожать?! Ух, ничего им не доверять!

А Верд стоял у окна, с трудом сдерживаясь, чтобы не наподдать коленом безвинному перепуганному мужику. Знамо дело, над первенцем все трясутся. Это тебе не четвёртое нежеланное дитя, которое иной раз и вовсе могут притопить, коли живым на свет появилось.

За окном выла метель. Тягуче, с переливами, с рычанием. Так, как не должна завывать природа. Недобрый знак. Недобрые роды. Раньше срока, при мужиках, без лекаря и повитухи. Плохо. Очень плохо. Мужчина не убирал ладони с меча, и тот словно знал, что скоро пригодится, едва чутно подрагивал.

Запыхавшиеся тётки, мамки или няньки – того Верд не ведал – без толку носились туда-сюда, только выстуживая избу. Верещали, причитали и молились Трём Богам, покровителям смертных. Да бесполезно: буран не утихал, а баба всё никак не могла разродиться.

– Как без баньки-то? Дрова, точно Богиня с Котлом на них плюнула, сырые! Нипочём не занимаются! – Рябая тётка уселась на пол, раскачиваясь из стороны в сторону, поймала штанину старосты

и запричитала, размазывая сопли по красному лицу: – Как же без баньки?!

Верд на всякий случай отодвинулся подальше: того и гляди начнёт ещё и за него хвататься, запачкает, порвёт одежду.

Староста тоже не горел желанием утешать плакальщицу. Самого б кто успокоил. Он вырвал ногу.

– Да не вопи ты! Одно слово: бабы. Что жена, что тёща! Талла пришла, сейчас всё поправит.

Верд удивлённо приподнял брови, но промолчал: колдунья колдуньей, но, когда жена на сносях, мог бы и озаботиться заранее сухими дровами, а то и повитуху зазвать погостить. Видно же, что первенец поздний: мужик уже старостой заделался, а всё наследником не обзавёлся.

– Да как так-то? Всё на колдунью? Управится ли? А ежели оглоеды поналетят? Как отгонять, кому молиться, ежели не по чести таинство учинили?

– Уймись, дура! – Староста с усилием за грудки приподнял тёщу и усадил на лавку. – Всё Талла поправит, всё сделает. На то колдунью и держим!

А вот охотник подобной уверенностью похвастаться не мог: он уже сообразил, что отсыреть в бане дрова никак не могли, да и печь неспроста начала чадить чёрным вонючим дымом. Злые духи-оглоеды не любят тепла, а вот свежей кровью полакомиться – это да. Они летят к роженицам, как бабочки к костру, да только не сгорают в пламени, а отщипывают человеческое тепло по кусочку. Особенно приятно им лакомиться горячей младенческой плотью, едва показавшейся из материнской утробы. Для того и топят жарко баню, для того разводят огонь и ходят вокруг с обнажённым клинком: отпугивают лиходеев.

Только старосте до того дела не было: он привёл в дом колдунью и боле утруждаться не собирался.

– Нож над огнём прокали, – напомнил Верд, будто бы его дело вовсе не касалось. – Да дров в печь добавь.

– А ты что это раскомандовался?!

Благо тёща и вторая баба, видно мать мужика, оказались посметливее: подхватились и бросились исполнять приказ. Только всё больше мешали друг дружке, сталкиваясь рыхлыми задами и переругиваясь, чем помогали. А нерадивый папашка нашёл

развлечение: подлетел к незнакомцу, привстал на цыпочки, чтобы пихнуть его грязным пальцем в грудь:

– Чего раскомандовался, спрашиваю? Кто таков, чьих будешь, чтобы рот разевать в моём доме? Тебя звал кто разве? Ну? Отвечай!

Верд зевнул и быстрым движением выкрутил старосте руку. Да так сильно, что густой чёрной бороды аккурат достало подмести пол.

– Жена, говорю, у тебя рожает. Иди подмогни, а не дурью майся.

Охотник не отказал себе в удовольствии поторопить мужика пинком. Тот, низко склонившись, добежал до противоположной стены, чудом не пробив её дубовым лбом, и только сильнее разозлился:

– Ты на меня руку поднять посмел?! Да я тебя!.. Да я...

Он сложил кулаки и неумело поводит ими в воздухе, навроде как угрожая.

– Печь, – напомнил Верд, не двигаясь с места. – Потухнет – худо придётся.

– Я тебе сейчас покажу худо, морда резаная!

Верд отшагнул в сторону, и на этот раз староста, взяв хороший разгон, всё ж таки долбанулся об стену и, рассвирепев, бросился на прищельца. Снова промахнулся и сшиб с ног мамку, а та, заверещав, утянула в кучу-малу и тещу.

– Печь растопите, дурни! – повысил голос охотник, но кто ж его услышит за руганью и воплями. – Огледы налетят – сожрут всех!

Бесполезно. Верд плюнул прямо на пол и настезь распахнул дверь в комнату роженицы.

– Куда?! – взвыли вслед мамки, вдруг вспомнившие, что впускать мужей на тайнство строго-настрога запрещено богами, но чихать он хотел на их слова. Сами наложили – сами пускай и разгребают. А подставляться за бесплатно он не намерен. Ушёл бы один, не задумавшись, но не бросить же колдунью: от её тощего тельца огледы и косточек не оставят, а у Верда на Таллу имелись совсем другие планы.

Вспотевшая, утирающаяся рукавом, в сползшем с одного плеча платье, она суетилась у кровати роженицы, щупая, заглядывая, куда не следует, нашёптывая ласково:

– Потерпи, Данушка! Ты сумеешь, милая! Давай, вдохни поглубже и ещё разок напрягись! – Она подняла на Верда чистые голубые глаза: – А ты здесь чего? Мужам нельзя...

Муж, которому нельзя, мотнул головой, точно отгоняя доставучего слепня, и молча стиснул запястье девушки. Потянул.

– Куда? – заупрямилась та, упираясь пятками и отклоняясь назад. – Да что с тобой?! Дана!

Охотник зло бросил, не оборачиваясь:

– Подохнет твоя Дана. Как и вся их семейка. Оглоеды летят.

– Как оглоеды? – ахнула колдунья, только сейчас сообразив, как озябла. – А печь как же? Надо дров добавить...

– Нету больше дров. Опоздали. Дерево не загорится, пока они не получат своего. Мы уходим, а эти как хотят. Ай! Дура, что делаешь?!

Отскочив, как дикая кошка, Талла почмокала губами, словно пыталась распробовать укушенную только что руку.

– Я остаюсь. Подойдёшь – вцеплюсь ещё куда-нибудь, где больнее. Неужто предлагаешь роженицу бросить?

Верд задрал рукав. Два полукруглых следа от зубов перечёркивали старые боевые метки.

– Дурная девка!

Нет уж, дудки! Некогда церемониться: через плечо упрямыцу – и во двор! Кусаться удумала, гляньте на неё!

– Сказала, не пойду! – Девчонка единым прыжком перескочила полкомнаты, задрав юбку, взобралась с ногами в изголовье кровати и уостила голову Даны на коленях, погладила её волосы, утешая.

Верд не раз видел, как колдуют обладающие даром. Так свежий ветер обдувает горячий лоб в жаркий полдень, когда идёшь, увешанный доспехом, и уже ненавидишь палящее светило в небе.

Талла коснулась алых щёк роженицы, и невидимая сила проявилась, засияла сквозь её кожу, потекла ручьями по жилам, вытягивая, выпивая боль из тела женщины. Руки светились, как бледные голубоватые звёзды. Морщины на лбу Даны разгладились, мука перестала кривить лицо. Женщина задышала ровно, правильно, как наверняка учили. А Талла сидела, прикрыв свои голубые очи полупрозрачными веками, и звать не знала, что творилось вокруг.

А творилось худое.

Ещё недавно раскалённая печь перестала греть. Напуганные тётки успели выстудить избу или что похуже?

Метель взывала протяжно, жалобно. Словно и она испугалась того, что пришло поживиться молодым мясом. По стенам заскребло,

заскрежетало, зацарапалось... Оглоеды!

Верд ещё мог бы удрать в одиночку. Переждал бы у ближайших соседей, а то и вернулся бы к опустевшему жилищу колдуньи. Но он был из тех, кто не выпускает товар из рук и не бросает дело на середине. Поэтому охотник выхватил меч.

Пока он, стараясь не дышать и не двигаться, прислушивался, нутром угадывая, откуда явится враг, Талла приоткрыла и скосила один хитрый глаз. Тихонько облегчённо выдохнула: нечистая сила боится доброй стали не меньше, чем святого огня. Авось с таким защитником до утра никто живота не лишится.

Они налетели разом с четырёх сторон.

Размером с летучих лисиц, да только куда более зубастые и голодные. Стены не стали преградой для бесплотных духов: лишь жар сдерживал их, но теперь, поборов его, монстры готовились пировать.

Верд отогнал их круговым росчерком меча, придвинулся к постели и замер, следя за копошащимися в неосвещённых углах тенями.

Оглоеды взмахнули крыльями, разом, как одно неживое, разделённое на части существо, нападая с нескольких сторон, метя в беззащитное горло. Но воину ни к чему озираться, рассматривать каждого врага. Он хребтом знает, когда заходят со спины. Охотник припал на корточки в последнюю секунду, кончиком меча вспарывая чёрное брюхо самого нерасторопного оглоеда. Тот завизжал и заметался. Из брюха дымными лентами свисали призрачные внутренности, бледнея и рассеиваясь от каждого движения. Остальные вторили: смерть одного – боль для всей стаи.

– Мамочка! – заметалась роженица. – Мамочка!

Окликнутая забарабанила кулаками в дверь: впустите! Да Верд метнулся раньше, загоразивая проход, подпирая плечом. Сунется кто – живым не уйдёт. Оглоеды вечно голодны и не чают тот голод утолить.

– Терпи, Данушка! Скоро, скоро закончится всё! Верд!!!

Едва успев обернуться, охотник рубанул сверху вниз, рассекая надвое зависшего у кровати нечистого.

– Бабы, – презрительно бросил охотник, поджимая губы: всё ж блестящие восторгом глаза юной колдуньи тешили давно очерстневшее самолюбие.

Он провернул клинок, ловя отражение затухающей лучины, направил солнечного зайчика в скопище хищников, разгоняя их, разделяя на части большое, целое и зубастое.

Понятливая Талла добавила ещё лучинку, вторую, третью – сколько нашлось. Лишь бы не потух живительный огонь! Лишь бы Бог с Ножом не отвернулся, уберёт!

Бог с Ножом, понятно, являться не собирался. И брат его, Бог с Ключом, и сестрица с Котлом – никому дела не было до измученной Даны, до противной божествам девки с даром. И уж точно не собирались они выручать охотника без чести и совести. Пришлось Верду самому становиться защитником. Не с ножом, так с мечом. Чем хуже-то?

Взмах – и раненый оглоед падает на пол, чтобы рассыпаться золою.

Удар – и стонет, мечется роженица, визжит не хуже нечистика.

Свист – и Талла утешает, шепчет, подбадривает. И уже кажется, что не Дану, а Верда. Утирает холодный пот, касается губами лохматой головы. А по голубым сияющим нитям, что тоньше паутины, утекает из тела усталость.

– Ма-а-а-а-а-а-ама!

Верд провернулся на каблуке, сияющим кругом ударов отпугивая злодеев, а вопль женщины двоился, разделялся и продолжался. И в вопле слышна новая жизнь: молодая, горячая, требовательная!

Удар удивил и самого воина. Уж насколько он умел сражаться, насколько знал, когда сделать вдох, когда сигануть в сторону, когда прогнуться... Но меч, точно ведомый чужой рукой, показался вдруг втрое легче лёгкого. Верд размахнулся, стиснул двумя руками рукоять и сделал страшное: расстался с оружием, бросил его, как палку какую, в тёмное облако, из которого шелестели крылья голодных духов.

Поймав отблески лучин, отражая голубоватое сияние ладоней колдуньи, меч распорол тучу в самой середине, точно упрямый солнечный луч. Талла торопливо свесилась с кровати, подобрала клинок, пока напуганные оглоеды не опомнились, и резанула пуповину.

Всё, родилась новая жизнь. Злыдни остались ни с чем, разлетелись голодными, а Дана, рыдая от боли и счастья, тянула руки – обнять новорождённую дочь.

– Как... девка? – Староста так и сел.

Верд молча вытирал с меча чёрные подтёки, не слишком глядя по сторонам, но всё одно заметил, как бородач начал ощупывать пол возле зада, точно что-то пытаюсь отыскать.

Отмывая окровавленные рукава в заледеневшей вблизи нечисти воде, Талла улыбалась:

– Так – дочка. Дана пока её кормит, а после можно и обнять чадушко.

Толстые грязные пальцы стиснули топориче, обнаруженное под лавкой.

– Как – дочка? – тупо переспросил староста. – Первенец! Сын должен быть! Как иначе? Иначе боги не завещали!

Колдунья отжала порозовевший рукав, задумчиво расправила: как домой в мокром-то идти? Дадут какое платье переодеться?

– Мало ли чего там у других. Ты не серчай, староста! Тяжёлые роды были, сложные. Дана чудесное дитя привела в мир, так есть ли разница, благословили его боги али нет? Теперь хоть четверых, хоть целый выводок рожайте! К чему вам счастье Троиц, коли своего в достатке?

Топор перекочевал к старосте на колени. Давно ли так лежала на коленях у колдуньи голова его супруги?

– Четвёртого?! – взвыл мужик, сильнее сжимая оружие. – К чему нам благословение Троиц, спрашиваешь? А не ты ли, девка дурная, его у нас отобрала, а?! – Он тяжело, опираясь на скамью, поднялся, закинул топор на плечо – так, чтобы сподручнее его опустить на темечко виноватых. – Подменила мне сына, гадина? Ты, точно ты!

Тёща со свекровью, до того обмывающие Дану с дитём, в ужасе прижались к стеночке: ну как ещё на них кинется?

– Сынок, ты бы не серчал... – неуверенно начала мать. – Талла подсобила, чем смогла. Чать, не повитуха...

Но замолчала, когда лезвие глянуло в сторону её макушки. Тёща та и вовсе не решилась перечить: она с топором знакома не понаслышке, так что под горячую руку не лезла, дабы потом не улепётывать по сугробам.

– Подсобила?! Подсобила она?! Дурная кровь у гадины, дурная! Прокляла наш род, плюнула Богине в Котёл! Привела в мой дом абы кого, мужика... мужика! Мужика к роженице впустила! Прокляла-а-а-а-а!

Он бросился на девчонку, как тот изголодавшийся нечистик. Вращая зенками, брызгая слюной... Прибьёт! С ходу прибьёт!

Верд, казалось бы не замечавший обозлившегося папаша, выставил вперёд ступню, и мужик споткнулся, растянулся, выронив оружие. Оно аккуратно скользнуло к ногам Таллы, а та, не будь дура, подхватила юбки, перепрыгнула, оттолкнувшись от зада старосты, – и к входу.

– Объявишься – убью! – Мужик вдарил кулаком по крепким доскам пола.

Талла кивнула: ясно, мол.

– Пошли, что ли? – нетерпеливо обернулась она к наёмнику.

Верд в последний раз провёл тряпицей вдоль лезвия.

– Далеко ли?

– А куда ты меня зазывал? За лучшей жизнью?

Охотник позволил мечу скользнуть в ножны и довольно хмыкнул:

– Не боишься?

Колдунья только руками развела:

– Ну не зря же меня дурной кличут...

Глава 2

На богов не надейся

Уж чего колдунья точно не ожидала, так это того, что не одумается к утру. Она ворочалась на печи, слушая такое мерное дыхание Верда на лавке, словно он и вовсе не засыпал. Крутилась волчком, передумывала, передумывала снова и ещё раз... И всякожды решение казалось правильным, разумным, взрослым. Каждое из них: остаться или согласиться и ступить за порог с хмурым незнакомым мужиком, разукрашенным шрамами.

Ясно, что староста её не зарубит. Чать, не впервой бушующий. Да и не убивец он. Но вот останется Талла в деревне. Станет дальше лечить коров, роды принимать... Не как вчера, нет. Она обучится у повитухи, освоит мастерство. И, как знать, может, когда-то сумеет себя пересилить и возьмёт за колдовство денег, а не муки али молока.

А потом состарится да помрёт. Одна. Потому как кто же возьмёт в жёны дурную? Каждому известно: с такими, как она, семьи не выйдет. Разве ходить в гости могут. Как сын кузнеца по прошлой весне. Да от каждого ли кадушкой с мёдом отобьёшься?

Талла свесилась с печки, пытаясь в неверном зимнем свете рассмотреть мужчину.

Страшный! Вот что днём, что во сне – страшный. Смуглый, как нечисть какая, седой, точно старик. И шрамы... Самый уродливый рубец брал начало под левым глазом, змеёй сползал по щеке и делил надвое узкие, точно надломанные, губы. Такой не получают на охоте или по глупой случайности, только в бою.

– Хорош? – ухмыльнулся мужчина, не открывая глаз.

– Страшный! – озвучила Талла сокровенное, не успев понять, где явь, а где неслышные мысли.

– Какой есть. – Верд повернулся на бок, хоть до этого всю ночь мертвецом пролежал на спине и не шелохнулся. Пробурчал: – Страшный – подхватывай юбки и беги жалуйся старосте. Авось пригреет.

Девушка фыркнула и, ощупывая дорогу ногой в драном вязаном чулке, принялась спускаться. Вместо края скамьи неловко ступила

мужчине на бедро. Тот только недовольно выдохнул и натянул одеяло до ушей: рано ещё вставать, вторые петухи небось не успели пропеть, хотя отсюда всё одно не слышать.

Колдунье же не спалось. Она тихонько, на цыпочках, ходила по избе, собирая пожитки. Нашлось до обидного мало: единственное вышитое нарядное платье, тёплые штаны, которые девушка, озираясь, чтоб Верд не подглядел, поспешила натянуть, рубахи да всякая женская утварь. Маленькая сума, до смешного маленькая. Неужто вся её жизнь сюда уместилась? И что же, усидит Талла в деревне, дотянет до старости, уйдёт, когда настанет время, к богам, а от неё только такая сума и останется? Ни сказок никто не скажет, ни добрым словом не помянет? Потому что кто ж упомянет простую деревенскую колдунью, которая только и делает, что за скотом смотрит да раз в месяц женщинам боль облегчает, прикладывая руки к чреву.

Она ответила наёмнику, что жила здесь, сколько себя помнила. Но малость утаила: помнила ведь и ещё кое-что. К примеру, сказки. Сказки рассказывала женщина с узкими, не чета трудолюбивым сельским бабам, ладонями. Эти ладони перебирали пока ещё недлинные волосы, сплетали их в косы... А в сказках колдуньи были совсем другими. Сильными, смелыми. Они бы не чурались закинуть на плечо узелок, вскочить в седло да отправиться куда глаза глядят. А куда они глядят, те глаза? Этого Талла пока не ведала. Но твёрдо подошла к спящему (или только притворяющемуся?) мужчине и пихнула его в бок:

– Пошли, что ли. Не стану печь топить почём зря. Новому жильцу дрова сгодятся.

Охотник лишь хмыкнул и откинул одеяло. Одетый, обутый и обнимающий меч. Он даже немного обрадовался, что не пришлось гоняться за перепуганной девкой и тащить её силком.

* * *

Конюшня в деревеньке была общая, как и большинство лошадей. Вердова Каурка наелась, напилась и отдохнула. Пожалуй, слегка застоялась, но кто ж станет выводить скакунов в метель навроде вчерашней? Однако при виде хозяина и опостылевшей сбруи Каурка

восторга на морде не изобразила. Обнюхала охотника, ткнулась носом в щёку, а после и в карман, куда хозяин загодя положил остатки хлеба от их с Таллой завтрака. Угощение заставило лошадь смилостивиться: седлай, что уж. Всё одно делать скаковой красавице с этими клячами нечего.

– Лошадка! – Пока охотник расплачивался за постой, девушка кинулась на шею удивлённому животному, принялась гладить, перебирать гриву, обнимать.

– Укусит, – предупредил Верд, пристраивая у седла небольшие сумки и перестёгивая меч.

Каурка, вспомнив, что, вообще-то, и правда может, цапнула зубами воздух вблизи тонких пальцев колдуньи.

– Она ещё и с норовом! – в восторге завизжала девушка, нетерпеливо прыгая на месте. – Можно я поеду? Можно? Ну можно?

– Дурная, – процедил Верд, подсаживая девчонку и устраиваясь позади неё.

– Это что?

– Не ёрзай.

– Как это мы так?

– Не ёрзай, сказал.

Но Талла не успокаивалась, с непривычки не умея примоститься удобно:

– Она что же, нас обоих повезёт?

– Нет, – окрысился Верд. – Я рядом побегу, за стремя только ухвачусь!

– Тяжело же...

Мужчина хмыкнул: тоненькая колдунья весила как иной ребёнок. Каурка, привычная к долгим переходам и тяжёлому доспеху, её и вовсе не заметит. Если, конечно, девчонка перестанет тянуться к беспокойно шевелящимся ушам.

– Уй! Укусила! – восторженно завизжала Талла, показывая едва задетый губами палец. – Как есть укусила! Как я тебя вчера!

Верд всё-таки пожалел, что не огрел колдунью и не повёз, завернув в мешок и перекинув через седло покорным и, главное, молчаливым кульком.

Тем более что дорога не задалась. Сказать по правде, лошадь не слишком-то и скользила, но копыта по запорошённой давешним

снегопадом тропе передвигала без охоты.

Верд, ясно, злился. Не на такой путь он рассчитывал. По утоптанному широкому тракту Каурка домчала бы их вмиг, а сколько придётся петлять по сугробам, выбираясь из глуши, – только Троице Богов и известно. Лошадь всхрапнула и вильнула в сторону, провалилась задней левой ногой едва не до самого крупа и взбила целую тучу снежной пыли, пока выбиралась.

Сплюнув мгновенно растаявший от тепла тела снег, Верд замахнулся огреть нерадивую клячу...

– Ты чего? Не трогай лошадку! – Талла вцепилась в рукав, едва не свалившись под копыта и тем самым не понизив свою стоимость вдвое.

– Дура! – зло выругался охотник, за шкирку втягивая девчонку обратно в седло.

– Сам дурак! – огрызнулась дурная, обнимая скакунью. – Небось, если бы ты нас с Кауркой на спине вёз, тоже не сильно радовался!

– Хочешь пойти пешком и облегчить её ношу? – ухмыльнулся мужчина, отставляя руку: дескать, соскакивай, не держу.

– Ну и пойду!

Забыв хоть чуть поработать головой, она скакнула вниз и тут же, промахнувшись мимо тропки, увязла в сугробе по пояс.

– И вот по этой дороге прямо, – подсказал охотник, отвязывая и бросая вниз узелок девчонки.

Выждал немного, пока охолонёт, извинится и попросится обратно. Но Талла непреклонно сложила руки на груди и только сверкала глазищами, точно двумя обледеневшими озёрами посреди снежной пустоши. Верд даже проехал вперёд пару сажень, ожидая, что дурёха образумится, завизжит и замолит о помощи. Не осаживая лошадь, глянул под локтем: пыхтит ли, пытается ли выползти на ровное. Колдунья, не шелохнувшись, выжидательно смотрела в спину охотнику, точно не в сугробе сидела, а на мягкой перине нежилась.

– Вёрст эдак тридцать до ближайшего селения, – едко добавил Верд, остановившись якобы для того, чтобы поплотнее натянуть рукавицы: метель успокоилась, но на смену ей пришли безоблачное небо и такой морозец, который в силах прилепить веки к глазам. А дурная упрямится, ждёт, чтобы застудиться и ещё больше усложнить путешествие!

Талла горестно шмыгнула и вытерла нос задубевшим рукавом. Помрёт, как пить дать помрёт, и останется это на совести жестокого, бессердечного наёмника, выманившего наивную пигалицу из родного дома...

К тому ж мёртвые колдуньи на рынке не в цене, а отморозившие ноги всяко стоят меньше цельных.

Мужчина осторожно, чтоб тоже не увязнуть вместе с Кауркой, развернулся. А Талла, хитро сверкая глазищами, вытянула руки, позволяя себя спасти. Верд вздёрнул её за ворот душегреи, пуговицы пугающе затрещали, но выдержали.

– Не бей больше лошадку, – велела колдунья, старательно копируя интонации хмурого спутника. Словно переспорила, убедила чурбана в своей правоте. Верд приподнял брови и помог нахалке, перекувырнувшись в воздухе, снова нырнуть в сугроб. На этот раз наверху остались тонкие ножки и валенки, доверху набитые снегом.

Вдругорядь уместившись на лошадиной спине, Талла отчётливо простучала зубами:

– Ладно, поняла. Ты главный. Но Каурку всё равно не обижай.

Охотник с трудом пересилил себя и не отправил колдунью доучивать урок. Впрочем, колотить кобылу он всё равно не собирался: чать, не один день ей ещё везти поклажу.

Что девчонку нужно хорошенько приодеть в дорогу, Верд понимал, ещё только выезжая с ней из деревни. Но искать подходящие для верхового сапоги и плащ, защищающий от непогоды почище медвежьей шкуры, – дело долгое и хлопотное. Колдунья могла решить, что рискованное путешествие такой мороки не стоит, передумать. Теперь ей деваться некуда. Стало быть, можно отовариться в селении, примеченном загодя. Местечко немалое, жители ажно собственный храм заложили. Найдётся и торговец, и работа, чтобы товар оплатить. Да и ночевать в лесу в такую стужу, какую обещало чистое, искрящееся небо, удовольствие сомнительное. Поэтому охотник, не задумываясь, свернул туда, откуда паутинами тянулся дым из труб.

Вовремя, надо признать. Колдунья ёжилась, неосознанно плотнее прижималась к спутнику, дышала на озябшие пальцы.

– Не сдохни мне тут, – предупредил охотник, насильно надевая на её тонкие рукавички свои: тяжёлые, огромные, хоть сразу две кисти засунь!

– Мне не холодно! – попыталась возразить Талла, но тут же получила болезненный щелчок по пунцовому кончику носа.

– Поговори ещё – мигом в сугроб полетишь!

Каурка, больше всех утомившаяся за день, скептически покосилась на наездника. Копытная взяточница с ходу сообразила, что девчонка не скупится ни на ласку, ни на угощение, может втихаря сунуть сухарик под нос или вкусно поскрести у челюсти. А потому между суровым мужиком и ласковой девчушкой не выбирала. Якобы случайно она припала на задние ноги аккурат в тот момент, когда Верд отпустил поводья. Талла ухватилась за шею и удержалась. Охотник кубарем свалился на землю под ехидное ржание, мгновенно сменившееся выражением преданности на морде.

Задумчиво почесав отбитый зад, Верд изрёк:

– Не бить лошадку, говоришь? Я не буду её бить. Я её мяснику продам.

– Она просто устала!

Каурка непонимающе и подчёркнуто искренне взмахнула ресницами. Переступила на месте и повернулась к отряхивающемуся хозяину, чтоб тому удобнее было забираться обратно.

– Нет, спасибо. Дальше я пешком. – Мужчина легонько шлёпнул мерзавку по морде и оставшуюся версту шагал сам, втайне с огромным наслаждением разминая затёкшие ноги и место их соединения.

Без Верда Талла постоянно съезжала то на одну, то на другую сторону седла, не дотягивалась до стремян и так страдальчески кривилась, что и Каурка могла обзавидоваться. Последняя то и дело виновато тыкалась носом в плечо хозяину, но тот не оборачивался.

– Ну Ве-е-е-ерд! Ну я же соскальзываю! Ну мне холодно одной! – Девчонка болтала ногами, отчего держалась на лошади ещё менее крепко.

– А ты пробегись – мигом согреешься.

Шутки шутками, но Верд не просто так усадил колдунью всем на обозрение. Не шибко хорошо лишний раз привлекать внимание, того и гляди королевские прихлебатели явятся. Ну да от Больших Храмовников до короля ещё попробуй доберись. Пока весточка дойдёт, их с Таллой уже и след простынет. Ну и, сказать по правде, в сёлах никто особо королю не докладывает. Всяко магическая помощь здесь

и сейчас ценнее, чем благодарность от правителя когда-нибудь потом. А то ещё и по шее схлопотать можно за недостаточную расторопность: как так, дурная в селение заглянула, а вы её не задержали, в погребе не заперли? Не дело! Потому охотник не волновался, а, напротив, демонстрировал добычу всем и вся, придерживая Каурку за повод и неспешно пересекая деревню. Пока прошли от тяжёлых, но настезь распахнутых ворот до храма, блестящего от облепившего камни инея, Верд уже приметил трёх или четырёх особо заинтересовавшихся товаром людей. Глядишь, не только на тёплую одежду заработать удастся, но и про запас чего оставить.

– Как посмело ты, наглое, неугодное богам отродье, войти в ворота славного селения?!

Из храма, смешно шаркая пушистыми тапочками, прикрыть которые у рясы недоставало длины, выскочил сначала живот, а потом и сам служитель. Не решившись сосупить с порожка на неубранный покамест снег, он одёрнул передний край одеяния, дабы спрятать непотребство, но ткань сразу же снова собралась складками у брюха и обнажила обувку. Служитель принял позу оскорблённой невинности, заломив руки и отставив носок одной ноги, и обратился к небу:

– Бог с Ножом, оградитель и защитник, как ты допустил подобное святотатство? Колдунья, противная тебе, вошла в наш благословенный дом...

– Так у вас же ворота не заперты, – обезоруживающе улыбнулась Талла.

Толстячок недовольно зыркнул в сторону хамки, посмевшей нарушить его аудиенцию с богами, и продолжил играть на публику, коей собралось уже немало:

– Бог с Ключом, покровитель и кормилец, неужто жертв и молитв оказалось недостаточно? Ты решил испытать нашу веру, приведя в святую обитель эту противную тебе тварь?

– Но-но, – негромко, но веско вставил Верд.

– Эту дурную кровь, – поправился служитель.

Толпа, с большим интересом наблюдавшая за началом представления, сообразила, что ничего нового не услышит, и начала многозначительно безмолвствовать, зябко переминаясь на месте.

– Господин Санторий, – робко донеслось из задних рядов, – а мы сегодня линчевать дурную девку будем?

Патетично возведённый к небу взгляд оратора метнулся к Верду. Охотник осклабился и сложил руки на груди: линчевать, говорите? Ну-ну, попробуйте. Служитель равнодушно передёрнул пухлыми плечами и вернул взгляду праведную затуманенность:

– Разве имеем мы право судить тех, кого боги покамест не успели покарать? Разве Богиня с Котлом не завещала всем и каждому...

– Тогда мы пойдём, пожалуй, – заключила толпа. – Холодно. Да и вечерять пора. Помнится, господин Плессий нас по морозу не созывал...

– Грешники! – Короткий палец ткнул в самую гущу скопища. – Господин Плессий был слаб духом! И ваши слабости поощрял! Проповедь очищает, готовит ко встрече с богами, а вы предпочитаете пище ума животную трапезу?!

– Отчего ж токмо животную? – резонно возразил народ. – Мы и растительную того... В общем, пойдём мы, господин Санторий. Не обессудьте. Завтра с самого утра вашу проповедь и послушаем. Небось не устареет.

Ещё с минуту служитель пучил глаза и возмущённо тыкал перстом в безоблачное небо, откуда почему-то не спешили спускаться и карать неразумную паству (а заодно вознаграждать верного слугу) терпеливые боги. Поэтому перст переместился чуть правее, чтобы указать на грудь хмурого мужика со шрамом, перечёркивающим добрую половину лица.

– А вы, проклятые Тремя глупцы... – начал служитель столь же вдохновенно, но мотнул головой, перестраиваясь, и закончил буднично и вполне доброжелательно: – Зашли бы внутрь, а то я уже пяток не чувствую.

Верд не заставил просить себя дважды. Только спихнул с седла колдунью и вручил вертящемуся рядом мальчишке-конюху повод Каурки. Пацан протянул обветренную ладонь, и охотник с готовностью пожал её. Мальчишка растерянно уставился на руку, в которой, как ни крути, не появилось ни монетки.

– Сделаешь всё как надо, получишь вдвое больше обычного, – предупредил охотник. – А увижу, что схалтурил... – Верд криво улыбнулся, чем сразу же добавил халтурщику трудового энтузиазма.

Забрав поклажу, охотник наконец позволил себе, а заодно окоченевшим Талле и Санторию спрятаться от холода в храме.

– Проклятый Тремя глупец ещё не решил начать праведную жизнь и посвятить себя служению высшим силам? – торопливо, приплясывая от холода, уточнил толстячок.

– Может, как-нибудь потом, Санни.

Верд бросил на пол сумки и с готовностью раскрыл объятия.

– Вот и чудненько, а то я поставил греться вино, как только увидел тебя из окна.

Благочестивый служитель храма по-дружески облапил гостя и не иначе как при помощи колдунства достал из рукава аккуратненькую, но вместительную фляжку. Приложился, сыто крякнул и пустил по кругу.

– Тоже мне, слуга богов, – усмехнулся Верд, внося посильную лепту в уничтожение греховной жидкости.

Талла со всей внимательностью досматривала рясу служителя, выясняя, откуда возникла и куда исчезла фляжка, а главное, как под тканью уместилось блюдо с наскоро нарезанными бутербродами. Последнее делала, уже снимая пробу с яства, дабы удостовериться, что коварный служитель не обманул её зрение.

– Божественное чудо, не иначе, – пришла к выводу колдунья.

Храм оказался хоть и здоровенным, но на три четверти заброшенным. Санни заботливо вручил гостям веник, чтобы отряхнуться от снега, после чего ещё долго петлял тёмными коридорами, прежде чем вывести в просторную залу с приторным запахом благовоний.

Лица Троицы Богов на многочисленных гобеленах, закрывающих трещины в каменной кладке, выражали тщательно скрытое раздражение и чётко отмеренную безмятежность. Ключ, Нож и Котёл в алтаре, которым полагалось бы сиять золотом, мерцали тускло, едва ловя отражение свечей.

– Пустовато у тебя, – отметил Верд. – Где же толпы страждущих благодати?

Санни торопливо что-то прожевал, походя поправил покосившуюся свечку, грозящуюся подпалить тканую длань богини, и махнул рукавом:

– По домам сидят, жалуются на раннюю зиму. Как Плессий пропал, вовсе ходить забросили. А вот молились бы летом усерднее, жертвовали бы монетку-другую на храм...

– Тогда что? Погреба стали бы полнее у них?

– Этого я знать не могу, – с достоинством ответил толстячок. – Зато скромный служитель не задавался бы вопросом, как пережить ближайшие полгода.

– Талла, прекрати расковыривать алтарь! – одёрнул колдунью Верд.

Но дурная, ничуть не смутившись, сунула ему под нос кривую куколку, слепленную из накапавшего на подсвечники воска:

– Глянь, это ты!

Изображение охотнику не польстило, и он в сотый раз напомнил себе, что за придушенную (даже немножечко!) колдунью платят меньше, чем за полноценную.

– А у девушки определённо есть талант, – оценил работу Санни и, гнусно захихикав, откинул ткань с посечённым молью изображением Котла. Изображение оказалось символичным: за Котлом обнаружилась дверца в жилую часть храма и кухню. – Проходите, гости дорогие!

– Иди-иди, – поторопил спутницу Верд. – Здесь тебя линчевать некому. Санни – мой старый добрый недруг.

Служитель сложил ладошки у груди, попытавшись скопировать позу и укоризненный взор Бога с Ножом:

– Я лишь не оставляю надежд наставить заблудшую душу на путь истины и увести подальше от греховной доли.

– Попутно помогая мне разделять тяготы греховного существования, – охотно поддакнул Верд, по-хозяйски заглядывая в котелок. – Вино согрелось.

– Душа сильна, но тело слабо, – тоненько пропел Санни, подставляя кружку.

Талла устроилась на краю широкой скамьи, некогда вмещавшей целый десяток братских, закалённых молитвами задов, и, скинув валенки, с огромным удовольствием прислонила ступни к печке.

– Моё тело тоже слабо, и мне налейте, – попросила она.

Верд приподнял бровь, но справедливо рассудил, что девица выросла в деревне, а стало быть, чего-чего, а пить умеет. Зря, как выяснилось позже.

Наметав на стол скудную, по меркам среднестатистических храмовников, трапезу (пара колец копчёной колбасы, кадушка

квашеной капусты, запечённая репа и остатки холодной жирной каши), Санни опустил пышный зад напротив Таллы и поинтересовался, глядя на неё, а не на Верда:

– Какими судьбами в наших краях, старый недруг? Неужто всё же решил взяться за очищение души?

Охотник отхватил добрую половину колбасного кольца за один укус и сделал большой глоток пряного согревающего напитка.

– Насчёт души не скажу, а вот с телом можно попробовать. Баньку нам растопишь, Санни?

– Я что, постоянный двор? – взбунтовался тот. – Или бесплатная obsлуга? Может, ещё и штаны тебе постирать?

– Если не затруднит, – невозмутимо кивнул Верд. – На постоялом дворе денег хотят.

– Так и я хочу!

– Тебе не полагается – ты служитель храма.

– Вот на его-то нужды мне и надо! Нынче, чтобы возжечь огонь веры в сердцах страждущих, знаешь ли, нужно хорошо так вложиться! Чтобы на каждом углу менестрели про тебя легенды складывали, чеканной монетой поделиться призывали...

– Это те, которые пели про службу, нажравшегося в «Трёх поросятах» так, что его приняли за четвёртого?

Охотник невинно рассматривал короткие обгрызенные ногти, словно ни на что не намекая, но Санни всё равно вспыхнул:

– Невозможно прийти к свету, не изведав тьмы!

– И как, хороша она на вкус?

Талла крутилась, поворачиваясь то к одному спорщику, то к другому, и наконец заключила, напрягая губы, чтобы не рассмеяться:

– Знаете, мне почему-то кажется, что вы друзья.

– Нет!

– Даже не близко! – хором возразили мужчины.

– Значит, показалось, – покорно согласилась колдунья, пряча хитрющую улыбку.

Верд смерил Санни и Таллу пристальным взглядом и осторожно, тщательно подбирая слова, сообщил:

– Девчонку вот взялся проводить. Путник из неё, правда, смех и слёзы. Купить бы приличной одежды да тёплые сапоги.

– Побойся богов! – Толстячок вскочил с места, шлёпнув на стол пухлые ладошки. – У самого в закромах ни медьки!

– Я похож на побирушку? – холодно поинтересовался охотник. – Нам нужна работа.

Служитель деловито надул щёки и сцепил пальцы поверх пузика.

– Ну ты же понимаешь, что в моём селении неуютное богам колдовство творить никак нельзя...

– Разве я спрашивал разрешения?

– Не припомню ни единого такого случая. – Санни едва успел схватить последнюю колбасину с тарелки и одобрительно зачавкал. – Ладно уж, – смилостивился он, облизывая пальцы. – У меня есть работа. Но не для девушки, а для тебя.

Верд долго рассматривал отборную (в смысле, отобранную у приятеля) половину колбасного кольца и будто бы нехотя подпихнул её к Талле. А то тощая такая, того и гляди кони двинет. Бросил, чтобы его вдруг не сочли излишне жалостливым:

– Вот у кого задница мёрзнет, тот пускай и зарабатывает себе на сапоги.

– Давайте! – Колдунья с готовностью подскочила: хоть сейчас за работу! – По хозяйству помогу, за живностью могу приглядеть!

– И чем же ты поможешь, деточка? – как к болящей, обратился к ней Санни. – Коров пасти? Самое время. Доить? Так чужачку ни одна хозяйка к животине не подпустит. Танцы вокруг стада танцевать станешь?

– Почему же? – Талла изобразила, что убаюкивает младенца. – Я их могу обнимать и целовать! В нос!

– Под хвостом ещё поцелуй, – сплюнул Верд, прикидывая, что, если дура сейчас же не доест мясо, придётся ей помочь.

Бурчал охотник больше по привычке. Если уж сказать честно, примерно так он работу колдуны и представлял: поцелует, погладит, тем самым вытянет хворь, если какая змеёй затаилась под шкурой.

– Ладно уж, какая у тебя работа, Санни? Помогу по старой памяти.

– Сущяя безделица, право! – Окончание фразы служитель пробулькал в кружку с вином: – Идетохаме аася уутоерьь.

– Чего?

– Идетохаме аася уутоерь! – прогудела кружка чуть более раздражённо.

– Санни, кончай придуриваться! Что у тебя случилось?

Господин Санторий поднял очи от вина и поспешил перевести их на забытую всеми кашу.

– Где-то в храме завёлся лютозверь.

И залпом опустошил чашу, точно это могло хоть как-то спасти ситуацию.

– А может, я лучше корову под хвост поцелую? – прозвучал робкий голосок Таллы в напряжённой тишине.

Глава 3

Не всякий зверь – лютый

Как оказалось, пить Талла не умела. К сожалению, Верд осознал это только тогда, когда что-то делать стало уже поздно.

– Вези меня, мой верный конь! – С третьей попытки колдунья выбрала из нескольких двоящихся Вердов правильного и попыталась взобраться к нему на плечи, одновременно указывая путь в глухую стену. Афера не удалась, но попытки девушка прекращать не собиралась.

– Женщина есть греховный сосуд, способный токмо уводить мужей с пути истинного, – икнул тоже изрядно захмелевший Санни. – И я вообще-то оскорблён, что его, – навалившись пузиком на стол, он ткнул охотника в грудь, – его ты с пути уводишь, а меня нет! Мой путь всяко праведней!

– Рожей не вышел, – польщённо хмыкнул Верд, в очередной раз ссаживая Таллу на скамью. – Угомонишься ты или нет, дурная?

Девушка активно замотала головой:

– Нам сегодня лютозверя ловить! Мне угонима... у-го-ни-ма-вы... тьфу! Никак нельзя, в общем!

– Нормальных не нашёл, – ответил охотник на безмолвный вопрос служителя. – Видать, теперь все колдуньи малость на головку пришибленные.

– И ничего я и не пришибле... ой!

Сверзившись, Талла внезапно поняла, что устроилась невероятно удобно, а потому, не теряя времени, тут же и уснула: с раскинутыми руками и заброшенными на лавку стопами.

– А вот теперь, пожалуй, немного пришибленная, – сонно пробормотала она.

– Если каким-то чудом я доведу её живой, – Верд приподнял и сбросил на пол сначала одну, потом вторую ногу колдуньи, – пожертвую твоим богам золотую монету.

– Так уж и золотую? – Санни обнюхал опустевшие чашки и с тоской признал, что ни в одной из них не осталось ни глотка хмельного.

– Ну на медьку они рассчитывать точно могут, – хмыкнул охотник, перекидывая ровно посапывающую девчонку через плечо. Вот так бы её и везти: тихая, спокойная, не суетится и не задаёт глупых вопросов. – Показывай, куда эту ненормальную положить. И давай о деле. Лютозверь?

– Шалит с полгода как. – Служитель побежал впереди, пузом распахивая двери. – Летом не слишком-то беспокоил, видать, всё больше по полям бегал. А как похолодало, обосновался в храме. Пока Плессий, да обрадуются ему боги, был с нами, прихожане толпились здесь днями и ночами. А нечистые твари не любят толпы, потому и не совались. Но одинокий служитель – лёгкая добыча.

Он обеспокоенно ощупал живот.

– Знаешь, Верд, мне иногда кажется, что лютозверь охотится за мной лично. Других смертей в деревне пока что не было. Куры пропадают, двух телят недосчитались. А люди все в целости, даже никто по пьяни в колодезь не свалился или не заплутал в лесу.

Санни пошёл медленнее, чтобы поравняться с приятелем. Поджал губы, точно очень хотел, но не мог сказать что-то важное.

– Совсем молоденькая, – отметил он, кивая на мотающуюся туда-сюда белоснежную косу колдуньи.

– А дури на десяток старух хватит. Не отвлекайся. Размеры? Когда появляется?

– Я видел его только издали и в темноте. А потому, сам понимаешь, показался не меньше быка. Верд, я обещал впредь молчать, но...

– Вот и молчи! – рявкнул охотник. – Наши пути разошлись. У тебя своя работа, у меня своя. И мы поклялись не учить друг друга жизни.

– Но девочка же...

– Вполне себе взрослая! Ей замуж давно пора, а не в одинокую знахарку играть! Благодаря мне она устроится куда как лучше, чем в своей избушке! У неё в стенах щелей было больше, чем брёвен!

– И что же, лучше стать куклой для какого-нибудь богача?!

Руки Таллы мотнулись, точно и правда были кукольными. Она пробормотала сквозь сон что-то ласковое и поёрзала на широком плече.

– Да. Лучше, чем дожидаться, пока в голодный год односельчане сдадут её королю и порадуются казни.

– Она хоть знает, сколько ты за неё получишь?

– Не нужно, Санни. – Верд остановился и прошил служителя взглядом, точно прибывая к старому гобелену. Спокойно, но веско. Без лишних слов, одними раздувшимися ноздрями давая понять: друг или нет, но святоша лезет не в своё дело.

Толстячок и не попытался выдержать суровый взгляд. Сразу наклонил голову, сдаваясь, и прошептал:

– Я понял тебя. Лютозверь появляется после полуночи. Откуда-то с северной части храма, она уже лет пятнадцать как нежилая...

Верд удовлетворённо кивнул: кажется, Санни и правда всё понял.

Значит, после полуночи... Несколько часов кряду пялиться в темноту, фантазиями возвращая мышинный шорох до скрежета слюнявых челюстей точно не стоит. Но и засыпать, если по-хорошему, тоже нельзя. Потому охотник позволил себе слабость: всё-таки потребовал баню, дабы, в случае чего, монстра не слишком мучило несварение.

– А то за такую трапезу лютозверь тебе спасибо не скажет, – добавил он.

– Не о телесной чистоте нужно заботиться, а о духовной, – нравоучительно изрёк Санни.

Верд демонстративно принял:

– То-то я чую, ты давненько не предпочитал духу тело...

– Хватит с тебя и бадьи, – вспыхнул служитель, украдкой занюхнув подмышку и тут же брезгливо поморщившись. – Сам воды нагреешь и наносишь. Не знатный господин.

Охотник ухмыльнулся: проси гору золота, если хочешь получить хоть один кошель. Это правило он усвоил давно. Потребуй он у Сантория сразу бадью, получил бы таз с холодной водой. Не благородный господин, правда что.

Санни он отправил греть воду. Служитель заупрямился: как так, оставить невинную деву наедине с беспринципным наёмником?! Но когда Верд охотно предложил ему присоединиться в качестве третьего, смутился и сбежал.

Колдунье выделили одну из многочисленных пустующих келий. Давненько подсвечники храма не звенели от слаженного хора братьев. Видно, достоинства праведного образа жизни уступили соблазнам мирского. Неудивительно, что в пустынном каменном мешке завелась

хищная тварь. Больше странно, что одна. Люто-звери редко наслаждаются уединением, предпочитая собираться в стаи. И вот тогда-то против голодной своры не поможет ни меч, ни тем паче молитва.

Комнатушка Талле досталась прохладная и уж точно не уютная, но с крепким засовом на случай, если нечисть унюхает лёгкую добычу, и толстыми стенами.

Не слишком осторожно сбросив ношу на кровать, Верд приостановился. Выругался сквозь зубы, порылся в пыльном сундуке и небрежно набросил поверх свернувшейся клубочком девушки тонкое одеяло.

– Совсем молоденькая, – вполголоса припомнил он слова Санни и недовольно резко выдохнул: у молоденьких девочек небось слишком мелкая рубашка не топорщится на груди, а завязки не расходятся в стороны, маня проверить, что там за ними спрятано. Была бы девка умная, выскочила бы замуж в этом году, а то и парой лет раньше. Красивая ведь, хоть и дурная. Небось нашёлся бы олух, согласный связать себя с неугодной богам колдуньей. И может, тогда Талла была бы в безопасности: мужних ищейки короля почти что и не проверяют. Всем известно: дурная в семье – горе на весь род, да к тому ж и потомством обзавестись не выйдет.

Но устроилась бы! Жила спокойной жизнью, а не ёжилась на твёрдой кровати, точно продрогший зайчишка! Дура!

Верд не удержался, присел рядом и, демонстративно глядя в сторону, подтянул повыше одеяло, закрывая проклятую шнуровку под тонкой девичьей шеей. Постарался не задеть ладонью, даже случайно. Кто её знает, колдунью эту? Лежит, что тонкая ледяная статуэтка: красивая, нежная. Так и тянет обвести пальцами вздёрнутый носик, смешливо поджатые губы, жилку на шее, ныряющую за ворот... А тронешь – растает. И нету красоты. А то ещё уронишь случайно, разобьёшь на мелкие кусочки, и никто так никогда и не увидит, не узнает, что была на свете эдакая невидаль.

Её бы на полку, чтоб никто не трогал, да на ключ в дальней комнате. Кукла... Красивая будет кукла. У кого-то.

Резко мотнув головой, охотник отвернулся, убрал с лица прядь пепельных волос, как нарочно, всегда лезущих в глаза. Не про него такая кукла, нечего и разглядывать.

Больше не оборачиваясь, размашистым шагом вышел из кельи.

Другое дело – горячая вода! Вот это радость для таких, как он! Охотник уже и не помнил, когда в последний раз доводилось не наскоро ополоснуться над ведром, а то и над ледяным ручьём, а с наслаждением скинуть штаны и целиком погрузиться в бадью. Да в жаре, не хуже бани! В закутке на кухне, отгородившись занавеской, чтобы тепло медленнее уходило, спиной чуя пыхтение печи... Старые шрамы, обласканные мыльной водой, кажется, стали ныть чуть меньше, а уж какая благодать для изнурённых долгим путешествием мышц! Точно женщина ласкает, гладит напряжённые плечи, дышит в ухо.

Непростительная слабость! Но Верд так и не заметил, когда задремал.

Наверное, сон был очень приятным. Глубоким и тягучим, как золотистые ленты мёда, похожие на жидкое солнце. Они стекали по спине, щекотали лопатки. И ветер пах весной и талым снегом, путался в волосах, тянул за ухо... Упорно тянул, терпеливо, до боли...

– Верд! Ве-е-е-ерд! – шёпотом звал ветер.

Тело среагировало быстрее, чем проснулось. То не ветер дёргал его за ухо, лохматил волосы и тряс плечо.

– Верд! А-а-а-ай!

Кого другого, наверное, удалось бы только сбить с ног, чтобы выгадать мгновение дотянуться до меча. Но Талла, лёгкая, тонкая, да к тому ж ещё слегка пошатывающаяся после хмельного, с воплем плюхнулась прямо в бадью.

Трепыхаясь, озираясь, не успев сообразить, что произошло, она визжала, вместо того чтобы выглянуть из-под слипшейся чёлки и удостовериться, что всё в порядке.

– Убива-а-а-ают! Убивают же?! – неуверенно уточнила она.

– Да кому ты нужна! – простонал мужчина, которого поганка ушибла в единственное покамест бережённейшее от травм место.

Талла замолчала так же резко, как начала орать. Замерла, аккуратно поделила чёлку пополам, словно раскрывая занавески:

– Ой, так я, выходит, зря перепугалась?

Рассмеялась, как ни в чём не бывало плюхнулась в воду, изрядно её при этом расплескав, откинулась назад и невозмутимо поинтересовалась:

– Ты тут как?

– Пока ты не явилась, был в порядке, – прорычал охотник, попутно отмечая, что мыла в бадье почти что и не осталось.

Талла развела руками, отчего старательно нагребённая Вердом пена снова разлетелась по краям.

– Я не виновата. Показалось, пыхтит кто-то за дверью, я и пошла тебя искать.

– Вместо того чтобы запереться и не высовывать носа?

– А вдруг бы с тобой что-то случилось? – лукаво подмигнула колдунья.

– Со мной и случилось! – Верд сгоряча шлёпнул по воде и подумал, что, если так и дальше пойдёт, сидеть ему в пустой бадье голым под надзором синих глаз. А учитывая, что кипяток совсем остыл, пока он дрых, сидеть будет крайне обидно. – Ты со мной случилась, ненормальная! Пошла вон отсюда! Хоть бы смутилась для приличия!

– А то я не знаю, где в мужской бане глазок проделан, – фыркнула колдунья. – Напугал, тоже мне.

И тут охотник разозлился. Девчонка ещё не поняла, что он с ней не шутки шутить собирается? Он подался вперёд и навис над ней, заставляя либо нырнуть, либо зажмуриться, чтобы спрятаться от колючего взгляда:

– Послушай, девка. Ты, видно, ещё не уразумела, с кем связалась. Я не друг тебе, не побратим и уж точно не муж. Я лишь не хочу, чтобы ты сдохла раньше, чем доберёшься до города. Но, честное слово, если это всё-таки случится, не слишком расстроюсь.

Её рот приоткрылся, вот-вот мелко задрожит и выпустит наружу накопившиеся рыдания! И польётся рекой всё, что девчонка сдерживала раньше: все страхи, обиды, всё одиночество выплеснется, как вода из бадьи!

– Поняла?! – гаркнул Верд, сердито засопев.

Колдунья едва заметно опустила подбородок, кивая, но остановилась. Уставилась исподлобья и... улыбнулась.

– А мне кажется, – и голос её был твёрд, точно говорила немолодая прошаренная баба, а не напуганная девка, – что я нужна тебе едва ли не больше, чем ты мне. Действительно считаешь, что я жила в своей избушке на отшибе и знать не знала, кто такие охотники?

Улыбка стала шире. Верд хотел ответить что-то. Что-то резкое, злое, что-то, что заставит колдунью замолчать... Но она набрала в грудь воздуха и нырнула, выражая полнейшее пренебрежение мнением мужчины.

Вода словно мгновенно нагрелась. Верд выскочил как ошпаренный, а Талла как ни в чём не бывало вынырнула, утёрла лицо и поднялась в полный рост. Тонкая рубашка облепляла тело, мешала перенести бледную ножку через бортик. Колдунья невозмутимо ступила на пол, ничуть не заботясь о стекающих на него струях, глядя прямо на Верда, нащупала утиральник на печи, промокнула волосы, скомкала и бросила охотнику. Ну и кто тут теперь жертва?

– Ну всё, девка, – он обвязал полотенцем бёдра и угрожающе шагнул вперёд, – зарвалась.

Она округлила глаза, от чего они ещё больше стали походить на ледяные озёра, и шумно сглотнула слюну.

– Ой-ёй.

– Иди-ка сюда, – почти ласково позвал охотник.

– Ёй-ёй-ёй! – продолжила девушка.

– Сюда иди, сказал! – рыкнул Верд, делая резкое движение и подсекая рыбку.

Талла завизжала, бросилась влево, пытаясь обогнуть мужчину, поскользнулась на натёкшей мыльной жиже. Мгновение, когда мужчина заломил ей руку, не давая двигаться, колдунья и вовсе упустила. Он приподнял её, давая касаться пола лишь носочками, и хорошенько припечатал ладонью по ягодице.

– Наглых девок полагается учить уму-разуму, – напутствовал он, шлёпая во второй раз. Талла пискнула, дёрнулась, но куда там?! Не вырвешься! – Девкам, которые никак не уразумеют, кто в отряде главный, науку передают оплеухами.

Шлепок!

– Ай! Ну хватит, хватит! Я всё поняла! – взмолилась Талла, пытаясь вывернуться.

– Что ты поняла?

– Что ты сильнее, упрямее и дурнее! – вырвалось у неё. Колдунья тут же прикусила язычок, но сказанного не воротись.

– Сильнее? – Шлепок! – Это да. Упрямее? – Шлепок! – Точно! Как ты там дальше сказала?

– Уи-и-и-и! – прохныкала Талла. – Дура-а-а-ак!

– Я в умные и не метил! А вот тебя поумнеть заставлю. Ну-ка пошли!

Рано колдунья обрадовалась: едва выпустив её руку, охотник намотал на кулак мокрую косу. Потянул в сторону двери, распахнул...

Снаружи стоял лютозверь с занесённой для стука лапой. И он действительно был размером с быка.

– Мы, наверное, очень шумели, – прошептала Талла, пытаясь воспользоваться ситуацией и высвободиться. – Извините, пожалуйста.

Верд же вежливостью никогда не отличался. Он одновременно отпустил и отпихнул Таллу в сторону одной рукой, а вторую сложил в кулак и направил прямо в изумлённую клыкастую морду, которую зверь чуть наклонил, чтобы заглянуть в проём.

Приветствие хищнику не понравилось. Он зарычал, хватаясь передними чуть коротковатыми лапами за морду, огромными волосатыми плечами задел дверь. Та стукнулась о стену и с удвоенной скоростью полетела обратно, чтобы припечатать монстра ещё и по затылку.

Дважды благословив богов, с которыми, вообще-то, никогда не был в хороших отношениях, охотник метнулся к сваленной на скамье куче одежды, венчал которую меч. Какое же счастье, что Верд достаточно подозрителен и недоверчив! Не захвати он с собой оружие, спасся бы, только скормив лютозверю добычу послабее и повизгливее.

Вышеупомянутая добыча, быстро осознав, что визг делу не поможет, ухватилась за кочергу и принялась размахивать ею. Больше покамест страдала кухонная утварь, ну да хоть мешать дурная не станет.

Лютозверь был поистине огромен. Волосат, мышцат, зубаст. Будто перемолотый жерновами бык, которого строптивый мальчишка попытался собрать заново ради игры в войнушку. Клыки торчали неровно, во все стороны. Устрашать врага годится, а вот как рвать и жрать, когда настигнешь его и победишь?

– А-а-а-а-ар-р-р-р! – постаралась тварь донести до Верда своё негодование, и ответ на вопрос сразу нашёлся: помимо торчащих во все стороны клыков, в пасти имелось ещё два ряда ровных треугольничков, отличающихся белизной и остротой.

Не желая упускать столь удачную возможность, охотник плеснул в глотку первое, что попало под руку. Попался ковшик с обмылками, над которым мужчина успел побриться с вечера, так что зверь, распробовав, обиженно рывкнул и полоснул когтями.

Мимо.

Верд кувыркнулся, проскочил меж мощных длинных задних лап, созданных для того, чтобы загонять добычу, выскочил в коридор и, продолжая движение, наподдал монстру под зад, чтобы тот не вздумал сунуться в кухню.

В просторном храмовом коридоре нелюдь ориентировался с трудом, неповоротливо задевая колонны и роняя лампы, точно собственные габариты неприятно удивляли его. Но для охотника это только на руку.

– Ыр-р-р-р! – недовольно заурчал зверь, случайно намотавший на лапу цепочку масляного светильника, с корнем вырвал крепление из потолка и тут же попытался пристроить на место. Не удалось, ясное дело. Только гобелен со стены снёс. Ветхая ткань зацепилась за костяные наросты вдоль хребта и принялась развеваться, точно рыцарский плащ.

– Что, приятель, денёк паршивый выдался? – Верд сорвал полотенце с бёдер, резко хлестнул им по глазам твари.

– Фью-фью, – немислимым образом присвистнула она, оценив телосложение обнажённого охотника.

– Но-но! – пригрозил он. – Не для тебя роза цвела!

Лютозверь оскорблённо отшатнулся: недоодетый (или перераздетый) мужчина интересовал его в последнюю очередь! Монстр подобрался, напряг мускулистые ноги и прыгнул, преодолев коридор почти до самого конца. Испугайся Верд, побеги от зверя, точно угодил бы в когти. Но он, наоборот, побежал навстречу и снова оказался за спиной врага, к тому ж успев полоснуть его мечом поперёк спины. Гобелен, временно исполняющий обязанности рыцарского одеяния, удалось раздрать от начала до конца, а вот спину, защищённую панцирем и толстой шкурой, повредить не вышло.

– Плохо дерёшься, – процедил охотник. – Без огонька.

С этими словами он подхватил с пола масляную лампу и зашвырнул вперёд, пока медлительный лютозверь не успел развернуться. Хорошо горит масло! Легко занимается, ярко! К тому ж

старый, уродливый гобелен давненько просился в костёр. За секунду-другую пламя перекинется на мохнатую шкуру. Главное, уследить, чтобы тварь не умчалась в глубь храма и не устроила пожар. А как обезумеет от страха, можно и закончить её мучения клинком.

Но, как известно, если не знаешь, чем испортить дело, позови бабу.

Боевой клич у Таллы вышел хороший, звонкий. Нет бы спрятаться в уголке да подождать, пока воин разберётся. Так нет же, влезла!

– Спасайся кто может! – прокричала колдунья и с воодушевлением принялась... сбивать с лютозверя огненные языки!

– Ты что делаешь, идиотка?! – Верд бросился перехватить её, но проклятая девчонка успела сорвать кочергой горящую ткань. Подпалины на шерсти нелюдя остались, но смертельной опасности они не несли.

Пришлось, рискуя собственным животом, хватать девку поперёк пояса, отгаскивать, пока монстр, не осознавший ещё, что спасся, катался по полу, избавляясь от потухшего уже огня.

– Жить надоело? Он сожрёт тебя и не поперхнётся! – Так бы и вlepить затрещину по этой упрямой мордашке, чтобы искрящиеся глаза наполнились слезами, чтобы не смотрели на Верда как... как на дурака.

Не пытаясь сопротивляться, Талла выглянула из-за плеча охотника и обратилась к лютозверю:

– Ты собираешься меня сожрать?

– А-а-а-а-ар-г-х!

– По-моему, звучит вполне доброжелательно, – заключила колдунья.

– Доброжелательно?! Это?! – Верд обвинительно ткнул мечом в сторону лютозверя.

– Аргх? – не меньше удивился монстр.

– А ты смог бы разговаривать более внятно с такой-то челюстью?

– С такой челюстью я бы жрал людей!

– Ты – да, – насупилась колдунья. – Не сомневаюсь. А вот лютозверь никого, кроме живности, не ест, умничка такая.

Монстр смущённо шаркнул ножкой и махнул лапой: дескать, да ладно вам!

– Откуда ты знаешь?

– А ты тоже это знаешь. Просто не помнишь. Санни сказал, что с тех пор, как лютозверь появился в селении, ни одного человека не пропало. Уверена, зубастик ещё и из леса выводил заплутавших. Так, зубастик?

Тот глухо рыкнул, а потом уселся на корточки в противоположном конце коридора, как дворняга какая, и тоскливо, протяжно завыл.

– Бедняжечка! Разве ты не слышишь, Верд? Он расстроен!

– Он жрать хочет!

– Хочет, – согласилась девушка. – Но тебя всё равно не сожрал, хоть и мог бы. Пусти!

– Вот ещё!

– Пусти, Верд! Он пытается что-то сказать!

Нелюдь и правда пытался. Не слишком успешно, объясняясь отрывистыми жестами, меняя интонации рычания.

– Что из тебя выйдет отличное жаркое! – подсказал охотник.

– Ой, это же шарада! Он показывает шараду! – восторженно завопила Талла и завертелась таким угрём, что удержать её под мышкой стало решительно невозможно. – Это он! Он показывает себя!

Девчонка заплясала на месте от нетерпения, а люто-зверь совершенно по-человечески принялся водить лапами. На всякий случай Верд поудобнее перехватил меч, но, чуть погодя, и сам увлёкся загадкой.

– Он показывает, что он идёт.

– Да какое идёт? – поправил Верд. – Лыжи он показывает! Лыжи!

– Идёт!

– Р-р-р-ра! – прервал спор лютозверь, указал когтем на Таллу и коснулся кончика крючковатого носа.

Колдунья показала язык и пихнула наёмника:

– Видишь? Я же говорила. Идёт. Куда ты шёл, зубастик?

Лапа обвела своды храма.

– Здесь? Ты ходишь здесь?

– Мы и так это знаем, – раздражённо буркнул охотник, перекидывая меч из руки в руку. – И нам это не нравится!

Талла зыркнула на мужчину и поджала губки.

– Ну что ж ты такой глупый? Он показал, что это случилось давно, а лютозверь когда завёлся? С полгода? То-то же!

Охотник нахмурился:

– Девка, это всё Санни говорил мне. Наедине. Пока ты спала без задних ног.

– Выходит, что с ногами, – пожала плечами колдунья и лукаво сверкнула очами. – Так, не отвлекайся. Что дальше, зубастик? Песочные часы? Груша?

– Бабу он показывает, – усмехнулся Верд, с ходу распознав формы, обрисованные зверем в воздухе. – И ещё показывает, что она колдовала. Как ты.

Талла подскочила на месте и захлопала в ладоши:

– Баба! Колдует! Это получается, что зубастика прокляли!

– Р-р-р-р-ра-а-рх! – горестно завыл лютозверь.

– Я знаю, что нужно!

Сообрази Верд, что эта ненормальная собирается делать, он успел бы её остановить. Но кому ж придёт на ум, что молодая красивая девица на полном серьёзе помчится к уродливой зубастой твари, чтобы смачно и звонко чмокнуть её в клыкастый рот?!

И самое обидное, что это ещё и помогло.

Громыхнул гром (потому что всем известно, что любое проклятие снимается исключительно под аккомпанемент грома), многочисленные светильники зашипели, грозя потухнуть, и сразу же взметнули огоньки до потолка. А потом всё успокоилось. Только на месте лютозверя сидел грязный отощавший немолодой мужчина с крючковатым носом.

У нынешнего служителя храма была одна крайне удобная черта: Санни всегда являлся на драку к шапочному разбору, а помощь предлагал ровно тогда, когда и без него всё успевали сделать. Вот и сегодня, явившись на грохот и крики, прикрывший голову кастрюлей и вооружившийся подсвечником, он застал лишь счастливую Таллу, изумлённого Верда и...

– Господин Плессий?

Старший служитель храма Трёх Богов хотел было встать во весь рост, но, обнаружив отсутствие густой шерсти по всему телу, предпочёл остаться на полу. Верда же подобные мелочи не смущали, и он нагло проигнорировал укоризненное покашливание приятеля, накинув полотенце на сгиб локтя, да ещё и выставив вперёд одну ногу.

Бывший лютозверь, растеряв навык, с некоторым трудом проговорил:

– Здравствуй, брат Санторий. Надеюсь, за время вынужденного отсутствия начальства ты не весь приход разогнал?

Глава 4

Где дорога, там и путь

Несмотря на столь отчётливое урчание живота, что оно заглушало слова, господин Плессий сначала закончил утреннюю благодарственную молитву и только потом соизволил сесть за стол. Верд не терял времени и, пока служитель вдохновенно ораторствовал, активно двигал челюстями. Жевалось плохо, хотя он и выбрал наименее чёрствы́е куски хлеба из предоставленных сомнительных разносолов. Почему всем продуктовым запасам начальник местного храма предпочёл сухари и воду, пока оставалось загадкой.

– Дом богов – ваш дом. – Для большей убедительности Плессий обвёл рукой мокрую кухню, усыпанную слоем разбитой в схватке посуды. – Прошу принять скромное угощение, посланное нам Богиней с Котлом.

– Да, вижу, скромностью она не обделена. – Хлеб во рту охотника хрустнул так подозрительно, что он незаметно проверил языком целостность зубов.

Талла грызла свой сухарик, как белочка, откусывая по крохотному кусочку, и тоже с тоской вспоминала вчерашний ужин с Санни.

– Пост есть высшее благо, – нравоучительно изрёк Плессий, с усилием надкусывая краюху. – Я благодарен богам за избавление от проклятия, которым те благословили меня.

– Благословили? – удивилась колдунья.

– Богам благодарен?! – возмутился охотник.

Служитель сложил ладошки на груди и вскинул серы очи к закопчённому потолку:

– Трое даровали мне прозрение! Я был слеп и глух, недостаточно усердно молился, и высшие силы оделили своего слугу полугодом уединения! Они защитили меня от мирских соблазнов, я же в скудоумии своём потратил время на попытки объясниться с младшим служителем! А ведь мог бы посвятить его куда более важным вещам! Мог бы очищать дух с тем же усердием, с каким брат Санторий сейчас очищает котлы!

Брат Санторий, на котором тут же остановились три взгляда, лучезарно улыбнулся и с неисчерпаемой радостью скрежетнул щёткой по таре, хранящей ещё прекрасный аромат глинтвейна.

– Да благословенна будет Троица Богов, – процедил он сквозь зубы, – за то, что вы, брат Плессий, вернулись. Уж теперь-то паства будет счастлива и снова к нам повалит!

Служитель сёрбнул водой в чаше и с прискорбием отметил:

– Удержать паству ничуть не легче, чем привлечь. Не вини себя, брат, за то, что не сумел поддержать огонь веры в их сердцах в моё отсутствие.

– Пока вы не напомнили, брат, я и не собирался. – Санни провёл щёткой по котлу с таким видом, точно хотел перерезать начальнику горло. – Но теперь уже вряд ли сумею избавиться от этой мысли.

– Ничего-ничего, мы отчистим храм от пыли и грязи, подновим алтарь, заделаем трещины в стенах...

– Мы? – подозрительно уточнил Санни.

– Я возьму на себя тяжёлую ношу: стану молиться и восхвалять твой труд, брат!

– А может, лучше я помолюсь, а вы с извёсткой по коридорам побегаете?

Плессий усмехнулся, словно услышал хорошую шутку, и погрозил пальцем подчинённому.

– Подадим пример селянам постом и жаркой молитвой, – экзальтированно перечислял старший служитель предстоящие радости сотрудничества с высшими силами, – станем отшельниками, пожертвуем неимущим все заработанные храмом деньги...

Санни тоскливо погладил упитанное пузико, прощаясь с ним.

– И на что ж нам тогда его ремонтировать, если все деньги пожертвуем?

– Боги не оставят нас, – смиренно хрустнул сухариком спасённый лютозверь.

Глаза Санни лезли всё выше на лоб, рискуя приблизиться к старательно замаскированным залысынам.

– Верд, друг мой, – ласково позвал он охотника, – слова господина Плессия вдохновили меня прочитать пред ликами богов житие первых послушников. Не составишь компанию?

Охотник рассудил, что от него не убудет, воздержись он от скудной трапезы.

– Ну пошли.

– А как же завтрак? – искренне озаботился Плессий. – Разве я могу оставить голодными присланных богами путников?

Верд постучал по столешнице куском хлеба, скривил в ухмылке край рта и бросил сухарь обратно в общую миску.

– Попоститься вдруг захотелось.

– А вы точно-точно не знаете, кто вас проклял? А удобно с такими зубищами ходить? А где вы днём прятались? А людей кушать хотелось? – возбуждённо затараторила Талла, и беглецы прибавили ходу, пока Плессий не рванул «читать духовные книги» вместе с ними.

– Не забудь снять паутину в алтаре, – успел напутствовать послушника служитель, но Санни только приложил ладонь к уху: «Ась? Не слышу, брат!»

До алтаря они так и не дошли. Пониженный до послушника бывший служитель храма Трёх Богов свернул раньше, увлекая за собой приятеля, и юркнул в низкую дверцу.

– Помощ-щ-щ-щнички, – прошипел он, вручая Верду огромную холщовую суму. – Спасли от лютозверя, называется! Да лучше б я с нелюдем под одной крышей жил, чем с этим святошей!

– Так ты и жил, – резонно возразил приятель, подставляя торбу под вяленое мясо, мешочки с крупами и овощи.

– И лютозверем он всяко был приятнее! Плессий из меня всю душу вынет, понимаешь! – Санни метнулся к Верду и попытался встряхнуть его, схватив за грудки, дабы донести всю серьёзность положения. Но наёмник не шелохнулся, сколько усилий служитель ни прилагал. – Алтарь – отмой, пыль – сотри, снег перед входом – раскидай! А сам он, видите ли, молитвы читает! И главное, прихожане к нему, святоше эдакому, валом валят! А от меня с той же скоростью в разные стороны!

– Завидно?

Санни с вызовом выпятил живот:

– А если и так?! Солдат из меня не получился, думал, хоть в храме своё место найду. А он меня гоняет, как служку какого! Плессий человек хороший, но, боги свидетели, я обрадовался, когда его не стало! Правда, думал, что он не помер, как все решили, а в город

сбежал. Есть у него там одна бабёнка... Ну да и шварг бы с ним! Сбежал и сбежал! Но на хрена ж ты мне его вернул?!

– Так, Санни. – Верд вырвал из цепких пухлых пальчиков окорок, которым служитель уже примерился утереть горячие слёзы. Не удержался, надкусил и бережно сунул в мешок к остальным продуктам. – Ты просил избавить тебя от лютозверя. Разве я что не так сделал? Ну хочешь, убью твоего святошу, прикопаем на храмовом кладбище, никто и не спросит! И даже надбавки за вредность не попрошу! Тюкну его по головушке из одной только любви к тебе!

Верд никогда не был шутником. Возможно, дело в том, что шрам через пол-лица искажал любую гримасу, что отбивало у собеседников желание смеяться. А может, дело в тяжеленном мече у пояса или в дурной славе, что окружала охотника. Но Санни юмора тоже не понял. Он отшатнулся, осеняя себя защитным знаком Ножа:

– Побойся богов, Верд! Плессий – добрый человек. Скотина вот только порядочная... А служитель он хороший, за дело радеющий...

– В отличие от тебя? – подсказал приятель.

– Шёл бы ты... – начал Санни, но, признав частичную правду, закончил иначе, чем собирался: – ко мне в комнату. Там под кроватью кошель с деньгами. И двигаем отсюда, двигаем! А то, не ровен час, и правда заслушаемся этого проповедника и станем с восторгом драить щели между половицами.

– Твой Плессий настолько хорош?

Санни тяжело вздохнул:

– Заслушаешься. Мне таким никогда не стать. Так что, может, оно и к лучшему, если храм за ним останется.

– Заслушаешься... – задумчиво повторил Верд и утробно рассмеялся.

– Что?

– Да они ж там с дурной вдвоём остались, – пояснил он. – А уж что-что, а слушать она не умеет совершенно...

Упаковав пожитки, мужчины боязливо сунулись на кухню, чтобы забрать Таллу. Картина, которую они застали, навеки отпечаталась в воспоминаниях Сантория и впоследствии поднимала ему настроение даже самым хмурым днём.

Плессий сидел под столом, отгородившись от колдуньи чугунной сковородкой, и тихонько поскуливал. А вёрткая упрямая девка

оббегала стол то с одной, то с другой стороны и снова и снова с восторгом чмокала то в загривок, то в щёку, то в плечо – куда доставала.

– Ну не прячьтесь, господин Плессий! Это же самое интересное, что случилось с вами в жизни! Никто никогда такого не видел! Нам же нужно понять, как это работает! Ну куда же вы уползаете, господин Плессий?!

С каждым поцелуем бедный слуга трансформировался из лютозверя в человека и обратно. Причём каким-то магическим образом звериная морда выглядела ещё более несчастной, чем человеческое лицо. Монстр на четвереньках выбежал из-под стола и в попытке спастись дёрнулся к приоткрытой двери, но колдунья настигла его, вцепившись руками и ногами, и снова чмокнула в мохнатую щёку.

– Заберите эту дурную отсюда! – взмолился временно очеловеченный Плессий и закончил уже вновь изменившимися челюстями, но вполне разборчиво: – Пы-ы-ы-ы-ы-р-р-р-ржа-а-а-алста!

* * *

Нет, летом солнце так не слепит. Не выдавливает слёзы, от которых тут же смерзаются ресницы, а моргать становится едва ли не тяжелее, чем шевелить пальцами, озябшими от мороза и неподвижности.

Лошади мерно поскрипывали снегом под копытами, наездники покачивались в сёдлах, подрёмывая, парок из ноздрей всей процессии, что животных, что людей, закручивался маленькими вихрями и тут же оседал, чтобы вскоре превратиться в ледяные бусины на шерсти и одежде.

– Будешь ёрзать – косу отрежу, – пригрозил охотник, привычно фиксируя колдунью тяжёлой рукой.

– Волосы – не ноги, отрастут!

– Если это поможет, я тебе и ноги отрежу.

– Вместе с новыми сапогами?!

Талла попыталась показать обновку и чуть не упала с лошади. Мужчина подхватил её, прижал покрепче, с содроганием ожидая, что

от его грубости у девчонки вот-вот затрещат кости.

– Тогда просто отшлёпаю, – съехидничал он, и колдунья смущённо замолчала.

Верд страдальчески морщился каждый раз, когда невесомые непослушные волосы Таллы вздымались от малейшего ветерка и щекотали ему подбородок. Убирать их было так же бесполезно, как ловить тополиный пух, а пересадить девку на клячу Санни, как тот не раз предлагал, боязно: ну как служитель наболтает лишнего? Хотя, может, и стоило бы. А то сидит вся такая восторженная, любитесь лесом, точно впервые его видит. А чего им любоваться? Какой начался сразу после Больших Храмовников, такой и тут, в пяти верстах, остался.

Любуется, значит. Как дитё малое. На себя в зеркало поутру так не пялилась, как на эти кривые чёрные стволы, обросшие белым мхом инея. А могла бы и посмотреть, между прочим! Верд денег не пожалел, не абы какую одежду ей купил, а такую, чтоб не стыдно в город въехать! И до чего ж хороша девка в новом полушубке! Куда делась растрёпанная дурёха, которую нашёл охотник пару дней назад? Была ли? Эта колдунья – другая. Сидит ровно, спину гордо держит, не иначе как родилась знатной! И портной заметил красавицу, нет-нет да норовил лишний раз тронуть узкую талию, провести лапищей по бедру, якобы разравнивая ткань. Пока не поймал многозначительный взгляд охотника, конечно.

– По фигуре бы посадить... – пролепетал тогда швец, сразу отскочив от девки на локоть. – Не по размеру вещички...

– Ничего, снимать удобнее будет, – недобро ухмыльнулся Верд, касаясь рукояти меча с той же небрежностью, с какой собеседник только что касался плеча его колдуни.

Не по размеру! Ясно, что тонкой да звонкой Талле шитые на деревенскую бабу тряпки велики, но и это её не портило! Затянула пояс, так ещё краше стала, ещё нежнее. Кажется, задень неосторожно локтем – переломится пополам. Немудрено, что замерли у ворот хмурые мужики, вытаращились, следя за троицей путников, пока те не нырнули в лес вместе с колеёй.

– Да не вертись ты!

Талла, как нарочно, крутанулась ещё раз, чтобы снова пощекотать охотнику нервы и нос пушистой макушкой:

– А что, ты занят сильно, а я тебе мешаю?

– Может, и мешаешь, – огрызнулся Верд. – А может, просто достала.

– Это я умею, – польщённо зарделась колдунья и вкрадчиво добавила: – Ну ты смотри, если со мной совсем плохо, я могу и домой вернуться...

– А я могу тебя в мешок сунуть, – лаконично возразил он.

Санни, чуть приотставший от парочки, не мог остаться в стороне от ссоры и нараспев затянул:

– Бог с Ножом, оградитель и защитник, прошу, не гневайся на этого недалёкого мужлана, ибо он не ведает, что творит! Справедливые боги поскупились на ум, когда создавали его. Сему мужу остались лишь мускулы, вши да паршивый характер...

Верд придержал Каурку, шествующую по заметённой дороге как по ровному полюшку, пока служитель на своей кляче не поравнялся с ними. Каурка брезгливо фыркнула при виде коллеги: куда менее ухоженной, с куцым хвостом, непривычной к зимним переходам. Подумала немного и ненавязчиво оттеснила ту с дороги. Ещё и перешла на изящную иноходь, дескать, вот как надо.

– Тпр-р-р-ру, тварь своенравная! – выругался Верд.

«Сам такой», – послышалось ему в ответном ржании.

– Не слушай его, Каурка! – Талла зубами стянула рукавичку и принялась успокаивающе перебирать ей гриву.

– Ты бы лучше Богу с Ключом помолился, чтобы Плессий тебя обратно в храм пустил.

– Зачем это? – Санни не спешил догонять.

Не дождавшись приятеля, Верд развернул Каурку и направился к нему сам, чтобы, приблизившись, ласково потрепать по плечу. Почему-то угрозы в этом Санторию почудилось куда как больше, чем дружелюбия.

– Затем, что очень уж хорошо ты молитвы читаешь. Так хорошо, что грех их по ветру пускать, когда есть благодарная паства!

– Долг служителя – наставлять на путь истинный тех, кто с него сбился, – смиренно понурил голову он.

– Даже если им в другую сторону надо?

– Особенно если они идут в другую сторону! – с жаром подтвердил Санни.

– Так, может, нам просто надо в разные?! – не выдержал охотник.

– Возможно. – Санторий осенил спутников знаком Котла. – Да не заставит вас Богиня с Котлом голодать!

– А мы разве собирались? – вскинулась Талла.

– Ну как же? Если нам с провизией в одну сторону, то вам с Вердом, получается, в другую. А то твой мужик что-то не был против попутчика, когда храмовые закрома опустошал, а тут вдруг вспомнил, что он волк-одиночка.

Охотник наугад вытащил из сумки первое, что попало. Попалась морковка, чьи рыжие бока едва угадывались под слоем налипшей земли. Не глянув, Верд демонстративно откусил. Тут же изменился в лице, хотел выплюнуть, но пересилил себя и принялся терпеливо яростно жевать.

– Хочешь забрать? Ну попробуй. Ты утром тоже не так болтлив был, а на воле сразу осмелел. Может, не колдунью, а тебя сунуть в мешок? Подкинуть Плессию на порог вонючий подарочек, а?

– Почему это вонючий? – принюхалась Талла. Аж приподнялась немного, задвигала носом, как зайчишка.

– А мы его не сразу понесём, – пояснил Верд, снова насильно усаживая девчонку ровно. – Часа через три-четыре авось завоняет.

Служитель не на шутку испугался. С охотника станется и правда с позором вернуть его в храм. А к Плессию Санторий не хотел. Бывший начальник успел испортить впечатление о сытой жизни служителя, ещё будучи человеком, а уж обратившись в лютозверя, и вовсе заставил на стену лезть. Страшно подумать, что из него получится сейчас, когда обе ипостаси сосуществуют в мире!

– Только моими молитвами мы до сих пор живы! – уверенно заявил Санни. – Без слова служителя разве боги обратили бы на нас свой взор?

– А мне и не надо, чтобы троица извращенцев за мной подглядывала!

– Боги милостивы, Верд, но когда-нибудь, – служитель вскинул очи к небу и одними губами попросил «пожалуйста!», – они всё же покарают тебя поносом за гордыню!

– Гордыню? Ну, приятель, у меня есть грехи и поинтереснее! Что там полагается за избиение слуги богов? Розги? Грозный взгляд?

– Вечные муки во чреве шварга! – торопливо сочинил Санни.

– Оно того стоит, – смачно хрустнул кулаками Верд. – Значит, так, за каждую молитву без дела, особенно с упоминанием моего имени, я трижды буду драть тебя за ухо...

Огромная рукавица улетела в снег, точно ножны обнажили лезвие, пальцы потянулись к чуть оттопыренному уху слуги богов. Тот в ужасе шарахнулся и уточнил:

– А если по делу?

– А такое бывает? – усмехнулся безбожник, но сжалился, пожал плечами и ловко наклонился, чтобы, не слезая с седла, подобрать рукавицу. Талла при этом завизжала и уцепилась за лошадиную шею. – Ладно. Если хоть раз молитва принесёт пользу, можешь взывать к своей Тройне хоть по сто раз на дню. Слова тебе не скажу.

– Ты свидетель, – похлопал Санни свою клячу по шее, не отводя подозрительного взгляда от приятеля.

– И я свидетель! – снова попыталась самоубиться путём падения под копыта Талла.

Верду внезапно показалось, что его окружили. Поймали, скачут вокруг, придуриваются... И главное, делают вид, что всё так и должно быть! Нет, с такими попутчиками либо сам с глузду двинешься, либо их угробишь.

Охотник на всякий случай проверил, на месте ли меч. Куда ж он убежит? Чать, без ног, в отличие от дурной девки, которая умудряется ускакать в чащу по сорочьим следам или сунуться на тонкий речной лёд, даже когда просто отходит до кустиков! И легко в ножнах скользит. Чирк-чирк, словно песня! Талла и Санни почему-то с опаской на него покосились. Наверное, слишком задумчиво наёмник хмыкнул. Ничего, коли присмирят, можно сократить количество участников отряда и попозже.

Однако в том, что их окружили, Верд не ошибся. Чутьё подсказало. Нет, он давненько заметил, что далеко позади мелькают тёмные шапки, да и отзвуки фраз ветер доносил. Но дорога хожая, на ней даже лютой зимой то и дело кто-то встречался. А мужики, вышедшие из Больших Храмовников следом, скорее бы отправились проверить силки в лесу, чем стали невесть за чем догонять путников.

Однако ж стали.

И в лесу искали не добычу, попавшую в капкан, а тропки, по которым можно обогнуть тракт, чтобы выскочить навстречу тройце.

Верд натянул поводья и, ни слова не говоря, выжидательно и слегка брезгливо уставился на препятствие. Препятствие в лице пяти поочерёдно шмыгающих носами селян, неуверенно сжимающих вилы и дубины, смущённо попятилось.

Лошади фыркнули, Верд не шелохнулся, Талла любопытно вертелась и улыбалась, не понимая, радоваться ли столь радушному приёму. Казалось, чуть подожди, и мужики, попрятав за спинами грабительский инвентарь, расступятся. Ещё и извинятся, не ровен час. Очень уж нехорошо, испытующе, смотрел на них головорез с испещрённой шрамами физиономией.

Но весь эффект напряжённого молчания испортил Санни:

– Друзья мои, не ожидал вас встретить так скоро! Какими судьбами? И почему с такими недобрыми лицами?

А тут ещё и вторая половина начинающей шайки разбойников подросла, чтобы сразу стало ясно: не свежим воздухом подышать вышли, а с конкретными намерениями. Слишком близко тем не менее не подходили. Всё ж таки мужики деревенские, знают, как больно испуганная животиная может садануть копытом.

Увеличившись числом, «друзья» осмелели.

– А что же вы это, господин Санторий, храм решили покинуть? – Главный заводила добавил веса словам, шумно высморкавшись в снег. Остальные согласно загудели.

– Да ещё и вещички с собой прихватили... Не пустые, чать, сумочки, – елеиным голосом добавил самый дохлый и трусливый, прячущийся позади всех.

– Или вы решили храм Трёх Богов без служителя оставить? – пробасил детина, больше похожий на пацана-переростка, вышедшего поиграть. Так и стоял: носки вместе, пятки врозь, взгляд в сугроб. Но по здоровенным ладоням видать: в стороне от драки не останется.

Верд раздражённо вздохнул. Впереди целый день пути. Загрести сапогами снег с самого утра, а потом ехать с мокрыми ногами не хотелось. А придётся. Если остолопы почуяли добычу да нашли в себе смелость выйти на тракт, теперь уже по-хорошему не разойдутся. Одного охотник не понимал: когда тройца выезжала из селения, эти самые мужики пялились на них как замороженные. Он и не удивился: решил, что внимание привлекла Талла. А по всему выходит, что на сумки слюни пускали... Дурачьё!

– Разорить святое место решили, а?! – уже более угрожающе, накручивая и себя, и шайку, гаркнул сопливый главарь. О том, что они и сами не собирались возвращать имущество под своды храма, он тактично умолчал.

– Ой, я поняла! – Талла восторженно захлопала в ладоши и повернулась к Верду: – Можно я скажу, можно?

Заставить колдунью помолчать всё одно никому не удавалось, поэтому наёмник кратко буркнул:

– Ну?

– Они нас грабить собрались! – Девчонка горделиво выпятила грудь, точно открыла великую тайну.

Разбойники переглянулись: вслух ни один из них не произносил сокровенного слова, так что теперь предстояло решить, действительно ли они собрались делать именно это. Решение приняли мгновенно и единогласно: повыше подняли оружие и сжали тиски.

– Теперь – собрались, – лаконично подтвердил Верд.

– А ежели и так! – взвизгнул трус и тут же, как побитая собачонка, присел на корточки, чтобы никто не понял, откуда звук.

– А ежели и так? – Дитина на секунду поднял взгляд и тут же его опустил, торопливо неразборчиво забормотав: – Сами мы люди мирные, так что скидайте сумки и проваливайте на все четыре стороны. А иначе...

– Что иначе? – любопытствовал Верд, изрядно развеселившись. Он любовно погладил оголовье меча и подумал, что, пожалуй, обнажать его не станет. Потом ещё кровь отчищай, тела прячь, Таллу успокаивай... Нет, он просто сломает пару носов. Ну, может, парутройку носов. И пальцев. Очень уж он любит, как хрустят ломающиеся пальцы...

– А иначе... иначе... – Кое-кто из шайки с надеждой глянул в ту сторону, где за деревьями прятались Большие Храмовники.

«Эти драпанут первыми», – понял наёмник.

– Иначе... – Главарь оказался куда упрямее прочих. – Нас здесь девятеро, друже. А вас трое. Ясно, кто кого...

Верд усмехнулся. Шрам, берущий начало от левого глаза и заканчивающийся на подбородке, досадливо дёрнул хвостом, точно гадюка. Нет, их не трое. От Санни в бою больше помех, чем пользы, хотя и он знает, за какую сторону меча браться. Последнее, конечно,

стало бы сюрпризом для селян, но вряд ли бы сильно помогло. А Талла... Нет, ей он даже на землю ступить не позволит.

– Ну-ну... – протянул охотник, перекидывая ногу через седло.

Колдунья без его поддержки сразу же закачалась, соскальзывая, так что Верду пришлось вложить повод ей в руку и посильнее прижать колени к конским бокам, раз уж до стремян не доставала.

– Вот так держи. И сиди ровно, – велел он. – Сколько вас, говорите? Девять? Ну, покажите, что умеете.

– Остановись, друг мой! – Прежде чем воин почувствовал, как скрипит снег под подошвами, Санни величественно поднял руку и громогласно потребовал: – Боги говорят, а я внемлю! Услышьте и вы глас Трёх людских благодетелей!

Эхо разносило его речь недалеко: через поле до раскидистых ёлок на кромке леса и обратно. Но и этого хватило, чтобы разбойники всполошились в поисках ещё как минимум трёх служителей, повторяющих проповедь первого.

Мужики приосанились, кое-кто машинально осенил себя знаком троебожия. Один бросил выдранную из забора доску и пал на колени, но тут же, одумавшись, поднялся, поспешно отряхиваясь.

– Я внемлю вам, боги! – Обе руки храмовника взметнулись к небу, а за ними и многочисленные взгляды.

– Внемлет? – шёпотом поинтересовалась Талла у Верда, снова устроившегося на конской спине.

– Внемлет, – насколько мог серьёзно подтвердил он, но всё ж таки пустил пару неблагоговейных смешков.

А Санторий, прочувствовав значимость момента, заливался если не соловьём, то как минимум мартовским котом:

– Давно ли чистые слёзы молитвы стекали по вашим щекам, безбожники?! Давно ли вы поминали Бога с Ключом не всуе, уронив на палец молоток, а в искренней благодарности за кров?! Помните: шварг всегда голоден, его чрево открыто для предложений... то есть для грешников, забывших, для чего посланы на эту землю!

Лица грешников изобразили усиленную работу мысли: во чрево к шваргу не хотелось никому, но и отпускать добычу с полными сумками провианта и денег – тоже. Как удачно объединить одно с другим, придумать не получалось.

– Жадность поглотила вас, слабовольные! Неразумные! Тщедушные!

– Кх-кх, – негромко остудил пыл служителя Верд, а то грабители уже начинали негодовать.

– Но разве это ваша вина? – поправился Санни. – Разве ваша вина в жажде лёгкой наживы, разве с вас нужно спрашивать за зло, которое вы причинили?

– Н-н-нет? Нет! – радостно завопили мужики. – Боги создали нас такими! Не мы виноваты, нет!

– Да! – мстительно возопил Санни. – Ибо Богиня с Котлом, когда готовила первую горячую пищу для людей, завещала делиться и радоваться малому!

О том, что сам он делиться поклажей тоже не собирался, Санни предпочёл не распространяться.

– Что же нам делать, господин Санторий?! – поперхнулся слезами богобоязненный детина. – Как искупить вину?

Его примеру последовали ещё несколько несостоявшихся разбойников.

Верд прикрылся рукавицей и тоненько, маскируясь под трусишку в задних рядах, пропищал:

– Как же мы без вас, господин Санторий? Кто наставит нас на путь истинный?

– Оставайтесь с нами, господин! Не бросайте! – мгновенно подхватила толпа.

Но Санторий не первый год был служителем, поэтому медленно и чинно несколько раз поднял-опустил длань, не то дирижируя нестройным хором, не то заставляя паству замолчать.

– Дети мои! – Оратор с трудом удержался от победного жеста: впервые селяне действительно слушали его, принимая проповедь за нерушимую истину. На таких условиях можно было бы и остаться... Хотя тогда Верд слишком уж обрадуется, а этого Санни допустить не мог. – Дети мои, сердцем я навсегда останусь с вами! Но Бог с Ножом послал мне откровение: эти путники, – указующий перст ткнул в Каурку, – нуждаются во мне! Они увязли во грехе и не ведают, что спешат в объятия шварга!

Верд мог бы разъяриться, но перспектива греховных объятий всколыхнула в его памяти сладкие ночи, проведённые в Доме Желаний

с добродетельными жрицами (добродетель их, правда, заканчивалась ровно на пороге здания). Части вырученных за колдунью денег как раз предстояло осесть в одном из подобных заведений, но, взглянув на Таллу, охотник почему-то усомнился, что поступит именно так. По крайней мере не сразу.

– Моя участь – провести их по пути соблазнов, аки слепцов, дабы вывести к свету!

– Главное, самому на этом пути не споткнуться, – хихикнула Талла, заслужив одобрительное похлопывание по бедру от Верда. – А хорош! – колдунья мотнула головой в сторону служителя.

Охотник наклонился к её уху и предложил:

– А может, лучше бросим его тут? Раз уж так в роль вошёл...

– Ты что?! – едва ли не громче служителя запротестовала девчонка. – Как можно?

– Мы бы ещё обязательно встретились, – не слишком уверенно предположил Верд.

– Тихо вы! – шикнул главарь банды с таким видом, точно собирался конспектировать проповедь. Мокрая полоса под его носом намекала на то, что давно пора высморкаться, но он не решался прервать святого человека столь низменным шумом. – А как же мы?! Что делать нам, господин Санторий?

– Идите вы... – Санни пришлось призвать всю выдержку, чтобы не сказать, куда именно следует идти жадным деревенщинам, но нашёлся он быстро: – каяться.

– Но без вас как же?! – Трусишка протолкался вперёд и припал в страстных лобызаниях к лошадиному копыту, коль скоро собственную ногу служитель успел убрать. Каурка критически цокнула на словившего благодать верующего: если уж лобызать чьи-то копыта, то ясно, что её! – В Больших Храмовниках больше некому молиться за нас!

«Хм, – отметил Верд, – значит, Плессий пока из храма не высывался. Вот будет сюрприз селянам!»

Смекнул и Санторий. И не преминул записать сие чудо на свой счёт:

– Трое милостивы! Я воззвал к Богу с Ключом, и он ответил мне! «Бог с Ключом, разве можно оставлять обитель в запустении?» – обратился я к нему.

– А он?! – в благоговейном трепете замерли мужики.

– А он... – Санни довольно причмокнул и закончил так, будто рассказывал о встрече с собутыльником: – А он мне: «Бери, друг, с собой вот эти вот сумы, набей, говорит, чем придётся, и иди вдалбливать... то есть просвещать истиной двух грешников!» А я ему: «Ну как так-то? А чьи проповеди станут слушать мои дорогие селяне?»»

– Ах! А он как?! – схватился за сердце исправившийся главарь разбойничьей банды.

– А он: «Раз ты так просишь, воскрешаю Плессия! Но только ради тебя, Санторий, потому как праведность твоя...»

– Не увлекайся, – охолонил друга Верд, едва шевельнув краем рта.

– В общем, я вам Плессия воскресил.

Теперь уже не один трусишка норовил примёрзнуть устами к подковам. С воплями ликования бросились все: слюней досталось и сапогам Верда, и копытам Каурки. Талла вовремя поджала ноги и впервые с начала путешествия возрадовалась, что кобыла у охотника достаточно высокая.

Опасаясь, что благодарственные поцелуи могут плавно перетечь в потасовку, в ходе которой и наездников стащат на землю, и сумки под шумок опустошат, Верд стеганул лошадь и был таков.

– Покайтесь! – вопил Санни, последовавший примеру приятеля, но не желающий так быстро заканчивать минуту славы. – Покайтесь!

Троицы уже и след простыл (что при таком морозе неудивительно), а голос Сантория ещё долго звенел над полем.

Когда перевоспитавшиеся разбойники остались на безопасном расстоянии, скакуньям позволили перейти на рысцу. Кляча Санни, не умеющая скакать по снегу, успела при этом повредить ногу и захромать, так что вскоре пришлось и вовсе остановиться.

Талла собиралась уже по традиции съехать в сугроб, но Верд поймал её на руки, поставил по-человечески на тропинку и отправился осматривать травму. Прикинул, не проще ли разом прирезать и лошадь, и наездника, разделив тем самым надвое количество проблем, но пока не спешил.

– А ведь молитва Санни принесла пользу, – напомнила колдунья, смачно целуя ошалевшую Каурку в нос. И добавила: – Мы свидетели!

Охотник сжал зубы, аж скулы заострились, и буркнул:

– Тоже мне польза...

– Тш-ш-ш-ш-ш! – Санни приложил палец к губам Верда, а тот от подобной наглости аж забыл, что можно в ответ съездить по морде. – Я слышу! Боги продолжают говорить со мной! Я внемлю, о справедливые! – Служитель замер на вдохе, впитывая божественное откровение, и наконец изрёк: – Полностью согласен с вами, защитники и благодетели! Да! Вы говорите... Что-что? Ну конечно! Верд – козлина!

Следующие две версты Санни вынужденно галопировал, причём лошадь ему для этого не понадобилась.

Глава 5

Огонь в снегу

Санни – проклятье этого похода!

Сначала Верд думал, что это Талла приносит ему несчастья. Стрекошет без умолку, мешается, суется; и всё-то ей интересно, всё нравится! Но в сравнении с непрестанно ноющим служителем колдунья оказалась приятным дополнением к прогулке.

– Я уста-а-а-ал! – сетовал раскрасневшийся толстячок. От его пунцовой физиономии и выглядывающей из расстёгнутого воротника шеи поднимался пар в доказательство.

– Можешь пойти обратно, – равнодушно пожимал плечами наёмник. Он тоже шёл пешком: размашистым пружинящим шагом. Привычно, легко. А чего жаловаться? Сумки везёт Каурка, доспеха тоже нет. Не поход, а сплошная радость. Кабы не попутчики...

Кляча Сантория хромала всё сильнее. Именно поэтому мужчины спешили. С бедной лошади уже сняли всё, что можно, в первую очередь согнав наездника. Но ни это, ни отдых на опушке, ни двойная порция овса облегчения ей не принесли.

Несколько раз приходилось останавливаться, чтобы колдунья ласково пошептала кобыле на ушко и погладила по спутавшейся гриве. После этого боль ненадолго отступала, но скакать, как прежде, она не могла. Дать бы ей ночку прийти в себя в тепле да уюте, подлечить как следует, а не впопыхах. Вот только где?

Охотник сначала украдкой, а после и в открытую сверялся с картой, но небольшая деревенька у озера появляться никак не желала. То ли безымянный художник напортачил, перенося местные красоты на бумагу, то ли они, проклятые, провалились сквозь землю. Шутка о том, что хромоножку не мешало бы продать мяснику, смешила всё меньше. А жалобы Санни только добавляли Верду решимости. Интересно, много придётся приплатить, чтобы вместе с лошадью в колбасных изделиях сгинул и один излишне разговорчивый толстяк?

– Нам уже и поесть пора! Я голо-о-о-одный!

– Когда ж ты проголодаться успел? После того, как втихаря сожрал остатки хлеба, или до?

– Во время! – торопливо втянул живот Санни. – Я, в отличие от некоторых, к труду умственному привычен, а не к физическому!

– Ну тогда мозгами шевели, коли поможет!

– А ты не кричи на меня!

– А ты не нарывайся!

Санторий повесил повод клячи на сгиб локтя и сложил ладошки в молитвенном жесте:

– Справедливые боги, благодарю вас за ровную дорогу и скромную пищу! А также благодарю за то, что судите по справедливости верных слуг и караете грешников! Так воздайте же каждому по заслугам! – Санни ехидно зыркнул на приятеля. – А Верду особенно воздайте за то, что он козлина!

– Я тебе сейчас голову откручу, – спокойно предупредил охотник, но колдунья помешала, беспокойно завертевшись в седле.

– А пока ты её откручиваешь, можно я ещё лошадку полечу?

– Цыц, сказал! Будет привал – хоть залечись свою клячу!

В том, что привал будет раньше деревни, охотник уже не сомневался.

– Ты это и перед прошлым привалом говорил!

– И перед следующим скажу! Дойдём до села какого, там можешь хоть ночевать с ней в стойле, а сейчас время терять нельзя. Или хочешь в лесу до утра куковать?

Вопрос был риторический, но ответ на него всё равно последовал. Правда, не от Таллы, а из зарослей, подобравшихся к дороге, как хищник. Оттуда отчётливо рыкнули. Санторий с усилием проглотил слюну и перебежал на другую сторону дороги, закрываясь от леса, а заодно и от Верда клячей.

– В лесу? – А вот Талла чуть не ломанулась готовить ночлег сразу же. – Здорово же! Там звёзды! И костёр! И дымок!

– И голодные волки, и злой я! – поддакнул Верд.

Темнело неумолимо быстро. Кажется, только что колея чётко виднелась на бледном полотне поля, а опустил взгляд на миг – и её уже не разобрать. И ночь к тому ж, как и пророчила колдунья, ожидалась звёздная, холодная. Самое то, чтобы жаться друг к дружке у костра, снова и снова уязвляя того, по чьей милости случилась задержка.

Словно угадав, о ком думал нехорошую думу наёмник, Санни выругался словами, которые наверняка боги запретили произносить своим верным слугам.

– А вот выбирали бы с утра себе платья побыстрее, вышли бы раньше! Небось уже бы в тепле сидели! – заявил он в попытке найти ещё виноватых.

Верд отбрехиваться поленился. Только повернулся к приятелю, приподнял в удивлении брови, толстячок и замолчал.

– Извините, пожалуйста, – пролепетала девчонка, но на неё никто не обратил внимания.

В конце концов охотник, деловито выругавшись, свернул в сторону деревьев. Благо чащоба то и дело норовила проглотить дорогу, хоть не пришлось пробираться по колено в снегу. Каурка воротила нос и упрямылась, но хватило одного окрика от хозяина, чтобы она вспомнила, что спорить с ним бесполезно. Хромая кляча и вовсе смирилась с участью и готова была хоть добровольно сунуться в берлогу к медведю, лишь бы от неё все отстали.

– Куда расселся?

Верд с большим наслаждением пнул служителя под зад, хоть и притворился для виду, что проверяет, суха ли сосна, на которой тот устроился. Повезло! Укрытое от непогоды пушистыми лапами соседок дерево, хоть и сыроватое, в огонь годилось.

– А тебе что? – огрызнулся Санни. – Всё одно здесь ночевать и придётся, можно уже и отдохнуть.

– Отдыхай, – легко согласился охотник. – Можешь сразу яму выкопать, чтобы на вечный отдых устроиться. На небо глянь, дурень! Без костра околеем ещё к полуночи!

– Так а отдохнуть когда? Пешком же шли...

А вот Талла охотника порадовала. Она-то, конечно, ехала верхом, притомилась куда меньше, но всё одно умница: не прохлаждалась, уже обламывала сухие низенькие ветки и обдирала, где можно, кору для растопки.

– Вот сейчас лошадок протрём да накормим, огонь разведём, поесть приготовим, шалашик сложим...

– И наступит глубокая ночь! – горестно вскинулся Санни.

– И можно будет отдыхать, – подтвердила колдунья. – Вы гляньте, какая красота вокруг! Разве работа не в радость?

– Не-а. Вообще нет, – хором заявили мужчины, но всё равно принялись за дело.

Лагерь вышел на славу. Чуть переплести да подвязать сосновые лапы, сделать добрый настил – вот и жилище готово. Верд сообразил костёр из двух стволов посуше, между которыми наложил да поджёл хворост. И хватит надолго, и пламя будет ровное, нежаркое. Самое то для обогрева до утра.

Оголодавший толстячок при всём желании не успел бы за день приговорить все запасы еды, так что ещё и ужин ожидался сытный да вкусный. Им и занялся, закрываясь локтем от наёмника всякий раз, как тот пытался сунуться в котелок:

– Твоё дело мечом махать, а к еде не лезь! Богу с Ножом лучше помолись, а Богиня с Котлом тебя всё одно не услышит.

Признаться, в том, что боги отзовутся Верду, служитель очень сомневался. Спустившись на землю, благодетели объявили себя покровителями рода людского. Бог с Ножом первым вложил в руки мужчины оружие. Но не для войн и убийств, а защиты ради! Это теперь каждый головорез считает, что имеет собственного заступника. На деле же лишь к шваргу взывает. Наверное, потому Санни и не смог остаться в отряде. Не потому, что сражался хуже прочих, и не потому, что в первом же настоящем бою спрятался в овраге и дрожал, точно заячий хвост. Хотя, что уж, последнее вызвало немало хохота у побратимов и помогло принять нелёгкое решение. Но ушёл Санни не поэтому. И не поэтому подался в служители. Боги милостивы. Быть может, когда-нибудь и его простить сумеют...

– Ну долго ты там ещё кашеварить будешь? Не к приёму небось готовишься! – рыкнул охотник, от нечего делать принявшийся причёсывать разнузданным кобылам гривы.

«А вот Верда – хрен!» – мстительно подумал Санни.

Старания слуги богов так никто и не оценил. Наверное, он и правда хорошо готовил. Не пожалел в кашу ни жира, ни кусочков мяса. Но котелок опустел куда как раньше, чем остыл, а рты оказались слишком заняты, чтобы делиться впечатлениями от трапезы. Сытых мужчин быстро разморило. Они вытянули ноги к костру, ощущая живительное тепло, и в согласном благоговении наблюдали, как ворожит дурная.

Для Таллы самое сложное только начиналось. Днём, уставшая, замёрзшая и, чего греха таить, слегка напуганная после встречи с разбойниками, она мало чем могла помочь животине. То есть, наверное, сумела бы вылечить за час, но Верд не позволял такие долгие привалы, ругался и поторапливал. Приходилось лишь снимать боль, а глупая тварь, решая, что нога зажила, только сильнее травмировалась. Теперь растяжение (девка поблагодарила богов, что не вывих) лечить ещё сложнее.

Она легко касалась больного места, и кобыла стояла, не решаясь двинуться. В круглых тёмных глазах отражался голубоватый свет, окутывающий руки колдуньи. Тонкая искрящаяся паутина оплетала распухшую мышцу, заворачивала в кокон, проникала под грубую лошадиную кожу. Скакунье бы испугаться, шарахнуться... Ходят же слухи: не любит живность нечистой силы. Но лошадь стояла спокойно, не отводя любопытного взгляда, едва шевеля ноздрями. Так, может, магия колдуньи вовсе и не дурная, раз так принимают, тыкаются мягкими губами что хромоножка, что Каурка, не пожелавшая оставаться в стороне от действия?

И сама Талла точно звёздочка, упавшая в снег. Прикрыла веки, улыбается чему-то неизвестному, таинственному, знает что-то, недоступное жестокому наёмнику и изголодавшемуся по чуду служителю. Нити сияли и колыхались, но не в такт ветерку, а словно от тёплого дыхания. Дыхания того, кого не разглядеть простым смертным, сколько ни всматривайся в полумрак, расступившийся от отблесков волшебства на белом полотне. И каждая снежинка ловила это сияние, пропускала через себя и возвращала к чутким бледным пальцам ворожеи. Дурная... Но такая красивая!

– Верд! – Санторий тихонько тронул наёмника за плечо.

– Тш-ш-ш! – велел тот. К чему слова, когда рядом – волшебство? Слова подождут. Но Санни не отставал.

– Верд...

– Позже, – непривычно спокойно, без крохи злости попросил охотник.

– Верд.

– Ну что тебе?

Вынужденный оторваться от дива, он сейчас и за меньшее надрал бы приятелю уши. Но служитель ещё и ляпнул то, от чего наёмник

вовсе вскипел:

– Не нужно продавать её...

– Заткнись, Санни.

– Посмотри на неё, – не унимался святоша. – Она же живое чудо!

– И мне отваяют за него кучу денег. – Верд палкой поправил угли, опасаясь снова поднимать глаза на колдунью. Чего доброго, мелькнёт мысль, что не такую уж ерунду городит Санторий...

– Ты позволишь запереть её в клетке?

– Если клетка удобная, то отчего ж не запереть.

Эх! Слишком сильно саданул палкой по кострищу! Треснула надвое, упала в огонь, взметнув сноп искр. Талла вздрогнула, но не повернулась, а вот хромяя лошадь укоризненно фыркнула.

– Она же невинная девочка! – неубедительно, но горячо возразил служитель.

Верд повернулся к нему, уставился на переносицу колючим взглядом, который (Санни прекрасно это знал!) не мог выдержать никто.

– А я – твой друг!

– Бывший друг, – с горечью напомнил служитель.

– Но хороший бывший друг, – хмыкнул Верд.

Больше Санторий не говорил. Готовясь ко сну, охотник съязвил, что, кабы знал, как просто его заткнуть, давно бы это сделал. Но от шутки ароматная каша, съеденная на ужин, словно поднялась обратно к горлу и стала комлем. Потому, наверное, и не спалось. Хотя шастающие поблизости волки тоже не способствовали спокойному отдыху. Когда же Верд отлучился, так сказать, спугнуть из окрестностей лагеря хищников, застал у входа в шалашик надпись (сделанную, кстати, с ошибкой): «Шёл бы ты на хрен». Предполагаемый автор текста лежал спиной к костру и неубедительно изображал спящего. Верд хмыкнул и без малейших угрызений совести затоптал откровение слуги богов.

Вскоре подморозило сильнее, пришлось потянуться за одеялом. Оно почему-то оказалось ближе, чем помнил охотник. Прямо-таки само сунулось в руку, как соскучившийся пёс. Ещё и тёплое...

– Чего не спишь? – вслед за ним вылезла Талла.

– Вас стерегу.

– Думаешь, сбежим?

– Думаю, убьётесь сдуру.

– Это мы можем, – хихикнула девчонка, отвоёвывая край ткани и устраиваясь под ней, как птенец под крылом.

– А ты чего? – буркнул Верд, чтобы хоть как-то среагировать на странный жест.

– Стерегу тебя. Вдруг сбежишь.

Пустые разговоры. К чему? Охотник зло выдохнул. Лучше бы девка спала. А то сидит рядом, непонятно, чего хочет, жмётся к боку, не давая расслабить плечи.

И волосы эти, что снег на ветру! Колышутся, взмывают в воздух, повинуюсь чьей-то неведомой воле, а не законам природы. Белые, как снежинки. Того и гляди растают от жара огня.

Льдинка. Хрупкая, тонкая... Не тронь – рассыплется в огрубевших пальцах.

А пламя плясало, облизывая разохшееся дерево, сжирая всё, до чего могло добраться, шипело, боязливо отдёргивая языки от островков снега. Что станет, коснись оно ледяной статуэтки? Огонь потухнет, отступив перед красотой? Возможно. Но и красоты не станет. Лучше уж им держаться подальше, каждый в своём мире. Хрупким статуэткам место на полке. А лесному костру – в походе.

– Как живой, правда? – обожгло щёку охотника тёплое дыхание.

– Скажешь тоже... – Он подбросил пук хвороста, и огонь с рычанием накинулся на добычу. Точно как живой.

– Как добрый хозяин. Накормил, обогрел. А сейчас сказки рассказывает.

– Ерунду-то не мели. Сказки... Тоже мне.

– А ты послушай!

Талла обхватила его тонкими ручками за шею, заставила склониться к костру. Тот трещал, поедая горючее, шипел, злился, пытел и бурчал. Как старый зловредный дед, у которого выпрашивают историю непоседливые детишки.

– Придумала тоже... – Верд выпрямился, осторожно расцепляя руки колдуньи. – Огонь слушать! Лучше слушай, как бы волки не подобралась.

Но однажды прорвавшая оборону девчонка не желала отставать. Извернулась, когда её попытались оттеснить к лежаку, ухватилась за руку. Наёмник скрипнул зубами: рассудив, что все уснули, он снял

повязки с саднящих ладоней. Треугольные отметины на них непрерывно жгло вблизи колдуньи, не выбросишь из головы. Он прикладывал к ним снежки, облегчая боль, но это мало отличалось от попыток подлечить на ходу хромую клячу. Всё одно боль не уйдёт, только вернётся вдвое против прежнего.

Талла повторила пальцами серебристый узор метки.

– Больно?

Верд неопределённо скривился. Может, и больно, но не пристало воину в таком сознаваться.

– Давай полечу?

Эка невидаль! Колдунья, помогающая наёмнику! Верд чуть не рассмеялся, но вовремя вспомнил, что его смех не слишком-то весело звучит.

– Спать иди.

Она вскочила, скакнула через костёр (сердце охотника пропустило один удар), закружилась по поляне:

– Разве можно спать в такую ночь?

Невольно осмотревшись, Верд пришёл к выводу, что не только можно, но ещё и нужно. Если не в такую, то в какую вообще?

Девка, главное, пляшет, словно холода не чувствует! Ровно снежинка. Дурная!

Кружит, смеётся... Так завывает, баюкает метель усталого путника. Утешит, погладит по волосам, поклянётся, что подарит тепла, уложит на пуховую перину. И ледяное одеяло накроет коченеющее тело. А она так и продолжит выть и смеяться, танцевать и мести. Пока не найдёт нового дурня, поверившего в сказку.

– Ну-ка марш на лежак, дурная! – невесть с чего разозлился Верд. – Завтра опять носом клевать станешь, просить привал! Марш, сказал!

Он ловко поднялся, широко шагнул, чтобы грубо, жёстко, до синяка ухватить её за плечо. Но чудесница извернулась, проскользнула под крепким локтем: не поймать снежинку, как ни старайся.

– Пойду! Честное слово, пойду! Дай чуточку времени! – И сама сжала тонкими пальцами его предплечья, обжигая даже сквозь куртку. Попросила: – Потанцуй со мной, Верд!

– Что я, пацан какой? Танцевать? Придумала тоже!

– Один танец! – Она откинулась назад, точно ведомая ветром. – А потом сразу спать! Ну пожалуйста! Смотри, как хорошо!

Охотник слишком часто видел небо. Хорошо для него – потолок на постоялом дворе или хотя бы прохудившаяся крыша сарая, в который пустила на ночлег сердобольная вдова. Что ж хорошего в хитро перемигивающихся звёздах, в пороше, что уронили с веток быстрые белки? Что хорошего в треске костра, в мерном храпе бывшего друга, в изредка доносимых горячих вздохах пламени?

– Одну минуточку! Ну пожалуйста! – шепнула Талла, доверчиво прижимаясь к нему, уводя в дурную пляску, касаясь легко, как снежинка...

– Да иди ты! – гаркнул охотник, отталкивая проклятую колдунью. Та покачнулась: вот-вот упадёт, не удержавшись, заплачет горько-горько. Ну и пусть! Пусть сопливо, некрасиво ревет, пусть пускает пузыри, злится, кричит, сбежать пытается! Ей и нужно бежать, дуре эдакой, а не в друзья Верда записывать!

Но она не расплакалась. Лишь сморгнула несколько раз, удивившись больше, чем расстроившись. Уставилась на него чистыми синими глазами, спросила спокойно:

– Зачем ты так?

И Верд не выдержал, отвернулся, снова сел у костра, невесть для чего тыкая в него коротким обломком палки, обжигаясь, точно эта боль могла выжечь из памяти лёгкое, заманчивое, убаюкивающее прикосновение.

Она опять не ушла, как послушный телёнок на бойне. Устроилась напротив, отгородившись пламенем. Казалось, прямо в костёр нырнула, укрывшись раскалёнными языками. И ничего, не тает, не кричит, не жалуется. Лишь глядит задумчиво, морщит лоб.

– Я не боюсь тебя. – Талла, играя, провела ладонью над огнём, не скривилась.

– Зря, – скрестил руки на груди охотник, неосознанно пряча метки.

Она усмехнулась, и на секунду мужчине показалось, что по ту сторону костра не наивная девчонка, а мудрая старуха. Нет, просто пламя бросило тень...

– Наверное. Но неужели страх кому-то облегчал жизнь?

– Страх помогает выжить.

– А зачем выживать, если жить не хочется?

Вот же дура девка! Зачем, спрашивает, выживать? Зачем... А зачем? Затем, что тело требует жирной пищи и сна. Девочек вот тоже требует и выпивки. Затем, чтобы, услышав, что отправился к богам старый вояка-побратим, покачать головой и выпить за него. Затем, чтобы было кому пить за всех, кто ушёл.

– Дура ты, – решил Верд. – Молодая ещё. Не понимаешь.

Талла расхохоталась, завалившись на спину, да так и осталась, рассматривая звёзды, проводя пальцем воображаемую дорожку от одной светящейся точки к другой.

– Дура, – тихонько повторила она, пожевала губами, точно слово налипло на них мёдом. – Дурная, это точно. Дура... Ну, может, и дура. Ты думаешь, Верд, – она перевернулась на бок, опёрлась на локоть, испытующе глядя на хмурого охотника, – что я не знаю, кто ты такой? Я не впервые вижу эти метки. Знаю, что меня ждёт.

Он стиснул зубы. Треугольные рисунки, впившиеся в кожу, стали жечь в разы сильнее. Сунуть бы ладони в сугроб, отрубить их к шваргу, лишь бы избавиться от добровольной кабалы!

– Тогда почему ты пошла со мной?! – горько крикнул он и повторил вполголоса, чтобы забеспокоившийся Санни не проснулся: – Почему не попыталась сбежать, не попросила помощи у старосты?

– У старосты? – Талла принялась аккуратно лепить снежок, сглаживая края, чтобы стали идеально круглыми. – Наверное, ты всё-таки не прав, Верд. Не такая уж я дура. Никто не вступился бы за меня. Колдунья в деревне – хорошая помощница. До худых времён. Случись что, угадай, кто виноват? Кто прятался в лесу целый месяц, когда настала засуха? Кто подпирал дверь лавкой, когда пьяный сынок кузнеца ломился доказать, что мне замуж пора? Нет, Верд. Никто не стал бы рисковать ради дурной девки. Выгонять бы, конечно, тоже не спешили. Всё ж таки и пользы от меня немало, но... но я всё-таки дурная.

– Но ты могла сказать, что не хочешь со мной идти!

– И ты послушал бы? Пожал плечами, ушёл искать другую колдунью на продажу?

Верд промолчал. Не ушёл бы.

– Говорят, наш дар проклят. Отгоняет всех, кого доведётся полюбить. Наверное, это правда. Не зря же ни одной из нас не довелось обзавестись семьёй? Но у любого проклятья есть обратная сторона. Меня ничего не держало в деревне. Я не боюсь тебя, Верд. И я тебя не виню.

Талла сочла снежок идеальным. Прицелилась, прикрыв один глаз, и прямо сквозь пламя запустила в грудь охотнику. Он ошалело ахнул на выдохе, уставился вниз, но стряхивать с куртки было уже нечего.

– И потом... – Колдунья отряхнула руки и хитро, прямо как одна из звёзд в небе, подмигнула: – Мне почему-то кажется, что я очень-очень тебе нужна.

Когда девчонка улеглась в шалашике, а её сопение утонуло в громогласном храпе Санни, Верд всё ещё смотрел на то место у костра, где она сидела. И с ужасом понимал, что дурная права.

Глава 6

Шварги тебя раздери!

Охотник так и не сомкнул глаз, начал седлать коней ещё до рассвета. Это их и спасло.

Сонная Каурка попыталась выразить недовольство укусом, Кляча же, ещё вчера смирившаяся с безвременной кончиной, пускала из ноздрей струи пара и не противилась. Верд проверил её ногу: зажила, точно лошадь весь день дурака валяла, чтобы не везти тяжести.

– Повезло тебе, – довольно хмыкнул он. Ясно, почему дар колдуний так ценится среди знати. Заведёшь дурную девку под рукой, и можно не бояться никакой хвори или травмы. Разве что голову отсекут, тогда её магией обратно уже не приделать. Хотя шварг их знает, дурных этих...

Каурка снова попыталась куснуть хозяина, но тот раздражённо отмахнулся: стоило всё же хоть немного вздремнуть, теперь же весь день будет злить любая мелочь. Но лошадь не отставала. Она тянула повод, порывалась встать на дыбы, всё громче ржала, окончательно разбудив лагерь. Да и Кляча не отставала. Верд порадовался, что успел собрать почти всю поклажу, ведь сейчас лошади нипочём не пожелали бы стоять спокойно, пока у сёдел закрепляют сумки.

– Да тихо ты! Тихо! – сначала сердито, но чем дальше, тем более обеспокоенно повторял Верд.

Скакуньи не просто вредничали: они боялись. И с каждой секундой страх усиливался, перерастая в животный бесконтрольный ужас. Он не обошёл стороной и наёмника. Из глубины живота поднималось тёмное, едкое чувство. Именно оно заставляло в походе хвататься за меч прежде, чем открываешь глаза, вскакивать быстрее, чем проснулся. Оно помогало Верду выживать в бою и ни разу ещё не обманывало.

– Доброе утро! – лучезарно улыбнулась Талла, выглядывая из шалаша. – А почему лошадки...

Закончить охотник ей не дал. Приложил палец к губам и резко дёрнул подбородком в сторону коней. В кои-то веки девчонка не стала спорить или радостно выяснять, что хорошего случилось. Молченько

подхватила оба одеяла – своё и Санни – и, вцепившись в ворот куртки служителя, заставила и его подняться.

– Отсыпь овса или пинка, чтоб заткнулась, – сонно пробормотал Санторий, пытаясь поймать край ускользающей ткани. Но прохладиться ему не позволили.

– По коням. Быстро, – скомандовал Верд, озираясь в поисках невидимого врага.

Сомнительная идея, надо признать. Обе лошади метались и меньше всего были настроены на покатушки. Но, где бы ни сховался неприятель, скакуньи бросятся в другую сторону. Да, могут понести. Не самое приятное ощущение, особенно для девки, не умеющей толком держаться в седле. Ещё провалиться в запрятанную снегом нору могут и сломать что-нибудь. Хорошо, если не шею; хорошо, если только себе. Но это всё равно лучше, чем столкнуться без оружия с тем, кто так перепугал Каурку. Каурку! Ту самую, которая преспокойно щипала траву, пока Верд разбирался с поддавшимися жадности служивыми. Ту самую, которая при виде медведя только досадливо фыркнула и ровным шагом пошла по обратному пути!

– Спокойно, Каурушка! Всё хорошо! – утешала животное колдунья. – Что же напугало тебя так, милая?

Вскочить бы сейчас в седло, перехватить поводья у Таллы и припустить куда подальше! Но лошади кружили на месте, не решаясь сунуться за частокол ёлок, прятавших ночью путников от ветра.

Окружили!

Кто бы ни укрывался деревьями, он не один. И он умнее зверя.

– Там! Там кто-то! – заверещал Санни, сам едва не встав на дыбы.

Служитель указывал дрожащей рукой на качающуюся сильнее прочих ветку, с которой только что некто невидимый стряхнул холмик снега.

Угасающий костёр не дарил света, побледневшие перед восходом звёзды тоже не собирались облегчать воину задачу, а первые лучи солнца успевали затеряться в лесу, так и не достигнув лагеря. Кабы не натренированный слух, не чутьё Верда, помогающее видеть невидимое, он и вовсе остался бы слеп перед неприятелем. А неприятель, похоже, любил прятаться в темноте...

Талла едва слышно добавила, пристально глядя в противоположную от указанной Санториём сторону:

– На западе двое мелькнули.

Верд не стал озираться, чтобы убедиться. И без того ясно, что круг сужается. Надо прорываться.

– Здесь, здесь! – снова закричал Санни. И не поверил бы никто, что этот трусливый толстячок некогда мог стоять рядом с охотником, тоже сосредоточенно сжимая рукоять клинка, выписывая его остриём едва заметные, усыпляющие бдительность врага восьмёрки.

Темнота за деревьями становилась гуще, приобретала очертания, как сумасшедшей улыбкой кривилась тощими, сильно выступающими под шкурами хребтами. Верд ещё не видел, но уже знал, где они затаились. Знал, что под неприметным отблеском снега в жёлтых глазах прячутся голодные пасти.

– Волки... – пискнул Санни, тоже выхвативший отражение тлеющих углей во мраке, казавшемся пустым.

– Это не волки, – прошептал охотник. И он не смог бы повторить это громче, потому что тогда все бы услышали, что голос бесстрашного наёмника охрип, а горло пересохло.

– Это шварги, – первой поняла Талла.

И тогда, рассекреченные, они бросились вперёд.

– Да чтоб меня шварг сожрал! – выругался Верд, прежде чем понял, что шварг не только действительно может осуществить озвученное, но и, судя по всему, уже подготовил приборы к трапезе. Допросился! – Н-н-но!

Охотник никогда не считал себя отличным наездником. Неплохим, быть может, но не лучшим. Что он, что Каурка больше привыкли к долгим походам, одинаково умели сносить и пургу, и палящее июльское солнце. Но оказалось, что нечисть способна пробудить таланты, о которых никто и не подозревал. По крайней мере Верд измудрился вскочить в седло с места, без разгона и стремени, оттолкнувшись лишь от оскаленной морды со слишком широкой алой прорезью рта. Все четыре лапы шварга разъехались в разные стороны, а приплюснутая харя зарылась в снег. Каурка прыгнула через неё, будто всю жизнь училась брать препятствия, прорвала кольцо, добавила немного пороши из-под копыт, делая холмик рыжеватой

шерсти чуть более живописным. Наёмник, игнорируя правила честного боя, добил лежащего лезвием поперёк хребта.

Кабы это помогло! Нечисть боится доброй стали, особенно если последняя достаточно глубоко входит в тушу. Но не шварги. Этих не убить ничем. Оттого, наверное, их и считают тварями из другого мира, теми, кто одинаково легко убивает живых и жрёт мёртвых. Оттого и желают недругу оказаться во чреве шварга, обрекая на вечные муки...

Упавшая тварь встряхнула шерсть, забрызгав белоснежное полотно брусничинами крови, и единым прыжком развернулась, чтобы пуститься в погоню.

– Гони-гони-гони!!! – надрывался Санни, зажмурившись, поторапливая Клячу ударами, вообще не понимая, куда скачет. Лишь бы подальше отсюда! Благо впереди неслась Каурка, которой худо-бедно успевал управлять Верд, так что и служитель двигался за нею.

Ещё широкий росчерк меча, и ещё один, и ещё... Но твари не желали отступить! Они бежали слева и справа, пытаясь снова окружить жертв, цапнуть за ногу или развевающийся лошадиный хвост. Что им пара царапин, когда вот он, рядышком, сытный завтрак?

Охотник резко натянул поводья, разворачивая лошадь, чтобы встретить мечом прыгающего сверху монстра. Шварги лазают по деревьям не хуже белок, впиваясь в стволы загнутыми когтями, но делают это очень медленно. Пока гадина забралась, пока прицелилась, пока сиганула вниз, метя сбить Сантория на землю, Верд успел выставить клинок. И едва не лишился его, когда отяжелевшую тушу повело в сторону. Расслабил руку, позволяя твари соскользнуть с лезвия, а та, скотина эдакая, едва оказавшись на лапах, вскочила и продолжила погоню. Хоть отставать начала, и то хорошо.

– Глаза разуй! – гаркнул охотник, выхватывая нож из-за голенища сапога и на ходу перекидывая его другу.

Служитель едва успел выполнить приказ, но оружие не упустил, к тому ж сразу полоснув им по загривку шваргу, вцепившемуся в чересседельную суму. Кляча заржала так испуганно, словно клыки задели не дерюгу, а её собственный зад, метнулась в сторону, проваливаясь, но тут же выскакивая из сугроба. И слава богам! Отстав от Каурки, она пустила неприятеля вперёд, и тот выскочил бы перед ней, вцепился бы в незащитное горло... Повезло! Шварг лишь

проскользнул мимо, когти, вспарывая рыхлый снег, почти не затормозили его. А вот сбившаяся в кучу позади свора – да.

Послышалось оскорблённое тьяканье, возня, рычание и оборвавшийся посередине рык. Стая не заметила потери бойца, продолжая движение.

Верд не пожалел драгоценной секунды и оглянулся. Недвижимая клякса рыжей шерсти так и осталась на месте. Оказывается, шваргов всё же можно убить. Жаль, что сделать это могут только такие же твари.

– Да сколько же их?! – хныкал Санторий, снова вынужденный орудовать ножом и делавший это удивительно ловко.

– Я их считаю, по-твоему? – огрызнулся Верд

– Двадцать шесть, – невозмутимо сообщила колдунья, которая, казалось, вообще ничего не должна видеть из-за густой Кауркиной гривы. – Уже двадцать пять, один тяжело ранен.

– Кабы это ему помешало...

Костлявые, лёгкие, больше похожие на волчий труп, чем на живое существо, шварги могли нестись по сколь угодно глубокому снегу. Чего не скажешь про лошадей. Ёлки не пустили метель в лес, но о проторенной дорожке не стоило и мечтать. Каурка начала спотыкаться, цеплять пни и поваленные стволы, замаскированные зимой. Потная, бешено косящаяся Кляча всё больше годилась на откуп голодным чудищам. Зато Санторий, вспомнив былые времена, покраснелся, подтянулся и щедро одаривал хищников ударами, но при этом и сам не остался без травм. Хотелось бы верить, что укусы шваргов не ядовиты. Но ещё никому не доводилось выжить после стычки с ними, чтобы это доказать.

Неожиданно Талла, прежде лишь крепко цепляющаяся за лошадь, чтобы не мешать охотнику, выхватила и потянула поводья:

– Направо!

– Куда, дура! – Дать бы хорошую оплеуху девке, чтоб помалкивала, так вылетит же из седла к шваргам, в прямом и переносном смысле! – Там сугробы! Лошади ноги переломают!

– Направо! – упрямо дёрнула уздечку Талла, махнув на плотно сомкнувшиеся ёлки, чтобы и Санни не проскочил их.

– Не пробьёмся! – Охотник локтем встретил алый зев пасти, куртка заскрежетала, кровь брызнула в голодную морду, подстёгивая

интерес к ускользящей добыче.

Колдунья завизжала, хватая мужчину за плащ, чтобы звери не стянули того вниз, её ладони засияли, точно погрузившись в звёздный свет, оставляя за собой искры в воздухе. И шварг зажмурился, замотал головой, принялся когтями выцарапывать из жёлтых глаз переливающихся светлячков.

– Да чтоб тебя! – не стал снова поминать шваргов Верд, заставляя Каурку свернуть в кажущуюся непроходимой чащу. – Санни! Сюда!

Колючие ветки приближались, грозя выколоть глаза. Лошади невыносимо медленно плыли по сугробам, высоко подбрасывая крупы.

«Не успеем», – понял охотник, когда зелёные иголки хлестнули его по щекам.

* * *

Деревня у озера всё-таки была. А вот озера уже не было.

Безымянный автор карты, с которой сверялся охотник, не напортачил. Но ни запаха печного дыма, ни проторенной стёжки, ни любопытных шумных собак, что обозначили бы правильно выбранную дорогу, путникам не встретилось. Потому что не только некогда прозрачный, идеально круглый водоём покрылся слоем вонючей тины, но и саму деревню словно усыпила, заболотила неведомая сила.

За ёлками закончилась зима. Её изгнал в лес едкий зелёный туман, клоками ползающий меж опустевших домов с распахнутыми ставнями. Забытые, уже никому не нужные вёдра валялись у колодца рядом с брошенным коромыслом, покрытые поблескивающей от влаги плесенью. Она, точно ослабевшее, голодное существо, тянула плети ростков к селению, выбиралась из колодца молочными пенками, захватывала власть над местом, некогда кипящим жизнью.

Верд замахнулся подстегнуть остановившуюся в недоумении Каурку, но опустил руку: шварги замерли по ту сторону деревьев, в царстве снега и льда, поскуливая, но не решаясь преследовать дальше. Видно, шварги умнее людей.

Санни позволил Кляче подозрительно принюхаться к величаво проплывающей мимо кляксе тумана, но в последний момент та попятилась и прижала уши.

– Где это мы? – Талла высунулась из-под плаща Верда, в который успела замотаться на ходу, как в кокон.

– Тебя спросить надо! – рыкнул охотник. – Кто верещал, что нам направо?

– Но помогло же, – легкомысленно пожала плечами колдунья, расстёгивая полушубок.

В тёплой гнилостной сырости пустой деревни сразу стало невыносимо жарко.

Служитель мизинцем осторожно отодвинул одну из веток, отгородивших их от погони. Послышался характерный лязг челюстей, Санни торопливо отдернул палец и на всякий случай заставил Клячу пройти ещё немного вперёд.

– Действительно помогло, – подтвердил он. – Шварги не суются дальше ёлок.

– А мы теперь из них не высунемся, – хмуро поддакнул Верд. – Куда? Дурная!

Ухватить Таллу за косу он не успел, так что девчонка легко соскользнула на землю и двинулась к домам, по большой дуге обходя островки тумана и плесени. Охотник обернулся на Санни в поисках поддержки, но нашёл лишь поспешно спрятанную улыбку.

– Сам такую завёл. – Служитель поджал губы, дескать, ничего он здесь не может поделать, спешился и отправился за колдуньей. Всё лучше, чем стоять меж двух зол, не понимая, которое из них зубастее. Да и утробное урчание за спиной – весомый довод поторопиться.

– Обоих придушу, – пообещал сам себе наёмник, вытирая оружие от крови шваргов и догоняя спутников. Не слишком старательно, чтобы вдруг не решили, что он признал их решение разумным.

Избы походили на провалившиеся рты мертвецов. Страшно заглянуть в качающуюся на одной уцелевшей петле дверь: ну как покажется внутри кто-то, кому место по *ту* сторону? Ну как поймёт, что его заметили? Ну как протянет зеленоватые руки, чтобы поймать, утащить любопытного туда, где не выдают секретов...

Верд не опускал меча. Ясно, что деревня вымерла. Ни птицы не встретилось по пути, ни мыши не скользнуло из-под ног; жабы, извечные жильцы болот, и те не водились здесь. Лишь туман ползал у порогов, как брошенный пёс, не понимающий, куда мог пропасть верный хозяин. Вымерла... Но охотник всё равно сжимал рукоять

крепче, чем посреди поля брани, когда клинок летает из ладони в ладонь, предугадывая желания бойца.

Осторожничала и колдунья. Талла двигалась медленно, часто останавливаясь и прислушиваясь, иногда ощупывая кочку перед собой носком сапога и только потом ступая. Она прошла мимо стонущих от одиночества изб, не повернувшись, не поддавшись соблазну заглянуть внутрь, проверить, есть ли кто живой. И без того знала: никого. Благо и мёртвых не встретилось. Пока что.

Широкая деревенская дорога, вдоль которой, как ожидающие очереди на тот свет воины, выстроились хатки, вела к мосткам у озера. По ним, как по сломанной лестнице, взбиралась вонючая тина. Талла прикрыла нос рукавицей, Верд же только поморщился: чуял он вонь и прежде, но эта если и не худшая на свете, то определённо где-то в самом верху списка.

– Фониша какая, – прогундосил Санторий, так и эдак пытающийся повернуться, чтобы ветер относил запах в сторону. Но ветра тоже не было.

– Оно гниёт.

Колдунья ступила на мостки. Верд едва сдержался, чтобы не кинуться следом и не выволочь дурную из опасного места. Не пристало дёргаться из-за каждой девки... Только что ж она, ненормальная, никак не застынет на месте, словно нарочно пытаюсь поскользнуться?!

– Плюхнешься – вытаскивать не стану. Сама там гнить будешь, – предупредил он, тем не менее придвигаясь ближе. Нет-нет, Верд не собирался, если что, спасти дурную. Просто тоже интересно, отчего всегда прозрачное и свежее лесное озерцо за считанные месяцы превратилось в откровенную падаль. Даже лягушки побрезговали икру метать, и мух нету.

Вот только, если мух нету, откуда это едва чутное жужжание? На самом краю слуха, почти неразличимое. Никто и внимания не обратил, один лишь Верд вспомнил, как не любил всегда сидеть у воды именно из-за доставучих слепней. И звук этот, однажды услышанный, становился невыносимо назойливым.

– Дурная, – позвал Верд.

– А? – Талла обернулась, опасно покачнувшись на ослизлых досках.

Они встретились взглядами и замолчали.

«Слышишь?» – безмолвно спрашивал Верд.

«Слышу», – тишиной отвечала колдунья.

– Ну чего вы? – не выдержал Санни. – Чего вылупились?

Он мотал головой от одного к другой, всё больше беспокоясь и придумывая ужасы, которых и в помине нету.

Талла опустила веки, покачала подбородком из стороны в сторону, будто танцевала под неслышную песню. А потом подхватила юбку и бегом бросилась вокруг озера.

– Там! Туда! – спотыкаясь, повторяла она. – Оттуда!

– Мы догоняем или убегаем?! – озирался в поисках опасности Санторий, не забывая как можно скорее перебирать ногами.

Верд бы с удовольствием ответил. Если бы знал сам.

Если в чьей-то власти взять жизненные силы из одного места и вложить их в другое, этот таинственный некто так и поступил.

Поодаль от остальных домов, на противоположном краю озера, стоял храм. Он давненько пустовал: проезжая этой дорогой в прошлый раз, Верд видел развалины с провалившейся крышей, к которым и близко не подходил никто из живых тогда селян. Должность служителя в маленькой деревеньке, спрятавшейся в лесу, не слишком-то хлебная. Видимо, потому обитель богов давно заброшена. Но это было тогда.

Сейчас же храм гудел, жужжал и чирикал. Его, словно коконом, обволакивал рой мух; от одной покосившейся башенки к другой сновали быстрые синицы; на камнях, выпавших из кладки, деловито восседала сорока. Зелёный туман боязливо обходил руины стороной, как только что обходила его самого колдунья.

Но эти проклятые мухи!

Жужжание ввинчивалось в уши, щекотало под волосами. Ещё на подходе Верду начало казаться, что проклятые твари забрались в ноздри, под язык, лезут в глаза, а он, словно навечно выпучившийся на небо мертвец, даже не может согнать их.

Они гудели и переругивались, сплетая жужжание в похоронную песню, оплакивая деревню вместо людей.

Предрассветный час – самый тёмный. Он не даёт поверить, что до первых лучей солнца осталось совсем немного, из последних сил

борется за царство темноты и пытается лишить надежды, удержать во мраке хоть кого-то, бьётся и визжит.

Как бьются и визжат шварги, обежавшие поляну с озерцом вдоль елового частокола, унюхавшие ускользнувшую добычу теперь уже с этой стороны. Их жёлтые глаза мелькали меж ветвей, но твари не могли переступить невидимую границу. Вот только и трём растерянным людям тоже деваться некуда.

– Боги свидетели, я бы очень не хотел нести дурные вести... – начал Санторий, требовательно дёргая Верда за рукав.

– Я тоже их вижу. – Охотник, не отводя взгляда от зарослей, выдержнул руку.

– Да, – замялся слугитель, – и я вижу. Вот только весть, пожалуй, ещё хуже.

Хуже шваргов? Наёмник повернулся, чтобы лаконично предложить Санни провести с хищниками переговоры, чтобы убедиться в том, что весть дурнее придумать сложно. Но на этот раз едкие слова пришлось проглотить. Потому что почуявший Таллу туман поднимался из озера и, вытянувшись тонкой полосой, полз берегом по её следу. А за ним, у домов, клубилось огромное зеленоватое облако. Точно живая ненасытная плесень, оно бурлило, ворчало и двигалось, прижимая троицу к деревьям, за которыми замерла в ожидании стая.

– Опустит меч, – тихо попросила Талла, касаясь ладони охотника.

Треугольные метки, тщательно замотанные повязками после ночной беседы с колдуньей, вспыхнули и нагрелись. Верду на мгновение почудился запах палёной плоти. Он порывисто отодвинулся, не позволяя собой командовать. Ещё и сместился ближе к наступающему живому дыму. Вот ещё!

– Верд, – встрял Санторий.

Охотник молча покосился на них через плечо и одарил уничижительным взглядом.

– Пожалуйста... – Синие глаза колдуньи походили на чистые, незамутнённые озёра. Именно такой когда-то была ныне гниющая вонючая гладь. И Верду очень-очень не хотелось, чтобы одно соприкоснулось с другим. – Ты не можешь.

– Представь себе, дурная, я очень даже могу! – Наёмник демонстративно крутанул клинок.

– Милостивые боги, одарите этого неразумного... этого придурочного, – поправился Санторий, но, подумав, изменил молитву снова: – Одарите этого полного идиота хоть толикой рассудка! Он собрался сражаться с туманом, благодетели! Неужто, когда вы раздавали доблесть, этому мужу досталось так много, что на разум не хватило места?

– Шёл бы ты вместе со своими богами, – посоветовал охотник, но ругаться не стал и закончил деловито: – В храм.

– Шёл бы ты сам... – начал Санни полным смирения голосом, не успев перестроиться после обращения к небесным покровителям, но внезапно его осенило: – Шёл бы ты сам! Сам, Верд!

Первой осознав сказанное, Талла аж подпрыгнула от восторга:

– Точно! Верд, иди! Иди, куда Санни послал!

– Да ну вас! – обиделся охотник. Он тут, между прочим, на смертельную битву настраивается, а эти зубоскалы ещё и издеваются!

Одно наёмник усвоил точно: если колдунья что-то вбила в голову, она достанет всех вокруг, но от своего не отступится. Талла повисла на его плече, вторым завладел Санторий, и вместе они принялись теснить Верда в сторону развалин.

– Туман! Смотри, туман! – запыхавшись от приложенных усилий, пыталась объяснить девчонка.

Санторий перемежал ругательства с молитвами и тоже всё пытался указать охотнику на камни священного здания.

Дошло до Верда до обидного поздно. Туман обходил храм стороной! Заползающий с боков, облизывающий влажные кочки, оставляющий за собой тропу из плесени, он всё равно не касался развалин! Ни на едином камне не переливалась зелень, даже капли росы не появлялись на них!

Охотник в последний раз скривился, глядя на рой безостановочно жужжащих мух, сдержался, чтобы не протереть глаза, убеждаясь, что в них ещё не успели отложить личинки проклятые насекомые, зажмурился и позволил втолкнуть себя в остатки храмовых дверей.

Глава 7

Слуга богов

– Я, конечно, всегда верил в небесных покровителей, но сейчас думаю, что недостаточно...

Санторий в трепете остановился и всерьёз подумал, что не мешало бы упасть ниц. Из провалов в крыше тёк солнечный свет. Причём, вопреки всем возможным законам, не холодные зимние лучики, а медовые струи, какие ласково припекают макушки только в июле. По выщербленным стенам взбирались цветущие вьюнки, у которых мелькали пузатые пчёлы. Птицы щебетали с таким усердием, точно вломившаяся троица явилась проконтролировать качество их пения. Бессчётное количество насекомых, расправив крылышки, грелись на позолоченных солнцем камнях. И только арки многочисленных входов, заглывающие друг друга, уводили взгляд в тёмное, таинственное и пустынное брюхо строения.

– Шварги тебя... – начал Верд, уронив челюсть, но вовремя вспомнил, что он невозмутим и циничен, и проглотил ругательства.

– Ой, смотрите! Солнышко! – Талла прильнула к стене и доложила: – Тёплая!

Санторий, не оборачиваясь, нащупал выступ у входа и опустился на него с видом человека, который мог бы рухнуть и прямо на землю.

– Снаружи солнце едва всходит, – слабым голосом проговорил он. – А здесь... – дрожащий палец указал на дыру в кровле, – здесь висит в том месте, где ему полагалось бы быть летом...

– И греет! – добавила Талла, по-кошачьи жмурясь и потягиваясь. Полушубок она скинула сразу же, так что свободные рукава рубахи соскользнули, обнажая хрупкие запястья. Верду стоило немалых усилий не стиснуть одно из них и не дёрнуть девку в тень, а то и накрыть сверху плащом: мало ли кто увидит?

Наёмник прикинул, как хорошо было бы оказаться в каком-нибудь привычном и спокойном месте. В дешёвой ночлежке, где засовы на двери скорее приглашение, чем запор от ушлых соседей, жадных до чужих кошельков; в тёмном переулке, где из-за угла может сначала показаться острие ножа, а потом уже фигура в неприметной одежде;

посреди пьяной драки в харчевне, где невинным прилетает едва ли не больше, чем зачинщикам; на поле брани, в конце концов! Лишь бы подальше от этого забытого людьми и богами храма, запертого в куске лета, как комар в смоле. И Верду совсем-совсем не хотелось думать, что глупой троице тоже не выбраться из вязкой липкой массы...

– Да иди ты, – отмахнулся он от Каурки, ткнувшей мордой в ухо.

В отличие от людей, лошади восприняли внезапную смену времён года более чем благосклонно. Кляча уже вовсю жевала, наслаждаясь свежей зеленью и фыркая на встревоженно жужжащих мух, Каурка же ни с того ни с сего прониклась ответственностью боевого скакуна и норовила поддержать хозяина.

Санторий лепетал молитвы, перескакивая с благодарственной на обеденную и обратно:

– Всемогущие покровители, благословите неразумных детей своих, что оказались на этом столе...

– Санни! – не в первый раз гаркнул охотник. Служитель растерянно вскочил и сразу плюхнулся обратно. – Я сказал, надо проверить развалины. Наверняка какая-нибудь ещё дрянь... А ты куда?! Стой, дурная!

Перехватить Таллу удалось далеко не сразу. Девчонка сучила руками-ногами и порывалась первой отправиться на разведку.

– Интересно же! Ну чего ты? Верд, поставь меня! Если бы кто-то хотел нас скушать, он бы...

– Он бы подождал, пока сумасшедшая девка останется одна, и косточек бы от неё не оставил!

– А вот и оставил бы! Во мне костей много, всё сразу не съесть!

– Сиди смирно, сказал!

– Ты на лошадок погляди! Было б тут что страшное, они бы мигом почуяли! Правда, Каурушка?

Окликнутая лошадь повернулась на звук. Из угла её рта свисала гроздь вьюнка, подрагивающая в такт скрежету зубов.

– Да уж, сторож – лучше не придумать! Санни, чтоб тебя! Прекрати биться лбом о камни!

– О святые камни! – подметил служитель.

– И пригляди за этой ненормальной.

Извивающееся тело колдуньи перекочевало из крепких рук наёмника в менее крепкие руки служителя и сразу же ожидаемо освободилось.

– Я с тобой пойду!

– Сказал бы я, куда ты пойдёшь...

– Куда? – тут же заинтересовалась Талла. – Я схожу!

Охотник малодушно попытался присоединиться к битию головой о стену. В поисках путей отступления он осторожно высунулся за дверь. Холодный, мокрый, плесневелый туман сгущался в кольцо. Ни прорехи, ни щёлочки, чтобы мог проскочить человек или хотя бы тощая мелкая колдунья. Да и куда? Там, где туман таял и впитывался в землю болотистыми зеленоватыми каплями, начинался частокол из ёлок. С ближайших ветвей стекали мутные капли, дальние же гнулись под тяжестью снега. А белые комья то и дело срывались и падали вниз, задетые колючим рыжеватым хвостом.

Никуда не деться. Никак не сбежать. Лишь сидеть в храме, по нелепой случайности отпугивающем неприятеля, и вторить молитве Санни.

– Ну как там? – Талла попыталась выглянуть из-за плеча охотника, но тот отгеснил её назад.

– Ждём, – кратко прокомментировал он ситуацию, хотя куда ближе к истине было бы «гадимся от страха» или «орём, призывая помощь».

Наёмник собирался в одиночку исследовать развалины в поисках того, что хочет их убить или может спасти. Шансы найти что первое, что второе не слишком-то велики, но чуйка не позволяла расслабиться и ждать, пока боги соизволят откликнуться. И хоть Верд очень не любил компанию, оставить спутников без присмотра тоже не мог. Поэтому побарабанил пальцами по рукояти клинка и скомандовал:

– Пошли. Да не беги ты вперёд, дурная!

Ни один из раскрывающихся перед ними пасть залов не пустовал. В них шуршали мыши, сновали пичуги, один раз Верд хотел прижать сапогом наглого зайца, чтобы потом, если осада затянется, сварить похлёбку. Но Талла повисла у него на плече, категорично требуя «зайку не трогать». Охотник стиснул зубы, но ругаться не стал. В конце концов, если вся живность из окрестностей деревни, как и они втроём, спряталась внутри храма, она уже не убежит. Не съедят

ушастого сегодня, съедят через неделю. И там уже сама колдунья небось, забыв про былую доброжелательность, вопьётся в зверя зубами.

Одним богам известно, сколько путникам здесь прятаться. Вон они, ухмыляются с остатков осыпавшихся фресок, подглядывают сквозь слои пыли с барельефов.

Смеются. А чего бы и не смеяться? Правда что, шутка – лучше не придумать!

Их – трое. Всемогущих покровителей рода людского. Бог с Ножом, Бог с Ключом и Богиня с Котлом. Их навечно заключили в этом храме, в рисунках на стенах, в лепнине и узоры камней. И они отомстили: заманили в ловушку троих проходимцев, точно в кривом зеркале отражающих три дара, что принесли благодетели на землю!

Верд с мечом. Не защитник, как завещал старший брат из благословенной Троицы. Не праведный и честный, готовый грудью встать за семью. А наёмник, лжец и убийца.

Санни, служитель Трёх Богов и одновременно насмешка над ними. Не хранитель обители, не радушный хозяин, каким предстал когда-то средний брат, принесший Ключ от первого дома. Нет, Санторий – разочаровавшийся, бросивший кров и предавший друзей... друга трус.

И Талла. Добрая, нежная, заботливая... Казалось бы, единственная, достойная божественного дара. Дара, что создала младшая из благодетелей, – Котла. Последователи Троицы верят, что богиня одарила им первую семью, дабы голод более никогда не мучил людей. Людей... Но колдунья – не человек. Она – ошибка, существо, которого боги не создавали. Дар, которым не наделяли смертных. Случайность, свидетельство того, что даже Трое не всемогущи!

Боги ненавидят дурных. Колдовство неуютно, противно им. Так издревле повелось. А потому Талла тоже насмешка. Они втроём – плевок в лица Всемогущих. Так не для того ли высшие силы заперли их в храме, чтобы раз и навсегда вырвать занозу?

– Санни!

– Ась?

Служитель вздрогнул, словно кто-то огрел его по затылку. Палец его так и замер на щербатом куске мозаики, изображающей троицу покровителей, впервые спустившихся с небес. Узор заканчивался

вытянутыми дланями богини, передающей Котёл оборванным, грязным и беспомощным смертным. Но в полной мере оценить творение искусника, посягнувшего на изображение ликов богов, не удавалось: часть фрески, изображающая людей, осыпалась туда, где и место выродкам земли – к ногам смотрящего. Санторий случайно ступил в кучку каменной крошки, принятую им за мусор, и теперь безучастно таранился вниз. Ну как сверкнёт молния, чтобы поразить святотатца в самое темя? Но тучи не сгущались, а лысинку идилически припекало солнце.

– Что замер истуканом?

Санни вздрогнул, отнял палец от фрески, а потом вдруг уронил голову и беспомощно прижался к мозаике лбом.

– Это всё из-за меня, Верд, – прошептал он.

Охотник закатил глаза и, не тратя даром время, вlepил приятелю подзатыльник. От удара отлетело ещё несколько деталей панно, но Санторий и не подумал приходить в себя. Напротив, войдя во вкус, ещё разок тукнулся, уже добровольно, и горестно повторил:

– Это моя вина, понимаете? Из-за меня вы здесь оказались!

Колдунья открыла рот, чтобы успокоить служителя, но не сумела сразу найти слов, поэтому всунула ладонь между челом Санни и стенкой, временно назначенной пыточным инструментом. Бросила на Верда вопросительный взгляд, но тот лишь скривился, отчего перечёркивающий губы шрам стал напоминать едкую усмешку:

– У него бывает. Пострадает маленько и дальше пойдёт.

Служитель осуждающе всхлипнул, но прерывать экзекуцию не стал.

– Он же череп расквасит! – обеспокоилась Талла. – И картинку испортит. А она красивая...

Последнее убедило Сантория больше, чем могли бы уговоры и утешения. Он оценил свежие повреждения и сдвинулся чуть правее, но лишь для того, чтобы гулко боднуть камни, имеющие чуть меньшую культурную ценность.

– Покарайте же меня, о справедливые боги!

– Их пока дождёшься... Давай лучше я тебя покараю. Прямо сейчас, а? – предложил Верд, ударяя кулаком по ладони и едва заметно ухмыляясь.

Санни воспринял предложение буквально. Он рванул кожу на груди и с готовностью плюхнулся на колени перед наёмником. Чтобы не возникло недоразумений, направил остриё меча себе в основание шеи:

– Давай! Я заслужил, друг мой! Мы оба знаем, что заслужил! Так окончи же мои страдания и принеси жертву благодетелям!

Санторий зажмурился, но, ощутив, что клинок ослабляет нажим, приоткрыл один глаз и вцепился в оружие, норовя нанизаться на него самостоятельно, если приятель не проявит инициативу.

– Лучше я тебе просто в морду дам! – скрывая беспокойство, буркнул Верд.

– Окончи мои мучения, друг! Давай же!

Не понимая, кого от кого спасать, Талла вопросительно подняла руку:

– Простите, пожалуйста, а нам обязательно кого-то убивать?

– Да! – возопил служитель.

– Нет, – брякнул охотник. – Но, если продолжит нарываться, я передумаю.

– Не смей убирать меч, Верд! Я знаю, ты давно хочешь мне отомстить, так сделай это наконец! Верд! Верд!!!

– Да пошёл ты!

На всякий случай он отодвинулся, озираясь в поисках колонны, за которой можно было бы спрятаться от полоумного. Но Санторий не отставал, на четвереньках загоня палача:

– Это моя вина! Я лицемер! Столько лет выдавал себя за праведного служителя, а сам лишь искал хлебную должность и тёплое местечко! Боги разгневались на меня!

– А не слишком ли много ты о себе мнишь, друже? Боги разгневались на одного придурка и устроили целое представление, – охотник обвёл своды волшебного храма, – вместо того чтобы просто уронить тебе на голову ночной горшок?

Санни заколебался, но продолжил с ещё большим энтузиазмом:

– Они хотели, чтобы я осознал! Во мне не осталось веры, а я смел оправдывать свои поступки их именем! Теперь из-за меня все в беде! Убей же глупца и освободи себя и невинную девочку...

Прозвучал глухой удар. Санторий расплылся в блаженной улыбке и завалился навзничь.

– Простите, пожалуйста, – смутилась Талла, пряча камень за спину.

Верд молча поднял ладонь, позволяя колдунье шлёпнуть по ней.

– Санни у нас очень впечатлительный, – пояснил охотник странное поведение служителя.

– Очень, – подтвердила дурная. – Помоги устроить его поудобнее. Надо полечить, а то вдруг я слишком сильно стукнула. Да и шварги Санни, бедного, совсем исцарапали.

Признаться, Верд думал, что, напротив, можно было и посильнее приложить. Но спорить не стал. Лишь недовольно сопел и всматривался в темноту, свернувшуюся клубком за аркой, что вела в соседний зал.

Колдунья знала своё дело. Её бледные пальцы сияли звёздным светом, касаясь укусов и ссадин. Санторий в чувство не приходил, но всё больше напоминал спящего, а не вырубленного метким ударом. Морщины на его высоком лбу разгладились, а мука, кривившая губы в истерике, совсем стёрлась. Серьёзных ранений у служителя не нашлось, хоть девушка и очень внимательно искала. Верд даже ревниво рыкнул, когда она принялась расстёгивать на больном рубашку.

– Теперь ты, – повернулась она наконец к охотнику.

– Я в порядке, – заупрямился тот.

– Ага, и именно поэтому левую руку баюкаешь и плащом прикрываешь. Давай уже. Санни всё равно не видит.

Глупая колдунья! Решила, что Верд прячет распоротый локоть от Сантория! В былые годы служитель и не такие раны презрительно звал «больками». А вот девчонка могла перепугаться. Потому Верд втихаря замотался обрывком рукава в надежде, что чудесное событие вытеснит из белокурой головки алую пасть шварга, готовую сомкнуться на её бедре. Хорошо бы сначала пройти целиком храм, а потом уже устраивать привал и врачеваться. Но что уж... Санни наделал столько шума, что, прячась кто-то в развалинах, уже сотню раз бы заметил гостей.

Охотник попытался развязать грубый узел на повязке, но тот намок от крови и не поддавался.

– Дай.

Талла заставила его присесть рядом с похрапывающим телом слуги богов. Верд заранее закатил глаза: вот увидит девка кровь, сразу заохает, заахает. Ещё её и откачивать придётся. Но колдунья и бровью не повела. Наклонилась к ране, низко-низко. Вот диво! В храме теплынь, какая не каждое лето случается, а по коже от лёгкого дыхания мурашки побежали... Да какие, к шваргам, мурашки, когда огрубевшие руки порезов не замечают! Вон, от запястья до плеча исполосованы шрамами... Ан нет, чутно. Щекотно. И сладко до боли. Она зубами подцепила узел и распустила повязки.

– Говорил же, в порядке, – глядя в сторону, проворчал наёмник.

– Всё одно Санни без присмотра не оставим. Так что ж не поправить, пока ждём. – Губы колдуньи дрогнули невесть из-за чего, синие глаза-озёра сверкнули хитрецей ледяного омута. Она легко, словно пёрышком, провела пальцем по предплечью охотника, повторяя узор выпирающей жилы.

– Ну чего копаешься? – попытался Верд отнять руку, но колдунья держала крепко. – Перетянуть тряпицей, и ладно.

Кожу точно кололи. Ледяными, тонкими, крошащимися иглами, ныряющими сквозь плоть в самую кровь. Должно быть больно. Всегда должно быть больно: наёмник привык к этому. За крепкие мышцы платишь дрожью в коленях; за хорошую драку – ноющей челюстью; за ночь с продажной бабой – отвращением к себе и опустошением.

В этот раз боли не было. Ледяные иглы щекотали, сновали туда-сюда. Они собирались в стайки прозрачных рыбок, живой нитью оплетали руку, от кости и до кончиков вставших дыбом волосков.

Дурная! Ну точно дурная! Потому не любят их люди, потому не знают соседи. Бросишь один случайный взгляд – и не отвернуться уже. Обманет, закружит, вонзит жало под ребро, ровно паучиха, и выпьет до капли всё, чем был ты когда-то, вытянет по серебряной нити, что обвила десницу, вместе с болью и хворью, прошлое, каким бы оно ни было, и настоящее. А то и будущее захватит, заколдует так, что жизнь станет не мила без колдуньи...

Кокон серебряного света оплёл локоть, сделав похожим на окуклившуюся гусеницу. И из него, как нить из пряжи, тянулась к тонким пальцам звёздная дорожка, наматывалась, как на веретено, отражалась в синих очах-озёрах и таяла. Исчезала, забирая с собой увечье.

– Почему Санни сказал, что ты хочешь отомстить? – нахмурилась Талла. Руки её порхали, как птицы по заброшенному храму, а Верд и уйти не мог, захваченный волшебным искрящимся поводком.

– Потому что у нас было прошлое.

Санни вздрогнул во сне, перебрал ногами, как если бы пытался убежать от невидимого врага.

– И поэтому вы больше не друзья?

– Не думаю, что мы были ими когда-то...

Были. Лучшими друзьями были! Но выдавить это Верд не мог. Потому что «были» – это и правда о прошлом.

– Ему очень стыдно. Прошлое гложет Сантория не меньше, чем тебя. – Лёгкие пальцы успокаивающе скользили по коже, гладили, баюкали. Оттого охотник не сразу понял, что девка лезет куда не следует.

– Не твоего ума дело.

– А что же тогда моего?

– Бабы, – раздражённо буркнул Верд, отгоняя сонное наваждение магии. – Носки бы вязала. Или что там вас заботит...

Талла покатила со смеху, взметнув сноп серебристых искр из ладоней.

– Носки-и-и-и?! Верд, а ты свяжешь мне носки? Вот если я, например, кого-нибудь мечом, – она щёлкнула ногтем по округлой рукояти и тут же болезненно ойкнула, точно ошпарилась, – порубаю, ты мне носки свяжешь?

Охотник необычайно ярко представил эту картину. И мягкое кресло, и кота на коленях (как же без кота?!), и камин, как в благородных домах, и себя самого: в съехавших на кончик носа очках, прикусившего язык от усердия и наматывающего пряжу на заржавевшие от безделья ножны.

– Отстань, – только и сумел выдавить он, чтобы ненароком не присоединиться к веселью.

Но очаровательное мелодичное хихиканье Таллы прекратилось и без строгого приказа. Колдунья нахмурилась и поднесла к глазам истончающуюся серебристую нить, что тянулась от руки Верда. Волшебство сделало своё дело, залечило рану, а потому тускнело, таяло весенней паутинкой и осыпалось звёздной пылью. Однако

дурной что-то не нравилось. Она понюхала, поймала на язык последние затухающие искры и задумчиво хмыкнула.

Охотник проверил, работают ли мышцы: ни рези, ни крови. Рука сгибалась-разгибалась, словно он дал ей неделю отдыха, от раны не осталось и следа. Но колдунья недовольно пыхтела.

– Получилось, – осторожно заметил Верд.

Талла равнодушно отозвалась:

– Я знаю.

И то правда. Не впервой колдунья призывает магию. Это для наёмника волшебство – неземное чудо, о каком вспоминаешь до глубокой старости. Дурная небось через день забудет, как сверкающие дорожки света соединяли их, как щекотали кожу ледяные иголки, как добежали до самого сердца мурашки от её дыхания... Она и не вспомнит. Она и не заметила.

– Там. – Талла поднялась во весь рост и указала в темноту соседнего зала. Не отрывая взгляда, перешагнула через Сантория и пошла.

– Что там? Да стой ты! Дурная!

На ходу поправляя остатки оборванного рукава и обнажая меч, Верд поспешил за ней. А спешить пришлось о-го-го как! Колдунья шла по ямам и корягам, по камням и обломкам досок, аки по ровному мраморному полу. Ни разу не запнулась, не посмотрела под ноги, не повернулась на пролетающих у самого лица птиц.

Верд же, напротив, успевал и спотыкаться, и ругаться на мельтешащих насекомых, и озираться в поисках неприятеля. Колдунья всё шла, словно рядом не было никого. Словно никто, кто был рядом, не имел значения.

Один зал, заполненный гулким жужжанием, второй, в котором каменные своды всё больше уступали молодой поросли, успевшей подняться выше колена.

Алтарь. Маленькая комнатка в дальней части храма и вместе с тем его сердце. Талла остановилась у покосившейся дверцы, беспомощно обернулась на охотника:

– Там что-то есть, – и потянулась к ручке.

– Не трожь!

Верд успел перехватить дурную, дёрнуть в сторону, чтобы не совалась куда ни попадя. Если уж кому и проверять, что за неведомый

враг затаился в тёмном углу, то ему, а не глупой наивной девчонке. Тяжёлая мозолистая ладонь толкнула створку, сверкнуло отражение серебра на клинке...

– Ну, что там?! – Колдунья проскочила под локтем напряжённого наёмника и первой вломилась в алтарь. – О-ой...

Верд бы прокомментировал увиденное иначе, но решил, что девка таких слов может не знать, и если уж ей доведётся их услышать, то пусть лучше не от него. Поэтому, по обыкновению, промолчал.

Пробившийся, как подснежник на первой проталине, родничок терпеливо подтачивал стену. Он жизнерадостно журчал, наполняя этим звуком всё пространство вокруг, как чашу водой. Чашу... Нет, не чашу. Маленький котёл. Он стоял на земле, рядом с источником, а чуть поодаль лежал заржавевший ключ, наверняка прихваченный из ближайшего амбара, и подёрнутый рыжиной нож. Три символа, принесённых сюда неведомым просителем, чтобы боги скорее услышали его слова.

И боги слышали. Потому что чуть выше, в углублении в стене, переливался, искрился и шевелился, как живой, клубок серебристых нитей. Десятки торчащих из него паутинок ныряли в воду. Они светились, как только что светилась оплетённая дурной магией рука охотника, и по ним то и дело снизу вверх пробегали маленькие волны. Будто зверь снова и снова глотает воду из родника, пытаясь, но не умея насытиться.

– Откуда здесь взялся родник? – бесцветным голосом проговорила Талла.

– Нашла чему удивляться! Храм на берегу озера, тут небось на каждом шагу... – Верд запнулся и повторил: – Озеро.

– Озеро, – кивнула колдунья.

Чья-то неведомая воля перелила всю жизнь из деревни в храм. Перелила... как воду из одного сосуда в другой.

Озеро воняло гнилью сильнее всего.

Из озера поднимался ядовитый плесневелый туман.

Озеро начало умирать первым.

Потому что чья-то магия выкачивала из него жизнь через родник, что рождался в водоёме и приближался к поверхности здесь, в алтаре. А озеро, вынужденное отныне нести смерть вместо жизни, отпугивало, гнало от себя людей, насекомых, шваргов...

Птицы, звери, мухи... Кто-то успел скрыться здесь, в храме. Замуровать себя в идеальном доме, из которого теперь не выбраться, как ни надейся. Сколько же силы, сколько жизни вытянула таинственная магичка из деревни, коли её хватило, чтобы над храмом вечно сияло солнце? Знала ли дурная, что творит? Зачем?

Охотник искоса смотрел на свою колдунью. На её растерянном приоткрытом роте, на часто-часто порхающие ресницы... Что сделает? Зарыдает от бессилия? Упадёт в обморок, впервые столкнувшись с тем, что волшебство может не только добро творить? Или... бросится на шею к наёмнику в поисках утешения?

– Ты это... – неловко начал он. – Как там?

Но она не дослушала. Упрямо сжатые кулачки, маленькие, слабые, взметнулись вверх, синие глаза-озёра нехорошо сверкнули серебром... И магия, рождённая где-то в глубине этого тонкого лёгкого тела, искрами скользнула по жилам, чтобы вырваться на свободу и плетью хлестнуть по сыто чавкающему серебрящемуся клубку.

Шарахнуло так, как не шарахала дверь дружинного дома наутро после первой в жизни пьянки Верда с побратимами. Охотник подмял под себя колдунью и кувыркнулся в сторону, одновременно выставляя меч супротив невидимого неприятеля.

– Пусти! – Она вскочила быстрее, чем наёмник сообразил, что храм всё-таки устоял, хоть и грохотал так, словно подпрыгнул на сажень. – Это же колдунья сделала! Колдунья, понимаешь?!

Невесомые нити, рвущиеся из её жил, окрепли, сливаясь в ленты звёздного света. Они хлестнули снова, заставив комок магии зашипеть, как костёр, в который кто-то сдуру плюнул.

Снова бухнуло. С потолка посыпалась каменная крошка, от стены отвалился аккуратный кусок штукатурки в полпяди толщиной.

– Мы же помогать должны! Это правильно, понимаешь? Нельзя, недóлжно творить зло нашим даром! Я знаю, Верд! Он хороший, честное слово! – чуть не плакала она. – Честное слово, наш дар не дурной!

Она плакала, утиралась рукавом. Рубаха перекосилась, обнажив угловатое бледное плечо. Охотнику очень не хотелось становиться тем, кто откроет колдунье суровую истину. Но девчонке пора бы уже вынырнуть из наивного детства, коль скоро рядом нет того, у кого

хватило бы духу уберечь от правды её хрупкую, как ледяная корочка, веру.

Он с содроганием положил ладонь на её плечо. Опасаясь, что оцарапает до крови обкусанным ногтем или прорвавшейся засохшей мозолью, подтянул сползший рукав, закрыл нежную кожу.

– Я знавал много колдуний, – твёрдо сказал он, легонько похлопывая её по спине в знак поддержки. – Таких, как ты, среди них нет. Люди злы и жестоки, дурная. Пора бы тебе это признать, жить легче станет.

Серебряные ленты недвижимыми кольцами упали к её ногам, посветлели, почти исчезли. Но потом Талла подняла голову и... улыбнулась. До чего же дурная эта её улыбка! Так и тянет улыбнуться в ответ...

– Легче? А я не хочу легче, Верд. Я хочу сложно, тяжело, больно. Хочу, понимаешь? Если взамен буду верить, что люди не так плохи, как думаешь ты. Я не дура, охотник. Но я сделала свой выбор. И я не позволю этой деревне сгнить из-за того, что одна-единственная колдунья совершила ошибку.

Она развела руки в стороны и прикрыла глаза, прислушиваясь к чему-то, что пряталось глубоко внутри. От самых кончиков пальцев по венам, ныряющим в рукава, под тонкой кожей шеи, под веками побежали, сливаясь в сияющий поток, серебряные звёзды.

Сверкающие нити магии окрепли, превращаясь в бестелесную метель. Они рвались на свободу, но не решались послушаться воли колдуньи, подрагивали, как верные псы, что изголодались по бегу, но не двинутся с места без команды. Поводки их срастались в единое целое с жилами.

Кивнув сама себе, Талла распахнула глаза.

– Я всё исправлю, – пообещала она и отпустила верных псов.

Нет, прежде не шарахало. А вот теперь – да. Верд закрыл уши, позорно бросив меч, раскрыл рот в беззвучном крике. Всё вокруг наполнили клубы пыли, не давая разглядеть ни на локоть вперёд.

Когда пелена улеглась, в храм ворвался ледяной воздух. Свежий, морозный, закручивающийся вихрями и приносящий за собой сияющие искры. Снежинки? Магия? Не разобрать.

Стены в алтаре не стало. Оскалившиеся камни сиротливо тянулись друг к другу, но теперь уже, видно, им не суждено

встретиться. Нити, оставшиеся от магического клубка, дохлыми змеями оседали на землю, втягивались в захлёбывающийся родник, улетали в сторону леса.

Едва придя в себя, охотник подхватил меч и поймал запястье Таллы. Колдунья сильна и упряма. Ей хватило духу вдребезги разбить оставленный кем-то сгусток магии. Храм больше не сдерживал в ловушке птиц и зверей, туман торопливо и недовольно оседал, уступая власть тут же наметённому снегу. И это могло значить лишь одно...

– Я смогла! – Колдунья и сама не верила в случившееся. – Я по нему ка-а-а-ак дала! А он и бдыщ! Ты видел? Нет, ты видел? Я по нему – на! А он такой – та-дам-с!

Верд видел. И восхищался, конечно, но делал это всё с тем же суровым непроницаемым лицом, с каким, как говаривал Санторий, и родился. Но он видел и кое-что ещё.

Тающие волшебные звёздочки по зову ветра разлетались в стороны. К озёрной глади, к пустующим домам, к ощерившимся ёлкам, к пока ещё недоверчиво принимающимся шваргам...

Санни, чтоб его шварги... Гм... Ну ладно. Санни, ясно, явился на грохот. Не просто явился, а прибежал, запыхавшийся, перепуганный.

– Я, конечно, подозревал, что вы, когда час придёт, ещё на шумите, но чтобы вот так сразу... – Он уставился на обрушенную стену и недоверчиво уточнил: – Вы что, ещё и стену... того?

– Сам ты того! – шикнул на него Верд. – Назад, оба. Живо!

– А что слу... Бог с Ножом, огороди...

Верд хмуро стиснул клинок. Бог с Ножом молитву проигнорировал, так что отдуваться опять придётся ему.

– Я шваргов отвлеку, а вы по коням и дёру, – скомандовал он.

– Вот ещё! – фыркнула Талла.

– Тем более они всё равно сбежали, – добавил Санторий, шаркнув ножкой. – Я пытался удержать, но...

– Тогда мои поздравления, – открыл в себе талант пророка Верд, – мы ща все сдохнем.

– Вообще все? – уточнила Талла.

– Да, милая. – Санни утешающе погладил болезную по голове. –

И ты, и я, и Каурка...

– И Хромоножка?

– Хромоножку я сам убью, если она спасётся, – пообещал слуга богов, смиренно поглаживая наливающийся синяк в форме копыта на груди.

Вообще-то, с точки зрения Верда, эта смерть – лучшая из всех, что могли бы его ждать. Он подозревал, что вполне мог бы захлебнуться в луже после обмывания очередного заказа или схлопотать чем-нибудь тяжёлым по темечку, неосторожно похваставшись отяжелевшим кошелём. Мог насмерть замёрзнуть в сугробе, если бы Талла не спрятала его от лютой метели. А так... со старым недругом, которого уже и не чаял увидеть, с мечом, уже не раз и не два выручавшим наёмника, с девушкой, ради которой, пожалуй, не так уж и страшно лечь костями. Почему бы и нет?

Шварги между тем наступали. Припав на передние лапы, сильно втягивая воздух ноздрями, утробно, голодно рыча. Они не пытались взять храм в кольцо. Не то были слишком глупы для этого, не то, напротив, понимали, что без лошадей людям всё равно не сбежать. Лёгкий снежок кружился над их тощими спинами, оседал на выпирающие хребты, на морды.

Ведомая ветром шаловливая, серебристая искра в последний момент изменила направление и влетела в глаз хищнику с разодранным ухом. И он вдруг подскочил как ужаленный, закружился на месте, взвыл глуше и страшнее волка, заскрёб глазницы чёрными когтями, пытаясь выдрать случайную крупинку волшебства. Крадущийся рядом шварг рыкнул на него, но подранок в бешенстве бросился на собрата, вцепился в загривок. Так бы и покатались по едва успевшему нападать снегу, если бы собратья не поставили на место, не рванули за шкуру поскуливающего одноуха.

– Кажется, я знаю, что делать.

Санторий понимающе переглянулся с колдуньей, а Верд тяжело вздохнул: героическая смерть снова откладывалась.

– Я всех спасу! – объявила Талла с таким видом, словно репетировала по меньшей мере час ежедневно.

– Куда? – Охотник поймал её за шкурку и притянул обратно. – Отсюда колдуй. Может, и не поможет ещё.

– А, нас же тогда всё равно всех скушают, – легкомысленно отмахнулась дурная.

Она улыбнулась: играть собралась, не иначе. Жизнью так не рискуют. Ни капли страха в девчонке, ни толики сомнения. Только любопытство. Она перенесла одну ногу через остов разрушенного храма, вторую...

– Да чтоб тебя! – выругался охотник, не в силах больше стоять на месте. Да, проку от него немного. Что меч, что кулак не нанесут вреда неубиваемым тварям, лишь их собственные клыки. Но пустить ненормальную туда одну... Фигушки! Не тому учили воина, которым он был когда-то!

– Верд! – предостерегающе прошипел Санни. Он бы сбежал. Он всегда бежит. А вот Верд не станет.

– Ты со мной пойдёшь? – сверкнули синие глаза.

– Убьёшься же иначе, – буркнул охотник, щурясь на прижавших уши хищников.

– Это я могу, – подтвердила колдунья, ощупью находя его ладонь.

Наёмник сжал маленькую хрупкую ладошку и почему-то вдруг сам поверил, что из этой сумасшедшей затеи может что-то получиться.

Позади зашуршали, разъезжаясь под ногами, обломки камней. Озираясь и стуча зубами, Санни догнал их и проворчал:

– Убьюсь – обернусь бестелесным духом и буду вам ночами являться!

– Тебя утешит, если я скажу, что мы все тут подохнем? – покосился на него Верд.

– Да, вполне, – согласился Санторий и встал рядом, не решаясь, но тоже желая в кого-нибудь вцепиться.

Голодные, выпускающие сквозь сжатые зубы бурлящую внутри ненависть, не имеющие ничего общего с живыми существами, шварги стояли перед ними. Как войско раскопавшихся мертвецов, полуразложившихся, всклокоченных. Клыки их скрежетали, точно уже сейчас рвали на части свежую мягкую плоть.

На несколько секунд они замерли: шутка ли, люди, которым полагалось бы сверкать пятками, не убежали, а шли навстречу.

Затишье перед бурей, миг спокойствия перед ураганом. И он закончился.

Шварги бросились вперёд, в мгновение ока преодолевая то небольшое расстояние, что разделяло их с жертвами.

Талла отпустила Верда и сложила ладони лодочкой, зажмурившись так сильно, словно надеялась, что хищники исчезнут, как только она перестанет их видеть. Мужчины обнажили оружие, Санни завистливо покосился на меч приятеля, сравнив его размеры с собственным ножичком. Секунды растягивались как струны и точно так же дрожали, гудели, грозя лопнуть.

Вожак закончил бег размашистым прыжком, вытянув лапы и направив их в грудь самому большому и опасному из людей. Верд взмахнул клинком, прорезая рыжую шкуру, и одновременно с брызгами красного полетело серебро.

Искры, всполохи, светлячки... Они фонтаном, чистой родниковой водой вспархивали с ладоней Таллы и вплетались в хоровод снежинок.

Дурная.

Красивая.

Нежная.

Невероятная.

Её движения завораживали и затягивали сумасшедшим танцем метели. Верд не отрывал взгляда от несущихся к ним шваргов, чувствовал сопротивление клинка, проходящего сквозь туши, но лишь ненадолго замедлявшего нежить, краем глаза отмечал, что и Санни, оберегающий второй бок колдуньи, пока тоже держался. Охотник сражался, как не сражался никогда. Потому что мог. Потому что было за кого. Потому что рядом стояла, разбрасывая искры магии, Она.

Ветер подхватил снег, закружил вихрем, смешивая с обрывками серебристых нитей, и стих. Медленно, опасно россыпь серебра опустилась на почву.

Шварги поджали хвосты и глухо взвыли, зарычали, закашлялись, пытаясь оторваться, выплюнуть волшебные снежинки. А те, легче пера, быстрее вьюги, ныряли к ним в ноздри, падали на глаза, жгли языки... Забыв про добычу, твари принялись кататься по земле, разрывая чёрными когтями рыжие шкуры. Свои, чужие... Кто там попадётся?

Взмах меча, ещё взмах, росчерк ножа Сантория: мужчины зорко следили, чтобы ни один из монстров в исступлении не поранил колдунью. А тем уже и дела нет до троицы. Обезумевшие, мечущиеся, рычащие и готовые вывернуться наизнанку, они рыли твердь и бросались друг на друга.

Клинок или кулак не нанесёт вреда шваргу. Полумёртвый, он всё равно встанет и продолжит преследовать жертву. Только если не ранен одним из братьев.

Они больше не пытались разорвать людей. Они убивали друг друга, растекаясь багровыми вонючими лужами с кусками рыжей шерсти.

– Получилось? – Талла приоткрыла один глаз, но охотник торопливо развернул её лицом к себе. – Ты чего?

– Нашла чем любоваться, – буркнул Верд, прижимая девчонку.

– Ну получилось хоть? Получилось? – Она изо всех сил упёрлась ему в грудь, но так и не сумела освободиться.

Верд пожал плечами:

– Выходит, что получилось.

В народе считают, что дурные приносят несчастья. Что от них все беды, что никакая нечисть не пройдёт мимо, если почует их. Оттого колдуний всегда селили отдельно. Гнали в дома на краю деревни, как Таллу, или хотя бы ставили маленькую пристройку в дальнем углу двора. С ними не ели за одним столом, да и говорить лишний раз не рисковали.

Дурные неспроста зовутся дурными. Неспроста король поставил их вне закона и приказал истребить.

И сейчас, на щедро политой кровью поляне, среди ещё горячих внутренностей, заглатывающих тающие снежинки, Верд впервые понял почему.

Вихрь принёс горсть снега, бросил его на алые груды, заставил колдунью в объятиях наёмника вздрогнуть от холода.

– Мы победили, – неуверенно, едва слышно прошептал Санни. – Победили! – повторил он громче. А потом его голос разнёсся над лесом, сообщая весть каждой ёлке: – Победили!!!

– Да уж, хорошо, что ты был с нами, – съехидничал охотник.

– Да! Точно! Я был с вами! – сообразил служитель богов и, осознав всю значимость происходящего, завопил: – Понимаешь, что это значит, Верд? Понимаешь?!

– Ну?

– Я спас нас милостью богов!

Глава 8

Старый друг

Заезжать в этот забытый богами городишко Верду хотелось меньше всего на свете, но проклятая скотина измудрилась порвать подругу. Да и лошадям не мешало бы дать отдых после нескольких дневных переходов. Хотя лучше бы он дальше пошёл пешком, перекинув Таллу через плечо, чем стоял перед дородной бабой и выслушивал сальные намёки.

– Где эта проклятая скотина? – повторил охотник ещё раз, проигнорировав призывно колыхающийся бюст молодящейся и слишком ярко покрашенной тётки.

– Дорогуша, мы наших гостей никому не выдаём. Ни жёнам, ни любовницам, ни начальникам, если, конечно, последние не желают присоединиться за соответствующую плату.

Тётка качнула телесами, одновременно демонстрируя всю себя и закупоривая проход так, чтобы Верд не мог заглянуть ей за спину. А и если бы мог, всё одно рассмотрел бы только полуголых девиц, восседающих в мягких креслах, как вырезки на витрине в лавке мясника.

– Просто скажи ему, что я здесь, – как можно более сдержанно рыкнул Верд.

Он, конечно, без труда справился бы с мордоворотом, что скучал в дверях с видом случайного прохожего. Этот здесь лишь для виду, от охранника всё одно никакого толку, случись настоящая драка. Но всем известно, что любая потасовка в доме госпожи Ласки мгновенно достигает ушей градоправителя, а подобная шумиха охотнику ни к чему. Потому что ему очень, ну очень не хотелось, чтобы кто-то узнал его или тем более Санни.

– Дорогуша, если бы мне платили за почту, – во все двадцать золотых зубов улыбнулась госпожа Ласка, – я бы до сих пор не накопила и на прихожую этого дома. Так что либо проваливай, либо заходи внутрь и становись желанным гостем. Мои девочки любят военных, а по твоей осанке сразу видно, что ты из них.

Верд неосознанно закрыл Таллу от взгляда опытной жрицы любви. Велел же не снимать капюшона и не глазеть по сторонам, а она опять пялится на что-то с открытым ртом, так что невесомые белоснежные локоны, каких не встречается у простых людей, играют на ветру.

– Смотри, Верд! – Дурная ткнула в окно второго этажа. – Там женщина голая. Совсем-совсем голая. На подоконнике стоит, подбоченилась. Это что же...

Охотник мысленно застонал. Ну не объяснять же наивной девчонке, что за странное место они вынуждены посетить! Нет, зря он боялся оставить её одну. Пусть бы в заезжем дворе сидела, никуда бы не делась. Но Талла снова умудрилась ошарашить мужчину вопросом:

– Это что же, она так весь день и мёрзнет?

– Что ты, красоточка, она не весь день так мёрзнет, – поспешила заверить её разукрашенная тётка. – Только пока не истечёт тот час, за который ей заплатили. Кстати, пора бы их поторопить, уже две минуты как задерживают, – озабоченно пробурчала она под нос.

– И что, много платят? – деловито уточнила колдунья.

– Смотря насколько девочка хороша. Тебе бы, например, я три золотых в день отсчитывала. Ну четыре, если бы спрос был. А спрос бы был, это я точно скажу. Хочешь попробовать?

Ласка приглашающе посторонилась.

– А если мне не понравится? Я, знаете ли, очень требовательна к условиям труда. – Талла коснулась тонким пальчиком губ, задумавшись.

– Ну так за посмотри денег не берут! – Тётка расхохоталась, словно в бочку, и добавила: – Если ты, конечно, не мужчина в нашем чудесном заведении.

– А что, я бы глянула.

Девушка уверенно шагнула к порогу, но наткнулась на выставленную руку наёмника.

– Совсем сдурела? – поинтересовался Верд, не надеясь на ответ. И без того знал, что совсем, давно и бесповоротно.

– А что?

– Да, а что? – с вызовом повторила Ласка. Она-то, знамо, уже просчитывала доход и славу, которые можно получить, если одной из

её девочек станет дурная колдунья. И заработок явно компенсировал народную нелюбовь к обладательницам дара.

– Ты хоть понимаешь, что это за место?

Талла помолчала немного, взвешивая ответ.

– Ну, вон там, за правым плечом у госпожи, мужичок в одних кальсонах рассматривает выстроившихся перед ним девок. В окне на втором этаже голая женщина стоит. А ещё вот тут, – девчонка, не глядя, махнула на вывеску над дверью, – висят ценники на час и на ночь. Думаю, – она ехидно улыбнулась, – это гончарная мастерская.

Ласка снова расхохоталась, ударяя себя по колену и ничуть не заботясь о том, что необъятная грудь почти полностью выскочила из выреза лёгкого платья из заграничной блестящей ткани.

– А ты ещё и шутить умеешь, красоточка? Ну ты смотри, я своим девочкам шутить не разрешаю. В нашем деле надо быть серьёзной, даже когда тебя просят покричать ослицей, иначе всё пропало.

– Иа-иа! – с готовностью завопила Талла.

– Умная красоточка, – умилилась тётка. – Ну что, заходишь?

– Захожу!

– И не думай! – поймал её за шкирку Верд.

– Ну я же только посмотреть! Заодно проверю, как там Санни...

Госпожа Ласка вдруг посерьёзнела:

– Вы что же это, уважаемый, думаете, я впусти девочку, а потом запру под замком? Да будет вам известно, что ни одна из работниц дома госпожи Ласки не находится в нём против воли! Достойная оплата, полный снесь-пакет и договорённость на постанковку золотых зубов в случае непредвиденных обстоятельств! Я дорожу своим именем, а трудиться здесь – честь!

Справа налево через весь зал первого этажа проскакала раскрасневшаяся девица, запряжённая подобно лошади. За уздечку её придерживал крайне довольный господин, немолодой, но презентабельной наружности.

– Вперёд, моя бравая кобылка, вперёд!

– Я скачу, милый, скачу!

– Честь. Так и вижу, – кратко уронил Верд.

Игриво подмигнув напоследок, Талла скользнула вперёд и оказалась внутри здания. Охотник, как умел, строго округлил глаза: ясно, что колдунья решила схитрить и выпинать Сантория изнутри,

коль скоро не удаётся дозваться снаружи, но ему совершенно, вот ни чуточки не нравилась мысль, что дурная окажется в подобном месте без присмотра. Отшлёпать бы своевольную нахалку! Ещё раз...

И именно так Верд бы и поступил, без зазрения совести бросив приятеля упиваться грехопадением, если бы эта скотина не упёрла все оставшиеся у них деньги! Хотя «у них» сказано довольно сильно. Кошелёк Верда начал сиротливо позвякивать ещё на выезде из Больших Храмовников, зато служитель не постеснялся прихватить из обители богов не только весь причитающийся ему заработок, но и, как он выразился, моральный ущерб за лютозверя. И Верд считал себя в полном праве этими деньгами оплатить постоянный двор и ремонт седла Санториевой, между прочим, клячи!

Как выяснилось через несколько часов поисков, шварги перепугали лошадей так, что те едва ли не начали заикаться. Хотя наёмник и подозревал, что Кляча шарахается от наездника не столько из-за нежити, сколько из-за дури Санни. По крайней мере она то и дело норовила дополнить рисунок из одного копытообразного синяка у него на груди вторым.

Бросить! Давно пора его бросить! И уж точно не следовало пускать в город, где служителя вздёрут на виселице, если вдруг узнают...

Верд мерил шагами утопанный пяточок перед входом, распугивая виновато вздрагивающих клиентов госпожи Ласки. Он чутко прислушивался к звукам, большинство из которых ожидаемо не отличались приличием, и очень надеялся, что происходящее в помещении не нанесёт непоправимый вред хрупкому девичьему мировосприятию.

Годы назад он слыл тут завсегдатаем. Тогда Ласка была моложе, добрее, приветливее и меньше на пару пудов. Сегодня она его не вспомнила. Да и как? Хмурый мужик, разукрашенный шрамами похлеще, чем иная шлюха румянами, сильно отличался от подтянутого жилистого парня, которым он приходил сюда в последний раз. А опустевший кошелёк с ходу закрыл ему путь в Дом Желаний.

— Я вам дверь выломаю! — бессильно пригрозил охотник расписанной деревяшке, но вместо ответного испуга получил лишь визгливый женский хохот.

Нет, конечно, Таллу никто не обидит и не принудит к непотребствам. Кто бы что ни говорил, а девочки госпожи Ласки и правда всегда отзывались о ней с теплом. Ни одной не приходилось замазывать синяки, более того, случись буйный клиент, его не только влёт выкидывали на улицу, но и закрывали дорогу в любое подобное заведение на десяток городов окрест. Как и в любое питейное, и швейное... У Ласки много друзей.

Вот только кулак сам собой зло сшиб аккуратный колокольчик на верёвочке, да так сильно, что тот, звеня и переливаясь, улетел в темноту подворотни.

Паршивый служка! Пустить невинную девочку в обитель разврата из-за его глупости!.. Хотя с чего бы Верду так волноваться за колдунью? Она ему не жена, не сестра.

Охотник попытался глубоко вдохнуть, чтобы успокоиться, но получилось лишь раздражённо засопеть. Тогда он занялся куда более подобающим воину делом: выцарапал на резном столбике с вывеской несколько неприличных слов. Хотя, учитывая специфику заведения, они, скорее, станут рекламой.

Наконец попытка кончилась. Звонкий голос прорезал жужжание местных работниц:

– А-а-а! А я думала, пироги печь... Нет, извините, я такое не умею. Но спасибо, что показали тут всё. У вас замечательно! Пошли, Санни!

Распахнуть дверь Ласка смогла с трудом, потому что сгибалась пополам от смеха.

– Дорогуша, – обратилась она к Верду, икая, – эта красоточка – сокровище! Если она не сведёт тебя в могилу, то сделает самым счастливым человеком на свете!

Верд многозначительно хмыкнул: он подозревал, что первое намного более вероятно.

Показался Санторий. Почему-то одетый в рясу служителя, а не по дорожному, и крайне собой довольный.

– Да благословит Богиня с Котлом, – елейным голоском начал он, осеняя бюст Ласки соответствующим знаком, но Верд твёрдой рукой ухватил его за загривок и заставил низко поклониться жрице любви, захлопнувшейся двери и подозрительно пожелтевшему с одной стороны сугробу.

– Друг мой, повремени с расправой! – взмолился грехопаденец. –
Дай объясниться!

– Я тебе дам! – пообещал Верд. – Я тебе щас так дам, мало не покажется!

Смачный пинок уверил Санни, что сугроб – местечко вполне уютное.

Талла возмущённо взвизгнула и бросилась наперерез, но Верд упёрся раскрытой ладонью ей в лоб, заставляя вхолостую скользить по снегу.

– Я глас богов! Я не заслужил такого отношения!

Санни выкарабкался из сугроба, но поскользнулся и тут же плюхнулся обратно, восседая на нём, как на троне.

– Сказал бы я, что ты заслужил, да при девке не хочу выражаться!

– А то я этих слов не слышала, – фыркнула Талла, подгибая ноги и повисая на руке охотника.

– Цыц! – щёлкнул он по носу колдунью и снова повернулся к приятелю, начавшему потихоньку отползать в сторону переулка: – Ты мне в попутчиках не нужнее лошадиного помёта! Хотел добраться под моей охраной до ближайшего города? Пожалуйста, на все четыре стороны можешь проваливать! Я ещё и ускорения придам!

Санторий увернулся от демонстрации, но тут же позорно кувыркнулся на тропинку.

– Ну так и шёл бы себе! – Он попытался гордо выпрямиться. – Шёл бы сам... Шёл бы, куда меня послал!

– Да? И куда бы я дел твою клячу? Тем более без седла! На закорки бы взвалил?

Талла вскинула руку:

– О, я! Я! Я! Я могла бы её повести!

– Не лезь, дурная! А ты, – Верд пихнул Санни в грудь, отчего служитель снова вынужденно уселся на холодное, – додумался манатки свои бросить вместе с кобылой, схватить все оставшиеся деньги и пойти тра... развлекаться!

Санторий вспылil. Он выхватил из кошелья горсть монет и бросил в лицо охотнику:

– Деньги?! Так вот в чём дело? На, забирай! Только за ними и пришёл, а не за мной, верно? Да работающие здесь женщины честнее тебя! А ты... ты... Да лучше бы ты их у меня отобрал!

– Я?! Да ты сам упёр их из храма!

– Прихожане жертвовали на то, чтобы Слово Троицк звучало громче! И я, да будет тебе известно, потратил их на благое дело!

– Если баба поминает богов, это не значит, что она ударилась в религию, придурок!

– Вообще, эта, по-моему, была в шаге от того, чтобы уйти в служки, – вставила Талла.

– А то я не знаю! По-твоему, я тупой?! – негодовал Санторий.

– По-моему – да! – лаконично подтвердил Верд.

– Ну так и оставил бы меня здесь, где царит любовь! – патетично потребовал Санни.

Дурная задумчиво пнула ледышку:

– Она же царит, только пока кошелёк полный...

– Вот-вот, – поддержал её охотник. – А потом ты без денег и штанов по городу бегал бы в поисках своих пожитков!

Санторий просветлел:

– Верд...

– Идиот!

– Верд...

– Ты что, не узнаёшь этот город? Не понимаешь, что с тобой могут сделать, если поймают?

– Верд...

– Или совсем память отшибло после стольких лет чтения молитв?

– Верд, так ты обо мне... заботился?!

– Нет! – гаркнул охотник.

– Да, – деловито перевела Талла.

Промокнув выступившие слёзы, толстячок смущённо поправил рясу и раскрыл объятия:

– Друг мой...

Верд попятился:

– Отвали.

– Дорогой мой сердечный друг...

– Отстань!

Охотник никогда не трусил перед лицом опасности. Оглоеды, шварги или разбойники не заставляли его так затравленно озираться.

– Дру-у-у-уг!

– Отстань, сказал!

Точку в ссоре поставила Талла. С восторженным писком она бросилась на шею наёмника:

– Обнимашки!

А там уже и Санторий подоспел:

– Я знал, я чувствовал, что между нами ещё не всё кончено! Друг! Побратим! Брат! Я верил, я чувствовал!..

– Да отпустите меня! Ненормальные!

Охотник вертелся на месте в попытке сбросить с себя воспылавших любовью попутчиков, но те вцепились как клещи и только дрыгали ножками, когда Верд в бешенстве приподнимал их над землёй.

С трудом выпутавшийся из кольца рук, пришибленный, беспомощный и несчастный, наёмник побрёл по узким улочкам. Наполненные счастьем спутники не отставали, хотя сейчас он дорого бы дал за то, чтобы какая-нибудь сосулька отскочила от крыши и похоронила их обоих.

– Теперь мы никогда не расстанемся, друг!

Охотник осознал, что скоро начнёт тихонечко подвывать.

– Я так рада, что вы помирились! – Талла подпрыгнула, сшибая с ближайшей крыши снежный бархан.

– Возблагодарим же богов, наделивших тебя умением прощать!

Наёмник не отказал себе в удовольствии и всё же взвыл.

* * *

Пережить события этого вечера Верд оказался способен только после пары кружек горячего и крепкого напитка. Талла вместо своей порции получила по носу и разогретый компот, а вот Санни с большим удовольствием поддерживал питье «за возобновление дружбы».

– Да будет тебе известно, что я и пальцем не тронул ни одну из падших женщин в доме госпожи Ласки! – торжественно рыгнув, выдал Санторий.

– Да плевать я хотел, чем ты их, – отмахнулся Верд.

– Нет, ты не понимаешь!

Служитель перегнулся через стол и схватил охотника за ворот рубашки. Тот очень-очень медленно опустил взгляд на смятую ткань,

а потом снова поднял на лицо приятеля. Санни кашлянул, расправил воротничок и сел на место. Но долго не промолчал:

– Многие годы Дом Желаний не давал мне покоя!

– Ещё бы, – фыркнула Талла, – видела я, чем там мужики занимаются. От такого покой и сон не то что на годы, на всю жизнь потеряешь: кошмары видеться начнут...

– И ты туда же, невинное дитя?!

Верд приподнял бровь, а колдунья удивилась вслух:

– Невинное дитя? А как же «наглое, неуютное богам отродье»?

– Издержки профессии, – потупился служитель. – Но истинно говорю вам, истинно! Не развлечения ради явился я в Дом Желаний, а спасения душ для!

– Чего спасения? – вполголоса уточнила Талла у наёмника, запутавшись в хитросплетениях речи.

– Души, – краем рта пояснил Верд.

– Душ! Многих и многих душ!

Вдохновлённый, служитель вскочил на стол, опрокинув при этом кувшин с напитком. Верд успел подхватить своё вино и компот колдуньи, откинулся на стуле назад, чтобы оратор случайно не навернулся на него.

– Слазь, – лениво велел охотник, но Санни разошёлся:

– Трое Богов говорили через меня! Они огласили волю свою! Сии брошенные, одинокие, несчастные женщины не могут боле жить во грехе!

Проходившая мимо об руку с кавалером представительница древней профессии склонилась к парочке и любопытно уточнила:

– Это он про каких женщин?

Верд бегло осмотрел работницу с ног до головы и сообщил:

– Да про таких, как ты.

– Брошенные и одинокие? Ну-ну, – усмехнулась та и, повиснув на плече спутника, прошествовала дальше.

– Несчастливая! – возопил ей вслед Санни. – О подобных тебе повелели мне заботиться милостивые боги!

– Приходи заботиться завтра, милый! – получил он в ответ воздушный поцелуй.

– Мой долг вытащить вас из пучины порока! – безнадежно возопил служитель вслед жрице любви, но та лишь кокетливо

погрозила ему пальцем. Пучина пока что устраивала женщину по всем критериям.

И тут до Верда наконец дошло. Он аж стукнул кулаком по столу, из-за чего Санторию пришлось пятиться и боязливо спускаться на стул. И как он раньше не догадался! Подпруга у служителя, видите ли, порвалась! Аккурат за час до этого проклятого городка!

– Санни, ты опять ходил к ней? – подчёркнуто спокойно поинтересовался охотник. Приятель, близко знакомый с привычками Верда, шумно сглотнул. Это спокойствие не сулило ничего хорошего. – Санни?

Толстячок потупился и невинно сложил ручки на животе.

– Санни? – поддакнула любопытная Талла.

– А ты, – Верд нахлобучил на белую макушку сползший капюшон, – не лезь и укутай голову! Тут полный город военных. Если тебя поймают на колдовстве, казнят не задумываясь! Это что значит?

– Не колдовать, – устало зевнула девушка, натягивая капюшон до бровей.

– Не попадаться! – нравоучительно поправил Верд.

Санторий понадеялся, что на этом экзекуция и закончится.

– Ну вот и хорошо, что мы всё выяснили. Вот и ладненько...

Но охотник поймал его за шкурку и притянул к себе, заставив пузом проехаться по столешнице:

– Опять за старое?

– Я не виноват! – тут же задрал руки вверх служитель. – Боги глаголют моими устами, а сия сбившаяся с пути женщина должна была выслушать проповедь. Ведь слова служителя имеют куда больший вес, чем доводы влюблённого солдата...

Талла среагировала мгновенно:

– Влюблённого? Расскажи-расскажи-расскажи!

Верд тяжело вздохнул. Он надеялся, что давно забыл всё, связанное с городом Крепостью. Но, как выяснилось, ошибался.

Это началось давно. Так давно, что иногда наёмнику не верилось, что происходило оно действительно с ним. Озирающимся подростком, не умеющим даже достаточно ловко воровать булки у неповоротливых пекарей, он явился сюда. Город Крепость тогда, семнадцать лет назад, отмечал границу двух государств, едва успевших заключить мир. Короли к тому времени сдружились и частенько отправлялись на

совместную охоту, а также заранее договорились о браке ещё не родившихся чад, дабы у подписанного соглашения появились реальные гарантии. Вот только пограничные жители, что с одной, что с другой стороны, никак не могли расстаться со сладкой мстью за убитых побратимов, разграбленные деревни и сожжённые избы. Оттого и стычки здесь случались еженедельно, а глупых мальчишек, которым некуда больше идти, радушно принимали в отряды.

Не знавший семьи пацан, оказавшийся в сытости и тепле, радовался самой тяжёлой и грязной работе, вставал на заре и тренировался с таким усердием, что вскоре дослужился до десятника.

Никто из них, молодых и глупых, не понимал, что судьба смеётся над Крепостью, в мгновение ока потерявшей всякую ценность. Они братались, сражались с такими же дурнями на другой стороне. Развлекались, конечно. Какой же военный городок без Дома Желаний?

Верд тоскливо прищурился, вдыхая знакомый аромат кислого пива. Он, кажется, въелся в стены, потому что так и остался неизменным. Таким, каким воин унюхал его, впервые оказавшись в маленькой грязной таверне «Кольчуга».

Здесь они залечивали выпивкой первые синяки; здесь провожали тех, кто отправлялся в большой город за лучшей долей; здесь молча поднимали чаши за тех, кто не вернулся с границы домой; здесь Верд нашёл друга, с которым он бок о бок прожил почти десятилетие.

Санни неловко сжимал чашу в пухлых ладошках. Интересно, помнит ли он это место так же, как помнит его Верд?

Конечно, не обошлось и без любви. Зелёные, горячие, они всё чаще захаживали к госпоже Ласке, и если десятник наслаждался свободной любовью, Санторий ждал встречи лишь с одной женщиной.

– Она была очень красивой, – начал Санни, ни к кому не обращаясь. Улыбнулся своей винной копии в посудине и добавил: – И сегодня она была такой же. Веришь или нет, но её ничуть не испортили эти крошечные морщинки у глаз. А локоны всё так же черны, ни единого седого волоса. Не то что у тебя, – не преминул он подколоть друга.

Верд машинально пригладил обильно припорошенные серебром волосы и тут же отдернул руку, покосившись на Таллу. Глаза у той

горели огнём: про любовь же говорят! Великую и бессмертную! Эх, глупая девка...

– Спорю, она тебя и не узнала, – едко ответил охотник.

Санторий хмыкнул:

– А ты бы узнал?

Он развёл руки, едва не расплескав вино, и продемонстрировал выпуклость в том месте, где когда-то был плоский крепкий живот.

– Восемь лет прошло. Я полысел, обрюзг... Я бы расстроился, узнай меня Лала.

– Но надеялся.

– Но надеялся, – кивнул служитель.

– Так это была она?

Талла раскрыла рот, а Верд шутливо пальцем приподнял ей подбородок и напутствовал:

– А то муха залетит. И спрячь волосы.

Санторий кивнул:

– Она. Простите, друзья, я слаб духом. Не удержался от соблазна и разрезал подпругу, когда мы проезжали мимо, чтобы воспользоваться поводом и навестить её.

Верд скрипнул зубами, а Санни торопливо оправдался:

– Должен сказать, что ремень и так держался на последнем издыхании! Когда лошади сбежали от шваргов, а мы их ловили, Кляча сильно повредила седло. Вопрос времени, как быстро оно пришло бы в негодность. Я лишь смирился с неизбежным...

– С тем, что ты идиот? – уточнил Верд, залпом осушая кружку и гулко шлёпая её на стол, чтобы сообразительная разносчица заметила и без вопросов подлила ещё.

Санторий пожал плечами: с этим он, кажется, давно смирился.

– Я не мог удержаться. Ведь и ты бы сделал всё, чтобы ещё хоть раз увидеть... – Он повернулся к колдунье, но запнулся и скомканно закончил: – Того, кого любишь. И я попытался...

– Он читал ей проповедь! – нетерпеливо наябедничала дурная, аж подпрыгивая на стуле от воодушевления. – Я к ним в комнату заглядываю, стесняюсь ещё. Мало ли? А он стоит там и вещает. Боги, говорит, то, боги сё... А девка... женщина... В общем, она правда очень красивая. Она аж на стену лезет! Иди, говорит, голову Ласке дури, а я на такое не подписывалась! Это, говорит, совсем извращение!

Верд застонал и уронил голову на ладони. Тем не менее это не помешало ему, не поднимая взгляда, подставить кружку подоспевшей служанке.

– Ты идиот. Что тогда пытался спасти бабу, которой не надо спасаться, что сейчас.

– Она жертва обстоятельств и не осознала, во что ввязалась!

– За столько лет так и не осознала?

– Но я это исправлю! Не позволю возлюбленной тонуть во грехе!

– Угу, только в следующий раз мы тебя оттуда вытаскивать не станем. – Верд поднял голову и серьёзно в упор посмотрел на друга: – Хорошо, что ты дурной сказал, куда идёшь, пока я в мастерской был. Не знай мы, где тебя, придурка, искать, пошли бы сразу на центральную площадь к виселицам!

Колдунья на всякий случай вместе со стулом придвинулась ближе к наёмнику:

– Тут и такое есть?

– И ты удивишься, как часто используется! – слегка преувеличил Верд. Ничего, перепугаются, меньше своевольничать будут. Оба. А то он нянкой великовозрастным болванам не занимался.

Санторий утёр чуть вспотевший лоб. В тепле он разомлел, успокоился и окончательно свыкся с мыслью, что охотник просто взревновал друга к бывшей пассии. Он расстегнул верхние пуговички рясы и легкомысленно пожал плечами:

– Не запугивай девочку, Верд. Здесь, кроме дезертиров, никого никогда не вздёргивали.

Охотник помрачнел и окинул всех, набившихся в таверну, цепким взглядом. Делал он это не впервые: каждый скрип входной двери привлекал его внимание, а уж войти спутникам внутрь и занять столик он и вовсе не давал до тех пор, пока сам не постоял на пороге добрых две минуты.

Прошло уже восемь лет. Достаточно, чтобы либо простить человека, либо окончательно вычеркнуть из памяти. С Санторием не получилось ни то, ни другое. Всякий раз проезжая мимо Больших Храмовников, наёмник не отказывал себе в удовольствии навестить знакомого. Напиваясь с друзьями на один вечер, он снова и снова вспоминал, что с Санни и самое дешёвое пойло казалось вкуснее.

Сражаясь против двух, трёх, четырёх врагов, он каждый раз спиной чувствовал... что один. Как и тогда.

– Верд? – Санни почуял неладное. – Ты не хочешь мне ни о чём сказать?

Охотник сощурился, но промолчал.

– Что-то случилось, да? – Пробежавший через их стол сквозняк скинул капюшон с головы колдуньи и растрепал волосы.

Верд скрестил руки на груди и долго пронизательно смотрел на Сантория. Наконец произнёс, вырубая каждое слово словно из дерева:

– Возможно, мне не стоило вмешиваться. Ни тогда. Ни сейчас. На этой виселице вздёргивают дезертиров, Санни. Ты сам сказал.

Он считал, что давно забыл. Не простил и не пережил, но хотя бы просто забыл. Но, оказавшись в этом проклятом городе, в их знакомой таверне, в месте, где они, молодые и дурные, поклялись всегда защищать друг друга, как братья, Верд снова пережил это.

Тогда тоже была зима. Лютая, морозная, царапающая кожу ветром. И они, два идиота, отправились в самоволку. Великим воинам не страшны пограничные стычки, а ведь именно такими они себя и мнили.

Дюжинный отряд.

Верд знал, что у любой дружбы есть цена. Что вряд ли побратим вступится, если он разозлит, к примеру, древнего ящера. Что вдвоём против армии они не выстоят.

Но ценой их дружбы стал дюжинный отряд.

Двенадцать человек. Всего-то.

Санни сбежал. Пришпорил коня и, не оглядываясь, дал дёру.

А Верд остался биться. Один. Как и всегда.

Он ещё долго слышал удаляющийся топот копыт, крики друга... бывшего друга, понукающего лошадь. Эти крики многожды являлись ему во сне. И всякий раз, израненный, не способный самостоятельно сходить по нужде, униженный, он понимал, что всё это – цена доверия. И больше он её платить не станет.

– Она просила меня вернуться, – тоненько прошептал Санторий. – Лала просила меня вернуться... живым...

– Она просит вернуться всех своих клиентов.

– Но она просила меня... особенно. Я должен был, Верд, понимаешь?

– Мне всё равно.

Он врал. Верд не любил врать, но признаться, что обида до сих пор жжёт раскалённой кочергой, больнее. Он и не заметил, как прохладная узкая ладошка коснулась его мозолистых рук. И не стал отдёргивать их.

Санни несколько раз вдыхал, чтобы сказать что-то очень важное, но не находил слов. Попросить прощения? Предложить отплатить? Он делал это. Много-много раз. При каждой встрече. И оба понимали, что этого недостаточно.

Он обманул их обоих: друга, доверившегося побратиму, и женщину, которая ждала. Он бросил всех, кого любил. Извиниться недостаточно.

– Они не должны узнать тебя. – Охотник опустил взгляд вниз. На тонкие бледные пальцы, поглаживающие его ладонь, успокаивающие, будто снимающие с души груз. – Если узнают – вздёрнут. Поэтому тебе не стоило сюда приезжать. Поэтому я так не хотел.

– Я сильно изменился...

– Твоё счастье.

– Они ведь не искали меня сразу... Дезертира искали бы, а они не стали...

Шрам, разрезающий губы Верда надвое, дёрнулся, как издыхающий змей. Улыбнуться не получилось.

– У них не было причин тебя искать.

– Почему? Верд, что ты...

– Потому что кто-то не смог смириться с твоей трусостью. Кто-то сказал им, что ты погиб в той стычке.

Талла ахнула и зажала рот свободной рукой.

– Это был ты? Ты сказал им, Верд? Ну признайся, ты?

Её вопросы утонули в гомоне. Дверь скрипнула, впуская позднего постояльца: красивого, высокого, изящного и светловолосого. Таких можно встретить лишь на фресках, изображающих остроухих нелюдей, живших в древние времена. Вошедший, чинно кивая в ответ на приветствия, прошёл по залу и занял мгновенно опустевший столик. Изящно кашлянул, призывая разносчицу, и удивлённо воскликнул:

– Верд?!

Глава 9

Что имеем – не храним

Охотник поднялся навстречу старому знакомому. Тот с готовностью покинул своё место и, подтащив стул к углу троицы, недоверчиво подбоченился.

– Точно призрака увидел, честное слово!

Верд протянул руку. Его смуглая, исчёрканная шрамами ладонь, казалось, в лепёшку раздавит ухоженную ручонку.

– Борька, – хохотнул наёмник.

– Борей! – поправил красавчик, краснея от натуги и попытки сильнее сжать лапищу наёмника.

– Бо-о-о-орька! – с нажимом повторил Верд и притянул упрянца к себе, чтобы облапить без обиняков. Воспользовавшись мгновением, бросил строгий взгляд на Санни и Таллу. Мол, проваливайте. Но те, переглянувшись, лишь подпёрли руками подбородки и с любопытством уставились на парочку.

Наёмник почесал блондинчика за ухом и правда непривычно заострённым, точно послушную свинку. Талла хихикнула, прекрасно понимая: у всякого прозвища есть своя история и эту стоит услышать.

– Сколько лет! – воскликнул незванный гость, грациозно падая на сидушку и закидывая ногу на ногу.

– Достаточно, – кивнул охотник, не вдаваясь в подробности и пиная спутников под столом.

– Ай! – дёрнулась колдунья и обиженно потёрла стопу.

Санни же намёка не понял, а если и понял, то проигнорировал. Он злорадно подвигал бровями вверх-вниз, поправил мантию служителя и чинно произнёс:

– Да благословят боги смелого мужа, присоединившегося к нашей трапезе, – и размашисто осенил объедки знаком Котла.

Борей торопливо рухнул на одно колено, подставляя чело служителю. Санторий, и сам уже поверивший, что с Тремя на короткой ноге, щедро отсыпал благодати и, не удержавшись, завершил благословение щелбаном.

«Узнает», – одними губами произнёс Верд, пока красавчик отвлёкся.

«Иди в ж...» – так же неслышно предложил другу Санни, завершая пассы над макушкой Борьки.

Охотник продемонстрировал слуге богов средний палец, тот с большим удовольствием благословил и его.

Ряса служителя скрывала личность, а наетое за годы пузо и изрядно прореженная временем шевелюра довершали дело. Охотник надеялся напугать дезертира, заставить опрометью броситься из города, но добился ровно противоположного: Санни бахвалился, всячески привлекал к себе внимание и доказывал, что Верд ведёт себя как заботливая наседка.

Красавчик между тем уже развернулся к колдунье.

– Интересную же компанию ты себе подобрал, – почти танцевальным жестом он протянул руку дурной. – Сотник Борей Северный Ветер, – представился он.

– Талла... Ой!

Девчонка испуганно вырвала кисть, которую вместо дружеского стискивания вдруг принялись страстно слюнявить.

– Вы прекрасны, Талла! – Лисьи глаза тоскливо проводили недооблобызованную длань. – Верд говорил вам, что вы прекрасны?

– Обычно он говорит, что я на голову больная...

– И готов подтвердить это снова! – перебил наёмник, прикидывая, как бы поравнодушнее вклиниться между сладкой парочкой. Пожалуй, огреть Борьку чем-нибудь тяжёлым не очень вежливо. Хотя...

– Как?! Он не ценит такое сокровище? – Борей со скрежетом придвинул стул к Талле, якобы чтобы лучше её рассмотреть. – Но ваша кожа нежна, как только что выпавший снег, а очи глубоки, как омуты!

– А задница – мишень для неприятностей, – добавил наёмник.

Талла польщённо хмыкнула, хитро зыркнув на Верда.

– О, не обращайтесь на него внимания, прекрасная дева! Верд всегда отличался грубоватостью валенка...

– Зато ты так и остался ромашкой.

– У всякого своё предназначение, – притворно ахнул красавчик. – Я вынужден с самого рождения страдать от привлекательной внешности и отцовского состояния. Знаете, дорогая, – склонился он к колдунье, жарко дыша в вырез её рубахи, – я ведь богат. А все богачи

несчастливы и одиноки! Мы никогда не знаем, любят ли нас за деяния или за наши деньги...

– Деньги твоего папаша, – поправил Верд. – Кстати, напомни, речь о том состоянии, которого тебя лишили за то, что умудрился обрюхатить дочку градоправителя? Это же после той истории тебя сослали в Крепость?

Красавчик замолчал на вдохе, покаянно склонил голову и соизволил уделить внимание наёмнику, ради которого, собственно, и подсел.

– Нет, – сознался он. Льяные локоны закрыли румянец на высоких скулах. – Сюда меня сослали, когда я заявил, что не стану жениться на этой распутной старухе. Ей на тот момент уже стукнуло тридцать, к тому ж она не была невинна!

Пальцы наёмника сами собой отбивали дробь по рукояти меча. Нет, конечно, он не собирался выхватывать оружие и нападать на бывшего сослуживца. Тем более что тот тоже не беззащитен, до сотника вон успел дослужиться. Да и вообще выжил, и рожу ему никто не попортил до сих пор. Что странно, если Борькины привычки не изменились. Холёный, избалованный, он вечно спал допоздна, требовал завтрак в постель, а комнату его (отдельную, между прочим!) с ходу оборудовали зеркалами и шкафами для выходных нарядов, кои и выгулять-то здесь всё одно повода не находилось. А уж сколько склянок с вонючими мазями и жижками стояло у его кровати! Смешать одну с другой в надежде, что получившаяся смесь вызовет у баловня хотя бы недержание, было любимым развлечением их отряда...

А гляди ты! Сотник... Когда-то это место прочили Верду. Очень, очень давно.

Разукрасить бы его физиономию синяками! Чтобы зенки, точно подведённые углём, превратились в узкие затёкшие щёлочки и больше не зыркали на колдунью, как на корову с рынка!

Да и девка хороша! Глазёнками стреляет, хихикает. Словно и не замечает, что ушлый блондинчик уже дважды якобы ненароком задел её колено, а наклонившись, чтобы показать что-то в другом конце забитого постояльцами зала, положил руку на спинку её стула, да там и оставил.

Пронзив ножом вдруг показавшийся жёстким, как подошва, кусок мяса, Верд поинтересовался:

– А что, Борька...

– Борей...

– Борька, успел ли ты жениться? Небось у какой-нибудь из твоих пассий всё ж нашлась цепкая мамаша, успевшая вовремя тебя словить на горячем?

Легонько коснувшись острого подбородка Таллы, красавчик скорбно сообщил:

– Настоящая любовь так и не нашла меня...

– Или ты хорошо прятался.

– Я одинок! Нет в моей жизни прекрасной женщины, что ждала бы дома у очага...

– Боги миловали, – вставил Санни.

Только Талла, кажется, сочувствовала искренне. Она позволила Борю, пустившему скупую, но совершенно не мужественную слезу, прильнуть к её груди:

– Но вы не расстраивайтесь! Вы обязательно-обязательно ещё её встретите!

Борька всхлипнул и посмотрел на девушку взглядом, полным обожания:

– Вы правда так думаете, юная прелестница?

Растеряв самообладание, наёмник ухватил красавчика за ухо и заставил отлипнуть от источника утешения всея мужчин – женского бюста. Заодно и капюшон снова натянул девке до носа, сильно жалея, что не получится до самых бёдер.

– Ну тут жарко! – попыталась увернуться Талла, упрямо распахивая плащ и тем самым привлекая внимание Борю. – Что я, как дурочка, у камина и в дорожной одежде?

– Ты что в ней дура, что без неё! – огрызнулся наёмник.

– Право, друг мой, не мучай девочку! – вступился за колдунью Санторий.

Вино придало служителю не то храбрости, не то дури, не то смеси того и другого. И правда, кому нужен дезертир, уже семь лет как считающийся мёртвым, и колдунья, за поимку которой король выдаёт не такую уж большую награду? Особенно если из вырученных денег ещё предстоит уплатить лекарю за лубки: ведь хмурый наёмник просто так девку не отдаст.

Подбодрённая Талла скинула опостылевший плащ охотника, в который тот укутал её ещё на въезде в Крепость. Вопревая, покрасневшая от внимания и паров горячего вина, она точно сама запынела. Глупая девка! Небось никогда ещё не сталкивалась с опытным женолюбцем, не слышала столько ласковых слов. Кто ж в деревне станет рассказывать бабе, как она хороша? Зазнается ещё. И Верд тоже скупился на любезности. Вот и поверила, обомлела. А Борька горазд трепаться! И не таких уламывал...

Кулаки охотника недвижимо лежали на столе. Смуглые, крепкие. Привыкшие сжимать рукоять меча, а не женские прелести. Нет, Верд бывал с женщиной прежде. Неоднократно, шумно и с обоудным (если верить опрашиваемым) удовольствием. Но в основном за деньги. И если уж совсем честно, ему было глубоко плевать, насколько бабам нравилось, когда он их тискал. Но рядом со стройным, высоким, ухоженным Бореем, который, словно не прекращая увлекающего танца, сутился и вертелся, охотник и правда походил на валенок. Старый, грязный, валяющийся в пыли и паутине за печкой. Такой не выбрасывают потому лишь, что напрочь забывают всякий раз, как отворачиваются.

Вот и Талла забыла. Смотрит на светловолосого красавчика... Отчего ж не посмотреть? Локоны пушистые, мягкие, льняные. Не то что жёсткая пакля Верда, в которой уже и не отличишь седину от выцветших, точно покрытых пеплом, прядей.

Стоят ведь друг друга, оттого и спелись. Шушукуются, радуются каким-то своим, не достигающим слуха наёмника шуткам.

– Верд?

Санторий поднялся, чтобы последовать за другом, но наёмник нахмурился и кивнул на голубков:

– Следи. Я воздухом подышу.

Мороз с готовностью ударил в ноздри и забрался под куртку, надеясь долезть до самого сердца. Отгородившись дверью от шумной таверны, охотник ощутил, как сильно недовольная гримаса скривила лицо. Немудрено, что весёлая компания не слишком-то нуждалась в его обществе. Такая харя, к тому ж изуродованная шрамами, кому угодно настрой испортит.

Зря он приехал в этот город. Зря позволил Санни убедить себя именно здесь чинить подругу. Теперь до утра, а то и до обеда

мучиться, прятаться от воспоминаний, которым давно полагалось замёрзнуть ледышками и разбиться на мелкие осколки. Ан нет, живы. Летают в воздухе духом кислого пива и дымом очага; отзываются болью в переломанном некогда хребте; хрипят в крике о помощи, разрывающем горло на части, кровавыми сгустками застывают на губах. Крепость была его домом. Здесь он встретил друга, здесь же его и потерял. Сколько раз счастье наполняло его, сколько раз смех перекачивался по этой самой таверне, подхваченный десятками глоток побратимов.

И сколько боли, унижения он вытерпел потом.

Израженный, изломанный и беспомощный. Он лежал там, в снегу, в собственной крови и нечистотах, и понимал, что дюжина бойцов, играючи искалечивших его, даже не искали схватки. Они лишь возвращались в свою, вражью крепость. И могли сделать вид, что не заметили двух молодых своевольников. Но не сделали.

Израженный, изломанный и беспомощный. Да будьте вы прокляты, жестокие боги! Почему именно сейчас, почему здесь он чувствует, что снова лежит в той вонючей жиже, орёт что есть мочи в пустоту, но никто не слышит!

За спиной тихо скрипнула дверь, а на плечо легла твёрдая рука, когда-то умевшая держать меч.

– Друг мой, что гложет тебя?

– Уйди, Санни.

– Кажется, это я уже делал. До сих пор извиняюсь, – хохотнул слугитель. – Нет? Не стоило про это шутить?

Наёмник не стал раздражённо стряхивать длань с плеча. Сделал вид, что не заметил, отвлёкся на ворону, терпеливо выковыривающую обледеневшую хлебную корочку из кормушки.

– Тухлятиной там воняет, – пояснил охотник, не оборачиваясь.

Санторий понимающе хмыкнул и поддержал игру:

– Да, и правда завоняло чем-то сладковатым. Борька всегда любил умываться этой ужасной приторной водой...

– Наверное, чтобы что-то более вонючее перебить.

– Или просто нам подгадить. – Санни встал рядом, тоже делая вид, что его вниманием целиком завладела птица. – Как думаешь, долго она будет долбить клювом лёд?

Верд хотел шугануть каркушу, уж очень она напомнила ему оглоеда. Только зубов не хватает да размах крыльев поболее нужен. Но почему-то эта схожесть его и сдержала. Хорошо они всё-таки с колдуньей разобрались с целой стаей! И девка, смелая, дурная, не визжала и не пряталась, а до последнего стояла на своём.

– Мне-то какое дело? Пока не продолбит.

– А мне вот кажется, любая ворона когда-нибудь устанет. – Санни опёрся на сложенную из крепких брёвен стену и поёжился от холода. – Эдак и клюв сточить недолго. Ковырнёт раз, другой, третий... Да и полетит куда-нибудь, где зерна насыпано. Такой вороне, знаешь ли, кто угодно зерна с удовольствием сыпанёт...

– Ну и пшла прочь! – Наёмник топнул, отпугивая летунью. Она презрительно каркнула, развернулась хвостом и упорхнула. Улетела, однако ж, недалеко: спряталась за вертуном на соседней крыше в ожидании, пока ненужные свидетели окоченеют и уйдут.

Верд плюнул, резко развернулся и хмыкнул:

– Вот как ляпнешь иной раз... Мне аж ненадолго показалось, что ты и не про ворону говоришь вовсе.

Он одобрительно похлопал приятеля по плечу, заставив его колени подогнуться, и снова нырнул в наполненную затхлым воздухом таверну.

– Да что ты говоришь?! – делано изумился ему вслед Санни и понимающе подмигнул терпеливой вороне.

И всё бы хорошо, да только занятый ими столик пустовал. На стуле сиротливо висел плащ Верда. И Таллы в нём не было.

Глава 10

Чужая беда

По давно сросшемся хребту будто снова шарахнули чем-то тяжёлым. Ругательства так и застыли в глотке: кому их высказывать? Какой теперь смысл? Была колдунья – и нет. Нету дурной, своенравной, вечно весёлой девчонки! Забрали.

Не отводя взгляда от пустого стола, точно Талла могла вылезти из-под него с торжествующим воплем, Верд нащупал ворот рясы служителя, подтянул к себе и, всё так же глядя на пустое место, чтобы не сорваться и не дать приятелю в морду, выдохнул:

– Где?

Санни не отвечал. Лишь ухватился двумя руками за запястье наёмника, надеясь хоть чуть ослабить хватку.

Он отмахнулся от толстячка, едва не сбив с ног, широким шагом, расталкивая нерасторопных пьянчуг, пересёк зал, подхватил плащ, ещё хранящий запах колдуньи. Лёгкий, тонкий. Словно одежду на морозе высушили и занесли в тепло.

– Куда пошли? – Верд поймал за локоть разносчицу и кивнул на опустевший столик.

Видно, рожа его страшна была в этот миг. Девка указала дрожащим перстом на кухню и не заикнулась об оплате.

Перекошенная харя хозяина «Кольчуги», небрежно отпихнутого в сторону, юркнувшие в углы, как трусливые мыши, поварята. Маленькая дверца. Выход с другой стороны харчевни, через который обыкновенно затаскивали в кухню свежие (или не очень) продукты. По пыхтению позади Верд понимал, что Санторий не отстаёт, хоть и не решается молвить хоть что-то, чтобы снова не огрести. Не до него.

Треугольные метки охотника жгло углём. Пекло, подгоняло, торопило. Уличный холод лишь раззадорил их, заставил светиться сильнее, указывая путь: дурная где-то рядом, недалеко ушла. Поймаешь, нагонишь, успеешь... Если поспешишь!

Если Борей не сообразит, что за отделённую от тела голову колдуньи король платит столько же, сколько за целую.

Узкие улочки сменяли одна другую, редкие прохожие, втягивая головы в плечи, спешили обойти наёмника по большой дуге, а если не удавалось, без раздумий ныряли в сугробы.

Направо, налево, снова налево и прямо меж низких деревянных домиков, в каких они с Санторием жили, только поступив на службу. Треугольники на внешних сторонах ладоней светились до того ярко, что проглядывали сквозь плотные повязки, горели до запаха жжёной плоти. Верд мог бы идти вслепую, мог бы найти дорогу под землёй или в воздухе: однажды учуявшие дурную кровь метки уже не позволят колдунье сбежать. Не позволят до тех самых пор, пока та, что их оставила, самолично не разорвёт связь охотника и дурной. Пока она снова не отправит верного пса за добычей. Конечно же, Борей не знал этого. Много слухов ходит про охотничьи отметины, иные Верд самолично придумывал и с большим удовольствием следил, как они разлетаются по свету. Но одного люди не знали – правды. Светящиеся треугольники приведут к колдунье, где бы она ни находилась. По крайней мере пока жива.

А и хорошо ли, что жива? Что, если сотник и думать не думал о королевской награде? Жалованье воина всяко побольше, чем плата за дурную девку, а ссориться с Вердом ни один из побратимов за эдакую мелочь не пожелал бы.

Что, если Талла пошла с красавцем-блондином добровольно? Что, если наёмник ворвётся в холостяцкую берлогу и помешает тому, о чём намёками и вздохами голубки стоваривались с начала вечера? Может, и не лезть лучше?

Верд прибавил ходу.

Сначала он соберёт в кулак льняные локоны, которыми Борька привлекал девок, сколько они были знакомы, и, раскрутив, как прашу, вомнёт его в стену. Нет, не в стену. Лучше об колено, чтобы услышать влажный хруст ломающегося носа. А потом вырвет руки. Нет, не руки. Лучше кой-чего другое он ему вырвет, чтобы избавить от соблазна заглядываться на чужих... да вообще на всех баб!

– Верд! Верд, подожди! – Запыхавшийся, путающийся в рясе служитель едва поспевал. Он уже подхватил подол одеяния и так спешно перебирал ногами, что шерстяные штаны с начёсом разве что искры не высекали. – Там же дальше... Верд, там дружинные дома!

А то он и сам не понял! Разросшаяся в город крепость так и осталась поделённой на две части: в одной половине обосновались торговцы да тётки вроде Ласки, в другой – военные. В низеньких деревянных домиках ютился молодняк, в домах побольше – старики. Сотник успел обложить своё жильё камнем и щегольски украсить росписью, словно конкурировал с Домом Желаний. Не дело Санни сюда соваться. Узнают – вздёрнут. Да Верд и сам бы его сейчас придушил, кабы чуть меньше нуждался в лишнем мгновении.

А и плевать, что дружинные дома! Плевать, сколько защитников-помощников найдётся у Борьки, плевать, что, возможно, придётся сойтись в схватке с побратимами. Раскидает! Всех раскидает! Дайте только добраться до этого паскудника, не способного удержать в штанах...

– Н-на! – Часового, так и не успевшего поинтересоваться, кто идёт, Верд сбил ударом головы в челюсть. Парнишка рухнул плашмя, раскинув руки, точно рисовал в снегу птицу.

Ногой распахнул едва прикрытые воротца, сбив с перекладины столб снега. Санни охнул: понятно, кому за шиворот сбил.

Вот туточки они строились поутру. От покосившегося столба, в маковку которого стреляли из луков для развлечения, через площадку, утопанную настолько, что и настил не нужен, и до просторного здания в один этаж, целиком отданного под кухню. Возле него вечно шныряли кашевары, а то и молодняк, в наказание вынужденный помогать с готовкой. Поди прокорми добрую сотню бравых бойцов зараз!

Хватало народу и сегодня. Кто с вёдрами, иные с мешками, совсем мальчишки кидались снежками, увлёкшиеся, не желающие отходить ко сну. Верд на лету поймал ком снега, выбравший неправильную цель, и отправил обратно. Раздался шлепок, удар и громкий рёв. Не умеешь воевать – не берись, сопля! Но и игрушки Верда не задержали. Он уже приметил дом сотника, выходящий окнами на плац. Небось для того только, чтобы раздавать команды построившимся бойцам, не вылезая из нагретой постели.

У входа полагалось бы поставить караульного, а то и двух. Но Борей не то смел, не то глуп, не то сильно в себе уверен. Поэтому дорогу Верду заступили тогда лишь, когда он, обнажив меч,

приготовился снести дверь. Тут же подоспели и ещё солдаты, углядев отражение звёзд в блестящей стали.

– С дороги, – кратко велел охотник.

– Ой-йо-йошеньки, – пробормотал Санни, прячась за спиной друга. И не понять, за себя испугался али за мешающих наёмнику пройти парней.

– Сотник Борей Северный Ветер почивать изволит, так что лучше бы тебе, добрый человек, отправиться восвояси. – Деловито оценивая стойку противника, старший среди вояк накрутил на палец кончик длиннющей лохматой бороды. – И оружие бы спрятал, а то, не ровен час, мои парни решат, что ты человек не добрый, а злой.

– Я злой, – подтвердил Верд. – Очень злой.

Четверо бойцов, один из которых совсем молоденький, даже меча не заслужил, и бородач. Видно, старшой. Он справится. Даже если Санторий даст дёру. Сейчас он дюжину раскидал бы, три дюжины! Потому что где-то там, за разукрашенными стенами, – Талла. Метки охотника светились, пульсировали, горели потусторонним синим огнём в темноте: не подвели, на нужную тропку вывели.

– Ты давай, что ли, по-хорошему, паря... – добродушно начал бородач, но закончить не успел, потому что наёмник, от которого все ожидали размашистого росчерка клинка, по-кошачьи припал на корточки и подцепил старшого под коленом ногой. Тот нелепо взмахнул руками, но разве удержишься за воздух? Рухнул наземь, не успев и выругаться.

Четверо напали разом. Они и приметить не успели, навсегда ли упал и замер их командир, а ругани, знаменующей, что мужик покамест жив, не услышали. Оттого решили, что пора сорваться с поводков и отплатить обидчику.

– Ой-ёй, ребятушки, что ж это вы делаете?! – причитал Санни, раздавая тумачи попеременно с благословениями. – Больно же, наверное! Ай, как нехорошо локоть вывернул... Саднит? Ну так ты отойди в сторонку, приложи холодного! Нет? Ну ладно, прямо тут приложи, заодно сам полежишь, дух переведёшь...

Давешние мальчишки тоже в стороне не остались: под защитой распахнутых ворот принялись обстреливать снежками. Да только бойцы так быстро скользили, так резко разворачивались, что снаряды попадали в своих с той же частотой, что и в неприятеля.

Потирая затылок, поднялся старшой. И тут же схлопотал снежком по темечку, чтобы, поскользнувшись, снова завалиться, но уже с соответствующими ситуации воплями.

Едва успев убрать меч в ножны, Верд пригнулся, позволяя двум палкам скреститься над головой. Глупых мальчишек убивать не дело, хотя, когда они пытаются зайти с двух сторон и огреть дубинами, очень хочется. Где нашли-то их? Из забора выломали? Ну так за такое самоуправство ещё и завтра от начальства схлопочут! Он пригнулся, ловя двумя руками полы телогреек и сталкивая нападающих лбами. Зазвенело хорошо, гулко. Видать, в черепашках пусто, раз так брякнуло.

– Хей! – Старшой, с оглядкой поднимаясь, махнул парням, выглянувшем на звуки из кухни. Те с воодушевлением присоединились: это ж не тренировка! До нормальной драки поди ещё доберись!

– Да снизойдут к нам добродетельные боги, – обречённо вздохнул Санни, подбирая корягу покрупнее из тех, что обронили ныне отдыхающие мальцы.

– Твои боги и так уже дел наделали! – рявкнул Верд. – Пусть в сторонке постоят, пока я за ними разгребу!

– Да не обидит её Борька, что ты, не знаешь его? – Санторий повернулся на носочке, ловко отгоняя дубиной страждущих драки.

Прикрытый другом, наёмник скакнул вперёд. Он очень жалел, что нельзя обнажить клинок и сделать бой намного короче, но ещё прекрасно помнил, как сам носился среди таких же зелёных ребят, мечтая получить настоящее оружие и напоить его кровью в бою. Глупый был... Нет, он, конечно, тот ещё мерзавец. Но сегодня обойдётся кулаками.

Сшиб одного, ударил под дых второго, пригнулся, по свисту определив, что Санторий заходит с дубиной на второй круг, а разогнувшись, обнаружил, что врагов стало на четверть меньше. Кулаки зудели, разодранные выбитыми зубами. Парни ругались и кричали, призывая на помощь побратимов. Старшой, откинув за плечо лохматую бороду, взялся за меч.

– Так, ребята, тут уже дело серьёзное. Хей, там! – подозвал он очухавшегося часового. – Не видишь, что дееся?

Тот припустил к большому дружинному дому за подмогой.

Дело пахло плохо. Эдак не только дурную не вытащат, но и Сантория выдать могут. Надо прорываться.

– Верд! – умоляюще заныл Санни. – Талла могла и добровольно с ним пойти!

Следующий удар оказался таким сильным, что подвернувшийся парнишка выронил пику и описал полукруг, прежде чем растянуться.

– Без тебя, что ли, не знаю?! – Наёмник повторил манёвр, не на шутку напугав служивых. – Думаешь, не знаю, что они там делать станут?!

Развернулся к бородачу, готовый снести его, как табун диких лошадей сносит ветхий плетень. Но тот и не подумал защищаться, лишь расхохотался, отчего кончик бороды принялся язвительно подрагивать. Старшой вложил меч в ножны и поднял руки, что далось ему с трудом из-за давящего смеха:

– Ой, не могу! Муж?

Верд, помедлив, кивнул.

– Рогоносец! – смекнув, к чему клонит мужик, вставил Санни.

– Ещё один! – хохотнул старшой. – Братцы, стой! Это очередной ревнивец к нашему Борею!

Нарастающий тревожный топот сменился дружным рёготом.

Охотник затравленно озирался, не понимая, когда потасовка превратилась в шутку.

– Смешного-то что?

– Нет-нет, ничего! Муж всяко имеет право взревновать! Так, ребята?

– Так! Так! А то! – отозвались подчинённые, не спеша расходиться, но уже потихоньку начиная заниматься своими делами.

– Если этот женолюбец успел... – с угрозой начал Верд.

– То мы сами его тебе выдадим! – с готовностью пообещали ему. – Мы нашего сотника ещё и подержим, пока ты его колотить будешь! Так, братцы? – Борода продолжила свой ехидный танец.

Наёмник неуверенно потянулся к размалёванной двери.

– Так мы пойдём тогда, да? – заискивающе поинтересовался Санторий, пряча дубину за спину и аккуратно снежком присыпая тела тех, кто позорно пал в бою и пока не решался встать.

– Идите, идите! – старшой приглашающе отодвинулся в сторону. – Токмо железки туточки оставьте, а то мало ли... Поранится кто...

Расставаться с мечом охотнику не хотелось, но в том, что Борьку и без оружия пристукнет, он не сомневался. Поэтому расстегнул перевязь и, бросив на бородача колючий взгляд, вошёл в дом. Удара в спину так и не последовало. Лишь согласный смех.

* * *

Всякий вояка считает, что многое пережил и отвык удивляться. Что поле боя полно ужасов, способных ожесточить любую душу, что в сражении познаёшь настоящую беду и боле не заботишься о мирной жизни.

Но это лишь до тех пор, пока brave вояка не оказывается в доме, где живут пятеро детей.

Разгром, который иной грабитель постесняется после себя оставить, гвалт, звенящий в ушах, писк и постоянное хныканье.

– Мау! – понимающе поздоровался толстый, но местами плешивый кот, вцепившийся когтями в балку над дверью.

Маленькая конопатая девочка с двумя по-разному заплетёнными косичками, задумчиво засунув палец в нос, тянула кота за хвост. Зверь не сдавался, но, судя по глубоким бороздам в пядь длиной над его лапами, малютка отличалась терпением.

– Апчхи! – поприветствовала она гостей и завопила: – Па-а-а-а-а-а-а!

– Ма-а-а-а-ау! – обречённо подхватил кот.

В дальней комнате что-то рухнуло. В ответ раздался узнаваемый, хоть и наполненный паникой визг сотника Борей:

– Я вам сейчас уши оборву! Что, милая? Бегу, золотце!

– Оно само-о-о-о-о! – убедительно соврали из комнаты, где рухнуло.

Золотце со чпоком вытащило палец из носа и принялось критически сравнивать добытое с гостями. Сравнение оказалось не в пользу мужчин.

– Что слу... – примчался на зов Борька, но тут же смущённо замолчал.

Не далее как час назад этот холёный ухоженный красавчик наслаждался всеобщим вниманием в «Кольчуге». А внимания-то,

оказывается, ему и без того хватало. На плечо блондинчику со знанием дела отрыгивал упитанный карапуз. Он же так крепко сжимал в кулаке золотистые локоны, что Борьке приходилось наклонять голову на сторону, чтобы не остаться без них. На ноге у красавца восседала непрерывно чихающая и крайне похожая на первую девчушка, но помладше и без конопушек. Эта вообще была копией сотника, что наводило на мысль...

– Твой? – только и смог выдавить Верд.

– Это... это... н-н-нет, – замялся Борька. – Подкинули... то есть дали на передержку...

– Па-а-а-а-а-а-ап! – За стенкой снова громыхнуло и зазвенело. – А-а-а-а-пчхи! Оно само-о-о-о!

– Оно и правда само, я видела! – подтвердили оттуда же голосом Таллы.

– Я всё объясню! – пообещал Борей, пытаясь стряхнуть дочку с сапога.

– Он всё объяснит, уважаемый, – серьёзно подтвердила конопатая, невинно сдёргивая кота и ловя его в охалку. – Это не то, о чём вы подумали.

– Кажется, эту фразу дети слышат часто, – прокомментировал Санторий.

Спотыкаясь на обломках игрушек и ощущая какой-то неприятный хруст под подошвами, охотник отправился за колдуньей. Борька семенил следом, одновременно пытаясь отцепиться от мелюзги:

– Я всё объясню! Будь здорова, милая! Я ничего плохого... Ты не подумай... Нет, золотко, это не отрывается... О, ну теперь отрывается. Нет, не трогай папин сюртук. Пожалуйста! Что ж, это уже не отстирать. Теперь это твой сюртук...

Вторая комната не сильно отличалась от первой. На уроненном шкафу восседали близнецы с настолько шаловливым видом, что, проходи они просто мимо, всё одно именно их обвинили бы в крушении. Оба с нескрываемым восторгом играли в волшебных сверкающих нитях, как котята в клубке пряжи. На кровати же, подогнув под себя ноги и напевая детскую глупую песенку, сидела колдунья. Она собирала нити на пальцы, как на крючки, и не выглядела ни похищенной, ни растлѐнной.

– Верд! – Талла вскочила ему навстречу, но запуталась в серебристых нитях, упала навзничь и засмеялась. – А меня похитили! – торопливо наябедничала колдунья.

Верд перевёл многозначительный взгляд на Борьку. Дескать, объясняйся давай.

– Виноват! – не стал отпираться тот.

– Он виноват, – кивнула конопатая и протянула кота: – Хотите за это Барсика подержать?

Верд воздержался, хотя весь вид животного говорил о том, что он готов отправиться хоть шваргам на ужин, лишь бы подальше от маленькой чертовки.

– Много теряете, – заключила та и покрепче стиснула питомца, отчего у бедняги полезли из орбит глаза.

– Мау! – укоризненно сообщил Барсик наёмнику.

– Апчхи! – чихнула ему в загривок маленькая хозяйка.

– Дай! Дай! – потребовали близнецы, увидев, что до любимца семьи добрался кто-то ещё. На котовой морде отпечаталась бесконечная скорбь.

– Да оградят меня боги... – Санни осенил себя знаком Ножа, но вовремя исправился и вместо этого осенил Ключом присутствующих: – Да благословят они сей гостеприимный... Ай! – Он наступил на что-то возмущённо пискнувшее и ошалело закончил: – Дом...

– А вы, дяденька, Барсика благословите? – Конопатая подняла кота за заднюю лапу, всячески демонстрируя служителю, что зверь тоже нуждается во внимании.

– Нет, я! Нет, мне! Апчхи! – потребовала вторая сестричка, отлипая от отцовского сапога и набирая разгон. Посередине комнаты она споткнулась, упала и завывала.

Борей посмотрел на это дело, оценил ущерб сюртуку, на который едва закончил отрыгивать ужин карапуз, и тоже взвыл:

– Я не знаю, откуда они берутся!

– Тебе рассказать? – предложил Верд.

– Что рассказать? – мгновенно заинтересовалась Талла.

– И мне! И нам! – поддержали детишки: как так, интересное – и без них?!

Санни озирался с таким видом, словно был единственным, кто понимает Барсика. Судя по тому, как они переглядывались, эта парочка готовилась совместно задать стрекача.

– Я знаю, откуда берутся дети! – дёрнул острым подбородком Борька и тут же опечаленно вздохнул: – Я не знаю, откуда взялись эти...

Верд подцепил пальцем подбородок светленькой девочки, покрутил её личико из стороны в сторону, скептически сравнивая с оригиналом:

– Ну, к этой ты точно как-то причастен.

– И её мне подкинули! Но я никак не могу доказать Ласке, что это сделала одна из её работниц! Стоит за них горой и... – Борька бессильно сполз по стеночке. Младенец, закончив своё младенческое дело, чихнул и пополз изучать Барсика. – А потом мне подкинули их, – кивок на близнецов, – и её, – кивок на носительницу конопушек, защищающую мяучущую добычу от родственников, – и остальных... Понимаешь, Верд? Они как сговорились! Ни одна нянька не берётся сидеть с ними дольше недели, последняя только что сбежала! А тут ещё этот проклятый кот! А-а-а-а-апчхи! А у нас на него аллергия! Притащили тварь с улицы и выкинуть не даю-у-у-ут!

– Барсика не отдам, – категорично заявила конопатая. Рядом с ней, уперев кулачки в бока, встала сестра, а близнецы поддержали криком. Кажется, единственным, готовым пожертвовать всеобщей любовью из-за аллергии, оставался сам Барсик.

– Понимаешь теперь? – поднял на охотника лисьи глаза Борька и зашуганно прошептал: – Я схожу с ума! А-а-апчхи!

– Я тебя придушу, – пообещал охотник.

И правда, придушить бы. Заслужил. Но колдунья лукаво сверкает глазами, и лицо её выражает безграничную любовь ко всем живущим на свете детям. По крайней мере до тех пор, пока они живут на достаточном расстоянии от неё.

– Я их вылечу только, а потом души, – попросила она.

«Пожалуйста!» – Борей, судя по всему, не только заочно соглашался с наказанием, но и умолял осуществить его немедленно.

– Прости, друг! У меня не было выбора, кроме как похитить твою колдунью! Я же видел, что ты с неё пылинки сдуваешь! Нипочём не отпустил бы добровольно... Да и, признаться, я очень испугался, что

она может отказать. И она не испугалась вовсе... Считай, добровольно пошла!

– Вообще-то он меня не совсем похитил. – Закончив с мальчишками, Талла поманила к себе старшую девчонку, но та категорично показала язык, выражая своё мнение о ворожбе. – Борька по дороге всё объяснил, и я пошла. Простите, что напугала. Надеюсь, что сама вернусь, прежде чем вы меня отыщете...

Вот обнять её или убить? Наёмник втихаря перевёл дух, но одарил всех неодобрительным взглядом. Бросил напоследок:

– Жду снаружи. Чтобы через половину часа стояла рядом, ясно?

Колдунья усиленно закивала, но покорности в этом жесте было не больше, чем у конопатой чертовки.

Тем не менее ни секунды не задержалась, вышла, как велено. Санторий к тому времени прыгал с ноги на ногу и шумно хлопал себя ладонями по плечам, пытаюсь согреться. Верд же прикинулся, что просто так задержался, без всякого повода, и, не удостоив дурную и словом, двинулся к постоялому двору. Обидно лишь, что ни служитель, ни колдунья не придавали значения его неприступному виду и идти на поклон не спешили. Шушукались позади, обменивались впечатлениями.

– А почему Борей – Борька? – задала наконец вопрос Талла.

– Да бывшее дело, – пролязгал зубами замёрзший служитель. – Видала, какой статный красавец, а? Всех окрестных баб в своё время перет...

– Кх-кх, – ни к кому не обращаясь, кашлянул Верд.

– Все, в общем, его любили, – покосился на приятеля Санни. – Богат, хорош собой, говорит, как стихи слагает...

– Но?.. – подсказала колдунья.

– Но как начнёт смеяться, хрюкает аки боров! Со всеми этими своими локонами, ароматными мазями и подведёнными очами. А у нас тогда как раз свина держали на убой... Борькой кликали...

Глава 11

Лёд тронулся

Комнатушку они сняли одну на троих. Тесную, но хоть тонкими стенами отделённую от любопытных глаз и длинных носов, которые в мелком городишке грех не сунуть в чужие дела.

Талла ощутимо мёрзла. Улеглась в дорожной одежде, поджав ноги, как младенец, укуталась в пыльное ветхое одеяльце (иных, кажется, ни в одном постоялом дворе не сыскать), а Верд, выждав, пока колдунья задремлет, ещё и укрыл её сверху добротным дорожным. Но она всё равно дрожала, то и дело шмыгая чуть вздёрнутым носом и пряча его в складках ткани.

Не спалось и Санторию. Он поворочался с боку на бок, подслеповато шурясь на наёмника: уснул ли? Да и вскочил. Криво зашнуровал сапоги, поправил рясу и был таков. Охотник не стал его удерживать. Коль хочет снова потоптаться на старых граблях, пусть. Хотя, наверное, следовало дать подзатыльник и привязать к кровати, чтоб неповадно. Но любовь же, будь она неладна...

– Санни? – Дурная успела застать только мелькнувший в дверном проёме подол одеяния, а служитель ожидаемо прикинулся, что не расслышал, и торопливо заковылял по ступенькам вниз.

– Да шварг с ним, – зевнул Верд, – к утру вернётся.

Колдунья обеспокоенно засопела и отвернулась к стенке. Но долго не улежала. Тоже поднялась, бочком приблизилась и, кутая накидкой острые плечи, поинтересовалась:

– А ты тоже не спишь?

Наёмник не ответил, продолжая рассматривать дурную из-под прикрытых век. Смущённая, потупившая взор, зябко приподнимающая то одну, то вторую ступню в сползших вязаных чулках. Она наклонилась, и Верд едва сдержался, чтобы шутливо не дёрнуть её, поджать под себя. А девка бы испуганно, а потом радостно завизжала, отбиваясь, да и сдалась. Но он утерпел. Правда, ещё напугается...

– Ве-е-е-ерд! – коснулся щеки требовательный шёпот.

– Сплю, – буркнул он.

– Не спишь! – Колдунья расплылась в улыбке и плюхнулась рядом, вытянувшись поверх одеяла вдоль горячего бока.

Всякой бабе с мужиком спать сподручнее – так любила говаривать наёмнику одна опытная труженица Дома Желаний. Мужики горячие, похлеще печки. Но Верд раз за разом притворялся, что намёков не понимает, и никогда не оставался на ночлег. И к себе бы в постель никого не пустил. Таллу тоже обязательно прогонит, как только она ледяные пальцы хоть малость отогреет.

– Чего надо?

Пустить, что ли, дурную под одеяло? А то холодная, что ледышка. Хотя ещё подумает чего нехорошего... Сантория рядом нет, устыдить наёмника именем богов некому. Да и, справедливости ради, Верд и сам не был уверен, что не соблазнится зарыться лицом в белоснежные волосы, пахнущие зимой. Поймать бы в охапку, как того Барсика, чтобы не шастала, куда не надо, чтобы никто лихой не вырвал её из крепких рук наёмника, покрытых шрамами! Но руки его грубы и мозолисты, а за каждым шрамом стоит чья-то жизнь. Не стоит касаться ими нежной бледной кожи – поранит ведь ненароком.

Но колдунья вдруг объявила:

– Холодно. Пришла к тебе греться, – и сама забралась под покрывало, доверчиво прижимаясь к мужчине, отделённому от неё лишь просторной рубахой.

Верд одеревенел. Шелохнуться, вздохнуть боязно, не то что повернуться. А девка словно и не понимает...

– Дурная... – прохрипел он, надеясь поругать, спугнуть колдунью, но та лишь теснее прижалась холодным носом к его шее.

Сладкое, лёгкое дыхание щекотало ухо, усыпляло, как кошачье мурлыканье. Поймать, прижать, уберечь глупую наивную девчонку, что в упор не видит злодея! Не умеет, не знает, кого бояться нужно, от кого ожидать беды!

Стиснул зубы, зажмурился, чтобы не дёрнуться, не сотворить безрассудства, лишь позволил себе чуть подогнуть руку, на которую улеглась колдунья. Не обнимая, нет. Просто придерживая, чтобы не свалилась.

– Прости меня, – попросила Талла.

Верд едва сам не навернулся на пол. За что, дурёха, извиняется? Что её окрутил и обманул прожжённый охальник? Это Борейя уму-

разуму поучить надобно, а не на девку дуться! Глупая и не поняла, что Верд хмур и зол вовсе не из-за неё... Или он сам чего-то не понимает?

– Что уж, – голос звучал неловко, грубо. Точно дерево пилой пытаются. – Дурная...

Её губы шевельнулись снова, потревожив кожу на шее. Мурашки пробежали до самых пяток, точно не жестокий охотник, а одинокий мальчишка лежал на месте Верда.

– Дурная, – повторила Талла. – Глупая, да. Борька не хотел мне навредить, честное слово! Я чувствовала...

Верд проворчал, прекрасно понимая, чего захочет любой мужик, оказавшись рядом с такой красавицей:

– Ещё бы он хотел...

– Но ведь ты бы всё равно защитил меня. Я знаю! И нашёл бы. У тебя же метки...

Охотник резко сел, отталкивая девушку:

– Не для того эти метки.

– А для чего же? – Талла на коленях подползла и уложила подбородок на его плече, любопытно рассматривая ладони наёмника. Потянулась коснуться мерцающего треугольника, но Верд спрятал руку под одеялом. Как мальчишка, правда что...

– Иди спать, дурная, – велел он, меньше всего на свете желая, чтобы девчонка послушалась. Она и не стала.

– Гонишь меня...

Обиделась. И правильно! Охотник в друзья к колдунье и не набивался! Ему вообще друзья не нужны!

– Гоню.

– Думаешь, уйду?

Она набросилась со спины, переплетя пальцы на его груди.

– Надеюсь на это. Тебе же лучше.

В ответ Талла звонко чмокнула его в щёку.

– Ты же не провидец. Откуда знаешь, где мне лучше? – и чмокнула ещё раз.

Тут бы наёмнику расплыться, как всегда расплываются мужики, получив поцелуй, но нет. Злость вскипела, грозя вырваться отборной руганью. Он ухватил девку за предплечья, уложил навзничь, нависая сверху. Испугайся! Закричи, забейся, дурная! Охотник не друг тебе,

никогда им не станет! А она улыбается, не пытаясь вырваться. Лежит, доверчивая, нежная, потеплевшая от смущения.

– Молодая, глупая девка! – рыкнул Верд, наклоняясь ниже, чем следовало бы, чтобы сохранить хладнокровие. – Ты не знаешь мира! Не видела, на что он похож! Эти метки привели меня к добыче! К тебе привели! И я забрал тебя из дома, потому что никто и никогда не вступится за дурную, проклятую колдунью! Потому что, как бы ни лебезили перед тобой селяне, ни один не станет рисковать жизнью, чтобы тебя защитить! Потому что, если бы служки короля явились раньше меня, тебя бы уже казнили!

– Я же говорила, что ты спасёшь меня, – серьёзно кивнула Талла.

– Нет, дура! Я не спасаю тебя! Я тебя продаю! Мне до тебя дела нет! Лишь слежу, чтобы ты не сдохла, пока не отдам тому, кто заплатил! Заплатил мне за тебя, понимаешь? Заплатил за твой дар!

– Видимо, у этого кого-то много денег.

Она попыталась вывернуться, и Верд, восторжествовав, поймал её подбородок, не давая отводить взгляд:

– Ты не выживешь на воле! Ты глупая, наивная девка! Продавая, я тебе услугу оказываю, ясно? Но делаю это ради денег, а не ради тебя, поняла?

Ну когда же, когда дурная разревётся? Почему всё, что она делает, она делает не так, неправильно, не вовремя? Почему не понимает, что должна прятаться от мира, а не наслаждаться им?!

– Поняла. – Синие глаза светились непокорным, скрытым прежде огнём. Быть может, дурная куда умнее, чем прикидывается? – Поняла, что ты меня боишься.

– Чего-о-о-о?!

Всё-то у этой девки не так! Боится? Он?! Да Верд вообще никого на свете...

– И себя боишься, – добавила колдунья. – И больше всего на свете боишься оттаять.

Что сказать? Чем отплатить за простые, но режущие, как нож, слова? Куда бежать, чтобы скрыться от горящего взгляда синих глаз, как заставить замолчать дурную девку?

Он прижался губами к её рту. Напористо, зло. Пусть знает, пусть чувствует, кто здесь сильнее! Пусть не смеет говорить то, что он и сам себе сказать боится!

Давай же, дурная! Укуси, забейся, закричи!

А она разомкнула губы, с готовностью, с нежностью и жаром принимая поцелуй. Ей бы ненавидеть... А она ласкала, наслаждалась им. Хмурым суровым наёмником с колючим взглядом, который поклялся никогда и никого не впускать в своё сердце.

Нежная, мягкая, горячая... И такая красивая! Она целиком отдалась, доверилась, открылась. И кому?!

Тяжело дыша, Верд отстранился. Резко и быстро, словно девушка оттолкнула его, хотя Талла, напротив, недовольно застонала, оставшись в постели одна. Дал себе пощёчину, чтобы успокоиться.

– Дура! – зло бросил Верд.

– Сам дурак! – не осталась нахалка в долгу.

– Спать иди!

Она натянула одеяло до макушки:

– Иду.

– В свою кровать иди!

Показала язык, вызвав у Верда совсем не те чувства, которые собиралась, этим жестом. Отчётливо проговорила, удаляясь:

– Ясно.

Охотник плюхнулся на подушку и до боли растёр ладонями лицо, лишь бы избавиться от наваждения. Наваждение не исчезало. Лишь обиженно сопело на соседней кровати, не засыпая и не давая уснуть Верду.

* * *

Утром оба молчали. Не смотрели друг на дружку, как сконфуженные любовники, слишком поздно осознавшие ошибку.

– Одеяло.

– Взяла.

– За седлом надо.

– Ясно.

Оба переглянулись, будто слово могло вернуть их в прошлое и исправить то, что случилось. Или то, чего не случилось. Но невысказанное так и осталось ледяной коркой на губах.

Непривычно тихая Талла заставляла охотника скрипеть зубами и лишь сильнее злиться. Благодарить должна, дура! Нарывалась же на грубость. И на кой-чего другое нарывалась, так что вдвойне благодарна должна быть, что хоть один из них не совсем пустоголовый!

– Санни надо забрать, – почти равнодушно напомнил Верд. Нет, он его обязательно всё-таки бросит. Но где-нибудь потом, не в этом городе.

Талла попыталась вскарабкаться на отдохнувшую Клячу, едва Верд затянул ремни на свежепочиненном седле. Соскользнула с одной стороны, с другой. Потом легла животом поперёк и задрала ноги, пытаясь хоть так уместиться. Охотник вздохнул и, зафиксировав дурную под мышкой, понёс к Каурке.

– Я одна поеду! – заупрямилась Талла.

– Я разве спрашивал?

– Я тоже разрешения не просила!

– Сядь, сказал!

Он привычно устроился позади, придерживая девку в поясе. Причмокнул кобыле. Обнадёженная отсутствием всадника, Кляча покорно пошла следом.

Санни обнаружился в Доме Желаний. Где бы ещё? Вот только сам дом на прежний уже не походил.

Двери не успевали захлопнуться. Туда-сюда бегали полуголые ругающиеся мужики, заливающиеся смехом бабы и, что особенно странно, детишки, ошарашенные не меньше остальных. Ярко покрашенные, неподобающе (или подобающе, с учётом профессии) одетые работницы госпожи Ласки истово осеняли себя знаками всех богов поочерёдно и пытались расквасить лбы в поклонах.

Глас Трёх Богов на земле в лице служителя Сантория возвышался над толпой, стоя на бочке, булькающей алкогольным содержимым при неловких поворотах, и вещал:

– ... а потому, благочестивые сестры мои, только тем из вас боги откроют путь в лучший из миров, кто забудет о прошлом, покается и станет жертвовать на храм не менее трёх серебряшек ежемесячно!

– А можно золотой, но раз в полгода? – деловито осведомлялись занятые женщины. – Чтобы как налог королю?

– Можно даже два золотых в полгода! – одобрил благое начинание Санни. – И три можно! И если очень хочется, можно прямо сейчас. Я обязательно сообщу Троим о вашей благонадёжности!

– А сколько надо разом уплатить, чтобы потом, так сказать, точно избежать шваргового пуза? – включилась в беседу добродушная толстощёкая бабища, с готовностью расстёгивая тяжеленный кошель.

После непродолжительной борьбы с алчностью и позорного поражения Санторий великодушно дозволил опустошить глухо позвякивающую мошну целиком.

– Но разве можно деньгами выкупить души?! – продолжил он.

– А разве нет? – На полпути тётка засомневалась, стоит ли пересыпать заначку в радушно подставленный подол одеяния служителя.

– Конечно, можно! – торопливо заверил тот и, дождавшись, пока серебро зазвенит уже у него за пазухой, уточнил: – Но чтобы быть абсолютно уверенной, что не придётся встретиться со шваргами, тебе, дитя, придётся вести образ жизни добродетельный и честный!

Тётка в ужасе охнула: на честность они с богами не договаривались! А Санни подливал масла в огонь:

– Женщины суть есть замужество и деторождение! Множество достойнейших мужей заходит в ваш гостеприимный дом. Многие, истинно говорю вам, многие готовы жениться на таких прелестницах, как, например, Лала, – пухленький перст указал на черноволосую смуглую кокетку, но та ответила скептическим хмыканьем и демонстративно туго завязала кошель.

Остальные внимали с куда большим доверием, поддакивали в паузах и воздевали длани к потолку с картинками неприличного содержания, когда оратор для иллюстрации благословения нацеживал в кружку алкоголя из бочки и брызгал им в слушателей. Поскольку часть напитка неизменно оказывалась в желудке служителя, речь набирала как обороты, так и зрителей.

– Вы верите, друзья мои?!

– Верим, господин!

– А что мы говорим господину, которому верим? – гаркнул Санни в опустевшую кружку и направил её в зал, чтобы присутствующие могли покричать в деревянное доньшко.

– Что? – замешкались верующие.

Санни наполнил чашу ещё раз, торопливо осушил и подсказал:

– Я говорю «мы», вы говорите «честные женщины». Мы!

– Честные женщины, – несколько сомневаясь в справедливости утверждения, вразнобой сообщила публика.

– Ещё раз! Мы!

– Честные женщины, – с большей уверенностью повторили работницы дома госпожи Ласки.

– Мы!

– Честные женщины!

– А теперь «мы» и «хотим замуж»!

С трудом удержавшись, чтобы не присоединиться ко всеобщему безумству, Верд подумал вслух:

– Если мы не вытащим его сейчас, явится Ласка и сожрёт его со всем содержимым брюха...

– Хотим замуж! – радостно подхватила Талла. – А? Что говоришь?

– Валим, – кратко подытожил Верд и, протолкавшись через экзальтированных девиц, сдёрнул Сантория с постамента.

Вовремя. Потому что шум наконец-то разбудил госпожу Ласку. И явилась она отнюдь не в благостном настроении.

– Честные женщины! – скандировала толпа.

– С каких это пор? – удивилась хозяйка, но, встретившись взглядом с Санторием, поняла всё и без пояснений. Арбалет появился в руках женщины если и не по волшебству, то уж точно с нечеловеческой скоростью.

– Ложись! – приказал охотник и, вопреки возгласу, припустил к выходу, таща за собой сопротивляющегося приятеля.

– Лала, милая Лала! Помни, ты честная женщина! – напоследок убеждал тот возлюбленную. – Ты не помнишь меня, но до старости будешь благодарить!

Вместо благодарностей вслед гуманисту полетел арбалетный болт.

– Я не в силах познать счастье вместе с нею, но могу направить любимую по пути целомудрия!

Второй болт просвистел мимо уха, вынудив оставшуюся часть речи читать галопирующей кобыле.

Так уж случилось, что Верд покидал Крепость дважды, и оба раза навсегда. Но если когда-то хмурым наёмник чувствовал, что бросает целую жизнь, уходя в неизвестность, то на этот раз, подгоняя Каурку,

он хотел свистеть, как шальной пацан, скинувший оковы родительского надзора.

Талла жмурилась от встречного ветра, а её вечно растрёпанные косы развевались, точно вихри снега в метели. И, сам не понимая почему, Верд улыбнулся. Глупо, добродушно и искренне. Может, когда-то ему и пришлось оставить родной дом. Не выдержав позора, не в силах лгать побратимам о мнимой гибели друга, он отринул прошлое, попытался сбежать от него. Но сегодня, впервые за долгое время, он вдруг понял, что кроме прошлого есть ещё и будущее.

Они неслись по едва проторенной телегами дороге, вспахивали снег, алмазами сверкающий в лучах холодного солнца, обгоняя пар, пухлыми клубами вырывающийся изо ртов. Нестись бы так до скончания веков, наперегонки с собственными мыслями, с жизнью наперегонки!

Но кони не умеют скакать вечно, любая дурь рано или поздно выветрится из головы, а жизнь слишком быстра, чтобы обмануть её галопом.

Они перешли на рысцу, а там и на шаг. Талла расслабилась, откинулась в седле, опираясь спиной на грудь наёмника. Осмелев, Верд забрался рукой под её полушубок, сжал ладонью талию. Что такого-то? Просто колдунья верхом едва держится, того и гляди сползёт!

Свернули к речному склону, пошли вдоль в поисках переправы. Покрытая толстой белой коркой, запертая подо льдом вода недовольно бурлила, но справиться с холодами не могла. Она рвалась на волю, стучалась снизу, грозила отомстить по весне, разлившись, затопив близлежащие поля. Но то по весне. А пока, крепко схваченная морозными оковами, она могла лишь злиться и брюзжать, покоряясь зиме.

– А что, если моста нету? – Талла локтем закрылась от яркого солнечного света, всматриваясь в даль.

– Есть.

– Тебе почём знать? Может, потоком снесло. Или сломал кто непоседливый.

– Ему бы за такое спину сломали. На ближайшие тридцать вёрст мостов боле нету. Ещё с тех времён повелось, когда границу

защищали. Нападёт враг – переправу поджечь и стоять, покуда всех не перебьют.

Колдунья поёжилась, живо представляя, как гибнут воины на этой стороне, чтобы враг не пробрался на ту.

– Нельзя же так, – тихонько проговорила она.

– Только так и можно, – жёстко отрезал Верд. – Воины для того и существуют, чтобы стоять в строю и таких, как ты, дурёха, защищать.

– Такие, как я, и сами за себя постоять могут!

Охотник едко хмыкнул.

– Могут! – с жаром повторила дурная. – Я столько лет одна жила, и ничего, никто не обижал! Почти... Но я всё равно справлялась!

Наёмник сильнее прижал к себе колдунью, точно она могла выкрикнутой глупостью накликать беду.

– Справлялась она. Ты ютилась в глуши на самой границе страны. Тебе повезло дожить до... Сколько там тебе? Двадцать? Двадцать два?

– Девятнадцать, – нехотя призналась девушка. – И в деревне меня скоро перестарком бы кликать начали!

– Дурой. И не скоро, а уже кликали.

– Сам дурак...

– Вот отвезу тебя... куда приказано. Станешь как сыр в масле кататься. Есть люди, которым дела нет до суеверий. Богатые, влиятельные люди. Такие, как ты, у них под крылом отлично приживаются! Вот там можешь мнить себя самостоятельной сколько вздумается.

Она как могла сильно обернулась к наёмнику. Поймала его взгляд, точно льдом приморозила.

– Верд, – тонкие пальцы сжали полы плаща, – ты же можешь этого и не делать...

Как же не хотелось смотреть в эти синие чистые глаза! Отвлечься, рыкнуть, шугануть дурную...

– Тебя разве спрашивал кто?

– Верд, пожалуйста. Я не просила тебя ни о чём...

– Не просила?! – Наёмник прикрыл один глаз, подсчитывая: – Каурку не бей, потанцуй, на привал в лес останись...

– Верд, – перебила дурная. Она коснулась шрама на его щетинистом подбородке и повторила с нажимом, с жаром, будто

пыталась вложить в это слово куда больше, чем могла: – Пожалуйста.

Боги, если в вас и правда есть хоть немного справедливости, уймите эту девку! Пусть не сверкает холодное пламя в синих очах, пусть не алеют губы, к которым так и хочется прильнуть!

Наёмник развернул её носом к дороге и куда грубее, чем следовало, рявкнул:

– Сдохнешь одна! Никто и не вспомнит.

– Никто? – Узкие ладони легли на уздечку, нежно погладили лошадиную шею. Напряжённую лошадиную шею. Шею... Лошадиную... Вчера так же нежно они касались его, Верда, плеч. – Совсем никто не вспомнит, когда я умру?

Охотник замешкался, а она резко натянула поводья и спрыгнула наземь. Упала, провалившись в снег, подскочила и кубарем скатилась вниз, к реке.

– Вернись сейчас же!

– Зачем? – не то смеётся, не то плачет. Дурная... – Никто же не вспомнит, если помру!

Санторий, до того дремавший в седле, очухался:

– Чего это она?

– А нужен повод? – буркнул наёмник, спешиваясь и устремляясь за девушкой. – Дурная же!

– Да и ты не лучше, – сообщил Санни затылку приятеля, когда тот уже достаточно спустился, чтобы поленился вернуться и расщедриться на оплеуху.

– Поднимайся немедленно! – велел Верд.

– Или что? Я так глупа, что прямо тут на месте и кони двину? Без тебя, думаешь, и часу не протяну?

– Да ты и минуты без защитника не протянешь! Живо марш к лошади!

– А не пошёл бы ты! – лаконично предложила колдунья, упирая руки в бока.

– Сама иди! Пешком до моста! Давай-давай, поглядим, как запоёшь, когда пятки отморозишь!

И, вместо того чтобы вернуться в седло и дожидаться, пока девка и правда устанет или окоченеет, Верд рванул вперёд. Колдунья отскочила, попятилась, опасливо ступая на лёд.

– Поймаю – задницу надеру так, что сесть не сможешь!

– Поймай сначала! – Талла прошла ещё немного, привыкая к ненадёжной опоре.

– Выдери!

– Надорвёшься!

– У, дурная! Всё равно ж никуда не денешься! – Наёмник тронул носком сапога речные оковы, но лёд тут же затрещал под его весом, промялся. – Представить не можешь, что с тобой сделаю, как только доберусь!

Колдунья, рисуясь, гарцевала по льду туда-сюда: не достанет тяжеловес лёгкую лань, как бы ни старался!

– Что, интересно? Вчера, помнится, ты раньше струсил, чем я!

Любопытство Сантория вскипело так сильно, что полоснуло жаром по лопаткам наёмника. У Верда аж щёки от смущения загорелись. Хотя нет, от злости. Конечно же, от злости!

– Спасибо бы сказала!

– Спаси-и-и-и-ибо! – Дурная показала язык и пошла по реке, аки посуху, дальше. – Дурой зовёшь. Спасибо! Считаешь, что дунь на меня – развалюсь. И за это спасибо! На себя злишься, а на мне срываешься. Спасибо! Спасибо! Спасибо! – Она топнула ногой и... провалилась.

Взвизгнула, взмахнула рукавами, как птичка, и целиком нырнула под воду. Только чёрная полынья и осталась.

– Талла!

Пока ещё Санторий отыщет в чересседельных сумках верёвку, пока распутает, примотает, пока спустится...

Верд сиганул вперёд не задумываясь. Скользнул на животе, ощущая, как проваливается и влажнеет лёд, как царапает холодом. Вот сейчас, сейчас... покажутся над водой тонкие бледные пальцы, уцепятся за острозубый край льдины... Но течение сильно, а Талла, лёгкая, нежная, не одолеет его в одиночку.

Он набрал в грудь воздуха и, с треском увеличивая полынью, нырнул следом.

От мешающего плаща удалось освободиться уже под водой.

Темно. Холодно. И лёгкие разрывает на части жаждой вдохнуть.

Он падает? Или взлетает? Верд слепо, бесполезно молотил руками и ногами, не чуя, не ощущая движения.

Щурился, озирался, проклинал богов и их же молил. Она где-то здесь, совсем рядом... Должна, обязана мелькнуть белоснежная коса,

почерневшая от влаги. Хоть что-то!

Мощными гребками наёмник двигался вниз. Правильно ли? Туда ли? Кто подскажет? Кто спасёт?

Бурлящий поток сносил его всё дальше от прорехи на поверхности. Уже и не рассмотреть спасительного просвета полыньи, он остался где-то там, невыносимо далеко... Верд ещё мог спастись сам. Потратить последние силы на схватку с рекой, выбраться, победить ледяной холод. Но нужно ли? Если он вынырнет один, если не вытащит дурную колдунью... нужно ли выныривать?

Жар вспыхнул на ладонях, когда охотник его уже и не ждал. Треугольные отметины засияли, разгоняя мглу, озаряя мутный холод синим мертвенным светом. Болезненное, жгучее пламя всколыхнуло жизнь в коченеющем теле, заставило вновь барахтаться, подтолкнуло. Нет уж! Так просто, так позорно Верд не погибнет!

Река не могла потушить синее пламя; метки светились, вели и распугивали оголодавших обитателей глубины. Крупных, чёрных, скользких... Они отвиливали в сторону, струсив при виде магического света. А Верд плыл, не глядя на них, не думая, могут ли его сожрать или утащить. Могут, знамо дело, могут! Да только лёгкие жгло сильнее, чем охотничьи треугольники пекли кожу. Воздух всё одно закончится раньше, чем наступит любая другая смерть.

Всплыть бы. Вдохнуть. Один малюсенький, крошечный глоток воздуха – и наёмник смог бы ещё долго рыскать под водой в поисках отяжелевшего тела. Нет уж! Каким бы малодушным, каким эгоистичным он ни был, не позволит трусливому голоску уговорить себя! Найдёт Таллу или утонет вместе с нею. Так для обоих лучше...

По ладоням резануло как ножом, заставив развернуться. Что-то крупное, продолговатое мелькнуло позади. Синий свет меток выхватил лишь серое и склизкое, расчерченное острыми плавниками.

И её.

Её тело, запутавшееся в длиннющих, больше роста человека, водорослях, казалось крошечным. Безвольно висящее, потерявшее всякую тягу к жизни, к воздуху, бледное, ещё бледнее обычного.

Силы взялись из ниоткуда. Он оказался рядом в два гребка, дёрнул чёрные водоросли, сковавшие ступни колдуньи, вместе с ней сделал ещё одно судорожное движение, на грани разумного, за гранью возможного.

А потом вокруг груди сомкнулось чёрное, продолговатое и невероятно голодное. Острые плавники мигом прорезали задубевшую куртку и потянули в огромную пасть. Последним бесполезным усилием Верд вытолкнул колдунью, умоляя все существующие в этом и любом другом из миров силы помочь ей. Только бы выбралась, только бы достигла поверхности...

За мгновение до того, как в лёгкие хлынула ледяная до кипятка вода, а всё вокруг почернело, перед ним промелькнуло лицо Санни.

Вот же клятый слугитель! А Верд так надеялся перед смертью полюбоваться на что-то более приятное...

* * *

Видно кто-то, смыслящий в пытках, заставил его проглотить расплавленного железа. Грудь жгло, саднило, давило кашлем. Верд перевернулся, пытаясь выплюнуть разъедающее месиво, а нутро продолжало и продолжало извергать его, не давая глотнуть воздуха. Растекающаяся перед взором пелена долго не желала признаваться, где верх, где низ, но и она сдалась. Смахнув слёзы, наёмник с удивлением обнаружил, что находится не в брюхе неведомого монстра, не в лучшем из миров и даже (что, пожалуй, немного печально) не на постоялом дворе после сумасшедшей пьянки. Рядом сидел мокрый как мышь, дрожащий Санторий, всё ещё обмотанный верёвкой вокруг пояса и дёргающий её поочерёдно с Кауркой, привязанной ко второму концу.

«Талла!» – хотел крикнуть Верд, но вместо этого лишь слабо дёрнулся и снова надрывно закашлялся.

Санни молча показал ему средний палец, но, сжавшись, всё же кивнул на съевшуюся в комочек колдунью. И как он сразу не заметил, что она совсем рядом сидит! Смотрит озабоченно, всё пытается выдавить хоть слово, но вместо этого так лязгает зубами, что аж шатается.

Выдрать бы как следует! Чтобы неделю сесть не могла, чтобы и не думала ни на шаг отойти... Верд едва нашёл в себе силы подняться на локте и сгрести в охапку и дурную, и друга. Выдерет, обязательно выдерет! Великодушные боги, всё же вы существуете!

Благо какая-никакая сменная одежда нашлась в сумках. Забыв, что стоит стыдливо отворачиваться друг от друга, они встали кружком, стягивая онемевшими пальцами мёрзлые тряпки, сбрасывая их в кучу, укутываясь в сухое, заворачиваясь в одеяла. Волосы у всех троих смёрзлись сосульками, а кожа грозила слезть с костей от холода.

– К-к-кха-кха, – закашлялся Санни, с трудом прохрипев: – Костёр!

Верд замотал головой, сильно подозревая, что горло покрылось льдом изнутри. Он ткнул в пролесок, разрезающий елочную стену леса надвое, и сипло выдавил:

– Лесник... Две-три версты, не больше.

Каурка скептически фыркнула. Её поблагодарить не удосужились, а ведь вздумай лошадь пойти не от полыньи, а к ней, никто бы уже не выбрался из реки. А теперь вези их ещё... Небось, кабы пришлось эти три версты преодолеть пешком, таща на себе уйму мокрой одежды, троица иначе бы заговорила.

Кляча же лишь ткнулась горячей мордой в ухо хозяина, и Санни не стал её отталкивать.

Верд не ошибся. Домик лесника стоял на том же месте, что и десяток лет назад, свежий санный путь вывел аккуратно к нему. Старого лесника, правда, заменила не менее старая бабка с маленькими чёрными глазками. Она отворила не сразу, долго пыхтя под дверь и рассматривая пришельцев в щёлочку, но, решив впустить, лишних вопросов не задавала.

– Дурные! – сообщила она, метко плюнув через перила крыльца. – Марш к печке!

И сказать стыдно, что с ними делали дальше! Лесничиха ругалась на чём свет стоит, один за другой нагревая черепки с водой, укутывая их в тряпицы и подсовывая пострадавшим вместо грелок. Она поила их горячим горьким отваром до тех пор, пока боле не лезло, а после этого снова ругалась и опять поила. Топила печь, бегала в поленницу за новыми дровами и снова топила. А потом ругалась. И ещё ругалась, пока Верд, всегда считавший, что бранных слов знает столько, что когда-нибудь на старости сможет читать по ним лекции, заслушавшись, не задремал.

Баба Рута, как представилась старушка, с куда большей лаской распрягла и накормила коней, особенно тщательно осмотрела Таллу и наконец успокоилась, то бишь принялась ругаться вдвое тише. Она

зорко следила за гостями, не позволяя шелохнуться без приказа, и, не глядя, плела корзины из лозы.

– Цыц мне! – строго приказывала Рута, стряхивая сонливость и тут же снова начиная кемарить. – Ишь!

Дождавшись, пока старушка, разморённая теплом, глубоко засопит, Талла теснее прижалась к Верду. Наёмник намеренно не открывал глаз: колдунья заслужила хорошую трёпку, а покамест у него на это моченьки не хватит.

– Спасибо, – пробормотала дурная, прижимая щёку к его груди.

– Ему спасибо?! – возмущённо зашипел Санни, подорвавшись, но Рута строго всхрапнула, и служитель снова рухнул на лавку, обиженно скрестив руки на груди.

– Задницу надеру, – пообещал наёмник, всё так же не поднимая веки, и уточнил: – Завтра.

Девушка покорно согласилась:

– Заслужила... Чудо, что ты нашёл меня... там. Там было страшно и... и очень-очень темно.

Верд поднял веки, покосился:

– Не я нашёл. Они. – Наёмник сжал узкую ладонь, позволил тонким пальцам проследить рисунок охотничьих меток. По треугольнику пробежала обжигающая синяя искра. – Ты спрашивала, откуда они. Ну так слушай. Когда-то очень давно я умирал. Нет, не умирал. Меня ждала участь куда хуже, чем смерть. Унизительная для мужчины, для воина... Я лежал пластом в дружинном доме, чудом найденный, удачей... – он хмыкнул, едва не засмеявшись, – или проклятьем спасённый. Не мог ходить, шелохнуться не мог. Израненный, в единый миг ставший калекой и посмешищем. Я мечтал умереть. И иногда кажется, что тогда меня не спасли. Что боги услышали молитвы и я действительно умер.

Талла прильнула к нему, словно боялась, что наёмник вот-вот растворится в густом тепле избы.

– Ты не умер, Верд. Честное слово! Я слышу, как бьётся твоё сердце.

Наёмник затаил дыхание, пока девчонка вслушивалась, касаясь ухом его груди, пригладил непослушные белоснежные волосы.

– Меня спасла такая, как ты. Я не помню этого, побратимы рассказывали. Колдунья по воле судьбы оказалась в Крепости,

случайно услышала разговоры об умирающем в «Кольчуге». И предложила помочь. Заработать хотела, не иначе. Но я бы все деньги, что имел, отдал за возможность снова ходить. Потому меня и не спросили, просто привели дурную к постели и оставили. Не знаю, что она делала, не ведаю, как лечила. Я редко приходил в сознание. Просил нашего лекаря... давать мне дурманящие смеси, чтобы мучиться меньше. Но однажды я проснулся, а она рядом. Красивая. Как ты. Только старше.

– Она спасла тебя? – Синие озёра сверкали любопытством и надеждой: дурные колдуны не беды приносят, а благословение!

– Как посмотреть. Но жизнь она мне сохранила. И плохим бы я был воином, кабы не отплатил вашей сестре тем же. Жизнь она мне сохранила, – ещё раз проговорил он задумчиво; шрам, разрезающий надвое губы наёмника, болезненно дёрнулся, – но говорила как с тем, кто уже умер. Ну да и правильно. Она точно знала, что то, что случилось... что я не смогу остаться в Крепости. Смотрела – и видела насквозь, как кусок льда. И она предложила мне работу.

Талла приподнялась, недоверчиво вглядываясь в изуродованное порезами лицо мужчины. Такой судьбе радоваться бы, а он горько усмехается.

– Какую работу?

Верд положил ладонь колдуны на свою руку. Метка нагрелась, обжигая их обоих, точно жаром скрепляла куски сломанного некогда меча.

– Она оставила мне эти шрамы. Заклеймила. Сделала верным псом. Так становятся охотниками. Так набирают рабов, которые не могут сказать «нет».

Девчонка нахмурилась:

– Ты поэтому ищешь колдуний? Она приказала тебе?

Он не отвечал. Без того ясно.

– Что она делает с теми, кого ты приводишь?

Верд оттолкнул бледную ладонь, чтобы Талла не подумала, будто он разнежничался.

– Плевать я хотел. – Наёмник устыдился мелькнувшему в синей глубине испугу. – Некоторых встречал много позже. Живут у богачей и в ус не дуют. Они служат тем, кто может уберечь их дар.

– Но они не имеют права уйти...

– Они под защитой.

– Они в рабстве! Как... как ты, Верд!

Наёмник резко сел на лавке, откинув одеяло, и тут же зашёлся кашлем:

– Зато они... и я... зато живы.

Талла шумно выбралась из вороха одеял, едва не разбудив лесничиху, и прижалась спиной к спине Верда.

– Это уже много, – тихо сказала она. – Я чуть не умерла сегодня и теперь понимаю насколько.

Наёмник хотел удовлетворённо кивнуть: «То-то же», но почему-то не стал. Почему-то подумалось, что он ведь тоже мог выжить. Один, без колдуньи. Вот только... стоило бы оно того?

– Спасибо, что спас меня. – Дурная ехидно хихикнула: – Я знала, что нравлюсь тебе!

– Нет, – отрезал наёмник.

– Ну я же тебе нравлюсь!

– Нет, – устало повторил Верд.

– Я всё-таки тебе нравлюсь...

– Нет! – Охотник едва сдержался, чтобы снова не заставить дурную замолчать, но на ум упорно приходил лишь один способ это сделать.

– Знаешь, Верд, – колдунья горестно вздохнула, – иногда мне кажется, что я тебе не нравлюсь... – И тут же, задорно обнимая его, добавила: – Но это быстро проходит!

Глава 12

Кто к нам с зубами придёт, тот по зубам и получит!

Лишённый женской ласки наёмник знать не знал, что иной раз лечение сродни пыткам. Особенно его злило то, что и Санни, и дурная колдунья уже следующее утро встретили как новенькие, а он слёг. И всякий раз, как пытался доказать, что готов вскочить в седло и вообще жаждет приключений, начинал надрывно хрипло кашлять, чудом не оставляя лёгкие на полу.

Рута натирала его ароматными, пробивающими заложенный нос мазями, царапая спину и грудь шелушащимися от старости ладонями.

– Чаго морщис-с-ся? – сварливо пеняла она. – Не морщись мне тут! Твоё дело маленькое: лежи болей, постанывай изредка, чтоб жалеть не забывали.

– Ну дайте я его полечу, – клянчила колдунья, но получала только привередливое цыкание.

– Кабы я всяким колдунствам доверяла, отправила бы к местной дурной! До неё чуть боле дня пути, добрались бы. Вот та баба не чета тебе, мелкой. Крепкая, рукастая! Живо бы мужика твоего на ноги поставила...

– Ну так и я могу!

– Цыц, мелочь! Одни беды от вас, дурных! Ещё накликаешь нечисти какой! Бабушка на свете пожила, бабушка скорее управится!

Верд довольно крякнул, проминаясь под удивительно сильными руками. Он втайне наслаждался и строгой заботливостью старухи, и беспокойством Таллы, по-кошачьи приходившей греть ему бока, и виноватым сопением Сантория.

– Кто ж знал, что он так здоровьем слаб? Видать, совсем умаяла походная доля. Стоило Верда первым откачивать, – жаловался служитель лесничихе, отскребая потемневший от времени стол.

– Это чтоб он тебя тут же и перешиб? Увидел бы, что мелкая тогось, придушил бы на месте, как птенчика мого!

Птенчиком Рута звала наглого плешивого петуха с бандитской рожей. Птенчик был откормлен и неуклюж, а размерами наводил на мысль, что мама-курица по молодости загуляла со шваргом. Придушить такую зверюгу не рискнул бы и матёрый наёмник, поэтому Санни, оценив порванный в драке (как минимум с волками!) алый гребешок, отодвинулся по скамье подальше.

– Куда встал?! Ну-ка марш в тепло, остолоп! – Боевая старушонка замахнулась на охотника предварительно облизанной деревянной ложкой, и тот стыдливо вжал голову в плечи.

– Да я до задка... – принялся оправдываться Верд.

– Ведро в снях! Смеркается уже, неча по улице шастать!

– Да что я, дитё малое? – возмутился он, на всякий случай не повышая голоса: ложку-то Рута покамест не отложила.

– А вот как цапнет какая дрянь ядовитая за зад, там и посмотрим, дитё ли! – отчеканила лесничиха, непреклонно заступая дорогу. – Туючки у нас такое водится, что реветь станешь, аки малец!

– Вся дрянь в такой холод спит! – разозлился наёмник, прикидывая, насколько безопасно (и для Руты, и для себя самого) приподнять старушку и отставить с пути. – И тебе бы не мешало, – добавил он в сторону.

– Ась? – приложила она черенок к уху. – Не слышу? Чаго вякнул, малец? Прикажу – до утра у меня терпеть станешь!

– Ага, кабы это от меня зависело...

– Пшёл в постель, сказала!

Верд всё же выскочил на улицу. Под аккомпанемент ругательств и пожелания там же и оставаться, ибо в доме ему оторвут то, что он не успеет отморозить.

– Всех бы вас выгнать к шваргам, небось поумнели бы!

– Это вряд ли, – нехотя признал Санни, невзначай дёргая петуха за последнее уцелевшее в хвосте перо, торчащее, как знамя поверженного войска. Тот подозрительно косился на соседа и неприлично кудахтал, но достаточной настороженностью, чтобы поймать обидчика с поличным, не обладал.

Талла подскочила помочь Руте переставить огромный котелок с пола в печь, и та, сразу вспомнив о почтенном возрасте, застонала и схватилась за поясницу.

– Не волнуйтесь за Верда, баба Рута! Он самый сильный и самый быстрый. – Талла едва не промахнулась мимо устья, мечтательно добавляя: – И красивый ещё...

Санторий неубедительно спрятал хохот за кашлем, а старуха показала дурной редкие зубы.

– Кабы красота в мужике стояла на первом месте, – нравоучительно сообщила она девчонке, – я бы с моим покойным муженьком столько годочков в глуши не просидела.

Закашлявшись уже по-настоящему, служитель ударил себя кулаком в грудь и свалился со скамьи. Восседающий на противоположном её краю Птенчик перевесил, накренил сидушку и с грохотом, перемежаемым боевым кукареканьем, обрушился в корзину с заготовленной лозой. Перепугался, растопырил крылья, готовый сражаться с невидимым врагом. Скамья встала на место, заставив птицу взвиться в воздух, прочертить когтями несколько борозд на затылке Сантория и грохнуть в объятия Руты.

– А что же главное? – таинственно улыбаясь, поинтересовалась Талла. Взгляда от окна она так и не оторвала и, кажется, вовсе не заметила разгрома.

– Главное, чтобы мужик дурачком был, – сообщила старуха как великую истину. – Глупый мужчина – как глупый кот, – она чмокнула Птенчика в бандитскую морду, – в хозяйстве всегда пригодится.

– Кудах? – ревниво поинтересовался петух, но спорить не стал. Объявили котом, значит, будет за кота. Он, в принципе, и за сторожевую может, пока кормят...

– Не-е-ет, – заупрямилась Талла. – Верд умный...

– Какой же он умный, ежели по темени на улицу попёрся? Либо дурак, либо самовубивец!

– Не могу не согласиться, – поддакнул Санни. Вообще-то, ему очень хотелось составить другу компанию в поздней прогулке, но он тешил себя мыслью, что содержимое желудка к утру как-нибудь само рассосётся.

– Почему это самовубивец? – забеспокоилась колдунья.

– А как же! – Ссадив любимца, Рута устроилась перед окошком и выудила из кармана передника горсть семечек. Предложила гостям: – Будешь? Нет? И ты нет? Ну как знаете. У нас по ночам тут шастаить

всякая дрянь. Всё куснуть норовит. Но ничего, бабушка тоже не вчера родилась. Небось не зря по двору расставила...

С улицы донёлся вопль, продолжившийся крепким словцом. Верд вскочил в дом, не успев затянуть пояс и придерживая порты рукой.

– Бабка! – возопил он. – Ты что, капканов во дворе понатыкала?!

Рута сплюнула семечковую шелуху в ладошку и ехидно прокряхтела:

– А я думаю, об чём сказать забыла? Эх, старость не радость! Ну да, говорю, не зря бабушка по двору капканов понаставила. Якая б дрянь туточки не шастала, до нас так просто не достанет.

– Медвежьи капканы, бабка! – Наёмник, от греха подальше, со всех сторон себя осмотрел: казалось, что щёлкнувшая металлическая пасть всё ж таки повисла на какой-нибудь ценной части тела. – На кого, кроме как на медведей, нужны медвежьи капканы? От белочек, чтобы орехи с чердака не таскали?!

Рута невозмутимо протянула пригоршню семечек и ему. Верд подумал-подумал да и согласился, присел рядом и принялся уничтожать запасы подсолнечника.

– От мертвяков, знамо, – поправила передник хозяйка. – Повадились, понимаешь, бабушке докучать. Как к себе домой ходють, воють, стучатся... А бабушка что? Бабушке в её возрасте крепкий сон нужен, вот и изыскиваем, так сказать, способы.

Поддавшись настроению мужчин, Талла тоже изобразила удивление. Воспользовалась ситуацией, ойкнула и прильнула к груди наёмника, пряча хитрющие синие глаза. Потом протянула пригоршню, тоже требуя семечек. Старуха поделилась, подмигнув колдунье.

– И давно шастают? – слабым голосом уточнил Санни. Он вдруг решил, что ему теперь точно не понадобится на улицу до утра. И вовсе не потому, что он, кажется, только что намочил штаны.

– Да с осени, – пожалала плечами Рута. – Хорошо, грядки убрать успела, а то б, поганцы, всё истоптали. Мало мне лесных вредителей, теперь ещё и эти, с кладбища, таскаются. Не лежит им спокойно, окаянным!

– Откуда знаешь, что именно с кладбища? – Охотник напряжённо всматривался в темноту двора, но ничего подозрительнее качающихся на ветру ёлок не находил.

– А откуда бы им ещё взяться?! Туточки в пяти вёрстах старое кладбище, с войны ещё осталось. Его тогда для дурачьи из Крепости заложили, но подальше от города, чтобы не распугать сразу молодых да подвигов жаждущих. Поставили храм, чтобы будто бы он сам по себе, а к городу отношения не имеет. Ну да и свозили туда все трупы. С глаз долой... ну вам ли не знать, молодёжь. Разрослось кладбище с тех пор, да...

Талла уже всерьёз прижалась к Верду. Одинокая избушка между кладбищем до самого горизонта и городом по имени Крепость вдруг показалась игрушечной, не способной защитить. А вот плечи наёмника реальны и крепки, уж за ними точно можно спрятаться.

– Боги бы такого не пустили. – Санторий сел в противоположном конце комнаты и отгородился от остальных одеялом. – Живые мертвецы... Нет уж, дудки! Не верю я!

– Ты – и не веришь? – Верд приобнял колдунью, успокаивая, бездумно поглаживая по спине. – Мало чего, что ли, навидался? Чем ходячие трупы хуже лютозверя?

– Друг мой, я не сомневаюсь в том, что мертвяки существуют. Всё куда прозаичнее: за последний месяц намело снега по пояс. Как бы они откопались?

– Видно, помог кто-то, – как само собой разумеющееся сообщила старуха. – Дурное дело нехитро.

– Снег мог растаять...

Наёмник вздрогнул. В памяти всколыхнулся ядовитый плесневелый туман, прогоняющий зиму, и шварги, обзлётные, напуганные, не способные преодолеть невидимую границу. У старого кладбища тоже стоял храм...

– Дети пошутили над одинокой женщиной, а она и рада стараться! – отрезал Санторий. – Развлекает шутников, капканы ставит. Старость – не радость.

– И молодость гадость. – Рута сноровисто сплюнула в горсть идеально выпотрошенную шелуху. – Жёлудь, что в конце лета к богам отправился, тоже среди мертвяков ходит. Глаза белые, пустые... Мы аккурат на том кладбище его и хоронили. Потом Ванно, молочник, Лённый, Раста, Доррая, старая кошёлка. Все там. Каждого помню. – Рута постучала себя по лбу согнутым пальцем. – И дед мой покойный тоже среди них, откуси ему шварг... хех... пятку. Ох, хорошо я его

в прошлый раз ухватом приложила! При жизни никак не выходило, так хоть щас душу отвела! Но вы не бойтесь, молодёжь! Вчера никто не наведывался, авось и сегодня боги милуют.

Знамо дело, после такого откровения всем стало не до сна. Ну как всем? Рута, презрительно цыкнув, влезла на полати и напутствовала:

– Кто бабушку разбудит – получит промеж глаз. И чтоб в холод мне не шастали!

И тут же свистяще захрапела. Точно не в одинокой избе с тонкими стенами супротив толпы мертвяков на оборону устроилась, а на пуховой перине в каменном замке.

– Верд, я с тобой! – Едва завидев, что наёмник собрался нарушить приказ лесничихи, подорвалась и Талла.

– Я только лошадей проверить.

Санторий плотнее запахнул одеяло, словно мог под ним спрятаться от нелюдей:

– Мертвякам твои лошади и даром не надь, и с деньгами не надь. Им человеческую кровушку подавай... Иначе б ослика старухи давно бы загрызли...

Стоит упомянуть, что ослик лесничихи находился в том почтенном возрасте, когда смерть становится скорее благословением. Судя по печально опущенным ушам и взгляду, в котором читалась просьба окончить его мучения, он видел девочкой ещё мать старой Руты, а мертвяков мог встретить только как долгожданных избавителей. Но крыша над головой у него была, а значит, и Каурку с Клячей удалось спрятать от холода. Оставалось лишь убедиться, что хлев убережёт животных не только от кусачего мороза, но и от кой-чего ещё кусачего.

Теперь уж он прекрасно видел холмики капканов, прежде принятые впотьмах за кучки перегноя! Осторожно обходил их, чутко прислушивался к каждому шелесту. Бедро успокаивающе оттягивали ножны. Какое всё же счастье, что наёмник не имел красивой привычки вечно держать их у пояса, как делают молодые выпендрёжники, а приторочил к седлу! Иначе сверкал бы клинок сейчас на дне реки, развлекая серебристых рыбок. А может, и сам Верд колыхался бы рядом разбухшим утопленником: оружие – штука тяжёлая, в плавании мешает ещё больше, чем намокший плащ, обшитый мехом! Охотник с тоской вспомнил любимую одежду, которой пришлось откупаться от

пучины. Хороший был плащ, добрый, тёплый. Столько зим согревал, а этой ещё и Таллу кутал, прятал от любопытных глаз.

Верд гордо расправил плечи: что он, право слово, гнётся в три погибели, как старик? Всего-то небольшой бодрящий морозец. Делов-то! Вон позади пыхает труба, тянется дымной лентой к беззвёздному небу. Осталась малость: запереть покрепче хлев, проверить, чтоб взбесившиеся лошади не выскочили, и можно обратно, в тепло, где потрескивают, убаюкивая, дрова. Дотопить бы печь и закрыть заслонку, прежде чем уснуть. Угореть никому не хочется... А от бабкиных снадобий так и тянет к подушке. Верд широко зевнул и закашлялся, глотнув ледяного воздуха.

Отплевавшись, он разогнулся, вытирая покотившиеся слёзы.

– Аргх? – поинтересовался замерший в десяти шагах мертвяк.

С облупившейся жёлтой кожей, проглядывающими в прорехах одежды гниющими внутренностями, потрескавшимися отросшими ногтями, где-то сломанными, где-то целиком сорванными, испачканными в земле... Мертвяк уронил челюсть в беззвучном крике, да только не так уронил, как роняют живые, а под ноги, в снег. Проводил её безразличным взглядом белых выпученных глаз и, раскачиваясь, подволакивая ногу, неуклюже двинулся к Верду.

– А-а-а-аргх! – сообразил он, учуяв живую кровь.

– А-а-а-а-ар-р-р! – донесся отдалённый рык из леса.

Ходячий труп не заблудился, как понадеялся наёмник, пришёл не один и добрых намерений не имел. Одно утешало: истерично ржущие в хлеву кони и правда его совершенно не волновали.

Верд взмахнул мечом, прежде чем подумал, будет ли от того толк. Мертвяк разом лишился кистей обеих рук, а лезвие брезгливо звякнуло, испачкавшись в тягучей зеленоватой жиже. Ещё взмах – и тухлое тело развалилось надвое.

– Чтоб тебе пусто было, – от души пожелал наёмник, кое-как вытер острие о снег и, ловко перепрыгивая холмики капканов, припустил к избе.

Слова не потребовались. Санни и Талла переглянулись и торопливо придвинули к двери сундук и лавку. Хоть Рута и божилась, что задвижка крепкая, выглядела она ровесницей старухи. Правда, когда Санни об этом заикнулся, лесничиха гордо сообщила, что она самой себе тоже выглядит ровесницей, а ничего, пока на тот

свет не просится. Дремавший на сундуке Птенчик возмущился эдакой бесцеремонности и попытался клюнуть кого-нибудь медлительного, но вдруг прислушался, поворачиваясь то одним, то вторым круглым глазом к двери, взмахнул крыльями и неслышно, как мышь, нырнул под одеяло к Руте. Только коготки по доскам застучали.

Бабка и не шелохнулась от шумных приготовлений, лишь всхрапнула лишний раз.

А вот Талла отчётливо дрожала, жалась к Верду, норвя схватить его то за рукав, то за штанину:

– Что будет, если они сюда ворвутся? Их много? А что нам делать?

– Молиться, дитя, – смиренно напроорочествовал Санни, на всякий случай проверяя остроту ножей в доме Руты и примериваясь к топору. Боги богами, а железо всё ж имеет больший вес в споре с нечистой силой.

– Эй... – С несвойственной для себя нежностью Верд отвёл дурную в сторонку, усадил, сам опустился перед нею на корточки, заглянул в синие глаза: – Неужто испугалась каких-то ходячих трупов?

Колдунья активно закивала: ещё как испугалась!

Он убрал упавшую на её лицо чёлку, но та сразу же непослушно легла обратно. Поймал острый подбородок и неумело улыбнулся. Мало на кого рожа Верда действовала успокаивающе, особенно когда он так скалился, а шрам, пролегающий по щеке и через подбородок, отбрасывал кривую тень. Но Талла улыбнулась в ответ.

– Ты же шваргов не побоялась! И оглоедов. Ты же дурная... смелая!

– Шварги – не люди...

– Эти тоже уже давно нет. Просто чья-то злая воля подняла их из земли. Но в мертвяках ничего человеческого не осталось. Они не чувствуют боли и сожаления. Только голод. Их нечего жалеть и их нечего бояться.

– И им нельзя помочь?

– Нельзя. Они своё уже отжили. Но знаешь что?

– Что?

Поддавшись чему-то чуждому, лёгкому и смешливому, наёмник коснулся губами лба девушки и пообещал:

– Я ни за что не позволю им тебе навредить.

– И Санни?

– И Санни не позволит.

– Нет, – колдунья замотала головой, – ты и Санни тоже от них защитишь? И бабу Руту?

Охотник скептически приподнял брови. Санторий носился по избе в поисках всего, что могло бы сойти за оружие, и движения его всё больше напоминали паническое бегство, а не оборону. Однако ж не прятался и не тратил время на молитвы. Готовился сражаться. Самое время бы его под шумок скормить нелюдям...

Верд усмехнулся:

– И их тоже. Обещаю.

На улице глухо щёлкнул капкан, а последовавший за ним нечеловеческий крик-рык сообщил, что щёлкнул он не вхолостую.

– А-р-р-р-ра! Аргх! – пыхтели снаружи.

Снег скрипел под разлагающимися стопами, воздух сгустился, давил на маленькую избушку с тонкими стенами. Ещё щёлчок и клац. На этот раз без вопля. Два разряженных капкана. Сколько их ещё раскидано по двору? Уберегут ли они от мертвяков или только отсрочат неизбежное?

Верд потушил свечу и на цыпочках подкрался к окну. Прильнул спиной к брёвнам у подоконника, не выпуская меча, выглянул в ночь.

Много. Их там очень много – целое кладбище! Тёмные фигуры, шатаясь, падая и вновь поднимаясь, медленно и неуклонно двигались к живительному теплу, которого сами давным-давно лишились. Иногда срабатывали ловушки, и мертвяков становилось меньше. Но от деревьев неотвратимо отделялись новые.

Мертвяк – не шварг. Убить его легко, клинок разделяет полусгнившее тело, почти не встречая сопротивления. Но тварей много, и страшны они отнюдь не острыми зубами и не могучей силой. Укус, царапина ногтя, налитого ядом мертвеца, – и вскоре армия трупов пополнится ещё одним. Правда, уже не ходячим, а замершим на веки вечные.

Тронутая тленом рука полоснула по окошку, перечеркнув витые морозные узоры. Талла вскрикнула и сразу закрыла рот ладонями. Поздно! Мёртвые культяпки ударили в слюду. С крыши сыпанулась солома, и тут же с противоположной стороны забились в дверь.

Жестоко, крепко... Как бьются только те, кто не опасается раскроить череп.

Что-то свистнуло, разбило окно, покатилося по полу. Мёртвые белые зенки уставились в потолок, а рот всё продолжал открываться. Колдунья завизжала, вскочила на стол, и почти сразу, точно отвечая на крик, зарычали, заколотились нелюди. Срывая лоскуты кожи, мертвяки полезли внутрь, расширяя прореху.

– Живо на печь! – гаркнул наёмник, разделяя на части ломящихся в дом нелюдей. – Да не ты! Санторий, чтоб тебя! Вход стереги! Дурная, на печь!

За волосы подхватив мёртвую голову, охотник вышвырнул её на улицу, ещё и сбил нескольких нетвёрдо держащихся тварей, слепо тыкающихся один в другого.

– Я случайно! Простите... Я не хотела нас выдать! Я... Я... Они же люди! – Дурная с трудом сдерживала рыдания, плечи её ходили ходуном. – Они мёртвые люди!

– Зато мы живые! – Верд высунулся, чтобы снова рубануть особенно расторопных мертвяков. Воспользовался секундой, подскочил к колдунье, снял со стола, порывисто обнял. – Всё хорошо, дурная! Так просто не помрём! Главное, не высовывайся! – и шлепком направил к печи.

– Это мы пока что живые! – Санторий метко ткнул ножом в щель у косяка. Лезвие с чавканьем вошло во что-то мягкое и вновь показалось уже испачканным зеленоватой, чуть светящейся в полумраке слизью. – Они в сенях!

– Держи!

– Лови!

Только и успевали мужчины командовать, перебрасываясь оружием. Верд всадил в пустую глазницу ручку поварёшки. Мертвяк отшатнулся, мешая толпе таких же уродцев, задевая торчащую из головы ложку, но не догадываясь вырвать её.

– Ой, мамочки! – Подбадривая саму себя, колдунья бросилась к окну, с размаху выплёскивая что-то из котелка во двор. Снег зашипел, плавясь, мертвяки шарахнулись от горячих углей, попытались сбежать, но, наступая на обжигающие чёрные комки, лишь падали и попадали в ловушку капканов.

– Сказал же, на печь! Прячься, дура!

– Сам дурак! – привычно отбрехала Талла, нагребая ещё углей из печи.

Смятые морды, боле не похожие на человеческие, отделённые от тел конечности, когтями впивающиеся в доски пола... Девчонка зажмурилась, припечатала каблуком кисть, живущую отдельно от хозяина, подцепила кочергой, выбрасывая из дому.

– Ты же боялась, дурная! – напомнил наёмник, по пояс высовываясь в окно, чтобы разогнать врагов. Сам отобрал котелок у колдуньи, обжигаясь, расшвырял угли, отпугивающие нечисть.

– И что с того? Отсиживаться теперь?

– Да! – хором подтвердили Санторий и Верд.

– Нет уж, дудки! – Кочерга сверху вниз опустилась на срывающего щеколду мертвяка, уже наполовину всунувшегося в избу. Санни, придерживающий дверь из последних сил, вытер холодный пот со лба и ножом отсалютовал спасительнице.

– Ну и молодёжь пошла, – сварливо донеслось с полатей. – Кабы мой дед-покойник видел, чаго вы тут натворили, с ходу бы вытурил на мороз!

– Скоро у него такая возможность появится, – мрачно заметил Верд, прикидывая количество тварей снаружи. – Ещё немного – и мертвяки как раз сюда вломятся...

– Чаго? Не слышу! Никак, малохольныя помощи у бабушки просят? – уточнила старушка, неторопливо перевязывая косынку узелком на лоб. Птенчик смотрел на неё как на умалишённую и безопасное место покидать не собирался.

– Нам разве что помощь Бога с Ножом пригодится. – Служитель топнул по всунувшейся в дом ноге.

– Ну так, считай, он уже здесь. – Маленькие тёмные глазки сузились до крошечных щёлочек; старушка необычайно проворно для её возраста спрыгнула на пол и двинулась к окну, на ходу выуживая из бездонного кармана передника рогатку. – Ну-тка, мелкая, подай бабушке из сундука холщовый мешочек, а то годы уже не те бегать за каждой мелочью.

Птенчик мог бы покрутить когтем у виска: хозяйка совалась куда-то, куда соваться не следует. А ведь, если она сгинет, кто насыплет ему зёрен и отжалееет мелко порубленное куриное яйцо? Петух спустился

следом, громко хлопая крыльями. Морда его, и без того разбойничья, приобрела совсем уж злодейское выражение.

Талла метнулась, передала свёрток, набитый чем-то тяжёлым. Старуха долго придирчиво выбирала и наконец достала из него маленький металлический шарик. Прицелилась, сощурилась, прикусила язык от азарта и...

– Ар-р-р-р-р-ра! – взвыли от боли снаружи.

– Ну, чаго встали? Ещё дробину подавайте! – не оборачиваясь, она требовательно протянула горсть.

Новый выстрел, и ещё, и ещё...

– О, вы поглядите! Валле! Валле! А, не слышит, окаянный! Да он и при жизни на одно ухо глух был... Н-н-на! От, теперь и на второе оглох! А вон, никак, Евлампий Толстый шатается! Точно, он! От шельма! Получай! Кто бабушке прошлой весной долгой и мучительной смерти желал? О, а вона и дед мой идёт! Не трожь его, служивый, подпусти поближе! Он мне при жизни так и не сознался, чаго с дыдлой Кочерышкой у него было, так мы это сейчас повьясняем!

– Вряд ли он вам что-то вразумительное ответит, уважаемая. – Санторий перестал цветом щёк напоминать полотно: теперь дверь они держали вдвоём с Вердом, а это дело оказалось куда проще.

– Ну дык а зачем мне отвечать? Мне отвечать не надо! – Старушка аж восторженно подпрыгнула, особенно удачно одной дробинкой пробив сразу двух мертвяков. Первый печально рыкнул, трогая пожелтевшими пальцами дыру в груди, второй и вовсе не смог подняться. – Мы его приложим хорошенько, бабушке всяко приятно будет!

Верд понимал, что выстоят они недолго. И как бы иначе? Четверо, если считать сумасшедшую бабку, против толпы трупов. Любого мастера меча сомнёт бесчисленное воинство. А хоронили на прилегающем к Крепости кладбище очень и очень многих...

– Последняя! – Талла подала лесничихе дробину, вывернув мешочек наизнанку в поисках ещё хоть одного завалящего снаряда.

Наёмник выдохнул и на мгновение опустил веки. Он знал, что этот момент наступит. Старуха, мигом растеряв прыть, попятилась от подоконника. Петух, напротив, скакнул на него, взъерошивая немногочисленные перья и угрожающе куд-ку-кудахтая. Полоснул

кого-то когтями, клюнул, выпрыгнул в снег, чтобы преследовать добычу, но быстро оценил масштабы действия и сиганул обратно, предпочтя смерть трусливую, но отсроченную.

– Ну ничего, – потёрла шершавые ладошки Рута. – Бабушка уже своё пожила, бабушка на покой уйдёт громко!

Санни безнадёжно швырнул топор на пол и тут же его бережливо подобрал.

– Они хоть к утру разойдутся?!

– Раньше, малохольный, раньше. Они всякий раз через меня идут к Липкам, а там разворачиваются – и обратно. Уже к первым петухам их не слышать...

– Так они ещё и обратно пойдут?!

– Пойдут, пойдут. В Липках-то жрать уже некого, все закончились... Словно всех перебить решили, поганцы! Но бабушку так просто не возьмёшь! Бабушка в этой избе без малого восемьдесят годочков прожила, здесь и помрёт!

– Но хотелось бы всё же без нас, – пролепетал Санни.

– А что, служитель, плохо разве собрались? Заводи свою погребальную, а мы с седовлаской устроим резню, какая и в посмертии этим гадам запомнится!

Верд смущённо пригладил словно посыпанные пеплом волосы. У старухи коса тоже не чернеет молодостью, так что ж, как седовласка, так сразу он? Небось у лесничихи жизнь поспокойнее, чем у наёмника была... Он рубанул прорвавшегося мертвяка поперёк. Ну, может, и не сильно спокойнее...

Зажмурившись, Талла размахивала кочергой. Обороняйся она одна, давно бы получила ядовитый укус, но Верд следил, чтобы ни целиковые мертвяки, ни их отделённые, но не менее ядовитые конечности к ней не подоברались.

А мертвяки прорывались.

– Что встал, седовласка? Или прикажешь бабушке за всех отдуваться? Ну так бабушка может, токмо потом тебе так всыплет, чтобы не ленился, что пожалеешь, ежели цел останешься!

Ещё один влез в окно. Талла задела его кочергой, а старуха нахлобучила раскалённый котелок на голову и, задрав юбки, рискованно ударом ноги выпнула на улицу. Наёмник метнулся помочь, но тут же пришлось вернуться к другу.

– Верд! – Не в силах удержать дверь в одиночку, служитель действительно начал тихонечко вспоминать молитвы, но те оказывались то праздничными, то свадебными.

Сколько выдержит человек, заражённый ядом мертвяка? Простоит хоть четверть часа?

Сколько нужно трём людям, чтобы забаррикадироваться в тесной избушке? Да примерно столько же.

– Заколачивайте избу! – гаркнул наёмник, уверенно направляясь к выходу.

– А ты... – Санторий не закончил, и так ясно.

Рута метко плюнула в окно, чем изрядно оскорбила, но и затормозила изумлённого разложенца.

– Дурной! – ёмко высказала она своё мнение.

– Знаю, – процедил Верд.

– Верд?! – Лишь колдунья не понимала, что это все так помрачнели. – Куда ты?

Охотник ответил не ей, а себе самому вполголоса:

– Выполнять обещание.

Четыре шага до двери.

– Верд...

Три шага.

– Верд!

Два шага. Он кивком отогнал Санни и перехватил меч.

Один, последний шаг. Ещё бы секундочку, чтобы в последний раз нырнуть в синие глаза-омуты, из которых так не хочется выныривать...

– Ве-е-е-ерд!!!

Уши заложило от крика. Ложки-поварёшки, ножи и разбитые в пылу сражения черепки зазвенели, отзываясь. Медленно, как в воду, выскользнула кочерга из бледных пальцев колдуньи.

А магия, потаённая, ледяная, лунным светом вырвалась из ладоней.

Она завихрилась снежинками, запуталась в волосах, озарила темноту серебром, заискрилась. Будто свежий воздух ворвался в затхлую могилу.

Сквозь белоснежную кожу, сквозь одежду светились синими паутинками вены. Она излучала свет, точно звёздочка, слепила и завораживала.

– Ко-о-о-о-о! – немелодично поддерживал Птенчик, внося посильную лепту в битву.

С губ Сантория сама собой сорвалась благодарственная молитва Троице, а бабка сварливо заметила:

– Дурное дело эти ваши колдунства! Опять нечисти мне накликаете!

А нечисть между тем, напротив, рыча и срывая кожу с костей, норовила поскорее покинуть негостеприимный дом. Льющийся из щелей, из окна и из приоткрытой двери свет отпугивал, отгонял мертвяков, как крыс.

Наёмник приложил поперёк спины последнего нелюдя, пытающегося покинуть избу через мышинный лаз в сених.

Дурная замолчала и икнула, стушевавшись под ошалелыми взглядами.

– Это всё я сделала?

– И могла бы, между прочим, сделать так сразу, – закричала Рута, хватаясь за поясницу. – Годы у бабушки не те, чтобы с молодёжью играть!

И тут же, противореча сама себе, подцепила стопой ухват, на лету поймала и выскочила на улицу:

– Валите, валите! И шоб мне больше тут не топтали!

Мертвяки действительно спасались бегством, обходя избушку по дуге и скрываясь в лесу, за которым некогда стояла маленькая деревенька Липки.

Талла выбежала следом с боевым кличем:

– Вали-валите! Сейчас я вас всех...

Но поскользнулась на зелёной склизкой жиже на пороге, взвизгнула, едва не наворачнувшись, и, оценив количество разбросанных по двору тел, с той же скоростью умчалась в дом.

– Ку-ко... – неуверенно начал петух, но всё же закончил истинным кличем победителя: – Ку-ка-ре-ку-у-у-у-у!

Забыв, что суровым воинам должно принимать победу в бою с достоинством, Верд ликующе гаркнул, поддерживая Птенчика, и сгрёб Таллу в охапку. Век бы не выпускать!

– Дурная, – только и смог он нежно вымолвить, ныряя в синие глаза.

Но девушка задёргалась, высвобождая руки, и с размаху дала наёмнику оплеуху.

– Чтобы... чтобы... чтобы не смел меня так больше пугать, понял?! – потребовала колдунья. – Дурной!

Санторий и лесничиха затаили дыхание: вот сейчас мужик обозлится и ка-а-ак наподдаст своенравной девке!

Наёмник опешил. Давненько он не получал ни от кого оплеух и никогда прежде не получал их от бабы. Зазналась, глупая девка! Забыла, кто главный? А ну-ка мы ей...

И он снова прижал её к груди, покорно пробурчав в белоснежную макушку:

– Как скажешь, колдунья.

Глава 13

Мёртвые детям не игрушки!

К утру потеплело и повалил снег. Мягкий, пушистый, невесомый. Похожий на цыплячье пёрышко, потерянное глупым птенцом в пылу драки с таким же несмышлёным юным петушком. Талла заморожено следила за кружащимися в воздухе пушинками, прилипнув к подоконнику и уперев подбородок в сцепленные ладони. А может, и не за снегом вовсе она следила, а за раскрасневшимся от работы, вспотевшим мужчиной в расстёгнутой куртке, что брезгливо стаскивал в кучу остатки распотрошённых тел, пока их не замело до весны. Вонять же станут, лишняя работа одинокой сварливой бабке. Станет сама закапывать разложенцев и поминать недобрым словом дурную троицу, из-за которой случилась схватка.

Колдунья словно и не замечала отрубленных конечностей, вонючей, тягуче капающей на пушистые холмики жижи и перекошенных, не похожих на человеческие, морд. Она лишь глубоко, таинственно вздыхала, глядя на крепкого хмурого наёмника. Тот, почуяв взгляд, распрямился, утёр лоб и оглянулся на избушку, щурясь и с трудом угадывая, сидит ли кто у окна в тёмной комнате. Талла смутилась, покраснела, а Верд ухмыльнулся и приветственно поднял руку в тяжёлой рукавице.

От завораживающего зрелища девушку ни чуточки не отвлекал всё более разгорающийся в кухне спор. Рута ожесточённо тёрла зеленоватые подтёки на досках, Санни проверял углы и щели: не затаился ли где отрубленный ядовитый палец? А то, стоит потерять бдительность, выползет, царапнет... и никакой тебе героической гибели – одна дурацкая несвоевременная смерть. Талла встрепелась, очнувшись от дум, и тоже продолжила отмывать окно от слизи.

– Право слово, – не унимался Санни, тщетно пытаясь переспорить упрямую старуху, – что вы теряете? Эта развалюха и без помощи мертвяков того и гляди рухнет! Крыша под снегом провалится среди ночи и вас под собой похоронит!

– А тебе, никак, завидно? – грозила Рута запачканной тряпкой. – Хоть я мирно помру, раз уж вам, бестолочам, на месте не сидится!

– И это мирно? Уважаемая, в Крепости вас поселят и накормят! У нас есть знакомства, мы могли бы договориться и устроить вас нянькой к одному очень важному господину...

– Нянькой?! Да чтобы я золотые годы на чужих спиногрызов тратила? Я, может, потому только и жива, что боги от них миловали!

– Ну тогда просто поселим. Найдём приличное жильё, обеспечим денежную поддержку города... Вам же наверняка много лет не платили жалованье лесничего...

– Я в этой избе всю жизнь прожила...

– Да-да, – устало продолжил слугитель, – вы в ней и помрёте. Я помню.

Лицо его в этот миг выражало неистовое желание приблизить сие знаменательное событие.

– Так что шёл бы ты, слугитель...

– Куда? – уточнила любопытная Талла.

– Молитвы читать, – проворчала старуха.

Санторий предпринял последнюю попытку:

– Но вы же сами утверждали, что мертвяки возвращаются не реже раза в неделю! Рано или поздно они вас сожрут!

– Вот за меня и помолись тогда, – посоветовала Рута, подбирая с пола нож и метко швыряя его в стену. Острие аккуратно встало меж пузатых брёвен, а бабка довольно закончила: – Авось выживу.

Колдунья покачала головой: переубедить Руту не сумел даже Верд, непонятно, на что Санни вообще надеется. Лесничиха наотрез отказалась покидать опасное жилище, а на угрозы сунуть её в мешок и перетащить в город силком отвечала отборной руганью, перемешанной с жалобными стонами «бабушку обижают». Охотник плюнул и молча пошёл расчищать двор. И что теперь-то? Оставить беззащитную... Талла покосилась на торчащий из стены нож. Ну, почти беззащитную старушку среди леса на пути шастающих туда-сюда мертвецов? Нет, Верд такого не позволит. Ни за что не позволит!

Стоило о нём вспомнить, как наёмник и сам явился. С довольным уханьем ввалился в избу, широко распахнув дверь, впустив морозный воздух и хоровод мохнатых снежинок. Отряхнулся, потопал сапогами, вызвав новую волну брани едва закончившей с уборкой бабки, и плюхнулся на скамью.

– Как далеко стояли Липки? – повысил голос он, перекрывая лай лесничихи.

– Отчего ж стояли? И поныне стоят, – обалдела от такой наглости та. – Пустуют токмо, там народ хила-а-а-ай, не чета мне, иные разбежались от мертвяков, иные не успели... А ведь ещё по весне бабушка пророчила, что околица у них из одних дыр сложена, а потому...

Верд вытянул ноги и откинулся к стене. Талла заботливо подскочила, поднесла загодя согретый и настоянный на травах чай.

– Как далеко? – повторил наёмник, благодарно кивая.

– Не боле семи вёрст, – поджала сухие губы старуха.

– К северу?

– К северу.

– А мы шли на восток, – задумчиво проговорил он. – Крепость, что ближе к югу, мертвяки не задели, а ты, стало быть, ровно на середине их пути оказалась.

Верд прикрыл глаза, вдумчиво вдыхая травяной дух отвара, нахмурился и обронил одно слово:

– Река...

Пограничные земли всегда сложно делить меж государствами. Каждый считает их своими, перетягивая, как рассорившаяся супружеская пара одеяло. Поэтому когда-то и основали здесь город Крепость, поэтому же сейчас, в мирное время, когда соседи всячески пытаются избежать войны, оба короля стараются не заглядывать на спорную территорию, опасаются вспомнить старые и учинить новые обиды. Принято считать, что расширившаяся за последнее десятилетие река Плеть и есть граница, однако ж как прежде жили на левом её берегу наши, так и до сих пор живут. Немного, с десятков деревень, но всё ж на правый берег так и не перебрались. Да и кому эта глушь нужна? Вон даже служки короля не добрались в поисках неугодных власти колдуний, только Верд доехал.

Ни одному из королей нет дела до десятка сёл, разбросанных меж лесов и озёр. Никто на них не смотрит, никто не считает в полной мере своими или вражескими. Никто из двоих. А что, если есть кто-то третий? Тот, кто воспользовался ситуацией и решил, что кусочек территории в устье реки пригодится ему? Тот, кто сумел так удачно

и не запачкав руки разогнать прежних жителей, словно отрезав себе протоком Плети ломоть страны?

Очень уж удачное местечко, словно подковой, окружённое притоками. Перебей прежних жителей, могущих возмутиться очередной сменой власти, – и ставь свеженькое, маленькое государство...

Да нет, бред какой-то!

– Нечисть словно вычищает берег реки, – проговорил наёмник вслух. – Треугольник между устьем и правым притоком, ведь Крепость они не зацепили.

Талла опустила на скамью рядом, долго молчала.

– Как у мёртвого озера?

Наёмник кивнул.

– Зачем?

Пожал плечами, шумно отглотнул из чашки.

– Надо проверить.

– Надо бежать, – почти одновременно решил Санторий. – Что? Проверить? Друг мой, ты в своём уме?

Верд одарил приятеля тяжёлым колючим взглядом. Ясно, что в здравом уме человек эдакую глупость не учудит, так чего спрашивать?

– Надо собирать вещички и драпать, раз уж нечисти так приглянулось это местечко! Пусть себе развлекается, берег Плети и без того никому не нужен! А ты в самое пекло лезть собрался? И зачем?!

Верд очень медленно поднёс кружку к губам. Зыркнул поверх неё на Таллу, на Руту, упрямо скрестившую руки на груди. Не бросит ведь избу, к которой всей душой прикипела, так вместе с нею и сгинет. И сколько ещё таких одиноких старух или глупых девчонок, не способных за себя постоять, встретится на пути у армии нечисти? И он ответил:

– А шварг его знает. Интересно.

Санторий несколько раз по-рыбьи открыл и закрыл рот. Слов, чтобы описать ситуацию и вместе с тем не оскорбить слух богов, кои, как известно, всегда с нами рядом, не находилось. Поэтому служитель почесал затылок и отправился натягивать сапоги.

– А я нарежу бутербродов, – заключила Талла, с готовностью поднимаясь.

Верд поймал её за хрупкое запястье, чтобы вручить опустевшую тару:

– Я иду один.

– Ага, разбежался, – фыркнул Санни.

– Вот ещё! – поддержала дурная.

– Кладбище рядом. А днём мертвяки из могил выбираться не станут. Проверю, почему им спокойно не лежится, и вернусь.

– Ага, так и сделаем, – подтвердила колдунья.

Наёмник стукнул кулаком по лавке и скорчил самую страшную гримасу из имеющегося арсенала.

– Я иду один! – гаркнул он.

– Конечно, – согласился Санторий. – А я иду с тобой.

– А я нарезала бутерброды! – задорно поддержала девчонка, закидывая в сумку цельный шмат сала и погрызенный с одной стороны здоровенный ломоть хлеба. Рута аж постеснялась напомнить, что, вообще-то, это её сало.

Теперь уже у наёмника не нашлось слов. Выбирая между рыком и сквернословием, он задохнулся от возмущения, повернулся к лесничихе и обиженно, по-мальчишески, потребовал:

– Баба Рута, ну скажи им!

Старуха смиренно проводила взглядом ныряющую в чужие сумки снедь, принялась к усиливающемуся трупному душку, исходящему от останков мертвяков, и... схватилась за поясицу:

– Ой, бабушка старенькая, у бабушки с молодёжью спорить моченьки нету! – Она нырнула на полати и уже совершенно нормальным голосом, без оханий и постанываний, добавила: – Моё дело сторона. Помрёте – значит, помрёте. В одиночку али всей кучей, мне до того ужо дела нету. Но решайте сами, на что у вас дури достанет, бабушку не вмешивайте. А то, ить, иш-ш-шо совесть на старости лет проснётся, жалеть вас стану... Ну-тка, проваливайте отседа! Прижились, понимаешь, как псы блудливые!

Троица всё же задержалась ещё немного. Аккурат хватило времени, чтобы криво, но надёжно починить разбитое окошко, отмыть следы битвы и прикопать в лесу гниющие трупы. Талла ещё и печь растопила, чтобы Рута не окоченела в выстуженной избе. Когда, собравшись и поблагодарив хозяйшку за помощь, троица низко поклонилась округлому заду, скрытому выдавшим виды одеялом,

старуха только невразумительно выругалась в ответ. Но когда они оседлали лошадей и отошли до поворота, бабка ловко спрыгнула на пол и прильнула к окну.

– Да не оставят вас боги без помощи, дурные, – шепнула она, утирая передником маленькие тёмные глазки.

* * *

Снег продолжал валить. Казалось, низкие, потемневшие от тяжести тучи решили засыпать не только уже едва различимую колею с маленькими фигурками всадников, но и все окрестные селения.

– Если так и дальше пойдёт, кладбище заметёт куда раньше, чем мы до него доберёмся. – Санни спрятал кисти в рукава. Пороша на них мгновенно таяла, и из-за этого мокрые руки лишь сильнее мёрзли.

Верд, в отличие от друга, варежки в доме лесничихи не забыл, но страдал ровно от того же. Зато Талла в огромных мужских рукавицах смотрелась ещё более нежной и красивой, чем обычно. Снежинки ровным слоем ложились на лохматую косу, оседали на пушистые локоны. Так и тянуло провести по ним мозолистой ладонью. А почему бы, собственно, и не...

– Что? – вздрогнула девушка, оборачиваясь.

Верд торопливо отвернулся, сказал в сторону:

– Ничего. Не вертись.

А Санторий, хоть и честил охотника вполголоса, заметил и захихикал:

– Ничего-ничего, Таллочка. Это просто наш Верд страдает, что такая хорошая прогулка больно короткой оказалась. Думает, где бы ещё на пару дней задержаться, чтоб её продлить.

– Рот закрой, – посоветовал наёмник. – Кулак залетит.

– А не муха, нет? – усомнилась колдунья в содержании старого присловья.

– Тебе – муха, – согласился Верд. – А ему – кулак.

Санторий показал приятелю язык и тут же едва его не откусил: Кляча то и дело оскальзывалась и проваливалась на узкой стёжке.

– Гляди-ка, – восхитился наёмник, – а боги и правда всегда с нами рядом, чтобы учинить расправу над грешниками и болтунами!

– Ничего-ничего, это мне во смирение, – уговаривал сам себя служитель. – Я вот этого дурня ещё чуточку потерплю, а потом Бог с Ключом меня вознаградит. Всякое испытание, что посылают нам Трое, соразмерно силе веры нашей... – Он уставился в спину едущего впереди друга и сквозь зубы закончил: – А я, видимо, ну очень верующий...

– И очень рисковый, – добавил Верд.

– Таллочка, а как ты думаешь, наш Верд хороший? – не остался в долгу служитель. – Добрый?

– Конечно!

В доказательство колдунья неудобно скособочилась в седле, чтобы крепко-крепко ухватить наёмника за шею.

– И он ни за что нам с тобой не навредил бы, правда?

– Неправда, – нехорошо сощурился охотник.

– Конечно! – звонко перебила его колдунья, крепче обнимая и заставляя хмурого мужика горячить от неуместной близости. Благо мороз быстро остужал.

– Вот как считаешь, Талла, если мы вдвоём Верда попросим развернуться да припустить по этой самой дорожке в противоположную сторону...

– Нельзя! – колдунья замотала головой, выглядывая из-за плеча наёмника. – Там же баба Рута одна. Надо её от мертвяков защитить.

– А после кладбища? – не отставал служитель. – Сама подумай, путешествие у нас, хоть тресни, не складывается. То шварги, то трупы ходячие... Не иначе, сами боги пытаются донести, что мы куда-то не туда двигаемся. А давай мы с тобой вместе попросим Верда...

– Всё, – резко натянул поводья охотник, – приехали.

И выставил руку, помогая не успевшему затормозить Санторию кувырком свалиться с лошади. В снегу осталась вмятина, идеально совпадающая с контурами тела толстячка.

– Я тебе это припомню! – донеслось из неё.

– Боги велели прощать, – напомнил Верд.

– А я тебе сначала припомню, а потом прощу.

– Ой, посмотрите! – закончила спор Талла.

Дурная соскочила с седла и, проваливаясь по колению, припустила к кладбищу. Хоть бы по проторенному пошла, так нет же, загребают снег, срезает, чтобы быстрее добежать до любопытного зрелища!

– Привяжи лошадей. – Охотник бросил поводья другу и двинулся вслед за колдуньей, но с полпути вернулся, подал Санни руку, до пояса вытаскивая его из сугроба. Поднимать, однако ж, не спешил, так и держал за предплечье на весу, чтобы слугитель не рыпнулся. И тихо, проникновенно пообещал: – Ещё раз заведёшь свою песню, закопаю в ближайшем лесу.

Санни махнул второй, свободной, рукой, в притворной искренности заверяя:

– Какую такую песню? Верд, друг, у меня и мысли не возникло...

Охотник разжал пальцы – Санторий рухнул обратно. Слегка присев, Верд упёрся коленом в грудь приятеля. Как раз в эту секунду Талла нетерпеливо обернулась:

– Ну где вы там?!

– Идём! – с видом «мы тут просто в снежки играем» помахал Верд, избавившись от добродушного выражения, как только девчонка помчалась дальше. – Дураком меня считаешь? – Наёмник неспешно, наслаждаясь, набрал пригоршню снега и налепил на физиономию слугителя.

– Имею право не отвечать на провокационные вопросы, – торопливо отплёвывался тот.

– Ещё раз намекнёшь, что дурную не надо продавать...

Санторий расплылся в едкой, жестокой, но крайне довольной улыбке:

– Друг мой... тьфу... я ни слова не сказал о том, что колдунью не надо везти дальше. Я беспомощный трус и всего лишь хотел убраться подальше из опасных мест. А какие мысли не дают покоя тебе, я понятия не имею!

Верд ошалело отстранился, точно получил удар в челюсть. Кабы Санни ещё и неудержимо злобно расхохотался, всё встало бы на свои места, а ощущение, что наивного юнца обвели вокруг пальца, себя бы оправдало. Но Санторий смотрел настолько искренне и чуть оскорблённо, что и сказать нечего. Кроме разве что:

– Уши оторву!

Слугитель смиренно коснулся груди.

Причина, по которой мертвяки измудрились выкопаться из могил посреди зимы, нашлась сразу же. На кладбище зимы не было.

Лошади укоризненно принимались к терпким ароматам мокрой земли, алчно раздували ноздри, но до зелёной поросли добраться не могли: наученные горьким опытом путники оставили животных чуть поодаль от пропитанного магией места. Хотя, усвой они урок ещё лучше, и сами бы близко к нему не сунулись.

Тёплый звенящий ветерок перебирал гибкие ветви берёз, поспешивших выдавить рыхлые почки; по чавкающей под подошвами грязи сновали лягушки, торопился укрыться от шумных пришельцев выглянувший на тепло уж; подгнившая, пахучая падь смущённо пряталась меж зелёной травы, рванувшей в рост.

И только сырые надгробные камни, от которых в любую погоду веет потусторонней стужей, портили лужайку. Чудесное было бы местечко! Солнечное, ровное... С каким удовольствием путники устраивали бы привал в редком березняке! Кабы не додумались добрые люди хоронить здесь своих родичей. Теперь и радость не радость, и на солнце греться как-то стыдно. Точно ведь знаешь: прямо тут, под чёрной землёй, лежат холодные, безжизненные... Хотя лучше бы безжизненные.

Провалы могил беззубыми ртами зывали к справедливости богов, но не получали ответа. Не они, не боги заставили безжизненные тела всколыхнуться на глубине, заскрести ногтями, ломая пальцы, выбираться наружу, на свет. Иная сила, злая, тёмная, подняла их. Иначе не стремились бы нелюди спрятаться обратно в логово, как только первые, не заметные ещё глазу лучи дневного светила выползают из-за горизонта.

– Они и правда раскапывались... – Талла присела на краю одной из ям, боязливо вглядываясь в подземную темноту. Верд оттянул её за воротник: провалится ещё, дурная! Мертвяки, может, и прячутся, но не спят. Если хорошенько прислушаться, чутно, как беспокойно ворочаются, пыхтят, стонут трупы под покосившимися памятниками.

– Может, всё-таки ну их? – Санторий оказался поумнее, он обходил одни могилы настолько далеко, что рисковал случайно угодить в другие. – Ну лежат, ну не умирают. Пусть им, пока не кусаются...

– Когда они твой зад цапнуть пытались, по-другому говорил, – заметил Верд.

Санни укоризненно поджал губы, не сочтя нужным отвечать на эдакую глупость: прошлой ночью за свои зады все радели.

– Это что же они, так и мучаются?

Колдунья прижалась к мужчине, всё норовя нащупать успокаивающе горячую руку.

– Они не мучаются. Они мёртвые.

– Но я же слышу! Они стонут там...

– Это от голода, – нервно хихикнул служитель.

– А если и так. Всё одно им плохо! – не сдавалась девчонка.

Углядев одного недозакопавшегося, зато хорошо разложившегося мертвяка, Санни не выдержал и склонился у ближайшего куста.

– Мне тоже плохо, – стонал он, пытаюсь отдышаться между спазмами, – но меня почему-то никто не жалеет...

– Потому что тебе хорошо только в Доме Желаний, – напомнил Верд, – а всё остальное время плохо. Хорош ныть. Думай!

– О чём это?

– Мы уже видели место, которое отпугнуло от себя зиму. Кто-то избавился от местных жителей колдовством.

Талла закрыла рот пригоршней:

– Так здесь же тоже колдовством людей из домов гонят! Считаешь, тут где-то...

Верд не считал. Он нутром чуял, что где-то на кладбище есть сгусток тёмной, тягучей, как кровь мертвяков, магии. И он очень не хотел соваться в начинающее дурно пахнуть дело. А если наёмник прав, завоняет оно куда сильнее и куда хуже, чем кажется сейчас. И тогда послушать Сантория – припустить в противоположном направлении – лучшее, что можно придумать.

– Друг мой, скажи, что ты надеялся найти здесь именно это и теперь мы можем убраться с клятого кладбища подальше!

Санторию даже не пришлось искать. Лишь поднять голову, освободив, наконец, желудок. Взгляд его сам собой упёрся в часовню, старую, как баба Рута, но с дверью, украшенной свежими царапинами. Кто-то весьма неумело подцепил валяющейся здесь же мотыгой засов, и тот с готовностью выскочил из гнилых досок. А внутри, в ловушке

стылых каменных стен, пульсировал, дышал и колыхался клубок колдовских нитей.

Верд очень не хотел оказаться правым. И ещё меньше он хотел оказаться тем, кто лезет не в своё дело.

Под землёй ворочались мертвяки. Вечно голодные, озверевшие, больше не люди. Они ещё умеют страдать или смерть выжгла из них все чувства?

Ладонями закрыв уши колдунье, наёмник крепко выругался.

– Куда-куда их растудить? – уточнила Талла, как только её выпустили.

Верд плюнул и повторил.

– А-а-а! – понимающе протянула колдунья и добавила: – И конём тоже. Что станем делать?

У Сантория имелось одно очень хорошее предложение, но по непонятной служителю причине его идеи раз за разом отвергались. Да и соблазнял он уже спутников бежать из этого места.

– Они не уймутся, пока не вычистят берег реки. Любым способом. – Верд сжал рукоять меча, но тут же её и отпустил: толку-то от оружия, когда перед тобой нечто, неподвластное простым людям.

– И Руту они тоже рано или поздно... – Санни не закончил. Без того ясно.

До чего же не хотелось снова подвергать опасности хрупкую, наивную, нежную девочку! Верд до скрипа стиснул зубы, не решаясь произнести вслух то, что все уже и так поняли. Стоило послушаться служителя. Не может быть, чтобы схожее колдовство на берегах Плети оказалось лишь совпадением. Как не может быть и того, что некто сильный и опасный простит дурную тройцу, разрушившую его планы.

Но как можно вмешивать в это глупую девчонку?!

– Я потушу его, – уверенно выдвинулась вперёд дурная. – Сделала один раз – сделаю снова.

Но пообещать – не выполнить. Талла старалась. Морщила лоб, жмурилась, закусывала губы, заставляя Верда беспокойно переступить с ноги на ногу. Но всякий раз осторожные, лёгкие серебристые нити, что стали продолжением её жил, отпугнутые, уходили в сторону от шипящего светящегося клубка. Магия, принадлежащая кому-то другому, кому-то сильному и опытному, жёсткому и властному, с лёгкостью отбивала неуверенные атаки.

Колдунья виновато присела на корточки, принялась, как ребёнок, пальцем выковыривать землю из трещины на полу.

– Эй... – Верд опустил рядом, жестом велел Санни выйти из часовни. – Чего ты?

– Я не могу. – Синие глаза смотрели в сторону, не решаясь встретить взгляд наёмника, наверняка разочарованный.

– Всё ты можешь! – добродушно пихнул её в плечо Верд, но тут же был вынужден подхватить: не рассчитал силы.

– Не могу. – Талла шмыгнула носом. – В прошлый раз могла, а сейчас – нет.

– Да ну что ж такого в этот раз случилось?

Девчонка пожалала плечами, всё так же смущённо ковыряя ногтем пол.

– Тут же всё то же самое! – недоумевал мужчина. Ох, бедная девочка даже не представляет, насколько то же самое! Знать не знает, что, скорее всего, в обоих местах колдовал один и тот же человек, что цель у него одна и та же...

– В тот раз ты рядом был, – прошептала она.

– Я и сейчас рядом. Вот, видишь? – Наёмник переплёл свои пальцы с пальцами девушки и приподнял руки, чтобы видела: – Тут я. Колдуй давай. Ты же хочешь защитить старуху?

Дурная кивнула, поднялась и невыносимо медленно облизала губы.

– Поцелуй меня, – потребовала она уверенно, посмотрев наконец Верду в глаза.

Охотник опешил:

– Что сделать?

– Поцелуй. – Синие омуты смотрели твёрдо, лишь сверкали хитро, по-звериному. – Мне нужно... что-то. Что-то сильное. В тот раз я разозлилась. Потом за тебя испугалась...

– А как раньше в деревне управлялась? – подозрительно уточнил наёмник.

Талла укоризненно склонила голову: сравнил тоже! Вылечить головную боль или сражаться с другой колдуньей в неравном бою...

– Что, прямо целовать? – Он едва не сделал трусливый шаг назад. До зуда захотелось разомкнуть ладони. – В щёку?

Талла прищурилась. Сам, мол, знаешь.

Вот же шварги раздери! Мало, что ли, Верд баб перетискал? И целовать тоже случилось. Иные и довольны оставались, когда всё... Ну, потом, словом.

Так почему же он, точно неуклюжий пацан, мнётся под этим упрямым взглядом синих озёр? Почему нырнуть в них, раствориться без остатка, утонуть, умереть, чтобы заново родиться кем-то совсем другим, так страшно?! И почему так желанно?!

Губы требовательно, призывно алели на её бледном лице. Рот приоткрылся, девушка потянулась навстречу...

– Дурная! – выругался Верд и поскорее отвернулся, пытаясь думать о чём угодно, лишь бы не об этих алых губах.

Свистнуло и хлестнуло. Сильнее, чем плеть хлещет обленившуюся лошадь. Обернувшись, наёмник обнаружил покрасневшую от злости колдунью. Руки её сверкали в обрамлении серебряных нитей, точно девчонка в исступлении сорвала светящуюся паутину из пыльного угла чулана.

– Я не ребёнок, Верд! – зло крикнула она. Стены каменной часовни задрожали и растрескались. – Когда ты поймёшь это наконец?!

Не ребёнок она, как же! Обиженно топает ножкой, кричит, не получив желаемого, вот-вот сорвётся в истерику!

Она бы кричала ещё. Долго, зло. Она имела на это право!

Но снаружи ответило эхо вопля.

– Санни!

Верд выскочил как раз вовремя, чтобы увидеть, как безвольно, точно кукла, падает обратно в могилу мертвяк, ухвативший служителя за руку. Санторий как был, на четвереньках, отполз назад:

– Я хотел... я... тут скользко, а этот... Я только немножко провалился и сразу вылез...

– Санни! – Талла кинулась следом, бегом помчалась к другу.

Испуг всё ж и правда помог: разнеся половину часовни, едва не устроив обвал из каменной крошки, колдунья сумела уничтожить остатки чужой магии. Поэтому могилы проседали одна за другой, облегчённо вздыхая. Больше мертвяки не принесут зла ближайшим деревенькам. И без того достаточно натворили.

– Санторий... – Верд придержал дурную, не давая броситься к служителю, и сам тоже не спешил. – Что это у тебя?

– Где? – Санни поднёс к глазам правую кисть. Почему-то вдруг показалось, что правых у него как минимум три. Наверное, именно поэтому поднимать их так тяжело. – Зря, наверное, рукавицы оставил...

Мертвяки натворили достаточно бед. И успели подгадить напоследок.

Ни один лекарь не спасёт того, кто заражён ядом мертвеца.

Верд стиснул оголовье меча.

Глава 14

Семья

– Санторий, чтоб тебя!

Теперь Верд может сделать для старого друга лишь одно. Имеет право сделать только это. Но кто ж предупреждал, что будет так неудобно?!

В бреду слугитель то и дело пытался сорвать тугую повязку выше локтя, что должна была замедлить распространение яда. Талла, не останавливаясь, тянула из него хворь, быстро теряя остатки сил. Серебряные нити, связывающие их, становились всё тоньше, всё невесомее.

– Терпи, дурная! Если Рута не брехала, нам совсем немного осталось!

И всё бы ничего, да по заметённой дороге, втроём на двух лошадях, с Санни, которого ни на мгновение нельзя оставить без присмотра, добраться до близёхонькой деревеньки оказалось тяжелейшей задачей. Но сдаться в паре вёрст от спасения? Нетушки!

Дымные запахи села с трудом пробивались сквозь снежную завесу. Ласковый, пушистый, мягкий снегопад, на который бы любоваться из окна, напевая грустную тягучую песню, совсем не радовал, когда сквозь него приходилось брести разве что не на ощупь. Повезло, что старая Рута, соскучившись по разговорам, с большим удовольствием рассказывала про соседей. В основном сплетни, знамо дело. Местами выдуманные. Ещё более повезло, что Верд, пренебрежительно отмахивающийся от болтовни, всё ж не пропустил ни единого слова и точно запомнил, в какой стороне живёт дурная девка, о которой так нелестно отзывалась лесничиха.

Не доверяла Рута колдовству. Верд, столкнувшись с магией, способной поднять из могил мёртвых, не доверял тоже. Да и никому он не доверял, что уж. Разве что напуганной лохматой девчонке, не отрывающей от Сантория сосредоточенного взгляда, можно довериться. Уж кто-кто, а она не стала бы творить тёмную волшбу. Её магия другая, серебристая, звёздная, рассеивающая мрак... Хватит ли её, чтобы спасти слугителя, заражённого страшнейшим ядом? Нет,

одной дурной колдуньи тут неостанет. И, как бы ни злился наёмник, как бы ни кривился от одной мысли, что надо просить помощи, он направлял лошадей вперёд, туда, где тепло изб гонит холод прочь, туда, где живёт ещё одна ворожея. Ведь есть один-единственный, крошечный шанс, что вдвоём они вытащат старого друга с того света. И охотник воспользуется им, даже прекрасно понимая, что колдунья, живущая ближе всех к кладбищу, скорее всего, сама на нём и колдовала.

Эх, до чего хороший случай, чтобы прикопать доставучего служителя, разом отделавшись и от непрошеного попутчика, и от мук совести в его лице!

Сколько раз Верд обещал и ему, и себе самому, что не станет спасать приятеля, если придётся худо, что сбежит, как когда-то и сам Санторий...

Ну ничего! Вот спасут придурка, а там можно ему и уши оборвать. Потом, когда лошади перестанут так нестись, распугивая пушистых белопузых пчёл.

– Отворяйте!!! – Охотник долбанул в дверь ногой, сильно удивившись, что та не слетела с петель от удара. Хотя с чего бы ей слетать? Добротная, толстая, не впопыхах поставленная. Хозяин наверняка кучу денег отвалил и за неё, и за все хоромы целиком, выделяющиеся на фоне скромных деревенских домиков, как лебедь в курятнике.

Друг на руках наёмника если и дышал ещё, то делал это провокационно тихо.

– Отворяйте! – суетливо заколотили кулачки Таллы.

Лошади за их спинами раздували бока, недовольно пыхтели, грозя заболеть, если их тут же не вытрут, и оборвать путешествие на середине. Не до них покамест... Охотник ещё раз вдарил сапогом.

Когда хозяин, вооружённый коромыслом, с перекошенным от возмущения лицом, распахнул дверь, Верд влетел внутрь, снеся его с пути и не спросившись.

– Дурная девка где?

Усатый, как иной таракан, упитанный рослый мужик сменил несколько выражений, не успевая сообразить, которое уместнее: он и нахмурил мохнатые, чуть подёрнутые сединой брови, и испуганно взметнул их вверх, и рот открыл, чтобы сказать, куда могут пойти

требовательные гости... А потом глянул на безвольно обвисшего служителя, на сурового Верда, способного выкинуть из дома жильцов, и согласно кивнул. Забежал вперёд, распахивая двери, гаркнул:

– Дарая! Дара!

Девка выбежала сразу, мигом определив по голосу, что случилось неладное. Невообразимо похожая на Таллу, светловолосая и бледная, как и все колдуньи, но так же сильно и отличающаяся: крепкая, высокая, ладная. Она деловито вытерла запачканные мукой ладони заткнутым за пояс полотенцем, бережливо собрала со стола посуду, скомандовала:

– Сюда клади.

– Мертвяк цапнул, – коротко доложил охотник, бережно перекладывая бездыханное тело и только теперь ощутив, каким тяжёлым оно было.

Талла встала рядом, коснулась почерневшей раны, одновременно показывая, где она, и сплетая новую, едва заметную, серебристую нить.

– Мертвяк?! – Усач, впусивший троицу, так и сел на пол. – Так того... кладбище ближайшее чуть дальше... Вашего друга теперь хоронить только...

Верд рыкнул, с трудом удержавшись, чтобы не врезать незадачливому пророку:

– Рано ему на кладбище. Покамест живой, – и сам усомнился, что не солгал.

Прижав жилку на шее сильным, привыкшим тесто месить пальцем, Дарая подтвердила:

– Живой. Видно, мертвяк сам издыхал уже.

И присоединилась к Талле, не спрашивая, кто такие и чего надобно. Ясно всё, что зря болтать.

Они колдовали слаженно, спокойно. Точно долгие годы знакомы, хотя ни словом не перемолвились. Такие похожие и такие разные, словно сёстры. Одна сильная, взрослая, хозяйственная баба, нашедшая место в жизни, прижившаяся, нажившая и жирок, и какое-никакое имущество. И вторая: испуганная, беззащитная, ничего не боящаяся потерять, потому что ничего не имеющая; глядящая на мир удивлённо и по-детски; впервые, наверное, столкнувшаяся со смертью

и уверенная, что нужно лишь чуть сильнее постараться, чтобы отогнать её. Наивная...

Они плели волшебную паутину, словно кружевной воротник. Пальцы мелькали то тут, то там, собирая сверкающие кольца, наматывая на веретено страшную хворь, вытаскивая чёрную ядовитую погибель. Из раны текла зелёная вонючая жижа, меньше всего похожая на кровь. Страшно представить, как страдает существо, по жилам которого бежит... нет, не бежит, а медленно перекачивается эта дрянь.

Сообразив, что четырежды уже перемерял шагами просторную кухню из каждого угла к противоположному, Верд заставил себя остановиться, цокнул, сморщился и направился к столу, чтобы, к своему великому позору, сжать Санториеву ладонь.

– Слышь, ты! – начал он угрожающе. – Ты, ты, засранец! Если додумаешься сдохнуть... Если сдохнешь тут... – Голос изготовился предательски дрогнуть, и Верд на мгновение замолчал, чтобы уже просительно закончить: – Не смей умирать, Санни!

– Жив будет – не помрёт, – коротко отрезала Дарая, локтем вытирая взопревший лоб. – Держи крепче, чтоб судорогой не повредился!

Верд с готовностью налёг на плечи друга, хотя у того сил продохнуть-то не хватало, не то что корчиться от боли.

Измождённая белокожая Талла взъерошенным воробьём скакала вокруг. Ни секунды не тратила, чтобы хоть вытереть капельки пота, пробегающие от крытого шапкой лба по виску с налипшими на него волосами, по щеке, по тонкой шее ныряющие за воротник. Тепло в избе, натоплено, пирогами пахнет. Не иначе, праздник какой. Кабы не дрожащие от напряжения руки, не друг, готовый вот-вот сорваться в бездонную пропасть, Верда бы разморило. Век бы смотрел на покрасневшую Таллу, спящую на фоне печи, точно только тут ей и место. Уверенную. Уставшую, но сильную как никогда.

– Дурная! – Наёмник бросился к девушке: замученная, она едва не упала, колени подогнулись, глаза закрылись на секунду.

Но она упрямо отбросила косу за спину и рванула полушубок на груди:

– Держи, – велела, – сейчас больно станет!

И Верд не решился послушаться.

Колдуньи склонились над Санторием, точно нашёптывая добрую сказку, а потом дёрнули в разные стороны, струнами натягивая белёсые сверкающие ленты колдовства. Раненый выгнулся дугой, разомкнул пересохшие губы в попытке закричать, но лишь хрипло застонал, норовя подавиться собственным языком. Наёмник прижал его сильнее, повернул голову набок, мысленно усмехнувшись: до щелчка бы, и все беды разом кончатся. Пришлось сунуть Санни палец в рот, чтобы тот не задохнулся, и служитель с готовностью цапнул Верда до крови, отомстив за все издевательства.

– Скотина ты, Санни! – сообщил ему Верд, подавив вскрик.

– С-с-сам такой, – едва потревожил воздух тот.

Никогда прежде наёмник так не радовался голосу друга! Едва не заплясав на месте, он наклонился, чтобы ни слова не пропустить.

– Давай, друг! Слышишь меня? Карабкайся! Ты же не хочешь бесславно сдохнуть в глуши от шварговой царапины?!

– А какая разница? – не поднимая век, буркнул Санни. Чтобы расслышать, Верду пришлось едва ли не прижать ухо к его губам. – Не вышло из меня ни воина, ни служителя. Какая разница, где бесславно умирать?

– Нашёл беду! Из меня тоже воина не вышло! А служитель небось хуже, чем из тебя, получился бы! Кто нас с дурной на путь истины наставит, если не ты?

– Найдёте...

– Не найдём! – с трудом выдавила Талла. – Специально искать не станем и увязнем в пучине греха! – мстительно добавила она.

– Никак без тебя, приятель! Ты нам нужен, друг!

– Друга из меня тем более не вышло, – снова попытался трагично уйти Санни.

– Ну так поживи ещё, чтобы исправиться! – Верд замахнулся, чтобы поставить мозги Сантория на место проверенным веками способом, но тут же виновато опустил руку: умирающего бить – негоже. Добивать вот можно, а бить... Разве что под пытками, для дела... Тьфу, проклятые привычки! – Санни! Санни?

– Ты простил меня, Верд?

– Да! Да, конечно, простил! – Охотник сейчас простил бы и шварга, грызущего ему стопу!

– Сп-пасибо...

Служитель перестал дышать.

– Санни? – недоверчиво коснулась его щеки Талла.

– Санни? Санни, мать твою! – Верд потряс умирающего, но его голова лишь безвольно мотнулась из стороны в сторону.

Дурная непонимающе уставилась на свои руки:

– Но как же? Я же... Мы же всё правильно сделали! Честное слово, Верд! Мы всё правильно!..

Наёмник позволил ей спрятать лицо на своей груди, хотя дорого бы дал за то, чтобы и самому в кого-то так же уткнуться.

Усатый хозяин дома пощупал макушку, но, не найдя на ней шапки, вынужденно снял фартук, скомкал и прижал к пузу.

Одна Дарая не повелась на провокацию. Оно и понятно: ей этот служитель ни брат ни сват, с чего бы терзаться виной? Но хоть уважение к мёртвым иметь надо! Не плевать на ладонь и, сжимая её в кулак, не лупить бездыханное тело чуть выше живота.

– Что? – удивлённо взметнула брови она. – Вернула мужика к жизни. Честь мне и хвала.

Санторий и правда сразу же активно задышал, умудряясь между хрипами вставлять ёмкие комментарии в адрес спасительницы.

– А неча придуриваться, – ухмыльнулась она, показав крупные белые зубы. – Ещё чуть – и тебя бы торжественно закопали, а ты, скотина неблагодарная, и рад. Я не первый год в лекарях – меня не обдуришь.

Санни вперил в неё расфокусированный, но вполне осознанный взгляд:

– Когда я по-настоящему помру, мне будет всё равно, кто и как плачется. А сегодня бы оценил. Такой момент испортила...

Верд не удержался и всё-таки отжалел другу смачную целительную оплеуху. А Талла, шмыгнув носом, добавила.

* * *

– Так что неплохо живём, не бедно, – довольно погладив длиннющие усы, сообщил Хорь. – Места ведь тут хорошие, полей для скота много, только что коровья болячка эта цеплючая. Но с Дарайей моим телушкам никакая хворь не страшна. Все такие красавицы, как

на подбор! Только в столицу каждый год не меньше трёх десятков продаём!

Колдунья отмахнулась, пряча довольную усмешку, а Верд усомнился, что именно усач в доме главный. Неспроста ведь зажиточный мужик до сих пор не обзавёлся семьёй, а вместо детских криков дом наполняет лишь ленивая перебранка слуг. Хорошо эти двое живут, правильно. Именно так, как говорили наёмнику, иной раз волоком притаскивающему сопротивляющихся колдуний к заказчику.

«Я даю им лучшую жизнь, Верд. Правильную. Я дам им крышу над головой, защиту, семью» – так успокаивали его совесть, пока охотнику ещё было не всё равно.

И вот он впервые увидел, как устроилась колдунья после. Как невозмутимо командует хозяином, как сама на правах хозяйки отдаёт приказы. Такие, как Дарая, ободранные, грязные, обзлённые людской ненавистью и жадностью, благодаря охотникам попадали в новый мир. В мир, где им знают цену.

– Руки-то не распускай! – больше для вида шлёпнула Дара усача по ладони, но тот извернулся и прихватил пышное бедро второй, довольно причмокивая.

«Нет, это не она колдовала на кладбище», – понял вдруг Верд и с удивлением обнаружил, что расслабился от этой мысли. Дара живёт счастливо, спокойно. Знается с соседями, довольная, ухоженная, сытая. Как те коровы. Незачем ей гнать из домов жителей окрестных деревень: полей для скота и так хватает, а самих телушек ещё надо кому-то сбывать.

– Что уставился? – подбоченилась колдунья. – Без тебя знаю, что хороша!

И, ещё раз показав крупные зубы, вывернула полкувшина простокваши в безразмерную плошку, плюхнула ложку вверх:

– Иди живчика вашего разбуди да покорми. Ему силы нужны.

Верд послушался: с такой бабой всё одно спорить бесполезно.

Санторий, точно ребёнок, есть отказывался, отворачивался, ныл и плевался. Наёмник ощущал себя насадкой, севшей на яйцо среди зимы.

– Не станешь есть?

– Му-у-у-у... – неприязненно корчился друг.

– Ну становись раком, сзади затолкаю, – предложил Верд с пугающей решительностью.

Санторий тоже впечатлился и простоквашу проглотил, после чего вырубился с блаженным героическим вздохом.

Талла нашлась тут же. Все дни, что Санни шумно и капризно выздоравливал в выделенной ему комнатке, Дарая суетилась по хозяйству, а мужчины терпеливо изыскивали самые безобидные темы для бесед, дурная находила поводы посидеть поближе к больному – то с вязанием, то с хозяйским молчаливым псом, то просто любуясь в окно на ровную белую перину, накрывшую деревню. Словно боялась, что, стоит на шаг отойти от друга, тот незамедлительно предпримет новую попытку приблизить встречу с богами. Вот и сегодня сторожила у дверей.

– Ты чего здесь? – Верд опустил рядом с ней на резной сундук, пристроенный под окном в широком коридоре.

– Красиво здесь. – Колдунья не подняла подбородка, опущенного на предплечье, не повернулась к нему. Лишь по-свойски положила свободную руку на смуглую ладонь охотника.

И правда красиво. Мягко, рыхло... Снег казался тёплым пухом, одеялом, под которым можно, укутавшись, спрятаться до весны. Тепло, спокойно. Особенно если не в одиночку.

Девушка кивнула на дверь, из-за которой доносился богатырский храп:

– Лучше ему?

Наёмник пожал плечами: ясно, что с волшебной помощью слугитель здоровеет не по дням, а по часам, но ноет и жалуется так, словно предпочёл бы помереть. Охотник даже предложил как-то, дескать, раз так страдаешь, друг обязан закончить твои мучения. Но Санторию вдруг резко полегчало настолько, что он безропотно согласился навернуть вторую порцию перловки на шкварках. Вердову порцию, между прочим!

– А тебе?

– Да что мне сделается...

Не дожидаясь ответа, Талла подняла его руку и разбинтовала прокушенный палец. Человеческий укус и без того тяжело заживает, а у Сантория из крови тогда ещё яд не вышел. Пощупала, надавила, проверяя, не гноится ли больше.

Охотник смутился:

– Да что ты как матушка, в самом деле...

– А ты как дитё малое! – не дала вырваться она.

– Ащ-щ-щ-щ! Больно!

Они переглянулись и безудержно расхохотались. А потом девушка замолчала, и снова в глубине синих глаз мелькнуло знание, доступное лишь древним старухам.

– Какой она была, Верд?

Наёмник обмер: неужто дурная догадалась? Глухо выдавил:

– Кто?

– Твоя семья... Мама. Какой ты запомнил её?

Мама... А и правда, какой? Время словно заперло его в тёмной глухой норе, где нет входа и выхода, нет света и звука. Одна сосущая чернота. Была ли она вообще... мама?

Когда Верд думал, что уже никогда не выберется из норы, что потерялся и останется в темноте и одиночестве навечно, появился лучик серебристого света. У света был голос, и он, хоть и прозвучало совсем иное, показывал ему выход.

– Если не хочешь, не рассказывай. Прости, что в чужое дело полезла...

– Я не помню её. – Странно, но слова, потаённые, спрятанные и похороненные так глубоко, что мужчина и сам на долгие годы забыл о них, дались легко и свободно. Как талый весенний ручей, обтекающий и подтачивающий льдины. – Первое, что помню, – грязные рожи. Щербатые, насмешливые, кривые...

– Ой...

– Да нет. – Он смотрел на пока ещё бледные звёзды удивительно спокойно. – Бездомные нашли меня трёхлеткой у сточных канав. Голодного и замызганного, наверное, ещё более, чем они сами. А уж кто меня там бросил – того не ведаю.

– Они воспитали тебя?

Верд хохотнул:

– Скажи ещё «как родного»! Нет, они издалека решили, что это поросёнок у кого-то окошел, сожрать хотели. А потом решили, что попрошайке с дитём всяко больше подадут. И подавали, тут не ошиблись. Наверное, потому и подкармливали, чтоб не сдох. А потом я так поднаторел, что и сам мог воровать. Всё больше, правда, неудачно,

попадался постоянно. Зато, пока ловили меня с булкой какой, за спиной у пекаря удавалось обчистить прилавок. Тем и жили.

К чему зря лить воду по былому и сожалеть о навсегда утерянном? Талла не стала фальшивить, дескать, понимает, сочувствует... Она прижалась к его груди, произнося то единственное, что хотелось услышать. Верд и сам не знал, как сильно.

– Теперь мы с Санни твоя семья. И мы тебя не бросим.

А потом она тоже начала рассказывать. Сначала печально, едва не слёзы глотая, но позже осмелела. О женщине, которую помнит самой красивой на свете, о сказках про героев, под которые малышкой засыпала, об узких нежных ладонях, переплетающих её косы. Эти воспоминания – всё, что имела дурная колдунья. Самые сокрытые, оберегаемые, самые важные. И она делилась ими, половинила с мужчиной, который никогда не знал своей матери, дарила то единственное, что могла подарить.

Замолчала и, тихо улыбаясь, вновь отвернулась к окну, точно, отдав одно чувство, стремилась насытиться другим.

– Здесь красиво... – повторила она.

Редкие звёзды, угольками вытапливающие прорехи в тучах, тысячами искр отражались в белоснежном покрывале, перемигивались, суетливо шелестели крыльями, как волшебные светлячки.

– Это не красиво. – Верд придвинулся ближе, пытаюсь согреть, наполнить нежностью женщину, не побоявшуюся впустить его в сердце. Так и хотелось добавить, мол, ты красивее, но на ум шли речи настолько неловкие, что и произнести стыдно, поэтому он поделился иным: – Вот зима у моря – это да. Когда волны – во! – Он показал расстояние от пола докуда достал, но понял, что и этого недостаточно.

Талла вытерла щёки и восхищённо ахнула:

– Выше тебя?

– Куда там! Выше дома. Выше трёх домов, один на другой поставленных! И звёзды там – огромные, больше, чем здесь. И низко-низко. Кажется, царапни – упадут за пазуху.

– Я бы набрала целую пригоршню! – засмеялась колдунья.

– Я бы их сам для тебя набрал...

Девушка подышала на окошко, растапливая в ледяной корке полынью, протёрла рукавом, чтобы лучше было видно.

– Я бы хотела увидеть море.

Мозолистая ладонь сама собою, без ведома наёмника, коснулась пушистой косы, пригладила непослушные прядки и почему-то скользнула ниже, к талии, спрятанной грубой льняной рубахой не по размеру. Рубаху два дня назад подарила Дарая, чтоб по дому ходить, пока служитель долечивается. Одежка, конечно, оказалась велика хрупкой колдунье и всё норовила сползти, обнажая острое плечо, а Верд ревниво бурчал и подтягивал ей рукав, чтобы Хорь или кто из слуг не заметили. Сползла рубашка и сейчас, но в тёмном коридоре, залитом сумерками, с единственным источником света от звёзд за окном их всё равно никто не мог потревожить. Поэтому мужчина не спешил, как завелось, поправить одежку. Наоборот, замороженно смотрел на тонкую кожу, сияющую бледностью в полумраке.

– Я хотел бы показать тебе море, – шепнул он, касаясь плеча обветренными губами как можно легче. И не понять, дыханием ли мазнуло али и правда бесстрашный наёмник осмелел.

Он бы показал ей море. Подарил бы звёзды. Увёз как можно дальше от чужой тёмной магии, глупого короля, уверенного, что колдовство вредит его стране, мужиков с завидушими лапами – от всех бы увёз!

Она не отодвинулась, не вздрогнула. Склонила голову, обнажая шею, точно требуя, чтобы...

Верд прижался ртом к белоснежной коже, дыша ею, напиваясь ею, как самым крепким и самым желанным вином на свете!

Не оцарапать бы шершавыми, огрубевшими губами...

Дурная тяжело, горячо задышала, пряча лицо, чтобы стоном не призвать ненужных свидетелей, чтобы не спугнуть мгновение.

Да к шваргам всё! К жестоким, раздирающим сердце на части, жрущим беззащитных грешников шваргам!

Точно ломая ледяную корку, с треском, с болезненным всхлипом он развернул девушку к себе, прильнул губами, нырнул так глубоко, как только мог, ощущая вместо ледяного холода жар и мягкость, сходя с ума, умирая от выбирающегося наружу незнакомого огромного чувства. И рождаясь заново – беззащитным, кричащим от нового, непонятого, всепоглощающего...

На миг оторвавшись от Таллы, как от живительного источника,
Верд подхватил её на руки:
– Дурная... Нежная... Моя!

Глава 15

Своя рубашка ближе к телу

Они целовались повсюду.

На морозе у колодца, ощущая, как трескаются губы; в закутке у печи, пока Дарая не хлестала их полотенцем; у постели демонстративно умирающего Сантория, пока он, возмущённый наглým пренебрежением, не начинал ругаться и грозить всеми карами небесными и, пока они не наступят, земными. В последнем случае Верд просто клал на пухлую румяную физиономию друга подушку и слегка прижимал, пока служитель не закончит осуждающие проповеди.

Добро похмыкивающий и крутящий усы Хорь не гнал их: в большом доме отчего же не приютить гостей, тем более что эти не ленились, помогали по хозяйству, да и Дара отнеслась к колдунье как к родной, сразу заявив, что скорее вытолкает за порог самого Хоря, чем позволит вытурить девочку. Оттого троица не спешила. Санни наслаждался теплом и сытостью, помноженными на возможность не поднимать отяжелевшего зада из кровати, а Верд, кажется, и вовсе забывал, что куда-то направлялся, глядя на порхающую Таллу, смущённо опускающую хитрющие глаза каждый раз, как он зажимал её в уголке и бессовестно тискал.

– Ну пусти... – потребовала дурная, с готовностью ныряя за плотную занавеску в большой общей комнате и едва ли не первая вешаясь ему на шею.

Верд собственнически запустил руки под её рубашку, жёсткими пальцами оглаживая дрогнувший от прохлады живот, пробираясь выше, туда, где бледная кожа ещё нежнее, а касания ещё желаннее.

– А ты закричи, – потревожил он жадным вздохом пушистые локоны, – позови на помощь, я сразу отстану.

Девушка откинула голову, подставляя шею под требовательные губы, обвисая у него на руках.

– Спасите, – хихикнула она тихонько, чтобы и правда вдруг кто не прибежал, выгнулась навстречу прикосновениям. – Убивают... Ты же меня так проглотишь!

Верд не спорил.

– Проглочу. И тебе понравится.

Колдунья с готовностью отвечала, доверчиво, нежно трепеща в широких мозолистых ладонях, требуя больше ласки, больше любимого мужчины.

– Знаю...

Она позволила усадить себя на подоконник, торопливо, пока мужчина не передумал, обхватывая его ногами за бёдра.

– Эй, развратники! – заколотили в окно со стороны двора. – Чтоб вас!

Дарая погрозила кулаком, пунцовая не то от работы на холоде, не то от увиденного зрелища. Верд сразу сконфузился, спустил девушку на пол, а Талла скорчила подруге недовольную рожицу:

– Завидно?

– А то! – грудно расхохоталась колдунья, довольная, что спугнула любовничков, как весенних птах.

Хоть Хорь с Дараей и посмеивались над молодой парочкой, Верд зла на них не держал. Сам себе удивлялся: тёртый калач, не первый год по земле ходит, а ведёт себя ровно мальчишка. Ясно, что шутки их не несли зла. Добродушные подколы больше распаляли влюблённых до следующей встречи, чем мешали, да и сами домашние ни словом, ни делом не давали понять, что гости нежеланны. Однако ж наёмник сначала потехи ради прикидывал, как бы жили они с Таллой в собственном доме, куда бы приткнули вездесущего Санни, от которого, ясно, и там бы не избавились, а потом вдруг проснулся как-то утром и понял, что дурачиться больше не желает. И пустующая, недостроенная кем-то изба через три забора показалась вполне крепкой и недурно поставленной. Верд дважды ходил посмотреть, внутренне оправдываясь тем, что бдительно проверяет, не затеял ли кто из соседей каверзу. Сначала походя шаловливо метнул в опорный столб снежком – попадёт ли? Попал, конечно. В следующий раз, шествуя мимо, пнул сапогом – стоит, крепкий. В конце концов примерился и стал рядом, расшатывая. Нет, хорошо вбит! Правда, можно дом срубить.

– А что, Хорь... – После обеда Верд тщательно облизал ложку и ровно пристроил возле плоски. Поправил аккуратно, не спеша

с вопросом. – Чего это у вас остов избы стоит, ровно скелет медвежий, посередь деревни?

Ничего, кроме мягкой перины да белёного потолка, не видевший пока, Санни признал, что готов на стену лезть от скуки, и обедал вместе со всеми. Лишь иногда сетовал, что, когда его с ложечки кормили, вдобнее было.

– Ну так давай я покормлю! – Дарая с готовностью вынула тяжёлый литой черпак из киселя.

– Спасибо, хорошая женщина! Я не имею ни малейшего права злоупотреблять вашей добротой и гостеприимством. – Служитель ретировался к окну, высматривая упомянутую избы.

Хорь с Вердом переглянулись и ехидно хмыкнули: один в длинющие усы, второй в намечающуюся бороду. Ничего, завтра поутру в баньку сходит, побреется. А то Талла уже жалуется, что целоваться колюче... Верд хмыкнул ещё раз, довольно, и положил широкую ладонь девке на колено, обозначая: моё! Та и не дёрнулась.

– Моё дело предложить, – шумно отхлебнула из черпака Дара.

Наконец высмотрев искомое, служитель протянул:

– И правда изба. Никак, недостроенной бросили? Или милостивые боги прибрали к себе хозяина раньше срока?

– Или руки у него не с того места росли, – пригладил и тут же снова взъерошил тараканьи усы Хорь. – Строить начали ещё тогда, когда у меня ни седины в усах, ни свет-Дараюшки не было. Есть мыслишка, что одно с другим как-то связано...

– Лъстец! – добродушно выругалась колдунья, поглаживая хозяина меж высоких залысин, как козла меж рогов.

– Её ещё тесть нынешнего хозяина строить взялся. Хорошо начал, ладно. А когда помер и дело по наследству перешло, застопорилось. То наследнику топор не остёр, надо ажно в город за новым ехать, то доски гнилые, надо заказывать. Из таких досок вся деревня строилась, сарай из них у моих телушек стоит – век сносу не будет! А этому умельцу не подходят. Раз, в общем, скатался за инструментом, второй... Да так и осел в городе. Мельник, кум его, обещался продать имущество поскорее да деньги переслать. Только что-то не торопитесь.

Пальцы наёмника непроизвольно стиснули колено Таллы, но спросил он совсем равнодушно, якобы разговор поддерживая:

– И много просит?

Опытного торговца не обманешь кислой миной и суровым взором. Если коровка приглянулась, у покупателя шварги в глазах снуют, как хочется поскорее забрать красавицу. И тут уж тяни, не тяни, торгуйся сколько влезет, купец знает: клиент с петлёй на шее и уже никуда не денется. Да только от той избы Хорю прибыли никакой не сулили, так что и цену ломить он не собирался. Тем паче ради мельникового кума – тот ещё жук.

– Договоримся, – азартно дёрнул себя за правый ус Хорь.

Не ведая, к чему клонит сердечный друг, Талла втихаря подкармливала хозяйского пса объедками, как тот вдруг припал к полу и глухо подозрительно рыкнул.

Стук раздался спустя полминуты. Да не стук – грохот. Властный и тяжёлый, с каким ломаются только к тем, кто успел провиниться и попался на горячем.

– Отворяй, мужик, – притворно ласково потребовали с улицы.

Эх, развезло-разморило! Верд выругался: меч так и остался в большой общей комнате, где он лениво правил ножны, а в кухню на обед наёмник явился без него! Сотник ему за такое идиотство плечо бы вывихнул – и прав бы был!

Хорь заметил, как вхолостую метнулась ладонь Верда к бедру, укоризненно сморщился, но, передумав, махнул головой: к лучшему.

– Иду! Чего молотить? Ща дверь мне с петель снимете! – недовольно гаркнул он, прикрывшись локтем, якобы издали, и шёпотом добавил: – Девоньки, пойдите пока повышивайте или что там.

Дара на всякий случай подхватила кочергу и деловито кивнула:

– Повышиваем, что уж.

Дождавшись, пока колдуньи тихонечко скроются в доме, Хорь направился ко входу. Верд встал чуть позади, как обычно стоят охранники, хмуро скрестив руки на груди.

Средь бела дня да тогда, когда жизнь только-только начала налаживаться... Быть не может, чтобы случилось худое! Сам наёмник вон тоже ломился в дом с воплями, когда принёс раненого Сантория. Вот только он не обещал елейным голосочком, что люди они мирные и что законопослушным слугам короля ничегошеньки не грозит. Последнее Верда особенно обеспокоило: ведь ни законопослушным, ни тем более слугой он не был. По крайней мере, слугой короля...

А пришельцы торопили, подчёркнуто громко начав шутить про подожжённую крышу, которая кого хошь из дому выгонит.

– Отворяй, Хорь! Считай, от короля приказ получил!

Усач напоследок поклонился тройному символу богов, что висел над входом на удачу, – Ключу и Ножу, переkreщенным на фоне Котла. Однако чуда не случилось, и отряд, вооружённый пиками, мечами, а также недовольными рожами солдат, никуда со двора не делся. Хорь расшаркался в приветствиях, натянув до самых ушей улыбку слабоумного:

– А я думаю, кто это тут ругается, а это важные господа! Чего изволите, уважаемые? Ежели вы взаправду от короля, так у меня и грамотка имеется, что мы ему лучших телушек ежегодно поставляем...

Десятник с ходу смекнул, что просто так его приглашать не станут. Высокий, подтянутый, хоть и немолодой, он не привык отсиживаться в хоромах. Такой лично поведёт дружину на бой или бойню, станет ночевать на сырой земле с сослуживцами и первым обнажит клинок, вместо того чтобы отдавать приказы. Верд сразу оценил и позу, кажущуюся расслабленной стороннему наблюдателю, и цепкий взгляд, уже обшаривший кухню, которую так глупо пытался заслонить разворотом плеч Хорь. И Верда десятник тоже заметил и оценил, наверняка записав, в случае чего, в главные соперники. Не зря записав, надо признать. Наёмник бы уважительно кивнул такому воину, возможно, даже пропустил бы с ним кружку-другую, выслушивая военные байки и сентиментально припоминая, но не рассказывая собственные.

Если бы не глаза. Белёные, как рыбы, немного выпученные, почти бесцветные. И абсолютно равнодушные. Верд знал таких: у солдат, подобных десятнику, взгляд теплеет лишь тогда, когда удаётся по самую рукоять вонзить в чьё-нибудь тело меч. А уж чьё то тело – бездомной тощей бабы, попавшейся на безрассудной попытке чуть облегчить кошель вояки, али достойного врага – ему всё одно.

Рассудив, что с вежливостью можно уже и завязать, долговязый ткнул Хорю под нос продолговатую бляшку на рукаве – знак отличия, позволяющий избранным (а если посмотреть иначе, то насильственно назначенным) солдатам короля выслеживать и казнить дурных колдуний.

– Понял? – на всякий случай уточнил он.

– Понял, господин, – понурился Хорь, безропотно позволяя отпихнуть себя с дороги.

Всё он понял, конечно. И то, что кто-то из завистников, из купцов либо соседей, кому богатый дом что бельмо на глазу, отправил писульку куда следует. И то, что теперь от грабежа да разбоя, узаконенного дешёвой блестяшкой, купца не защитит ни личная благодарственная грамотка короля, ни знакомства на его кухне, ни опыт, позволяющий обменять свободу на взятку хоть у старшего служителя, хоть у самих богов.

А Верд понял, что придётся драться.

Получив добро, десяток солдат ввалились в дом вслед за командиром. Прямого приказа не получили, так что тут же рассредоточились, проверяя, не завалилось ли что полезное в сундуках, не встретится ли тайничка со сладко звенящим золотом мешком. Кто помладше, понимая, что до дележа всё одно не дойдёт, сразу полез по котелкам, снимая пробу с обеда.

Верд стоял как скала, заставляя служек обходить себя. Те недовольно хмыкали, иногда пытались задеть плечом, но наёмник и тогда не тешил их развлечением и не рычал, как доселе молчаливый пёс, притянутый хозяином за ошейник к ноге (не дай боги бросится! Рубанут ведь пополам, и дело с концом). Нет, Верд молчал, как задремавший кот, хоть и очень хотелось по-собачьи рывкнуть. В то же время он ещё и чутко прислушивался: принявшиеся работать активнее прежнего слуги, словно мыши, юркнули по углам-комнатушкам, дабы не попасть под горячую руку; какая-то тётка за стеной заранее голосила и причитала... Таллы не слышать. Догадается ли, глупая, спрятаться куда подальше или правда сидит вышивает?

Десятник размеренно обошёл кухню, сунул длинный палец в густой, розоватый от ягод кисель и с наслаждением облизал. Довольно крякнул, зачерпнул половником и сёрбнул. Бросил опивки обратно в общую чашу и, не стирая розовых усов, поинтересовался:

– А верно ли говорят, Хорь, что ты укрываешь дурную девку?

Выдержке купца и сам Верд мог бы позавидовать. Выпучился испуганно, вдохнул, якобы расхохотаться, а потом навроде как понял, что дело серьёзное, и возмущённо выдал:

– Да как можно, господин хороший?! Чтобы я, честный слуга короля, ежегодно поставляющий ему...

– Да срать я хотел на твоих телушек. Где она, Хорь? – проницательно заткнул его десятник. Рыбьи глаза его вперились в торговца.

Но и Хорь молодец, слабину не дал.

– Господин, я купец. Завистников у нас много, а кто поручится, что среди них нет лжецов? Наговорить на доброго человека...

– Да уж, да уж. У честных людей всегда завистники водятся... – Десятник костяшками стёр ус с правой стороны рта. Облизал. Так же неторопливо поступил с левой. Шагнул к усачу, аккуратно обойдя охотника и одарив уничижительным взглядом, мол, и что ты мне сделаешь? Поймал за шкурку Хоря да и припечатал с размаху мордой к столу. – Где она, Хорь?! Я верный слуга короля и лишь по доброте душевной даю тебе возможность сознаться. Как только я позволю парням...

Все десять солдат с надеждой вытянулись в струнку: в доме ведь столько ещё интересного и ценного!

– ... как только они из кухни пройдут в дом, я уже ни за что не ручаюсь. Закон велит тебе сознаться сейчас. Или ты хочешь стать преступником? Знаешь, что бывает с теми, кто укрывает дурных?

Физиономия купца ещё раз встретилась с крепкими дубовыми досками.

– Господин, я не посмел бы!

У пса выдержка оказалась послабее Вердовой. Подползший на брюхе вслед за хозяином зверь глухо зарычал, а когда его угрозе не вняли, вцепился в ногу десятника. Тот без раздумий выхватил меч и вспорол мохнатую шкуру. Обида так и не ушла из собачьих глаз. Ни когда обмякшая туша шлёпнулась на пол, засучив лапами в последний раз, ни когда защитник замер на веки вечные.

– Долго думаешь. – Десятник невозмутимо вытер клинок о штаны Хоря. Ещё один удар – и на столе остался лежать чуть заострённый зуб.

Ох, как не хотелось затевать драку сейчас, когда ещё есть крошечная, совсем небольшая вероятность, что, наигравшись и утащив с собой добрую часть имущества, солдаты уйдут без колдуний. Конечно, в доме купца имелись тайники! Да не один. Имелись

и замаскированные ровно настолько, чтобы, отыскав их, возможные воров насытились и убрались, не подозревая, что отвлеклись на малость. Верд заметил один такой сразу, а о парочке настоящих мог только догадываться. Имелись и те, куда влез бы человек... ну, худенькая колдунья, свернувшись калачиком, точно бы влезла. Дарая, помнится, полушутя показала новой подружке закуток в большой комнате. Для самой Дары наверняка тоже есть в доме укромное местечко. Так, может, и не найдут их солдаты?

Но Хорь, получив коленом под зад, тоненько застонал, и Верд дёрнулся. Глупое дело, как есть глупое! Раньше нипочём не стал бы рисковать, защищая, почитай, незнакомца, а теперь... Наёмник бы не убоился ощерившихся пиками солдат, но, тяжело дыша, купец выставил в его сторону руку.

– Хозяин дело говорит, – спокойно кивнул десятник охотнику. – Тебе за охрану от разбойников платят, вот и не лезь, когда закон творит правое дело.

Охрану от разбойников? Добре. Значит, каким бы внимательным десятник ни был, а обманулся на мякине: Верд убрал ладони под мышки, скрестив руки, спрятал метки на них, и солдаты не заподозрили лишнего.

– Я всё скаш-шу, гошподин! – Кровь из разбитой десны так и сочилась, капая на стол, заливая сюртук. – Простите неразумного! Нишево не оставалось! Я не виновен!

– Тихо-тихо-тихо... – Десятник приподнял вялого Хоря и погладил по голове, как маленького. Засюсюкал: – Конечно, ты ни в чём не виноват! Сдай колдунью, и я за тебя словечко замолвлю.

Купец указал на дверь, а десятник, пихнув хозяина в загривок, дабы избежать сюрпризов, закрылся им, как щитом.

Съёжившийся у печи Санторий, боящийся лишней звук подать, поймал взгляд друга: пора? Верд коротко мотнул подбородком – рано. Хорь умён, наверняка и на такой случай чего-нито сочинил. Надо подождать, потянуть время. Авось решится дело мирно... Боги всемогущие! Неужто суровый наёмник избегает драки и думает, как бы отделаться малой кровью? Неужто правда беспокоится, как бы не пострадал кто из слуг, с некоторыми из которых успевал вечерами приговорить ароматную чарку, а то и две вишнёвки? Неужто волнуется, как бы не зацепило весёлую Дарая и упрямого Хоря?!

Правда, чтоб вам пусто было!

Не успевающего передвигать ноги купца почти волоком втащили в большую комнату, кинули посередь. Туда же, поторапливая оружием, оттеснили Верда с Санторием. Последний щедро раздавал благословения. А что? Вполголоса и не слышать, здоровья желает окружающим солдатам али жесточайшего поноса.

Меч, стоящий прислонённым к спинке глубокого мягкого кресла, так и манил. Верд кончиками пальцев ощущал привычную тяжесть рукояти, но не спешил брать разгон. До оружия ещё половина комнаты, а остриё, тыкающее Санни в бочину, куда как ближе.

– Милостивый господин, а не могли бы мы с вами, как взрослые умные люди, побеседовать наедине? – подмигивая заплывшим глазом, намекнул хозяин.

– Не тяни, Хорь, – посоветовал десятник. Нет, такого не подкупишь, это Верд быстро понял. Такие лишь алую руду и ценят. – Чем больше злишь моих ребят, тем больше они потом из твоего дома вынесут. Ты же купец, так прикинь убытки.

Верд ждал, что хитрый, изворотливый и умный Хорь выкинет фокус. Санни едва не ладошки потирал в ожидании сюрприза. Ну как же? Купец должен просчитать, как дешевле всего выпутаться из беды. Вот только дешевле не для троицы чужаков.

У купца имелись друзья и связи, деньги и уважение. Долгие годы служки короля обходили его стороной, но, получив прямую клязу, уже не могли не проверить. А может, просто король решил перейти с говядины на дичь. Так что откупаться Хорю больше нечем. Почти...

Расслабился охотник, прижился. Забыл, что всегда надо ждать ножа в спину, доверился. Да кому? Торгашу, что врёт как дышит?

Хорь нашёл глазами лицо Верда, слишком поздно озарившееся пониманием, одними разбитыми губами произнёс:

– Прости.

И распахнул неприметный люк в полу, тайник, который некогда указала дурной колдунье Дарая. Места там едва хватало человеку. Хрупкая Талла и та лежала, свернувшись калачиком. Не подвал, а так, ящик для ценностей.

Талла закрылась локтями от яркого света, а Верд только теперь рванул к мечу.

Поскуливая, вытирая кровь и сопли, Хорь на четвереньках отполз в сторонку, тем только и сумев спастись. Пробегая мимо, Верд не преминул бы угостить его клинком.

– Великие благодетели! – Санторий махнул рукавами рясы, так вовремя натянутой с утра потому лишь, что вся остальная одежда ушла в стирку, закрыл свободной тканью обзор угрожающему ему солдату и, воспользовавшись суматохой, вдарил того промеж ног.

– Не обижай божьего человека! – провозгласил он склонившемуся в три погибели, но тот виниться не собирался. И, видно, не сильно пострадал – напротив, нашёл в себе силы разогнуться и с разворота приложить Сантория клинком. Благо от боли туго соображал и лишь слегка задел плечо.

– И где ж это твои воображаемые друзья теперь? – издевательски поинтересовался солдат. – А вот король туточки!

И отвесил Санторию такого хорошего пинка в живот сапогом, украшенным королевским гербом, что толстячок прокатился через открытую дверь до самой кухни, вписался в стену и лишь чудом поймал свалившийся с гвоздика символ богов. А воин пошёл добивать.

Но не тут-то было!

– Ах ты ж паскуда! – возмутился Санни, разом вспомнив, что боги не только награждать горазды, но и карать. – Божьего человека да в пузо?!

Пока подошедший, растягивая удовольствие, замахивался клинком, ловко пнул его по голени и, не найдя оружия более достойного и более подходящего к случаю, огрел мерзавца Триединым символом. Приносящее удачу перекрестье Ключа и Ножа отделилось от Котла, развалилось на две неравные половинки, но определённо заставило безбожника уважать как Троицу благодетелей, так и беззащитных служителей в лице Сантория.

А вот у Верда дела шли куда хуже. Помощи ждать не приходилось: кто же встанет супротив закона на защиту его нарушителей?! Все разбежались по соседям, едва запахло жареным, попрятались, как тараканы... Сам Хорь тщетно пытался забиться под тяжёлую софу, чтобы ненароком не попасть под раздачу. Спасибо ещё, в комнате было всего шестеро солдат – остальные разбрелись по дому мародёрствовать...

Наёмник кувыркнулся вперёд, уворачиваясь сразу от трёх пик, проткнувших пустоту в том месте, где он только что стоял, неловко задел ножку кресла мизинцем ноги и взвыл так, словно металлические наконечники всё же достигли цели. Зато меч вернул, а то точно голый без него...

Кратко раздав команды подчинённым, десятник взялся за сладкое – съёжившуюся растерянную беловолосую девушку, вида столь беззащитного и невинного, что растерзать её стало вдруг для него самым важным на свете. Рыбьи глаза выпучились пуще прежнего, налились жадностью...

– А вы что это, дяденька-а-а-а! Вы что делаете?! Верд! Верд! – Девушка вцепилась в крышку тайника, срывая ногти. – Пусти-и-и!

Десятник оскалился, поймал лодыжку колдуньи, пока та пыталась наугад пнуть обидчика, пополз грязными пальцами выше, задирая юбку, пытаясь одновременно выхватить нож.

Никогда прежде охотник так не прыгал. Не помешали ни беспрестанно нападающие солдаты, почти взявшие его в кольцо, ни свист стали у самых ушей. Он всегда хорошо скакал, бойко, уворачиваясь от ударов кинжалов, а иногда, когда шибко везло, и от быстрых стрел. Но чтобы так... Сам точно спущенный арбалетный болт, Верд не ударил – сшиб, снёс с места десятника с такой силой, что тот отлетел через полкомнаты к стене и с грохотом дополнил своей скрючившейся тушей две аляповатые картины с изображением скачущих по полям коровок, почему-то осёдланных, как кобылы.

Талла с трудом оторвала от крышки своего убежища ладони, намертво прилипшие к ней от страха, и на всякий случай уточнила:

– Это же ты злодея побил, да?

Верд только сердито запыхтел: сама, дескать, как думаешь?!

Он выдернул девушку из тайника, обнимая одной рукой, словно герой тех самых модных цветных картинок, что в городе барышни скупают пачками. Ещё бы волосы развевались да рубашку до пуза растянуть... Хотя чего уж? Зверская рожа и порхающий меч всё одно бы испортили весь образ.

Однако не строить же из себя героя вечно? Верд отбил от одного, от второго, чудом не нанизался на пику вместе с Таллой... Врагов много, а он один. Когда-то давно дюжина солдат искалечила его играючи. Теперь охотник возмужал, поуменел (сомнительно)

и приноровился сражаться и убивать. А врагов не двенадцать, а куда меньше... Десятник попытался отлепить своё тело от стены и завизжал, как собачонка, наступив на ногу, вывернутую под углом, под которым её выворачивать не принято. Без него шестеро. Шестеро искусных врагов и один Верд... Тяжело, но ведь есть шанс?

– Я борюсь за добро и справедливость! – вдохновлённый первой победой, Санторий не пожелал оставаться в стороне.

Явив свой светлый лик в кухонных дверях, он с ходу припечатал «добром», то есть увесистой половинкой оберега с Котлом, врага справа; «справедливостью» довелось приложить неповоротливого детину слева. Перекрещенные Ключ и Нож колоритно отпечатались на его физиономии. Сам же служитель, подхватив полы рясы, бойким коlobком перекатился к друзьям – только пухлые ляжки замелькали.

Наверняка в голове у дурной колдуньи в этот миг играла мелодия, что сопровождает в поход доблестных воинов. По крайней мере Верд хотел надеяться, что не та пошлая песенка про доярку и мельника, которую вчера со вкусом распевала Дарая. Талла выпрямила спину, сурово, подражая наёмнику, сдвинула брови. Вены её засветились неподвластной простому человеку магией. Она резко сжала кулаки, будто хватая поводья, и заступила дорогу растерявшимся солдатам.

– Я спасу нас всех! – заявила хрупкая, нежная девушка, хлеща по полу лентами серебристого света – один в один разозлившаяся кошка лупит хвостом!

Дурная надменно подняла подбородок. «Разумеете ли, с кем связались, глупцы?» – говорил весь её уверенный вид. И воины действительно усомнились, чуть отступили: ну как и правда проклянёт?

Жаль, один умный среди них всё ж нашёлся.

– Идиоты! – Десятник сам проковылял на передовую, опираясь на ножны, как на костыль. – Её колдовство не способно навредить людям!

– Да что ты говоришь? – подбоченился Санторий. – Небось и проверить вызовешься, а?

– Да легко! – Он кинулся вперёд, занося меч, наверняка испытывая жуткую боль при каждом движении.

Талла взвизгнула, вхолостую опутав воина светящимися верёвками и, бросив их, спряталась за спины друзей:

– Я передумала! Лучше вы меня спасайте!

Верд и Санни переглянулись. Понимающе так, нехорошо. Как в старые добрые... Тьфу, что такое творится? Словно место опытного наёмника занял лихой мальчишка, постучавшийся когда-то в ворота дружинного дома в Крепости, встретивший там друга, названного побратимом.

– Ну? – вопросительно буркнул Верд, едва сдерживаясь, чтобы с боевым кличем не броситься вперёд.

Санторий окинул деловитым взглядом поредевший отряд врагов.

– Что «ну»? Вон тот меч возьму только, – указал он на щуплого мужичка с широким и коротким клинком. И кинулся, улюлюкая похлеще, чем собирался охотник.

Короткий широкий клинок сменил хозяина через четыре секунды, но на том удача и закончилась.

Наёмник сражался ловко, эффектно, внушая уважение даже колдунье, которая за половиной приёмов вовсе не успевала уследить. Словно рыба, глотнувшая наконец воды, наслаждался единственным делом, которое умел делать лучше других. А вот Санторий сдавал. Привык всё ж к спокойной жизни, разомлел. И меч держал не так крепко, как раньше, и скакал не так бойко. Одной лишь смелости не отнять. Верду же приходилось защищать не только Таллу, но и следить за другом, отбивая недооценённые им удары. Наверное, именно поэтому тот, что был адресован ему, охотник пропустил.

Десятник и правда был хорошим бойцом. Ни пострадавшая нога, ни суета, ни взбесившийся охранник купца не могли его запутать. Ясно, кто здесь главный враг. Десятник заметил его сразу и прекрасно понял, что стоит первым прирезать наёмника. А уж за честь свою он не слишком беспокоился: подумаешь, со спины напасть? На войне и не такое паскудство случалось...

Верд не сразу понял, что произошло. Резануло у рёбер, повело, рука дрогнула... Пока повернулся, пока замахнулся...

Грудь человека с пустыми рыбьими глазами лизнул другой клинок. Короткий, широкий, удобный в ближнем бою. Санторий измудрился перекинуть оружие колдунье. Нежной и невинной, от которой никто и не ожидал подвоха. Особенно не ожидал его десятник. Он коснулся пальцем кончика меча, торчащего из груди, поднял руку к глазам, точно не веря в случившееся.

– Гляди-ка, – прохрипел он. Хотел добавить ещё что-то, да не довелось. Так и осел с сумасшедшей улыбкой, налипшей на мгновенно посеревшие губы. Такие только в бою и умирают. Только так и умеют.

– Я же не убила его, нет?

По щекам испуганной девушки текли слёзы вперемешку с потом. Она и отпустить рукоять не успела – та сама вырвалась, увлечённая падающим телом. Талла принялась тереть ладони о юбку, точно пытаясь отмыться. Неловко зажав рану, Верд поднялся и привлёк колдунью к себе:

– Нет, дурная, всё хорошо. Он отдохнёт только маленько...

Но солдаты на то и солдаты, чтобы не отступить, даже если не стало командира. Напротив, трое оставшихся точно сорвались с цепи, осознав, что среди выживших вполне могут выбрать нового десятника, а до того момента в доме купца можно найти ещё много всяких полезных мелочей... Словом, труса никто не праздновал. Оставшийся без меча, Санни вооружился кулаками и молитвой, Верд пытался отмахиваться, пока Талла, нервничая и сбиваясь, на ходу залечивала ему рану... Хорошую рану, правильную, нанесённую опытной рукой. Или, напротив, очень плохую. Как посмотреть. Кровь хлестала из неё что из ведра, обещая украсить наёмника очередным шрамом уже посмертно.

– Чтоб вас всех через колено да поленом! – венчал столь выразительное пожелание звон столкновения кочерги и крепкой солдатской головы. – Не зли меня, Хорь! Давай сейчас, пока не поздно!

Дарая буквально свалилась с неба. Тайник под потолком оказался замаскирован так ловко, что Верд не заметил бы его и сейчас, зная, где тот находится.

В ответ на приказ Хорь зажмурился и замотал головой, но всё же дёрнул что-то под огромной мягкой софой, что-то, за что давненько ухватился, но никак не мог решиться. Зашипело, точно искра упала в сухой мох, завоняло...

– Ложись! – гаркнула Дарая, размахивая кочергой.

И хоть и велела одно, сделала совсем другое. Ухватила кого за что удалось. Таллу – за подол, Санни – за рукав, Верда и вовсе пнула коленом, пробегая мимо. Солдаты же, уверенные, что они не дураки, как раз попадали на пол, закрываясь руками и не видя, что происходит. А что? Приказ дан – надо сначала выполнять, а думать уже опосля...

Они ещё успели выскочить в кухню. Всем известно, что добротная сложенная печь устоит, даже если от самого дома камня на камне не останется, ну, так друзьям довелось это проверить на своей шкуре. Огромный дом подпрыгнул на месте с жутким грохотом, и на несколько секунд воцарилась мёртвая тишина. А потом рухнула крыша, может, и не раздавив, но очень надолго задержав слугек короля.

Хорь был умным торговцем и имел множество друзей, в том числе среди тех, кто торговал незаконным товаром, привезённым из-за моря. Привозили ему по знакомству и втридорога и пахучий порошок, которым, по слухам, король всё пытался обеспечить армию. Когда-то Хорю казалось отличной идеей заложить столь своеобразный последний рубеж обороны, но, оглядываясь на пыльное облако, в которое превратилось родное жилище, купец начал сомневаться в трезвости своего ума...

* * *

Едва выскочив на улицу, Санторий развернулся и со всего маху зарядил Хорю кулаком в челюсть. Дарая дёрнулась защититься, вклинилась между мужчинами, но купец не пытался спрятаться. И без того окровавленный, с выбитыми зубами, он надменно выступил вперёд:

– Что, убьёшь меня?

Служитель хотел было подтвердить, но всё ж одумался:

– Нет уж, дудки! Я слуга богов, а боги несут справедливое возмездие. Я не убью тебя. – Санни пихнул Верда вперёд и закончил: – А вот он, может, да. Я подержу только.

Наёмник посмотрел на них тяжёлым взглядом – на торгаша, потерявшего всё, что имел, и на его колдунью. И ничего не сказал.

– Я знаю, что заслужил. – Судя по метнувшемуся взгляду и зачатку движения, Хорь хотел рухнуть на колени, но всё ж предпочёл сохранить остатки достоинства. – И если бы вас убили, я бы всю жизнь мучился из-за предательства... – Хорь нашёл крепкую руку Дарай, переплёл их пальцы и тихо закончил: – Но если бы убили её, никакой жизни у меня бы и не было...

Охотник снова промолчал. Потому ли, что, как ни противно признать, понял Хоря? Потому ли, что сам бы чьей угодно жизнью рискнул ради того, чтобы защитить свою дурную колдунью? Он тяжело опёрся на плечо друга и заковылял к стойлу за лошадьми. Надо убраться поскорее и желательно в сторону, противоположную той, куда отправятся Хорь и Дарая. А отправятся они точно. Потому что этот путь теперь единственный.

Верд не прощался и не оборачивался. Без того знал, что они стоят на пороге разрушенного дома и не знают, куда идти. Без сумок, сбережений, без всего нажитого за долгие годы. Только вдвоём. Да и нужно ли им ещё хоть что-то?

Глава 16

Монстры

Считал ли Верд, что счастлив все эти дни? Наверное, нет. Чудом уцелев после стычки с солдатами, бросив все вещи и сбережения Сантория (о чём тот никак не давал попутчикам позабыть, сетуя на судьбу ежеминутно), нарядившись вместо добротной одежды в тряпки, найденные на конюшне и, скорее всего, брошенные, чтобы лошадей вытирать, они проклинали всё на свете. Мёрзли, злились, давились редкой дичью, полусырой и несолёной.

А ещё грелись друг об друга ночами, как щенята, распевали песни, чтобы отвлечься от коченеющих стоп, хохотали, безрассудно укатывая друг дружку в снег. Не так уж много у них имелось пожитков, чтобы тосковать о потере. Тем паче наёмнику казалось, что увезли они из дома купца куда боле, чем оставили.

Верд зарылся колючим ледяным подбородком задремавшей колдунье в шею – та с визгом начала отбиваться.

– Не спать! Всё интересное проспичь, – усмехнулся охотник.

Санторий снова попытался поднять воротник и прикрыть пунцовые оттопыренные уши, но тщетно.

– Было б на что смотреть, – фыркнул он.

Смотреть и правда не на что, тут Верд мог бы согласиться. Мог бы, да не стал. Вихляющая протоптанная стёжка змеилась аккуратно через редкий ельник, пушистый, наряженный тяжёлыми пуками снега. Ветви облегчённо вздохали всякий раз, как кто-то из ездоков случайно али намеренно задевал их, сваливая белоснежные холмики наземь. Редкая мелкая пороша, больше приносимая ветром, чем падающая из низких облаков, высеребрила лошадям холки и гривы, а путникам макушки, отчего все трое походили на беловолосых колдуний.

– Будь здоров! – Талла чуть не выпала из седла, пытаясь высмотреть Санни.

– Это не я. – Служитель смущённо вытер нос, извергающий соплю похлеще иного вулкана. – Это лошадь.

– Тогда будь здорова, Кляча! – не менее доброжелательно пожелала колдунья, но вместо «спасибы» дождалась лишь

недовольного фырканья.

– Не сдохни мне там, – вглядываясь в резкий поворот за лесочком, посоветовал наёмник.

– Или что? Страдать станешь?

– Не-а. Сниму с тебя кожух и на дурную надену.

– А поплакать?

– Поплачу, что ты раньше не окочурился и столько крови мне попортил.

– Я за двоих поплачу! – вызвалась Талла. – Я хорошо умею. Показать? Вот так: а-а-а-а-ау-у-у-у!

– Нет-нет, дитя, спасибо! Я верю! – поспешил заткнуть её Санторий, пока на выразительный вой не сбежались окрестные волки, крутя когтями у висков.

– Ну, если понадобится, я всегда рада!

Рада она... Она вообще всему рада и всем верит, глупая. Ему вот тоже верит... Верд обвил колдунью руками с двух сторон, не то обнимая, не то силясь удержать, словно белую птицу. Улетит ведь, бросится в небо. Что крылатой птице серый волк? Не пара. Не станет летунья ходить по грешной земле потому лишь, что не знает неба её избранник. А из волка не сделать дворового пса: как ни старайся, как ни прячь ему клыки, как ни устраивай будку, всё одно лишь в лес будет тянуть. Верд забылся, понадеялся на несбыточное, представляя дурную колдунью в испачканном мукой фартуке у печи в их собственном, уже достроенном доме. Несбыточное... Желанное... Такое далёкое и уже потерянное.

Нет, наёмник не мучился тяжкими думами, не перемалывал жерновами разума уже рассыпавшееся в пыль. Он наслаждался, дышал каждой секундой, в которую мог обнимать нежную ворожею,пил время, пока сам оберегал хрупкую, беззащитную девчонку. И Санторий, непрестанно ноющий и шмыгающий носом, казался куском этого счастья. Так ломящая от неудобного сна спина становится частью удовольствия пробудиться на рассвете, когда первым здороваешься со светилом и разминаешь затёкшие с ночи суставы...

Каждую секунду, каждое мгновение, заползающий под драную куртку мороз и покалывающее застуженное ухо – Верд ценил всё это. И он со всем этим прощался.

Потому что до места оставался один дневной переход.

Зимнее солнце быстро кренилось к западу, удлиняя тени, затемняя лес, точно выпуская на волю голодных тварей. Каждая чёрная клякса у корней ёлки казалась ледяной полыньёй, на которую и глянуть страшно, не то что ступить. Конечно, никто не наблюдал за ними из укрытия, разве белка али горноста́й притаился, выжидая, пока страшные четвероногие и многоголовые существа пройдут мимо. Но опять ночевать на морозе всё одно не тянуло. Тем более что наёмник не зря всматривался в подозрительно вильнувший поворот: на опушке, зарывшись в наметённый сугроб, с крышей, словно накрытой белой когтистой лапицей огромного чудовища, стояла добротная изба с горящим золотом оконцем. И Верд с готовностью завернул лошадь.

– Ты что?! – Санни попытался нагнать, но на узкой тропке кобылкам никак было не разминуться. – А если там худой кто? Разбойники, убивцы, нехорошие люди?

Выехав на утоптаный пяточок, судя по запаху, у дверей конюшни, наёмник не преминул дожидаться приятеля и покровительственно похлопал его по плечу:

– Санни, друг мой, мы – троица изголодавших и замёрзших путников, оружных и злых. Если от кого и стоит ждать худого, то именно от нас.

– Обалдеть! – восхитился Санторий. Верд подбоченился: неужто такую убедительную речь толкнул? Но служитель отметил иное: – Это самое длинное, что ты говорил со времени нашего с тобой знакомства!

– Зато тебя не заткнуть, – привычно коротко отбрехался друг, слезая с лошади.

Одна Талла, спрыгнув за ним, с лёгкостью принялась играть новую роль:

– Ура-а-а! Мы теперь разбойники, да? Будем грабить? Чур, пленных не брать! – и с готовностью ломанулась к дверям, вооружённая лишь ароматной еловой веточкой, отломленной по пути.

Верд удержал её за воротник, развернул.

– Дурная, – нахмурил он покрытые инеем брови, чтобы не рассмеяться. Свернул белоснежную косу в тугую тяжёлую гульку, неловко спрятал под шапку. – Отрезать бы к шваргам. А то ровно белая ворона с ней.

Талла легкомысленно увернулась, поправляя убор и натягивая до ушей:

– А, пыталась уже. Наутро опять отрастает. Волшебство, не иначе. Кляча скептически пошевелила ушами, и Санни с ней согласился:
– Колдунья ж бледная, что смерть. Разве в сугробе её прятать...
– Все зимой бледные, – насупился Верд. Позаботился, называется, а они ещё и недовольны! – Ежели кому в чашобе уютнее – милости прошу.

Служитель неуклюже спешился, посмотрел направо, где полыхал жёлтым теплом квадрат окна, налево, на ощерившийся чёрный ельник, и заключил:

– Ну, если не присматриваться, то и ничего такая маскировка.

Наёмник устало вздохнул, входя в незапертую дверь вслед за толстячком.

– Здравствуйте! – шумно поздоровалась дурная, привлекая к себе всё внимание, которое так старались отвести спутники. – А мы вас грабить будем!

И, поразмыслив, уточнила:

– Можно?

Охотник стукнул себя по лбу и молча дёрнул девчонку назад, закрывая плечом.

Домишко оказался небыльничьим, простеньким, но добротным. Уважение внушал и длинный крепкий стол, исполосованный годами и глубокими царапинами, и низенький закопчённый потолок, по периметру увешанный защитными оберегами (причём как знаками богов, так и древними, забытыми ныне символами) и плетёнками чеснока, видать для кухни.

Так же внушительно выглядели немногочисленные посетители, хмурые, но без лишней злобы покосившиеся на пришельцев. Покосились – да и вернулись кто к кружке, кто к починке сапога. Грабить так грабить. Эка невидаль?

Верд с ходу распознал в низком и крепком, как и сам домишко, мужике хозяина. Он сидел особняком, не за общим столом, а за подобием прилавка, скрывающего всю нижнюю и наверняка не менее внушительную, чем верхняя, половину туловища. Хозяин был лохмат и кудряв, причём зарос так основательно, что сначала Верд принял его за медведя, а потом отметил, что, скорее всего, мужик ещё и не женат, ибо ни одна баба не удержалась бы расчесать эдакие колтуны

и выбрать из них мусор. Это же не обломки костей из каштановой поросли торчат, верно?

При описанных габаритах на морде (подобную ряху лицом назвать язык не повернётся) харчевника удивительно уместно смотрелись крошечные круглые очки, какие в городах носит разве что приближённая к правителю знать. Волосатые лапищи бережно сжимали кажущуюся на их фоне малюсенькой мягонькую книжонку. Проигнорировав свежих посетителей, «медведь» послонявил мизинец и осторожно перелистнул страницу. Обуявшие его эмоции скрыть не удалось: глаза округлились, намереваясь покинуть орбиты, челюсть отвисла, а из бороды выпала и стукнула о прилавок куриная косточка. Верд молча поднял её двумя пальцами, отбросил и позволил себе, опершись локтями о столешницу, подцепить обложку.

На картинке полуодетую размалёванную девицу страстно лобызал полураздетый красавец. Верд не сдержал хохотка, но весьма успешно замаскировал его под вежливое покашливание:

– Кх-кх. Что у вас с ночлегом?

«Медведь» удивлённо приподнял брови над очочками.

– Простите, пожалуйста, – чуть покраснела Талла, – он у нас страшный вояка и считает, что всем надо грубить. Думает, что так серьёзнее выглядит.

Это он-то страшный?! А кто с порога заявил, что разбойничать собрался? С трудом подавив желание стукнуть кулаком об стол, охотник поправился:

– Доброго дня, друг...

– Ой, да ну тебя! – отмахнулся «медведь», возвращаясь к книге. Оторвался ещё на секунду: – Вон там, за занавесью, общая комната. Найдёшь лежак – ложись. Не найдёшь – дай пинка мелкому, постелет. В кухне похлёбка варится.

Санторий предпочёл, пока не выгнали, погреть зад у очага и только теперь подал голос:

– Так вы, уважаемый, постоянный двор держите?

«Медведь» озадаченно осмотрелся, точно сам никогда себе этого вопроса не задавал и вообще впервые тут оказался.

– Ну как... двор не двор... Приходят тут всякие, ночуют. Я с них денег иной раз беру. А иной и не беру. Двор, выходит.

– Это как это?

Разъяснил пузан, что до сих пор старательно вдевал нитку в иглу. Поборов её наконец, он пришёл к выводу, что цвет плохо смотрится с сапогом, и теперь размышлял, сменить нитку или сделать вид, что не заметил отличий.

– Отто после службы у одной знатной дамы получил хорошие откупные.

– Мог бы и больше содрать! – посетовал его сосед, чуть косящий глазом не то от любопытства, не то от природы. – Спорим?

Сапожник продолжил:

– Ну и построил себе дом мечты, как всякий мужик намеревается. Да только от скуки быстро на стену полез, вот мы его и ездим развлекать.

– Нужны вы мне больно, – рассмеялся в бороду Отто. – Эти разгильдяи перекантоваться ко мне приезжают, когда работы нет. Иной раз купцы какие останавливаются али путники ночлега просят, – махнул лапищей, – ну как есть постоялый двор!

Косоглазый заговорщически понизил голос:

– А постоялый двор здесь ой как нужен! Неспокойно стало в наших лесах, зуб даю...

Прозвучало бы куда внушительнее, кабы мужичок в доказательство не попытался щёлкнуть себя по переднему зубу, коего на месте, собственно, и не обнаружилось.

– А, ну да! – «припомнил» несчастный. – На этот я вчера с Храем спорил, что залпом бочонок пива выпью...

– Не бочонок, а бочку, – поправил сапожник, кивая на тару, размерами превосходящую хозяина заведения. – Ты тогда уже в дрова был, так что и море ополовинить взялся бы.

Спорщик тут же подхватился:

– А что, не веришь? Давай пари!

– На что это? – зевнул приятель. – Я тебе вчера после зуба ещё и кошель в карты обчистил.

Рассудив, что, раз в беседу приняли, теперь уже не выгонят, а о деньгах, коих у них всё одно не водится, вспоминать рановато, Верд присел рядом, заглянул в наполненную пенным напитком кружку и, со всеобщего молчаливого дозволения, приложился.

– Так что там с лесом? – напомнил он, на всякий случай поглядывая за Таллой, через плечо Отто всматривающейся в книжонку.

Завидев, что без него тут пьют, Санторий поспешил присоединиться:

– Я тебе говорил, что что-то слышал ночью!

– Да ты от собственного храпа проснулся. – Верд принялся к похлёбке в кухне, понял, что не дотерпит, и алчно уставился на плетёнку чеснока. – Из-за него же от страха обделался.

– И ничего я и не... Сходил до кустов только, потому как среди ночи разбудили! Полюбовнички, чтоб вас! Богам, да будет вам известно, добрачные связи не угодны!

– Твоим богам и пиво не угодно, но ты ж его хлещешь.

Санни шумно отрыгнул вместо ответа, тем самым дав всем повод выпить за праведных служителей и понимающих покровителей.

Полюбовнички... Если бы! Которую ночь подряд Сантория будили вовсе не звуки страсти, хоть он спросонья того и не понимал. Будили его рыдания и приглушённые всхлипывания, которые, как ни старалась, дурная сдержать не могла. Она боялась ложиться спать, зная, что во сне снова явится мёртвый мужчина с пустыми рыбьими глазами. Девчонка всячески отшучивалась, садилась сторожить вместе с наёмником и боролась со смежающимися веками. А когда усталость одолевала, а Верду, в очередной раз обещая, что с места не двинется, пока она не проснётся, удавалось убаюкать колдунью, она почти тут же и вскакивала, слепо шаря вокруг тонкими пальцами и прося прощения. Каждую ночь, снова и снова, ежечасно мучаясь и моля богов позволить ей забыть.

Первое убийство не уходит из памяти никогда.

Можно ли чем-то залечить жестокую рану, нанесённую собственной рукой, разорвавшую душу на «до» и «после»? Можно ли накормить зев этой язвы? Верда учили лишь одному: убивать снова, бросая в ненасытную пасть новые и новые души, чтобы уберечь клочки собственной. И Талла, невинная, нежная, добрая, до последнего притворяющаяся весёлой и беззаботной, не должна пойти по этой дорожке вместе с ним.

Когда она впервые проснулась от ужаса, он понял, что задуманное всё же придётся исполнить...

Крылатая птица не пара серому волку.

– ... зуб даю, своими глазами видел! – донеслась горячая речь спорщика точно сквозь толщу воды. – По тропке шёл, в заросли, от

греха, и не смотрел!

– Так своими глазами или вовсе не смотрел? – уточнил Храй, протыкая сапог толстой иглой.

– А что, уже и для красного словца нельзя мелочь ввернуть? Коли такой умный, иди вона сам в лес да проверь!

Пузан перекусил нитку зубом и сообщил:

– Дураков нет. Отто вон уже сходил.

«Медведь» поднял взгляд от книги и спокойно подтвердил:

– Дураков нет.

Рассказчик обрадовался, в запале вскочил на скамью, а там и на стол попытался, но приятель дёрнул его за штанину, кивнув на выплывающий из кухни котелок, и косоглазый поспешно спустился, ещё и рукавом столешницу протёр. Две тощие ноги вынесли сосуд с густой похлёбкой, не удосужившись озаботиться плошками, плюхнули, куда получилось, едва не перевернув. На месте тары обнаружилась мальчишеская прыщавая физиономия.

– Я тоже чудище видел, – заявил пацан, по-взрослому подавая ладонь каждому из присутствующих – поздороваться. – Последний раз дня два назад оно волокло тушу. Не иначе, в лесу кто-то заночевал...

Прикинув, что тут все свои, Верд тоже подсел ближе к вареву. Пахло оно, надо признать, куда приятнее, чем выглядело: овощи огромными нечищеными шматами всплывали то тут, то там, а в самой серёдке, синюшный и тощий, дрейфовал цыплёнок. Судя по виду, умер он своей, причём крайне мучительной смертью. Вполне возможно, что и вовсе был отобран шаловливым мальцом у упомянутого чудища. Верд даже поискал по стенам, нет ли где привешенной трофейной головы убиенной птички.

– Мы в том лесу всю последнюю седмицу ночевали, – хмыкнул он, размышляя, дадут ли им ложки или придётся хлебать из горсти.

– И всю седмицу кто-то рядом шлялся! – Санторий влез меж пузаном и косоглазым, принимая их сторону.

Точку поставил Отто. С приходом мальчика он опёрся о почтительно согнутую тощую спину и тяжело поднялся. Покачнувшись, ухватил костыль и только тут показался во весь рост: от единственной уцелевшей ноги до заросшей макушки.

– Кабы вокруг ходил тот зверь, с которым я встретился, досюда вы бы уже не добрались. – Он тоскливо дёрнул оставшейся от левой ноги

культёй и заковылял к остальным. Принял у Храя сапог, позволил мальчишке замотать портянку на босую ногу и натянуть обувку. – Так что пожрём, покуда живы.

Ложки Отто выдал каждому сам. Хранил он их бережливо, в кармане передника. И не зря: черпачки были что произведение искусства, все вручную вырезанные, узорчатые, украшенные вязью, в которой, как в паутине, взгляд путается. На такие любоваться впору, а не в кулеш макать. Впрочем, последнее Верд сделать не преминул, покуда всё не приговорили.

Хорошо сидели, добро. Выпивали, ели, что боги послали. Отто никого не попрекнул, не потребовал платы, отнесясь к каждому из гостей как к родному.

– В этот лес я боле никого не пушу, – нахмурился он на густые сумерки, что так и норовили чёрной лужей переползти через подоконник. – Нагулялись уже, хватит.

Пацанёнок вытер нос рукавом и как бы невзначай придвинулся к «медведю», а тот опустил на его плечо огромную длань и, успокаивая, сжал.

– Больше – никого, – тихо повторил мальчишка.

За окном кружили белые мухи. Сначала одна пролетела на разведку, за ней вторая, а там и целый рой. Носились вверх-вниз, гонимые бураном, норовили прилечь, где поуютнее, но снова вскакивали, слышав свистящее завывание, точно вспугнутые бабочки с цветов. Верд смотрел на этот танец и всё вспоминал, как плясала у костра дурная девка, пуская по ветру белоснежную косу, перескакивая с места на место, как та снежинка, завораживая и усыпляя. А тут ещё очаг под боком, сказки страшные про неведомое чудище сказывают... В сказках что хорошо? Что сам сидишь в тепле, сытый, что смотришь в темноту и знаешь: ей, темноте, не влезть в хату, не победить благословлённый богами огонь. Темнота может лишь стонать ветром, царапать стены ветвями и злобно пыхтеть снаружи, поскрипывая снегом под тяжёлыми лапами...

– Тихо! – приказал вдруг наёмник, поднимая руку.

– А что... – начал пацан, но Отто привычным движением заткнул ему рот так и оставшейся в котелке цельной морковкой.

Ветер завывает не так. И не скрипит, утапывая свежавыпавший снег.

Приложив палец к губам, Верд подкрался к двери и неслышно задвинул засов. Хороший засов, дубовый, свежий и крепкий. Такой от дикого зверья разве что ставят где-нибудь в глуши, а не на опушке в одном переходе от города. В хлеву, где они оставили лошадей, имелся такой же.

Наёмник долго прислушивался, но снег, как назло, замолчал. Лесная мгла укрывала любого, кто мог притаиться снаружи, будь то оголодавшая волчья стая или кто похуже. Вернувшись к столу, он вполголоса поинтересовался:

– Кто видел его?

Косой подскочил, выпячивая грудь, чтобы дать присутствующим урок монстроведения, да так и сел, проглотив набранный воздух. Храй тоже мотнул подбородком:

– У страха глаза велики. Может, то и правда одна тень была...

Взгляды скрестились на пацанёнке. Кто там тушу тащил? Но тот спрятался под мышку Отто и не то что говорить, дышать боялся. Пришлось пытаться «медведя», но он вместо ответа лишь дёрнул культёй – ясно, что не белочка отгрызла.

– Размер какой? Как выглядит? – деловито допрашивал охотник.

«Полезет ли в дом?» – хотел спросить, да поглядел на колдунью и не стал пугать.

Санторий до того шумно сглотнул слюну, что ему таки пришлось подать голос, когда все воззрились на него:

– Нас пятеро мужиков. Ну, четверо с половиной...

– Я те дам половину! – Отто снял и бережно сложил очки. – Моя половина понадёжнее, чем трое таких, как ты.

Пацан не убоился выглянуть и скорчить служителю рожицу, чтобы не сомневался.

– Хорошо, пятеро... без половины, – съехидничал Санни. – Кто бы там ни шлялся, вместе положим.

Хотел охотник холодно поинтересоваться, не сбежит ли Санторий и в этот раз, да вдруг понял, что не тянет боле лишний раз уколоть друга. Что было – то прошло. Санни не единожды с начала пути рисковал животом, чтобы исправить былое, так что же снова вспоминать?

– Положим, – согласился он.

– И сами рядом ляжем, – жестоко отчеканил «медведь». – Я к этой твари – ни ногой.

Талла зажала рот ладошкой, чтобы не рассмеяться неуместно.

– Хватит, наша семья навоевалась уже.

– И за жену отомстить не хочешь? – прищурился наёмник.

Легко догадаться: засов свежий, явно после чего-то нехорошего вытесан, пацан, хоть и похож неуволнимо на Отто, всё ж смазлив, пошёл в мать и, учитывая, как неловко помогает по хозяйству, потерял её недавно. Жмётся теперь, цепляется за батю, точно боится и вовсе один остаться. Верд знал это чувство, вот только ему в своё время жаться было не к кому...

Отто глядел тяжело, хмуро. Так смотрит тот, кто жалеет о принятом решении, но менять его не собирается. Верд так же смотрел на Таллу все последние дни.

– Месть хороша, когда терять нечего. А у меня сын. Оставить его одного, думаешь, лучше? Али, может, вместе нас на чудище отправишь? Нет уж, сколько оно по лесу ходит, к нам ни разу не забралось. Скот даже не тронуло. Разве что мимо прошелестит. А... а жену мою оно в лесу схарчило, меня там же пожевало. Нет, за просто так в избу тварь не сунется.

Но тварь сунулась. Завизжала высоко-высоко, почти пискляво, так, что заложило уши, и ударилась в стену всей тушей. Казалось, дом содрогнулся, как недавно дом купца Хоря. Но этот, благо, выстоял. По крайней мере после первого удара.

– Не сунется? – Верд обнажил оружие и занял позицию сбоку от окна, пытаясь понять, одно ли пугало и с какой стороны ломанётся в следующий раз.

– Раньше не совалось...

– Господин служитель, отпустите грехи! – торопливо решил обеспечить себе божью милость косоглазый спорщик.

Санторий, ныне тоже вооружённый кой-чем, упёртым из запасов солдат короля, в одной руке сжал короткий меч, во второй – длинный нож. Тем же ножом походя благословил мужичка:

– Всё, теперь ты святой. Можешь проситься к богам четвёртым.

– А ты-то куда?! – Верд попытался прижать дурную к стене, чтобы не высывалась.

– Я помогать! – За неимением оружия она по-боевому сложила кулачки, заставив Верда усмехнуться. Нашлась помощница!

– Прячься иди, дур... сумасшедшая! – Нет уж, монстр монстром, а лишний раз выдавать колдунью незнакомцам не следует. В глуши одно, а тут, где отправить гонца с весточкой к солдатам – дело половины дня, не след.

Она бросилась на него, точно и правда умалишённая, вцепилась в ворот рубахи, тот аж затрепал.

– Это я сумасшедшая? Я?!

– Ну ты, – подтвердил Верд. Глядя в эти сверкающие синие глаза, кто угодно бы подтвердил, кабы не убоился, что девчонка его покусает.

– Да сам ты!

Колдунья упрямо топнула и осталась рядом.

На цыпочках подкравшись к окну, Храй тоже выглянул:

– Ушёл?

Не ушёл. Ровно в этот самый миг зверь шарахнул ещё раз, аккуратно под окном. Пузан заверещал, как девица, попытался вспрыгнуть на руки к тому, кто ближе стоял. Но ближе всех стояла Талла, а она удержать мужика никак не могла, поэтому он тут же свалился, напоследок утащив с собой в качестве компенсации шапку колдуны.

Белоснежные волосы рассыпались по плечам. Храй удивлённо потряс убор, отполз назад, не решаясь встать в полный рост, и шёпотом, не способным скрыть ужас, зачастил:

– Дурная! Дурная девка! Как есть дурная! Это она беду накликала! Прежде зверь никогда в избу не лез! Это она всё, она! Отто, дурная девка!

Приятель-спорщик тут же подхватил:

– Дурная! Зуб даю, дурная! Как мы сразу не заметили!

– Сразу вам плевать было, – процедил Верд, заслоня девушку.

Избу сотряс новый удар, вой повторился, а стену начали целенаправленно и терпеливо раздирать с той стороны.

– Это он за девкой пришёл! – нашёлся Храй. – Монстр следом за дурной явился, она ему нужна! Всем известно, дурные нечисть притягивают, беду призывают!

Косоглазый, помогая пузану подняться и отойти подальше от дурной (ну как заразная?), тихохонько согласился:

– Зуб даю...

– Слышь, Отто! Надо отдать девку монстру, авось откупимся!

– Спорим, откупимся?

– Батя? – Не разумея, кто прав, пацанёнок повис на волосатой отцовской лапище.

Наёмник демонстративно перекинул меч из руки в руку и обратно, шрам, разделяющий его рот надвое, нехорошо дёрнулся. Санторий встал рядом. Двое против двоих... с половиной. Вопрос лишь в том, кто больше хочет жить.

– Отто? – вопросительно приподнял брови наёмник, ещё давая харчевнику возможность принять правильное решение.

А из стены клоками начала падать пакля.

Глава 17

Я хотел увидеть море с тобой

Да что ж этим тварям не живётся-то мирно?! Причём что одним, что вторым!

Те, что с клыками и когтями, повылезали из нор и полезли к людям... Ладно бы просто к людям, к несчастной троице полезли, будто им мёдом намазано! Правду, что ли, балакают? Неужто действительно дурные притягивают неприятности? Да шварги с ней, с нечистью! Другие твари куда как хуже! Сидят в домах, детей, внуков растят, песни вечерами распевают и не стесняются обращаться к колдуньям, коли доведётся хворь подхватить али рубануть топором по пальцу. Колдуньи-то добрые, вылечат. Такие дурочки, как Талла, ещё и платы не возьмут! А как беда приключится – так дурных первыми обвиняют! На заклание, камнями побить грозятся, а то и королю сдать. Лучше бы уж камнями, право слово...

Верд скалил зубы, что дикий зверь, и медленно-медленно выписывал в воздухе затейливые символы кончиком меча – не подходи! Не угадаешь, кого первым поцелует острое лезвие...

Но мужики, хоть и тряслись, хоть и мечтали наверняка спрятаться в подвале, покуда монстр, целенаправленно подрывающий стену, не уберётся, всё ж не отступали. Заходили с боку, который прикрывал куда менее ловкий Санторий, и плотоядно позыркивали на хрупкую девчонку, которая, как бы ни старалась, не спасёт их ни собственной жизнью, ни смертью.

– Первого, кто сунется, оставлю без головы, – без угрозы, спокойно предупредил наёмник.

Храй с приятелем переглянулись: становиться первым безголовым не тянуло ни одного из них. Как, впрочем, и вторым или даже третьим. Отто выступил вперёд, не пытаясь напасть.

– Батя? – Сын потянул его за пояс, «медведь» покачнулся на костылях, но устоял.

– Порубишь калеку? И что же, воинская честь позволит?

Наёмник прищурился:

– Нету у меня чести. Ни воинской, ни ещё какой.

– И совести тоже нету, – подбрехал Санни, – так что, не сомневайся, ещё как порубит!

Вообще-то служитель очень надеялся, что до драки не дойдёт. Потому как, хоть Верд и знал прекрасно, что такое вражья кровь, калеку убивать не стал бы. Так, поколотил бы, не боле.

Сам охотник не думал. Страшно думать. Потому что придётся решить, нужно ли убивать невиновных людей. Злых, напуганных, готовых пустить на корм нечисти и его, и друзей, но всё ж невиновных. Пока что. Он бы мог, справился... Но что скажет дурная девчонка, которая уже несколько ночей просыпается от кошмаров? Будет ли ей видаться в сумерках ещё одна бойня? От дикого зверья, от воинов, от нечисти Верд смог бы её защитить. А вот от кошмаров – нет.

– Здесь ребёнок. – Отто не глядя поймал лапицей макушку сына. – Ты правда позволишь умереть и ему? Ради дурной девки?

– Сами вы... – буркнула Талла.

– Я эту тварь видел. Сожрёт всех и не подавится.

Верд наставил меч на харчевника:

– И ты предпочтёшь отдать в жертву невинную девушку из-за собственной трусости? Потому что побоялся сразиться?

Отто нахмурился и кивнул: да, предпочтёт. Потому что для него есть вещи дороже чести.

– Да! Отдадим. Что тебе дурная? – Храй рванул вперёд, намереваясь схватить Таллу за косу, но тут же получил рукоятью меча по переносице и, лоя бордовые капли, так же быстро отскочил.

– Мы ж ничего супротив вас не имеем, зуб даю! – Косоглазый приближаться не спешил, но руку назад завёл: не иначе, незаметно вытащить из-за пояса нож. – Мы токмо зверя хотим отвадить...

Дурная тронула охотника за плечо. Когда они проезжали под пушистыми ёлками, снег с веток падал на плечи так же легко. Наёмник и не подумал поворачиваться. Слишком хорошо он узнал эту девку, прекрасно понял, что сейчас дурочка предложит.

– А если правда? – прошептала она, но наёмник перебил:

– Я убью эту тварь.

Косоглазый от удивления ткнул в стену, за которой деловито урчала нечисть, кончиком охотничьего ножа:

– Эту?! Зуб даёшь?

Верд описал мечом широкий круг, точно рисуя невидимую границу:

– Кто сунется к моим людям, не выживет. Тварь я убью. Вас – тем более.

Отто стукнул костылём по полу:

– Не убьёшь. Эту – не убьёшь. Можем только откупиться...

– Я не привык торговаться с такими, как он. Или как вы. – Верд быстро пересёк комнату, пройдя в опасной близости от Отто и строго взглянув ему в глаза.

И слов не надо: всякому ясно, что любой, кто ослушается приказа, поплатится. Если, конечно, наёмник сам воротится.

Прежде чем откинуть засов, Верд помедлил. Одумался, решили завсегда, но не тут-то было. Побарабанив пальцами по дереву, он попросил:

– Санни, сбереги её.

И вышел, не дожидаясь ответа. Служитель и кивнуть не успел.

Если по-честному, Верд умел делать хорошо не так уж много вещей. Но одно у него всегда выходило ладно: орудовать мечом. Ежедневно упражняясь, до мозолей, до огрубевшей, бесчувственной кожи, он стал мастером, супротив которого мало кто выстоит. Разве что такой же одинокий и никому не нужный вояка.

Никому не нужный... Это раньше он так считал. А теперь он подпирал спиной дверь, за которой пряталась его странная, дурная, ненормальная семья. Когда-то наёмник был страшен в бою потому, что не цеплялся за жизнь, в любой миг был готов умереть и утащить с собой врагов. Теперь он страшнее в разы: потому что есть ради кого выживать.

Он тихонько присвистнул. Ветер подхватил звук, закружил в суе пушистых снежинок и отнёс к лохматому зверю с сильно выступающими вперёд, на манер кабаньих, четырьмя клыками, которыми тот успешно подрывал сруб. Утробно похрюкивающая тварь остановилась, прислушиваясь: почудилось или и впрямь излишне наглый обед сам вышел навстречу? А потом ветер донёс и запах. Сочный запах крепкого, сильного, жилистого человека, который так хорошо станет хрустеть на зубах... На тех, что покамест прячутся за выступающими клыками в широкой, от уха до уха, пасти: аккуратно отхватить ногу!

Зверь развернулся в прыжке и сразу кинулся в атаку, не давая возможности ни себе, ни добыче рассмотреть, с кем столкнулись. Но Верду смотреть не требовалось. Он догадывался, что за хищник напал на их след, ещё по урчанию за стеной, похожему на похрюкивание борова в гон, убедился, едва завидев мохнатый тёмный зад, чуть приподнимающийся кверху, когда тварь готовилась напасть.

– Ар-р-р-ра! – гаркнул наёмник, стремясь ещё сильнее разозлить нечисть.

Расставил руки и ноги, мол, я тоже немаленького размера, и не двинулся с места, когда монстр, взяв разгон пошибче иной гончей, пошёл на таран. Они всегда сначала нападали так: быстро, мощно, первым броском надеясь сшибить добычу, напороть на острые клыки, а там уже рвать оглушённого как вздумается. Убежать невозможно. Увернуться – знать бы куда! Тварь петляла из стороны в сторону, толстым задом помогая себе маневрировать и мгновенно менять направление.

Наёмник не шелохнулся ни в десятке саженой от нападающего, ни в пяти локтях. Дотерпел, как бы ни тянуло вильнуть в сторону, выждал, покуда не перестал чутать коленей от напряжения (разогнутся ли теперь али их свело намертво?). И, одним сильным рывком, опершись на чуть более короткие, чем нижние, верхние клыки, перекувырнулся через нечисть. На мгновение показалось, что зверь слишком велик, что сейчас охотник нехотя оседлает его, а враг, поддав задом, как игрушечную, выбросит жертву аккурат в пасть.

Обошлось. Не успев затормозить, зверь промчался дальше, звонко ударившись о стену. Высоко взвизгнул, как получивший по пяточку свин. Дом покачнулся, но устоял. И тут удача! Длиннющие клыки с разбегу вонзились в брёвна и увязли.

Каким чудом Верд не выпустил меч в миг прыжка, известно лишь Богу с Ножом, который, видимо, заинтересовался схваткой и решил её продлить.

– Ну что, застрял или просто отдыхаешь? – сострил наёмник, торопясь пустить кровь твари. Чиркнул у мохнатого зада, надеясь подрубить задние сухожилия... Раздался скрежет металла о металл. Тварь стала в полтора раза больше, вырвалась и развернулась так же споро, как и в первый раз.

Узнать-то Верд Хозяина леса узнал. Его чучело довелось увидеть в доме сотника, когда удостоился повышения. Польщённый интересом начальник якобы нехотя рассказал мальцу, как самолично загнал и прирезал людоеда, не дающего покоя тянущимся к Крепости деревенькам. Ни по грибы спокойно выйти, ни дерево-другое повалить... Всех выслеживала плотоядная скотина, всех выгоняла из своих владений! Сотник рассказывал хорошо, долго, с наслаждением описывая собственную смелость и изворотливость. А вот потрогать чучело не позволил, дескать, развалится. Потому Верд не знал, что туша Хозяина леса покрыта совсем не шерстью, а калканом – настоящей бронёй, что тянется от задней части шеи к лопаткам и до хвоста, защищает зверя от соплеменников или от доброй стали. И броня эта состоит из тысячи острых игл, вздыбливающихся, как только Хозяин почувствует опасность.

Теперь уж удачный трюк не провернёшь: скакнёшь через спину, да так на иглы наколотым и останешься, что прелый лист на ежиных колючках.

– Спокойно, спокойно, – засюсюкал Верд, забирая в сторону от избы, чтобы обеспечить место для манёвра, когда тварь снова вильнёт. Вполовину рисковать возможностью увернуться не хотелось, но окажись зажатым между клыками и стеной – верная смерть. Тут уж не прыгнешь и не отвилёнёшь.

Снег тягуче скрипел под сапогами, громко, куда громче, чем надо бы! Не сшагнуть бы с утоптанной площадки – провалишься, застрянешь, и поминай как звали! Снега-то в последние дни намело – ух! Лошади только по тележной колее пройти и могли, каждый раз, когда в лес заворачивали, приходилось спешиваться и тащить скакуний под уздцы. Талла всякожды с восторгом наблюдала, как они словно плывут в белом море, взбивая грудью пену. Пену... Гм...

– Что, денёк не очень выдался? – посочувствовал охотник. – Понимаю. У меня весь месяц не лучше. Спокойно, не бей копытом-то!

Быстрый, очень быстрый. Куда быстрее человека или всякого другого зверя, что когда-либо Верду доводилось встречать. Он припал мордой к земле, вздыбил колючки, вильнул, скакнул, от чего, казалось, вся земля подпрыгнула, и бросился.

Наёмник не успел. Самую чуточку, малость, половины секунды не хватило, чтобы прикрыться как следует. Сиганул в сторону, слепо

отмахиваясь клинком. Глаза застелила пелена. Нет, не предсмертная. Зацепив боком наваленный в кучу снег, прибранный от порога, Хозяин леса взметнул целый буран во дворе, закрыв обзор и себе, и добыче-охотнику. Бросок, ещё бросок! Атака на невидимого врага, а человек точно смеётся: то с одной стороны звякнет, то с другой свистнет, то с третьей, дразнясь, рыкнет.

Спрятавшись за снежной завесой, Верд и сам мало что мог углядеть. Почти что ощупью двигался, чутью доверяя боле, чем зрению. По горячему пару из чёрных ноздрей зверя, по неслышной, но чутной поступи находя врага, раз за разом щекотал Хозяина леса клинком, но снова и снова попадал по колючей броне, проглатывающей любой удар, готовой зазубрить лезвие.

Едва не напоровшись сослепу на клыки, Верд удачно шарахнул по широкому приплюснутому носу оголовьем меча. Чуть ниже – и по локоть бы остался без руки! Но снова Бог с Ножом подсобил.

Тварь замотала харей, не в силах зализать рану на рассечённой шкуре, принялась рыть землю клыками, чтобы уткнуться в лёд. Не доставала – наросты упирались и мешали добраться до благословенной прохлады. Хозяин завизжал и бросился к сугробу. Вот тут-то и выдал слабость!

Помнится, сотник, хоть и живописал подвиг, не признался, как именно уложил людоеда. Спустя годы, столкнувшись с подобным монстром, Верд устало подумал, что командир врал: либо нашёл уже дохлую нечисть, либо сам не понял, как одолел. Да и вряд ли в одиночку. Потому что слабое место у существа имелось лишь одно. Именно его чудище прикрывало, бесстрашно прорываясь к вооружённому до зубов воину: что ему тот меч? Всё одно скользнёт по броне. Беззащитный зоб-то прикрыт, прижат к земле, а сверху ещё и надёжно оберегается пастью и четырьмя торчащими клыками, от которых принято уворачиваться, а не пытаться насадиться. И вот, остужая окровавленный пяточок в высоком сугробе, Хозяин леса показал узкую полоску не шкуры – тонкой кожи от шеи к брюху, как просека в глухом колючем лесу.

– Ага! Попался! – Верд ослабилась почище зверя. Да он и превратился в него в этот миг: в быстрого, юркого, голодного до крови хищника.

Пока Хозяин леса разрывал сугроб, раскидывая окровавленные ошметки снега вместе с мелкой крошкой, подставив охотнику защищённый со всех сторон зад, Верд воспользовался оказией, подкрался и по этому самому заду хорошенько приложил мечом. Порезать не порезал: лезвие вновь заскрежетало, застревая в колючках. Но противник возмущённо брыкнулся, высоко подкидывая ляжки, а наёмнику того только и надо: опёрся клинком, что шестом в прыжке, о бронированный хребет, оттолкнулся, взмыл ввысь...

За краткое мгновение полёта Верд успел уверовать в каждого из Трёх Богов и каждому же помолиться, потом, едва не напорвшись на колючки у лопаток, разувериться и вновь вернуться к молитве, когда чудом избежал травмы.

Бог с Ножом, милость твоя всё же безгранична! Али сумасшедшие вояки просто тебе по душе? Монстр поддал задом, придавая человеку ускорения. Человек, не будь дурак, сгруппировался, вновь натянув тело тетивой в последнюю секунду, чтобы, наступив мягким сапогом на торчащий клык, оттолкнуться снова и стрелой ввинтиться в сугроб перед самой мордой изумлённого хищника. Ох, сколько всего нехорошего могло в этот миг случиться! Сугроб мог оказаться уплотнившимся льдом, а охотник переломал бы выпрямленные ноги; снегом могла быть припорошена куча перегноя, прошлогодних листьев или, что куда хуже, дровни. Застрял бы намертво – пиши пропало. С каким бы удовольствием Хозяин леса распотрошил обездвиженного нахала!

Но Верд скрылся в сугробе по самые уши, разметав мягкие хлопья. Обрадовавшись лёгкой добычей, нечисть принялась раскидывать преграждающую путь порошу, утробно, голодно урча... Вот-вот достанет! Но клинок оказался длиннее клыков. Хозяин леса замер, взвизгнул, как побитый поросёнок, и не удержался на подогнувшихся ногах, с тяжёлым вздохом рухнул вниз, выдёргивая из руки охотника, скрытой снегом, рукоять меча.

Когда Верд неуклюже выбирался из сугроба, проваливаясь всё глубже в шаг от утоптанной тропки, он очень надеялся, что Талла не наблюдает за ним из окна и не видит этого позора.

– Чуть не погнул, – довольно хмыкнул наёмник, упираясь в толстую шею мёртвого Хозяина леса ступнёй, чтобы выдернуть

оружие, вытер густую жижу о снег, пнул тушу для верности и направился к дому.

Конечно же, Талла следила за ним! Ни мгновения битвы не упустила, переминаясь и ахая на самых опасных манёврах. И, едва дверь распахнулась (мужики не преминули вновь задвинуть засов за наёмником), с визгом бросилась на шею к спасителю.

– Полноте, – буркнул он, приподнимая девушку над полом и не спеша ставить на место. – Ты ж не думала, что какой-то хряк меня одолеет?

– Ну меня же рядом не было, чтоб проследить. А без меня всё что угодно случиться может! – Она потянулась поцеловать, но Верд отвернулся, чтобы сурово зыркнуть на Отто с мужиками, так что получилось лишь звонко чмокнуть в щёку.

– Уи-и-и! – пискнул Санторий, сам готовый ликовать, как млеющая девица, но вовремя одумался, поправил рясу и укоризненно покачал головой, осуждая потупившихся постояльцев: – У всех нас случаются мгновения слабости, но помните, дети мои, что неуютны богам предатели, трусы и засранцы!

– Это ты кого засранцем назвал?! – взбеленился Храй.

– Ща получишь, зуб даю!

Но Отто негромким кашлем заставил друзей замолчать.

Прыщавый мальчишка, выглядывающий в щель на улицу, то прикрывал дверь, то, ведомый любопытством, снова высовывался:

– Вы его зарубили? Правда зарубили?! Батька, да он же его зарубил!

«Медведь» не отвечал. Он, кажется, единственный понимал, что маленькую избу на опушке леса посетил этим вечером не один зверь. И если бы с головы очаровательной белокурой девчонки упал хоть волосок, Хозяин леса показался бы им совсем не таким пугающим, как раньше. Отто приковылял к наёмнику через всю комнату, подал ладонь в знак благодарности:

– Проси что хочешь.

Но Верд пожимать её не стал, сделал вид, что не заметил, да так и прошёл мимо, легко неся дурную колдунью, что бесстыдно оплела ногами его бёдра.

– На ночлег ты нас уже пустил. Большого не надо.

Ближе к ночи Отто смущённо топтался у комнатки, отделённой большой занавесью, похмыкивая и покашливая. Храй с косоглазым сделали вид, что и не заметили. Они перетащили лежаки подальше и к друзьям соваться боялись. Не решались и вполголоса переговариваться, лишь обмениваясь многозначительными кивками. Они вообще были твёрдо уверены, что мстительный наёмник если не прирежет, то ограбит их ночью точно. А Верд лишь масла в огонь подливал, долго, тяжело и в упор глядя на приятелей и не произнося ни слова. Лишь когда они, не выдерживая, отворачивались или выбегали пошептаться, якобы в задок, он сщеживал улыбку в кулак и вновь сурово хмурил лоб.

– Ну чего тебе? – буркнул наёмник, когда стало ясно, что без приглашения «медведь» к ним не сунется.

Получив разрешение, Отто отдёрнул занавеску и тяжело заковылял к троице. Сын его зайти не рискнул, но остался подглядывать, буравя отцовскую спину осуждающим взглядом.

Санторий сразу подобрался, демонстративно притягивая к себе меч, Верд же и не шелохнулся, так и остался сидеть, вытянув ноги, скрестив руки на груди и привалившись спиной к стене.

– Кх-кх, – прокашлялся «медведь» и без обиняков протянул Талле, занятой расчёсыванием Вердовых седых косм, плетёный коробок с ладонь. Обратился же к наёмнику, как к старшему. Да и не след с дурными речи вести. Мало ли... – Мы девку твою чуть не порешили. Вот вам, чтобы зла не держали.

– Неужто боги завещали ценить человеческую жизнь так низко? – смиренно пропел Санни, сообразив, что золота в коробке не водится.

– Чем богаты, – огрызнулся «медведь» и заковылял обратно.

Сын его лишь горестно вздохнул, давая понять, что он бы содержимому ящичка нашёл куда более достойное применение. Однако весь вечер пацан отпиливал от клыка Хозяина леса кусок себе на амулет, так что возмущаться морального права не имел.

Похожий на огромного пса, смиренно принимающего хозяйскую ласку, Верд скопил глаз на Таллу: девчонка всё не решалась откинуть крышку.

– Ну, чего там?

Неуверенно, дрожащими руками колдунья открыла коробок и... плотоядно, совсем не похоже на нежную девчушку, каковой всегда видел её спутник, облизнулась.

– Мне будет о-о-о-очень плохо! – с восторгом протянула она.

Она бегом помчалась к очагу греть воду, накидала каких-то травок и уселась за столом, подперев щёки ладонями и гипнотизируя подарок. Попытавшийся присоседиться к нему Санторий тут же получил по пальцам. Талла ощерилась, как дикая кошка, но тут же успокоилась, улыбнулась:

– Чаю хоть дождись.

Верд пошёл за компанию, хоть и не собирался делить откуп Отто с колдуньей. Девка у них одна, пусть порадуется сладостям. Когда ещё доведётся? Санни же утирал слюну и строил умильные щенячьи рожицы, чтобы запустить лапу в россыпь цветных сахарных шариков.

– Я заслужил долю! Я тоже страха натерпелся, – ныл он, но колдунья была неумолима.

С улицы в родительскую комнату с победным воплем промчался сынишка Отто: он всё же допил кость и заимел самый краешек клыка, чему был несказанно рад. Но, завидев гостей, насупился и поспешил убраться. Талла долго задумчиво смотрела на цепочку снежных следов, оставленную пацаном, и, когда та уже совсем растаяла, тихо проговорила:

– А вдруг я правда притягиваю нечисть?

Верд покосился на приятеля:

– Я вот дураков притягиваю. Это куда как хуже.

Талла хихикнула, а потом вновь посерьёзна. Она ковырнула сласти пальцем, но утерпела, не взяла, отодвинула коробок подальше. Санторий, в сторону которого оказалось это «подальше», с готовностью придвинулся, так что пришлось доверить драгоценность Верду. Тот не шелохнулся, когда Талла водрузила коробок ему на колени, лишь приоткрыл один глаз, когда рядом тут же плюхнулся Санни.

– А если... Верд, они ведь за нами от самых Храмовников идут... Нет, ещё раньше! Дома оглоеды были...

Дурная! Вот же в самом деле наивная дурёха! Вместо того чтобы сотрясать воздух, Верд тяжело вздохнул, отставил сласти и обнял девушку. Прижал так сильно, как только мог себе позволить, чтобы

случайно не оставить синяки на хрупких плечах, вдохнул сладкий морозных запах её волос. Неужто она и правда считает, что может накликать беду? Что не из него, дурака, паршивый охранник вышел, а она слишком опасна для друзей? Неужто эта нежная, добрая, доверчивая девочка станет винить себя, если вдруг... когда. Когда что-нибудь случится. Ведь когда-нибудь что-то случится обязательно. «Что-то» всегда случается...

– Скоро ты будешь в безопасности, колдунья. – Он зарылся в белоснежные волосы, надеясь заполниться целиком этим запахом, запомнить его навсегда. Чтобы оживлять мысленным взором, когда Таллы не окажется рядом.

Но она, вместо того чтобы расслабиться, лишь сильнее напряглась:

– Скоро?

Верд промолчал. Хотел кивнуть, но вместо этого лишь потёрся подбородком о её макушку.

– Верд? – потребовала ответа девушка.

Санторий предупредительно округлил глаза. Он-то лицо наёмника прекрасно видел. И лицо это выражало то самое упрямство, за которое, будучи солдатом, Верд много раз отхватывал от старших.

Талла упёрлась ладонями ему в грудь, пытаясь освободиться, но охотник не пустил, стискивая узкие плечи и не давая девчонке шелохнуться, точно прощался.

– Скоро всё закончится. – Вместо слов получился хрип, и наёмник очень надеялся, что Талла примет его за шёпот. – Скоро ты окажешься там, где тебе ничто не грозит, обещаю. Я отвезу тебя...

Она всё-таки вырвалась. И изо всех своих смешных сил ударила его кулачком.

– Скажи, что я не поняла тебя, – попросила она. – Скажи, что ты имел в виду не то, что я услышала. Пожалуйста.

Верд непоколебимо сжал губы.

– Друг мой, ты же не хочешь продать нашу колдунью? – осторожно начал Санни.

– «Нашу»? – Наёмник резко обернулся, заставив служителя поспешно скользнуть на дальний край лавки. – С каких это пор колдунья – «наша»? Она моя, Санни.

Талла насела с другой стороны, лишь искрами в синих глазах выдавая негодование. Погладила его по колену, соглашаясь:

– Твоя. Поэтому я никуда от тебя не денусь.

Верд резко поднялся. Неужто они и правда решили, что переспорят его, как кудахчущие курицы?

– Не ты ли со слезами вспоминала мать, колдунья? Не ты ли хотела семью?

– Но вы – моя семья!

– Нет, мы – опасность. Мы – вечная гонка и кошмары, которые видятся тебе во сне уже больше седмицы. Останешься со мной – и они не исчезнут никогда. Ты этого хочешь, дурная? Хочешь научиться убивать и равнодушно падать каждую ночь в кошмар с сотней убитых тобою людей?

– Но я не собиралась...

– А придётся! Тебе придётся убивать, иначе убьют тебя!

Верд вышел из-за стола, собираясь отправиться спать, но передумал, развернулся, склонился к ней, заглядывая в огромные удивлённые и обиженные глаза, сдерживаясь, как только возможно, чтобы не прильнуть к губам, утешая, не пообещать всё, чего дурная пожелает.

– Я не смогу защищать тебя вечно, так что придётся научиться этому самой! Спасаться от идиотов вроде тех, что встретились сегодня, от солдат... Король ненавидит таких, как ты. Помнишь Дараю? Он нашёл её, хотел казнить, хотя у этой колдуньи был защитник куда могущественнее, чем я!

– Дараю тоже нашли. Нас нигде не спрячешь. – Девчонка не плакала. Сидела, безвольно опустив руки, сгорбившись, точно исчезла поддерживающая её сила.

– А тебя я отвезу к тому, кто сильнее, чем Хорь. Поверь, колдунья, эта женщина... Тот, кто хочет видеть тебя... Тебе будет там хорошо! Я обещаю. И не реви.

Талла возмущённо вскинулась: она и не собиралась реветь! Наёмник продолжал:

– Нету в этом большой беды! Нам даже, может быть, разрешат видеться...

Она мазнула рукавами по столешнице, едва не скинув на пол драгоценный коробок. Санторий удержал в последний миг.

– «Может быть»?! Нам «может быть» разрешат видетсья?! Ты слышишь себя, Верд?! Ты собираешься отдать меня в рабство?!

– Я ни разу не сказал, что *не* собираюсь этого делать, – жёстко отрезал он. – И разве ты сама не говорила, что тебе всё равно? Разве ты не пошла со мной добровольно?!

Она вышла к нему, медленно, величаво и гордо. Не как наивная крикливая девчонка, а как женщина, способная пережить предательство. Стала лицом к лицу, так близко, что Верд ощущал дыхание, видел, как бешено вздымается её грудь под слишком грубой рубашкой.

– Тогда мне и было всё равно. Тогда у меня не было выбора. Но хватит! Теперь, – она сильно ткнула мужчину пальцем в грудь, заставляя отступить на шаг, – я хочу свой выбор назад. Мне больше не всё равно, слышишь!

Он поймал тонкие запястья, бережно сжал, не давая девчонке царапаться, но и не слишком сильно, чтобы не навредить. За спиной колдуньи приподнялся и снова плюхнулся на зад Санторий: его-то точно никто не спрашивал... Он бездумно одну за другой кидал в рот конфетки и думал, что чавкает неслышно.

Верд выждал, пока Талла перестанет метаться, ослабнет, повиснет на его руках.

– Твой выбор теперь мой. Я решил за двоих, дурная. Тебе не понять, ты молода и...

– Глупа?

– Ты молода, колдунья. Тебе невдомёк, что я забочусь... Нет выбора, который бы устроил нас обоих. Если мы сбежим вместе, это будет хорошо. Эгоистично и глупо, но хорошо. Для меня. Но поступить надо правильно. Правильно для тебя. Ты будешь в безопасности, с теми, кто тебя любит. Честное слово, тебя будут любить там! Клянусь всеми богами!

– Их всего трое... – вставил Санни.

– Всеми тремя, – кивнул охотник. – Санни, оставь сласти в покое!

– Пусть ест, – равнодушно мотнула косой дурная, но тут же оглянулась на воодушевлённого служителя и уточнила: – Эй! Ну не всё-то!

Она забилась, точно попавшая в силоч птица, затрепыхалась, сиюсь вырваться, а потом расслабилась, дождалась, пока наёмник

отпустит. Тихо спросила:

– Клянёшься?

– Клянусь.

Наверное, ей хотелось дать лгуну пощёчину. Верд заслужил её, он надеялся, что получит. Боль успокоила бы, помогла выдавить наружу то, что глодало его сердце. Но колдунья опустила руки, молча отошла к очагу и долго-долго смотрела в огонь. Когда отвар наконец настоялся, она так же молча вернулась к мужчинам, раздала кружки, над которыми вился крепкий, густой пар, и только тут подала голос, горько улыбаясь:

– Знаешь, я ведь не просто так пошла с тобой. Тогда, в деревне, я понимала, что зима будет голодной. Что обвинят в этом меня, что, скорее всего, сдадут королю. Ходили слухи... И я хотела сбежать, вот только... Мне требовался охранник. Я бы дошла с тобой до ближайшего города и удрала. С Бореем, например. Ну чем я не нянька? Только, когда это случилось, я уже не захотела покидать тебя. Жаль, что это не взаимно.

Взаимно, дурная! Ох как взаимно! Сколько плохих поступков Верд совершил за жизнь, но этот – худший. Он хотел сказать важное и страшное. Хотел выплеснуть, как воду на угли, хотел освободиться и прокричать...

Но вместо этого лишь коснулся её губ. Нежно, как умел, осторожно, чтобы не обидеть. Он просил прощения этим поцелуем и прощался им. Он клялся, что никогда не забудет дурную девчонку, что всегда будет рядом, даже если она не увидит... Он целовал её. А сердце кричало, истекая кровью.

Она отвечала. Так же нежно, с таким же сожалением. Она слышала, как кричит его сердце.

Тем вечером было сказано куда меньше, чем хотелось, звучали совсем не те слова. А может быть, как раз те, которые нужны были.

– Когда ты видел море, Верд? – Она подняла на него синие глаза, стискивая горячую чашку и не решаясь отхлебнуть. – Ты рассказывал мне про волны выше дома, но ты же говорил, что всю жизнь провёл в Крепости и наёмником. Когда ты видел море? Или ты снова солгал?

Охотник отгородился от колдуньи чашкой, залпом выпивая половину, лишь бы потянуть с ответом. Ох и горьким показался отвар!

– Я не видел море. Я хотел посмотреть на него с тобой.

Той ночью наёмник и служитель спали крепче крепкого. Храй с приятелем всё ругались на их храп, покуда, умучившись от бессонницы, не вышли в кухню и тоже не приложились к остаткам ароматного отвара в котелке.

У Таллы никогда не водилось много пожитков, но кое-что она умудрилась уберечь даже во время бегства от солдат: травки, которыми старая Рута усыпляла хворого наёмника, колдунья зашила в потайной кармашек на поясе, надеясь, что они и не пригодятся вовсе. Пригодились.

Мужчины спали крепко. Их не разбудил бы ни военный отряд, ни Хозяин леса, вздумай он ожить и станцевать танец середины зимы у их лежаков. А вот Талле отдохнуть не удалось: она с трудом оседлала Каурку и с ещё большим трудом уговорила двинуться в путь без обожаемого хозяина. Колдунье предстояло преодолеть в одиночку ещё целый дневной переход, а потом решить, как и кем жить дальше.

Глава 18

Вада!

Хорошие у бабы Руты были травки! В середине лета, в самом цвету собранные, на солнышке выдержанные, в тени засушенные... Да и набурахтали их в отвар от души, не жалеючи ни крепости, ни злости.

Словом, Верд мог бы проспать не то что до заката, а и до следующего утра. Кабы не разбудила его жгучая, режущая, припекающая ладони боль в треугольных отметинах.

С трудом разлепив веки, он ещё долго не мог разобраться, откуда несёт палёным и кто вчера так хорошо его уделал, что сегодня так плохо. Мерцающие треугольники переливались синим светом: невидимый поводок затягивался на шее верного пса, требуя исполнить приказ или...

Вот тут до наёмника дошло. Он подскочил, покачнулся, словно после тяжёлой болезни отлёживался, зашарил по стенам, в полумраке пытаюсь нащупать спутников.

– Санни! Санни, чтоб тебя!

Но служитель спал не менее крепко, подложив ладошки под пухлую щёчку и сладко причмокивая. Чуть поодаль храпели соседи, в кои-то веки не предлагая за что-нибудь зуб.

Верд разворошил лежак, перетряхнул и прежде тощие сумки, ныне окончательно опустевшие, подхватил с пола, бессильно сжал одеяло, которым с вечера (с сегодняшнего? Вчерашнего? Кто теперь разберёт, сколько времени прошло!) укутывалась дурная колдунья. И перестал метаться. Замер на месте, таращась на тряпку, словно встряхни хорошенько – и девка вывалится из неё с искристым смехом.

Метки пылали.

Нет, не вывалится. Не войдёт в комнату беззаботной поступью, не повиснет на плече, не полезет тереться о колючий подбородок, чтобы с полным правом возмущаться, мол, опять исцарапал.

Сбежала.

Как и грозилась. Как и планировала с самого начала. А он, дурак, доверился. И кому?! Бабе!

– Санни!

Чтобы добудиться служителя, пощёчины не достало. Пришлось хорошенько всадить кулак под дых, чтобы, хватая воздух ртом, он согнулся пополам и поинтересовался:

– Верд? Чего ты среди ночи буянишь? Темень, спят все!

– Не все. – Наёмник принялся молча собираться. Недолгое дело: почти все ценные пожитки выгребла девка, а одежду мужчины перед сном снять не успели, повалившись на лежаки прямо в сапогах.

Бедный толстячок никак не мог уразуметь, что происходит и отчего наёмник вдруг посмурнел, как низкая грозовая туча. Однако ж военное прошлое о себе напомнило: сначала исполняй команду, потом спрашивай. А лучше не спрашивай вовсе – целее будешь. Но последнее Санни запомнил, поэтому всё ж влез, едва не схлопотав за глупый вопрос затрещину:

– А Талла где?

Ох, как же просто сорваться на друге! Затрещиной али грубым словом растолковать, что не дело давить на больное. Но вместо этого захотелось забиться в угол, сжаться в комок и завывать, как брошенный пёс. Нету больше хозяйки! Не вернётся! Наигралась с глупым щенком, выбросила, когда опостылел, привязала к старому дубу в лесу, чтоб сдох в одиночестве и не вилял больше доверчиво хвостом!

Верд отшвырнул одеяло. Шрам, давно разрезавший надвое его губы, дёрнулся и застыл в восковой маске.

– Ушла.

– Ушла? Да куда же она...

И вот тут Санторий сообразил. Припомнил, что давешняя ссора не во сне привиделась. И тоскливо, обиженно вперился в тёмный угол, где мёртвой бесформенной тварью валялось одеяло колдуньи.

Остальное они делали привычно, без лишних разговоров. Собрали по кухне самое нужное в дороге, игнорируя Отто, щурившегося на книгу при свете лучины, без зазрения совести стащили тёплые куртки у постояльцев. Затянув пояса и застегнувшись, пошли за лошадьми. Поддавшийся зову совести Санторий хотел было объясниться, но вместо этого, напротив, закричал на «медведя», словно это по его милости случилась беда:

– Ты почему девку не удержал?! Почему нас не добудился?!

Харчевник прикинул, насколько великие убытки понесёт из-за краденого кресала и обчищенных гостей, решил, что цапаться из-за

них с наёмником не станет, и вернулся к чтению. Но сказал:

– А мне откуда знать, что у вас за игры-уговоры? Может, дурная девка умнее вас оказалась и утопиться решила. Или обиделась. Бабы – они такие.

Умнее... И правда умнее! Всё предусмотрела мерзавка! И чтобы до города недалеко оставалось, и чтобы травки свалили с ног спутников, и чтобы от меток достаточно далеко успеть отойти... Вот только не знала колдунья, что метки скорее Верда угробят, чем позволят упустить добычу. Всё предусмотрела, да не всё!

– Ах ты ж маленькая поганка!

И лошадь тоже увела!

Наёмник бессильно прихлопнул пузатое бревно конюшни. На сверкающем во мраке инее отпечаталось чёрное пятно – след широкой ладони. Кляча испуганно вздрогнула и в ужасе попятилась: она и одного в меру упитанного Сантория везла нехотя, а здоровенный наёмник ей и вовсе хребет переломит!

Игнорируя осуждающие проповеди служителя о воровстве, Верд оседлал низкого крепенького конька, оставленного кем-то из жильцов. Конёк удивился, но, будучи покладистым и отученным от споров кнутом, позволил вывести себя из стойла. Ноги наездника разве что земли не касались, низкорослый мерин был непривычен ни к галопу, ни к долгим походам. Пришлось подтянуть стремяна, но, растопырив колени, охотник смотрелся ещё смешнее. Впрочем, Верду смеяться не хотелось ни чуточки. Наклонившись в седле (не шибко и пришлось наклоняться-то, если по правде), он сгрёб пригоршню снега и налепил на пылающие руки. Тот сразу зашипел, плаваясь.

Первым выдвинувшись на освещённую сытой луной тропку, Санторий взгляделся в таинственную синеву леса, в сверкающие над ней недосягаемые звёзды и ляпнул:

– Ты обидел её, Верд. Она имела на это право.

Прежде наёмник не преминул бы пнуть болтуна или резко ответить. Но то прежде. Теперь буркнул:

– Знаю. Но я сдохну без неё, Санни.

– Думал бы об этом раньше. Когда девчонка умоляла позволить ей остаться. Что имеем – не храним...

– Нет, Санни. Я сдохну. Действительно сдохну. – Наёмник повернул ладони тыльной стороной к другу: почерневшие отметины

полыхнули тлеющими углями колдовства. – Если я не исполню приказ, они сожгут меня заживо.

* * *

Городок не был особенным. Не большой и не маленький; не спрятанный в глуши, но и не проезжий; не богатый, но и не голодающий; не отличающийся высокими, красочно расписанными домами, но и не пускающий ветер гулять по дырявым крышам. Городок, каких много. Вот только дурной колдунье в одиночку здесь делать нечего.

Однако ж следы привели именно сюда. Да и некуда боле: снегопад не прекращался весь последний месяц, лишь изредка, чтобы набраться сил для нового завала, балуя путников светлыми лунными ночами и слепящим солнцем в просветах туч днём. Знамо дело, завалило все рощи и поля, да так, что одинокая лошадь, пусть и опытная осторожная Каурка, если не переломает ноги, то попросту застрянет. Наезженная дорога оставалась одна, и вела она аккурат сюда. Конечно, Талла могла и проскакать по главной площади, выскочить в ворота с противоположной стороны и рвануть дальше. Верд бы так и сделал, коли знал, что следом помчатся оскорблённые, замёрзшие и голодные друзья. Но чутьё подсказывало, что девка найдёт себе неприятностей сразу на въезде и не успеет сообразить, что надо поторапливаться. Да и отдохнуть с пути придётся хоть несколько часов, что лошади, что девушке, до сих пор неумело ёрзающей в седле.

Верд зубами стянул спёртые у тетери и мелковатые для его лапищи рукавицы, поморщился от боли и зябко подышал на пальцы. Едва остановившийся конёк справедливо рассудил, что своё отработал, и нарочито закачался, грозя пасть прямо у ворот, на радость зевакам. Подавив вздох облегчения, наёмник выпутался из стремян и вернул наконец колени в подобающее им положение. Санни с чувством величайшего превосходства звонко процокал на Кляче дальше, а наёмник, подхватив мерина под уздцы, прикидывал, как бы половчее сменять его на какую полезную утварь. Или, может, по-простому шугануть, чтоб не мешался?

– Ну, куда дальше?

Преувеличенно бодрый Санторий, оказывается, раздражал не меньше непрестанно ноющего. Однако предлагать пойти к такой-то матери наёмник не стал, сжал-разжал кулак, задумчиво рассматривая угольно-чёрный треугольник с осыпающимися, расползающимися краями. Болело постоянно. Поди разбери теперь, чуть меньше терзает или чуть больше, если последние пять вёрст самым здравым решением казалось отрубить кисти и выбросить под куст, волкам на радость.

Вдоволь натешив эго, Санни тоже спешился и пихнул друга:

– Эй! Ну не куксись, что ты! Найдёшь ты её!

Наверное, охотник и правда выглядел как побитая собака, коль скоро служитель взялся его утешать. Ещё б помолиться предложил... Верд расправил плечи, лишь теперь поняв, как сильно ссутулился, и, покосившись на служителя, подтвердил:

– Найду. – Он подумал немного прежде, чем добавить: – А потом оторву ей голову.

Замученные, голодные, они прочёсывали город улочка за улочкой, а Верд с замиранием сердца ждал, молился, чтобы метки вновь вспыхнули, показывая: вот он – след! Колдунья совсем рядом! Хватай, держи! Но метки молчали...

– А если она поехала в обратную сторону? – беспокоился Санни. – Домой? Или к Руте? Всяко спокойнее, чем в неизвестность...

– Одна на неделю без оружия в лес? Эта девка дурная, конечно, но не полная же идиотка.

Толстячок предусмотрительно промолчал: о том, кто из них идиот, у него имелось собственное мнение, но высказывать его вслух он не собирался. Как раз потому, что сам идиотом не был.

Мощёная площадь осталась далеко позади. Там же остались светлые дома с приветливо распахнутыми ставнями, умопомрачительно пахнущие булочные, постоянные дворы и стража не стража, но те небольшие группки хмурых мужиков, которые следили за порядком. Чем теснее становились друг к дружке хибарки, чем ниже нависали их крыши и чем плотнее закрывались окна (иногда и вовсе забитые крест-накрест сложенными досками), тем сильнее удалялась спокойная часть города. И тем яснее Верд понимал, что неприятности колдунью всё-таки нашли. Или она их, тут как посмотреть.

Из переулка навстречу путникам выскочила облезлая тощая крыса. Она описала большой круг, надеясь юркнуть в лаз под стеной

покосившегося строения, но что-то испугало её, заставив помчаться прочь, прямо на людей. Мужчины разошлись в стороны, пропуская нахалку, а та, мазнув хвостом по Вердову сапогу, и не подумала притормозить. Следом за зверьком из-за угла по какой-то невообразимой траектории пролетел погнутый нож, воткнувшись в слой грязного тёмного наста в том месте, где крыса скрылась в норе. Стой друзья на месте или окажись менее расторопными, засаленная рукоять вполне могла бы торчать теперь из глазницы одного из них. Потом из-за угла зло плюнули и разочарованно «и-и-ихнули».

– Для твоего же блага надеюсь, что целью всё же была крыса, – холодно заметил Верд.

– А как ш-ш-ше! – Показавшийся ободранный дедок с длиннющей спутанной бородой так хитро сверкал глазами, что обычно доверчивый Санторий сильно усомнился в его искренности.

Короткими перебежками, петляя, как та крыса, и прячась в тени низких крыш, добытчик приблизился и подобрал оружие. Верд, хоть и стоял расслабленно, спиной к нему не поворачивался, ловя каждое мелкое движение. Санни тоже подобрался, так, за компанию.

Старик поковырял лезвием под ногтем, делая вид, что всецело увлечён этим занятием, но разворачиваться и уходить путники не спешили, так что пришлось всё же уделить им толику внимания.

– Чаго надо, молодёш-ш-шь? – прошепелявил он. Пожевал беззубым ртом, нашёл что-то интересное в его закромах, вынул, осмотрел и сунул обратно.

С трудом подавив спазм в горле, Санторий попытался выступить вперёд и дружественно протянуть ладонь, но Верд дёрнул его за шкирку, и, судя по разочарованно сверкнувшим зенкам старика, вовремя.

– Жить хочешь, дед? – Наёмник скрестил руки на груди и невзначай чуть выдвинул вперёд левое бедро – с ножнами.

– Шмотря нашколко хорошо.

Кривой нож нырнул в недра бороды, но Верд не сомневался, что снова на свет он явится через секунду.

– Что необычного случилось со вчерашней ночи в городе?

Дедок смачно плюнул, аккуратно попав в крысиную нору, и перебрал щепотью.

– Я не стану тебе платить, – понял намёк Верд.

– Но ты можешь помочь добрым людям и заслужить тем самым милость богов, – безнадежно предложил слугитель, но его товар старик отверг с ещё большим пренебрежением. – Да ну его, Верд. Ничего он не знает.

Тощие ноги подбросили возмущённого дедка на такую высоту, что упитанный слугитель завистливо присвистнул.

– Это я ниш-ш-шего не знаю? Я – ниш-ш-ш-шево?! Да я полуш-ш-ше вашего всё знаю! И где Хильку прирезали, и кто шапоги ш него шнял! И про Шалого с Рагаей, и кто по нош-ш-шам к любовнице Врана ходит! У шамого-то Врана она уш-ш-ше в пешонках шидит! Он шебе как раш новую девку намедни вшал! Крашивая, лають, да не видал никто – Вран не дурак добычей хваштать!

Санни подмигнул приятелю и равнодушно принялся заплетать Кляче косички. Обалдевшая от такой ласки кобыла попыталась сбежать, но хозяин удержал её и за ту самую косу притянул обратно. Верд почему-то крайне одобрительно наблюдал эту сцену, точно и сам хотел кому-то косы повывёртывать.

– Тоже мне новость. – Похлопав Клячу по шее, Санни взялся поправлять поклажу у седла, точно вообще не замечая разговорчивого старика и занимаясь своим делом. – Её уже любая шваль знает.

– Как это любая?! Как любая?! Я токмо и шнаю!

– Ну вот о том и речь. – Вдев ногу в стремя, слугитель задумался, перебирая губами, и, ни к кому не обращаясь, продолжил: – Так, это мы вошли с той стороны, прошли мимо пожарища... Значит, Вран у нас там...

Дедок восторжествовал, показал желтоватые дёсны в подобии оскала:

– Ага! Шнають оне усё, как ше! К Врану вот туда. – Кривой палец указал в сторону замызанного переулочка, упирающегося, кажется, в тупик, но подозрительно ныряющего вниз.

Санторий равнодушно дёрнул плечами:

– Ну туда и туда, нам-то что?

– А то! Шо девка новая у Врана, сказывают... – Враль огляделся в поисках подслушивающих, оных не обнаружил, но всё равно понизил голос и поманил любопытствующих. Дождавшись, пока приблизятся, заорал: – Дурная!!!

Пока Верд мизинцем прочищал ухо от крика, дедок попытался под шумок влезть к нему в карман, но наёмник ловко перехватил завидующую ручонку, едва не сломав в запястье, зевнул, не спеша отпустить:

– А сколько людей нынче у Врана?

– Так я вам и... А-а-а-а! – заголосил бедняга. – Пушти, нелюдь! Дюш-ш-шина, дюш-ш-шина у него! Штоб тебя шварги порвали, штоб оглоеды в задницу влетели, штоб Хошаин леша требуху сошрал!

Но Верд уже не слушал. Они с Санни понимающе переглянулись и направились к не сулящему ничего хорошего переулку.

– Лошадков-то оштавьте дедушке! – безнадёжно крикнул им вслед старик, но в ответ Санторий лишь одарил его однозначным жестом. Отнюдь не благословляющим.

Глава 19

Кто не спрятался – я не виноват!

Никто иного и не ожидал: подозрительный переулок заканчивался не менее подозрительным домом с подвалом, в который вела сомнительная лестница, упирающаяся в совсем уж не сулящую ничего хорошего дверь. И именно эту дверь Верд пнул ногой, потому что проклятые метки проснулись, засветились и недвусмысленно намекнули, что охотнику следует сунуться в самое пекло.

Вопреки внешнему виду, гнилые доски оказались живучими и вылетать с корнем не спешили. Посередине двери открылось окошечко с человеческую голову размером. Окошечко явило миру покамест не отделённую от толстой шеи внушительную башку. Её обладатель с непривычки сощурился от яркого дневного света, не узнавая пришельцев.

– Пароль? – уточнил он, натужно пытаясь вспомнить, видел ли раньше этих двух мужиков. Тот, что с порезанной рожей, наверняка свой, а вот второй слишком холёный.

Вместо ответа Верд резко выбросил вперёд руку, цапнул голову за нос и дёрнул на себя. Голова оказалась снаружи, тело, ясное дело, в окошко не пролезло.

– Застрял? – Наёмник заботливо придержал коротко стриженный затылок охранника. – Помочь?

И, размахнувшись, выдавил его обратно при помощи кулака. Самое удивительное, что дверь после небольшой задержки действительно распахнулась. Тот же детина, потирая шею, впустил гостей и одобрительно булькнул кровавой кашей на месте рта и носа:

– Пароль, конечно, неправильный. Но хороший, чё.

Верд хмыкнул: он умел быстро стать своим в любой компании.

Они рухнули за стол одновременно. Уставшие, некормленные, с пустыми кошельками и прекрасно понимающие, что добром дело не кончится. Наёмник уже успел оценить и низкий потолок, из-за которого почти всем находящимся внутри приходилось наклоняться или садиться, и помещение, заваленное самыми ненужными (или, напротив, нужными) вещами вроде тележных колёс, сёдел, сундуков...

А также мешков, некоторые из которых вроде ещё и шевелились. Сражаться в тесной тёмной камере будет очень и очень неудобно. Но где наша не пропадала!

Больше всего подвальчик напоминал жральню. Грязную, затхлую, с липким полом, на котором намертво застревали толстые тараканы, но всё же жральню. Потому, когда к новоприбывшим подплыло пузо, а из-за пуза выглянула рожа с повязкой на глазу, Верд спокойно потребовал:

– Выпивки. Крепкой и горячей. И пожрать чего-нито без крысятины.

Пузо булькнуло, видимо от смеха. Мужик приподнял повязку, рассматривая друзей двумя прекрасно видящими глазами.

– Ну, без крысятины так без крысятины, – согласился он и кинул на стол смятый кусок пергамента, оторванный, скорее всего, от валяющегося тут же свитка. – А это вам привет.

На всякий случай предварительно поддев бумажку ногтем (не полыхнула, не укусила, фух!), Санни поднял её и брезгливо развернул. Приблизился. Отдалился. Наклонил голову, но так и не сумел разобрать в полумраке каракули.

– Попробуй так. – Верд, который, кажется, задремал, расслабленно откинувшись на шатком стуле, не глядя, перевернул бумажку вверх ногами. Хотя, как выяснилось, наоборот – ногами вниз.

– «Проваливайте», – разобрал служитель.

Отобрав письмецо, охотник и сам попытался прочесть послание:

– По-моему, тут написано «Добро пожаловать».

После чего безразлично скомкал его и швырнул через плечо, угодив по лысине кому-то из местных.

Местный, знамо, умением смиренно принимать тумачи не отличался и захотел разобраться. Вразвалочку приблизился и поинтересовался:

– Ы, паря? Ты чего это, ы?

Приоткрыв один глаз и устало вздохнув, Верд пнул громилу чуть выше ступни. Раздавшийся хруст показал, что пнул дай боги каждому как. Мужик припал на колени, а наёмник, не соизволив оторвать зад от стула, добавил в челюсть.

Санни неслышно застонал:

– Они же нас прибьют и как звать не спросят! Ты что творишь, Верд?

– Дичь, – лаконично ответил охотник. – О, картошечка!

Давешний мужик с повязкой переступил поверженного с похвальным пренебрежением, словно народ здесь валился систематически. Впрочем, так оно и было: хозяин заведения попросту дважды в день выкидывал тела на улицу. Бездыханных в одну кучку, просто пьяных в другую, неподалёку.

– Ты её есть будешь? – Санни, вообще-то, и сам проголодался, но коричневые комки картошку напоминали весьма отдалённо, а свисающие с тарелок шматы уж очень походили на крысиные хвосты.

– Угу. Местные же жрут. – Верд посмаковал первую ложку. – А ничего, с кисловатым душком, как квасок.

– Тебя прирежут прежде, чем ты успеешь эту тарелку вычистить...

– Сомневаюсь. Ты не будешь, нет? – Охотник нацелился на порцию приятеля, один клубень даже успел перекинуть к себе, но Санторий, пересилив брезгливость, сам ею занялся. Вместе животом мучиться всяко веселее. – Тут мордобой в порядке вещей. Заместо приветствия. Нас, скорее, прирежут, если попытаемся вежливо уйти.

– Я бы и невежливо того... Отсюда подальше, в общем. – Санни ёрзал на стуле, не в силах не реагировать на оскалы местных и то тут, то там мелькающий блеск стали.

– Иначе они нам Врана не выдадут. Зуб даю... Тьфу, прицепилось! Он тут за главного. И его будут прикрывать до последнего. Если, конечно, он сам не захочет познакомиться.

– Кто не захочет познакомиться?

Подошедший не утруждал себя угрозами: обвешанный оружием, как иная берёза лентами с просьбами о богатом муже по весне, он прямо-таки излучал опасность. Там нож, тут кистень, отшлифованная до блеска рукоять из-за сапога...

Верд не удосужился испугаться. В упор глядя на поигрывающего взведённым арбалетом головореза, он громко, с чавканьем прожевал, проглотил, похлопал себя по животу.

– Не ты, – заключил охотник.

Второго спесивца постигла участь первого, вскоре к нему присоединился ещё один. Четвёртый чем-то особенно не понравился Верду, и он не преминул подойти поближе и ткнуть его мордой

в липкую кашу. Потом отодвинул тарелку, аккуратно положил в неё ложку и вдавил отморозка ещё раз – уже об стол.

– А этот-то что сделал? – Картошечка потеряла всякий вкус. Но оно и к лучшему: теперь слугитель хоть мог без отвращения утолить голод.

– А этот нам отравы попросил в картоху сыпануть.

Санни подавился и схватился за грудь.

– Да не бойсь, – потрепал его по щёчке Верд. – Ту, на которую попало, я к себе перекинул. Вот они, с краешку лежат...

Сначала слугитель демонстративно отодвинул плошку, но, вдоволь наглотавшись слюны и налюбовавшись на уплетающего завтрак (он же обед и ужин) друга, передумал и тоже доел.

Найденной в посудине косточкой неизвестного происхождения наёмник ковырялся в зубах, Санторий же старался от этого зрелища отвернуться, чтобы ненароком не распознать останки и не убедиться в их негигиеничном происхождении. Наверное, именно поэтому он первым заметил, как сгустились тучи и посерьёзтели посетители «гостеприимного» заведения. Ну или просто Верд, по обыкновению, промолчал.

Плюхнувшись на живот, Санни удачно избежал близкого знакомства с ножом, подозрительно напоминающим оружие давешнего болтливого старика. А забурлившая кровь напомнила, как в таких случаях поступают воины, а не изнеженные слугители: поднатужиться, перевернуть стол на ребро, нырнуть за него и высматривать врага уже из укрытия. Изрядно попыхтев, Санторий перевёл дух. Верд уже сидел с ним рядом, с комфортом подогнув одну ногу и всё так же сжимая косточку зубами.

– Ну что, доигрался? Померился мускулами?! – набросился на него Санни.

– Не-е-е. – Наёмнику хватило выглянуть на долю секунды, чтобы швырнуть заострённую кость в темноту и насладиться криком боли в ответ. – Ещё чутка можно. Ребята пока с нами не считаются, главного не зовут.

– Зато я их успел пересчитать! Верд, нас положат, прежде чем ты успеешь пожелать им поноса из шваргов!

– И что ты предлагаешь? Бежать? – Охотник широким жестом обвёл сразу два пути к выходу: узенькое дымовое окошечко чуть ниже

потолка, в которое и кошка бы не пролезла, и дверь, уже заботливо перегороженную местными. – Ну беги.

Санни надулся и на секундочку подумал, что, в принципе, выкатиться в дверь вполне успеет. Тем более что друг наверняка прикроет его и даст такую возможность. А потом посмотрел на сияющие в полумраке жральни метки охотника, на упрямо заострившийся подбородок Верда, на собственные ладошки, на которых долгие годы не было мозолей... И, сухо кивнув, взялся за меч. В воздухе свистнул арбалетный болт и, пробив стол насквозь, показал остриё чуть выше оттопыренного уха бывшего служителя. Санни потрогал металлический наконечник, шумно вздохнул и сразу пожалел об опрометчивом решении.

Верд искривил угол рта: почему-то на этот раз он в друге не сомневался.

Укрытие не выдерживало натиска, а ждать, покуда парочка обустроится с большим комфортом, никто не собирался. Когда досок сквозь оконечники болтов уже не удавалось разглядеть, Верд налёг, двигая стол к продолжающим наступление врагам. Эффект оказался больше психологическим: утыканный стрелами, как Хозяин леса колючками, кусок дерева вдруг привстал, показав две пары разномастной обуви, и пошёл на таран.

Головорезы бросились врассыпную, опасаясь остаться прижатыми к стене, и тут-то началась рукопашная.

Они стояли плечом к плечу, спиной к спине, и оба не могли сдержать воплей ликования. Вопли Сантория, правда, слегка отдавали паникой, но и это не умаляло достоинств служителя.

– Если мне не суждено выжить в этой битве, – слезливо начал он, вопреки сказанному, весьма ловко орудуя клинком, прежде принадлежащим одному из солдат короля, – построй храм в мою честь! С бабами. С рыжими, – уточнил на всякий случай герой. – И вином. Красным.

Отправив думать над поведением сразу двух местных при помощи метко брошенного стула, Верд охотно согласился:

– В такой храм я и сам служителем пойду! Что ж ты сразу не предупредил, что так можно?

– А так и нельзя! Это только для безгрешных...

Удар локтем в квадратную челюсть, так и напрашивавшуюся на ласку.

– ...добродетельных...

Подножка детине с дубиной.

– ...и искренне верующих приверженцев Троиц!

Наёмник принял детину на остриё меча:

– Я искренне! За баб – искренне, а за вино – так тем более!

Удачно наклонившись подтянуть сапог, Санни пропустил ещё одну стрелу над головой; испуганный свистом, резко разогнулся и поддал макушкой подкравшемуся со спины охраннику прямо по расквашенному носу. Тот с готовностью отбросил оба тесака, чтобы двумя руками зажать хлынувшую кровь и, рыдая и причитая, помчаться на улицу – холодного приложить. Едва он успел пробиться к заваленной двери, Верд отправил вдогонку кувшин с ещё дымящимся вином, чем сильно ускорил встречу бандитской физиономии и снега.

В ход шло всё: ложки и чашки, отломленные у столов ножки, оказавшиеся весьма пригодными дубинами, валяющиеся по жральне запчасти телег и вовсе не опознаваемый мусор. Мешок, которым Верд прикрылся, чтобы достать неутомонного стрелка с арбалетом, истошно завизжал, хрюкнул и порвался. Вывалившийся из него выводок молочных поросят с соответствующими звуками принялся носиться по помещению, попадая под ноги всем и каждому. Санни ловко перепрыгивал через шумных зверёнышей, придерживая рясу, как высокородная дама юбки, Верд же, напротив, стоял крепко, позволяя животным пробегать прямо по сапогам. Пытающиеся же увернуться бандюганы только бестолково сталкивались друг с другом.

– Что здесь происходит?!

Потасовка закончилась так же внезапно, как началась. Местные замерли кто как был: кто с занесённым топором, кто на одной стопе, позволяя поросятам водить вокруг хороводы, кто в прыжке, символизируя веру в умение летать и в прикосновение к небесам. Верд на посошок дал в морду пойманному за шкуру мужичку, уже лишившемуся половины раздражающе белоснежных зубов, уронил его и мигом посерьёзшел:

– Ты и есть Вран, что ли?

Благословенная тишина подтвердила: да, именно этот – низкорослый, худой, но вместе с тем обрюзгший, думающий, что потайных каблуков в его ботинках не видно, с тонкими щегольскими усиками и жиденькими тёмненькими волосиками, сплетёнными в такую же косичку, – и есть гроза местных бандитов.

– Смотря кто спрашивает. С чем пожаловали?

Посетители харчевни бочком расползались по местам, торопливо расставляя мебель и пряча обломки, уже не подлежащие починке. Смотреть на главного они опасались: ещё назначат виноватым, разгребай потом...

– Дело есть. С глазу на глаз. – Верд вытер меч о штаны и шумно спрятал в ножны, одновременно демонстрируя и что драться не намерен, и что клинок, если вдруг, в мгновение ока снова окажется на свободе.

Вран качнулся с мысков на пятки и обратно, пригладил тоненькие усики:

– А сразу меня спросить? Никак? Не догадался?

Санторий вежливо подал одному из бывших противников отбитый кистень и поинтересовался:

– А что, так можно было?

– Право слово, вы как из дикого леса! Мы люди деловые и проблем не ищем. – Вран слегка повысил голос, чтобы все присутствующие об этом вспомнили и устыдились. – Верно я говорю?

– Верно! Так точно, шеф! Ага! – вразной подтвердили головорезы, смущённо заслоняя оружие.

Надолго ли хватит их выдержки, друзья выяснять не стали и выскользнули вслед за Враном в кухню, а из неё, через короткий коридор, в аккуратненькую маленькую комнатушку.

Всё ж таки купцом Вран был куда более, чем бандитом. И если и заслужил то благоговение, с каким вполголоса произносили его имя, то наверняка не в сражениях, а торгом и шантажом. Верд таких лисов презирал, но делать нечего: надо договариваться.

Сам виновник торжества плюхнулся в огромное мягкое, обитое бархатом кресло, смотрящееся в подвальном помещении с плесневелыми стенами, прикрытыми отсыревшими коврами, как вошь на лбу. Гостям же кивнул на единственную низенькую табуреточку, отгороженную от кресла столом.

«Сразу указываешь, где наше место?» – недовольно подумал Верд и, пренебрегая приглашением, замер прямо у входа, скрестив руки на груди и спрятав ладони под мышками. Не чета воину ютиться на эдаком насесте, не на того напал. Санни повторил позу за другом, правда, выглядел куда менее внушительно.

Если Врана подобное положение дел и оскорбило, виду он не подал, да и ни малейшего страха не выказал: он на своей территории и прекрасно знает любой товар, хоть сколько-то стоящий в этом городе.

– Чем могу быть полезен, уважаемые? – любезно поинтересовался он, ныряя в мягкую обивку кресла почти целиком, оставляя на виду лишь цепкие ручонки с переплетёнными пальцами: не смотри, что расслаблен, своего не упустит!

Первым порывом было хорошенько стукнуть по макушке с жиденькими волосиками, через которые просматривалась белёсая кожа: только макушка и осталась торчать над столом. Но наёмник сдержался: покамест их встретили хорошо, если не считать драки. А кто ж её в приличном обществе считает за оскорбление?

Вести долгие разговоры, в которых самое важное узнаёшь исподволь, а ответы выслеживаешь, как кот хитрую землеройку, охотник не умел. Он начал сразу с того, чем собирался и кончить:

– Мы пришли за колдуньей.

Санни страдальчески закатил глаза: уж он-то в бытность служителем с такими, как Вран, встретиться успел. Выдай сразу, чего хочешь, – и цена взлетит до небес, заставив богов потесниться в их облачной обители!

Хитрые маленькие глазёнки сверкнули над скатертью и тут же снова спрятались.

– И чем же я могу вам помочь?

Наёмник и тут не пожелал вступать в игру:

– Ты отдашь её нам.

– Неужели? – Вран подтянулся, забрался в кресло с ногами, сминая обивку грязной обувью, чтобы хорошенько рассмотреть требовательных гостей. – И почему я должен это сделать?

– Потому что у меня есть меч.

– И дури полные закрома, – вполголоса добавил Санторий.

– А у меня – целый отряд ребят, которые костью лягут, – выложил свою карту купец. – И что? Хвастаться станем али торговаться?

Скулы наёмника заострились: стиснул зубы, чтобы не ляпнуть лишнего, держится, чтобы не придушить торгаша сразу.

– Ты живого человека продавать собрался? Богов побойся! – Верд пихнул служителя, точно требуя от того вызвать Троицу, дабы они могли полюбоваться на эдакое бесчинство.

Вран развёл ручками, чтобы тут же непреклонно сцепить их вновь.

– Уважаемые, я деловой человек! Вы, надеюсь, тоже. А ценность на то и ценность, чтобы цену иметь. Я прекрасно знаю, насколько опасны... и насколько дороги дурные колдуньи. Если знать, кому продавать. И я очень сомневаюсь, что вы сумеете перебить названную стоимость...

– Я тебе хребет ща перебью, – тихо предупредил Верд, делая шаг, но Санни вцепился в ремень ножен, упираясь пятками, потянул назад и попытался воззвать к совести торгаша:

– Уважаемый Вран, вы, верно, неправильно нас поняли. Мы не просто хотим приобрести колдунью, мы пришли конкретно за этой. Мы точно знаем, что она у вас и что она находится здесь не добровольно...

Вран пригладил редкие усики, закинул стопы на стол, что смотрелось крайне нелепо, так как доставал он с трудом.

– Не добровольно? Полноте, господа, девчонка напрашивалась на неприятности! Въехала в город в одиночку, без сопровождения и охраны, принялась выпрашивать про работу, не удосужившись хотя бы косу отчекрыжить, чтобы привлекать поменьше внимания... Если бы не я, колдунью под крылышко бы взял кто-то куда менее приятный. А здесь она в тепле и сытости, устроена со всеми удобствами. Дурочке не на что жаловаться, ей бы своего покровителя ещё и отблагодарить следовало, – Вран многозначительно поправил штаны в паху и подмигнул мужчинам, – если вы понимаете, о чём я. Впрочем, об этом мы с ней сегодня вечером успеем потолковать...

Верд всегда считал, что боги обделили его многими добродетелями, но вот терпения не пожалели. У многих его знакомых мнение было иным, особенно у тех, которые залечивали переломанные

кости после горячих споров с наёмником, но сам Верд считал именно так. Однако после услышанного всё терпение и невозмутимость улетучились и растворились в затхлом подвальном воздухе.

Он пересёк комнатушку быстрее, чем подумал, что хочется, пнул тяжёлое кресло, собираясь перевернуть, но получилось лишь отпихнуть, вытащил торговца из объятий мягкой обивки и, придерживая за шкурку, прижал щекой к столу.

Санторий, ни слова не говоря, выглянул в коридорчик проверить, не привлёк ли кого шум, и неслышно прикрыл дверь.

– На по... – начал Вран, но голос сменился писком, а там и вовсе замолчал, стоило Верду слегка пощекотать шею торговца острым, инкрустированным камнями ножом для писем, так кстати, хоть и не к месту, лежащим рядышком. – Уважаемые, зачем же так сразу применять силу? Уверен, мы просто недопоняли друг друга... – залебезил он.

Отбросив аляповатый нож, Верд опёрся о стол ладонью, чтобы низко-низко наклониться к торговцу и проникновенно, интимно рассказать, в каком порядке станет отрезать от него нужные части, если колдунья не появится на пороге немедленно. Но не успел. Потому что Вран переменялся в лице раньше, мгновенно сменив белёсый цвет лица на тот аристократический сероватый оттенок, которого Верд собирался добиться к концу беседы.

Вымученная улыбка погасла, а когда Вран открыл рот, в его словах не звучало ни единого намёка на превосходство, один лишь чистый животный страх.

– Колдунья – для *неё*?! – Торговец без помощи наёмника вжался в стол так сильно, точно пытался с ним слиться. – Ты – охотник?! *Её* охотник?

Наёмник поспешно убрал ладонь с проявившейся, горячей синим меткой. Хотя чего уж? Поздно!

– Не твоё собачье дело! – Он встряхнул Врана посильнее, показывая, что главная опасность – разъярённый воин, а не некая, далёкая и почти невозможная *она*. Но, как бы ни было обидно, на торговца это не произвело ровно никакого впечатления. Он всё так же тарасился и пускал слюни, не в силах выдать ничего вразумительного.

Первым сориентировался Санторий:

– Верд, отпусти уважаемого бандюгана. Нас раскрыли, незачем больше прикидываться.

Он незаметно подмигнул другу и, воспользовавшись оказией, плюхнулся в заманчивое кресло. Отпущенный Вран нырнул под стол, выполз с другой стороны и с благодарностью занял табуретку. Санни закинул ноги на стол, подражая торгашу, и у него это вышло куда убедительнее.

– Простите! – Судя по дрожащим коленкам, Вран на полном серьёзе рассматривал возможность на них рухнуть. – Я же не знал, уважаемые! Вы бы послали ко мне, как обычно... Или сразу сказали, что вы от *неё*... Я и подумать не мог, что колдунья уже приготовлена для...

– А для кого ещё она, по-твоему, должна быть приготовлена?! – быстро вошёл в роль служитель. – Головой подумать не мог, нет?

– Простите! Простите! Простите!

На шум явился один из головорезов, вежливо постучал и заглянул в щёлку, но Вран замахал и зашикал на него:

– Проваливай! Не видишь, у меня встреча с важными господами!

Важные господа охотно подбоченились. Пока Вран лебезил, унижался на редкость изобретательными способами и предлагал доплату, а то и откровенную взятку за то, чтобы «это недоразумение не покинуло пределов кабинета», Санторий под шумок сунул в карман и дорогуший нож для писем, и обнаруженный в верхнем ящике стола кошель, и перстенёк, из которого явственно многократно пытались выколупать здоровенный сапфир.

Дальнейшее оказалось весьма ожидаемым: колдунья туточки, совсем рядышком, и, разумеется, Вран сочтёт за честь, если ему позволят проводить к ней дорогих гостей. Ужин, подобающий случаю, тоже обязательно подадут, и лошадок, коих уже успели увести ушлые воришки, вернут в лучшем виде, почищенными и накормленными. А перстенёк и кошель, что соблаговолил принять господин в рясе, он, разумеется, может... да нет, прямо-таки должен оставить себе! Это станет компенсацией за доставленные неудобства.

Уверенный, что выторговал крайне удачную сделку, Вран не нарушил слова и выполнил всё обещанное.

– Вы же прекрасно понимаете, друг мой, что с *ней* лучше не ссориться, – напоследок многозначительно понизил голос Санторий,

с наслаждением наблюдая, как Вран трясущимися руками откупоривает пузырёк с нюхательными солями.

* * *

Комнатушка, в которой ютилась колдунья, оказалась очень далека от темницы. Удобная, маленькая, с сырыми стенами, как и все помещения подвального царства бандитов. Но главное, запиралась она как снаружи, так и изнутри, а значит, девочку и правда никто не обидел. Да и напуганной она не выглядела. По крайней мере до той секунды, пока не увидела лицо шагнувшего к ней наёмника.

Талла заметалась, как по глупости влетевшая в комнату птица. Казалось, ещё чуть – и по стене взбежит, к низкому дощатому потолку прицепится, лишь бы скрыться от перегородившего широкими плечами дверь, тяжело дышащего мужчины.

– Ну-ка иди сюда, – думал, что ласково, а на деле угрожающе позвал Верд.

Её белоснежные волосы спутались, налипли на мгновенно вспотевший лоб. Испугалась... Правда испугалась! Наёмнику захотелось снова кого-нибудь ударить, рубануть мечом! Она ведь и впервые впустив его в дом посреди метели не боялась, а теперь... Ставшая ему ближе всех, заставившая довериться, разорвавшая жизнь надвое – и боится.

Правильно! Так и надо! Пусть трясётся, пусть суетливо шлёпает босыми ногами и отгораживается! С самого начала так и надо было, а не играть с ним, как с глупым щенком! Вот он – наёмник! Вот! Страшный, с озверелой перекошенной рожей, с готовым вырваться из-за плотно сомкнутых зубов рыком! Пусть боится, поганка!

– Велено сюда идти! – Он шагнул в комнату, а девочка попятилась. Не хочет выходить? Что ж, сама напросилась. Не отрывая взгляда от бледного, на этот раз от ужаса, лица колдуньи, он притворил дверь ногой.

– Верд, не надо! – В последнюю секунду к ним протиснулся Санторий. Вран, судя по быстрому топоту снаружи, вовсе предпочёл не принимать участия в выяснении отношений. – Друг мой, будь спокоен, не делай того, о чём пожалеешь!

– Санни, проваливай, – тихо сказал наёмник, отстёгивая ножны и принимаясь за пояс.

– Друг! Верд! – взмолился служитель, мёртвой хваткой вцепляясь в его изрезанные шрамами руки, от которых всё ещё пахло палёным мясом. – Не делай этого! Пожалей девочку! Себя пожалей!

Резко развернувшись, охотник отшвырнул друга с такой силой, что, не ухватись тот за притолоку и не повисни на ней, как белка, точно выкатился бы кубарем.

– А она меня пожалела?!

Попытка отодрать толстячка от двери успехом не увенчалась – вцепился как клещ!

– Она меня пожалела?! Хоть подумала о моих... как их... – пыхтя от натуги, наморщил лоб Верд.

– Чувствах? – участливо, хоть и с долей недоверия, подсказал друг, крепче перехватывая брус.

– Да-да, о них! О моих чувствах эта поганка подумала?!

– А ты их показывал разве?! – Талла швырнула в него сумку, рассчитывая разом избавиться от обоих гостей и забаррикадироваться изнутри. Возможно, даже на всю оставшуюся жизнь, но и это лучше, чем остаться наедине со взбешённым мужчиной.

Верд скрипнул зубами, перестав дёргать, кажется, намертво прилипшего друга (Санни поспешно подобрался и ухватился пуще прежнего, не доверяя поблажке).

– Чувства тебе показать? – Лицо наёмника потемнело, а колдунья, оглядевшись в поисках оружия и не найдя его, подхватила горшок с цветком – не слишком обтекаемый, зато увесистый снаряд.

Последующему рывку Санторий сопротивляться уже не смог. Верд сдёрнул его, как перезрелое яблоко, и вышвырнул наружу, захлопнул и запер дверь. Служитель тут же принялся молотить в неё, увещевая наёмника и грозя всевозможными карами богов и совести в случае, если он не послушает. Но Верд не то что не слушал, а и не слышал воплей. Потому что слышал он лишь судорожное дыхание бледной девчонки со встрёпанными, сбившимися набок волосами; видел, как высоко, часто вздымается её грудь и как за воротник рубахи, очерчивая острые ключицы, ныряет прозрачная капелька пота.

Он развязал пояс и двинулся к ней. Страшно, неотвратимо.

– Не надо, – пискнула девушка, неумело швыряя в нападающего цветочный горшок и не сумев от ужаса докинуть.

– Долго напрашивалась!

Наёмник подошёл к ней ещё ближе, заломил руку, швырнул на кровать. Талла лишь заскулила от унижения, попыталась перевернуться, но и тут не удалось: мужчина высоко задрал ей юбку, не дав и шелохнуться. С жёстким, тяжёлым и тёмным наслаждением закончил:

– Считай, допросилась.

И хоть и не со всей дури, а только в четверть силы, шумно, жестоко хлестнул её поясом по заднице.

Эта девка, видно, прежде ремня не знала. Ну так он их с радостью познакомит!

Глава 20

Она

– Кистень.

– Палица.

– Кистень выбивает палицу, ты идёшь.

– Давай два из трёх?

– Опять же продуешь!

– Ну ещё разок, ну Ранн!

– Ладно, два из трёх. Кистень-палица-секира, бей!

– Кистень!

– Секира. Секира рубит кистень. Снова продул.

– Ну как же секира кистень рубит? Ранн, ну нечестно! Выйди в бою с секирой против кистеня да проверь!

– Какое мне дело, что там в бою! В игре ты продул. Я в прошлый раз к ней ходил, чуть жив остался!

– Ну так остался же! Ранн, ты везучий, а меня она на месте приберёт, пятками чую! Давай три из пяти?

– А не пошёл бы ты...

– А я тебе вечером выпивку поставлю...

– Дохлым выпивка ни к чему... Ну давай три из пяти. Но чтоб последний раз!

Это дежурство ничем не отличалось от сотни предыдущих. Лайо невыносимо трусил и придумывал любую отмазку, лишь бы не пересекаться с чудесной, добрейшей, прекраснейшей, но от этого не менее смертоносной хозяйкой. Опытный Ранн жалел его, хоть и подтрунивал: по меркам охотников, сам он был стар, как коронное мясо в горшочке из «Сытого шварга», – три месяца как охотнику минуло сорок семь зим! Мало кто из их братии столько проживал, но всё ж толпились, просились на службу. У короля небось такого жалования не платят и не выдают пособия, на которое можно поставить недалеко от города избу.

Однако хозяйка не принимала любого желающего. Отбирала воинов сама, иной раз и вовсе непонятно, за какие заслуги, зазывала из дальних селений, лечила, коли выбор падал на подцепившего хворь.

Того же Лайо притащила по весне, полудохлого и чахоточного. Семья уже хоронить собиралась, тихонько сетуя, что бедняга никак не отправится к богам и продолжает зазря сжирать быстро уменьшающиеся запасы. Госпожа выходила его, как собственное дитя, и оставила при доме: глянуть, хорош ли слуга, можно ли довериться и пустить в дорогу без присмотра. Ранн посмеивался в усы над молодой трусостью парня: он-то давно прошёл путь охотника, а ныне остался рядом с Карой потому лишь, что боле его нигде не ждут.

– Кистень-палица-секира, бей! Секира!

– Кистень!

– Палица!

К двум выброшенным вперёд мужским рукам присоединилась третья – узкая, изящная женская ладошка. Невысокая, самую малость (по мнению Ранна, как раз) полноватая женщина заученным жестом отбросила назад тяжёлую белоснежную косу и поинтересовалась:

– Ну, кто выиграл?

Мужчины поспешно опустили на колени. Лайо заикнулся:

– Кистень выбивает палицу...

– Вы, госпожа, – буравя глазами пол у расшитых маленьких туфелек, перебил Ранн.

Женщина приложила палец к улыбчивым губам с жёсткими фальшивыми морщинками в углах:

– А разве кистень не выбивает палицу?

– Никак нет, госпожа. Это от кона зависит. В этот раз палица побеждает всех, – не дрогнув, соврал Ранн. Бусины на туфельках перемигивались холодными искрами, точно заманивая в обмёрзшую паутину.

Колдунья медленно дважды хлопнула в ладоши, не то радуясь победе, не то аплодируя неумелой лжи:

– Какая же я везучая, правда, мальчики?

– Так точно, госпожа.

– Вот и чудненько, вот и ладненько! Пойдёмте-ка, расскажете, как дела в моём маленьком королевстве, а то, смотрю, мнётесь у порога, никак войти не решитесь.

Женщина приветливо распахнула дверь, пропуская охотников вперёд, а Лайо в который раз содрогнулся, словно его приглашали заглянуть в пасть волку.

Если колдунья и преувеличивала, называя двор королевством, то лишь слегка. Потому что огромная полукруглая комната, занимающая здоровенную часть дома, более всего походила именно на тронный зал. Резное деревянное кресло с гладкой спинкой, наверняка ужасно твёрдое и неудобное, возвышалось на постаменте: самое место, чтобы карать и миловать. Стулья поменьше, но тоже искусно украшенные, расходились от него в два ряда вдоль противоположных стен. Эти пустовали и пахли свежим деревом. Пока ещё не отшлифованные, в отличие от большого трона, они уместнее смотрелись бы в пыточной. Светлые, аккуратные, ровные... но Лайо всё не мог отделаться от мысли, что на высоких подлокотниках аккурат оставлено место под кандалы.

– Не пялься, – пихнул его локтем в бок Ранн.

И то верно: от любопытства кошка сдохла. Мало ли для чего госпоже понадобилось добавить сидухек в зал? Может, гостей ждёт...

Едва зайдя в любимую комнату, женщина скинула вышитые туфельки и, не беспокоясь, что там мужики разглядят, задрала юбки, чтобы натянуть валенки.

– Холодно сегодня – жуть! – Она потопталась на месте, наслаждаясь удобной обувкой. – Ну так какие у нас дела, мальчики?

С трона, а иначе как тронем его и назвать нельзя, свисало вязаное шерстяное одеяло, в которое колдунья и укуталась. Ну точно пухлая курица-наседка! Только носки валенок, по-детски направленные друг на друга, виднеются.

Прокашлявшись, Ранн заслонил младшего охотника:

– Почти всех нашли. День-другой, и оставшиеся колдуны придут домой. Только Верда, сказывают, в последний раз в Крепости видели, а потом пропал почти на две седмицы... Не извольте беспокоиться, госпожа, – торопливо добавил мужчина, низко кланяясь.

Колдунья дослушивать не стала:

– Верд хороший мальчик, он меня не подведёт. Ой, Ранн, милый, неужто ты взволновался? Ну что ты! – Накинув одеяло на плечи подобно мантии, она сбегала с постамента, помогла старому слуге разогнуться. – Ты же не думал, что я стану тебя наказывать за это? Ну что я, изверг какой?

– Что вы, госпожа! – вытянулись стрункой оба воина. – Вы милостивы и добры.

– И прекрасна ещё, – скромно добавила колдунья.

– Прекрасней небесного светила! – подтвердил опытный Ранн. Ему вдруг, как и молодому трусливому Лайо, захотелось оказаться как можно дальше от этой красивой, улыбчивой и невероятно страшной женщины. Ровно зимняя ночь: заморозит, укроет, укутает теплом... А наутро уже не проснёшься, так и останешься навечно в белой перине, скрючившись в три погибели.

– Ох, хитрецы! – погрозила им колдунья, возвращаясь на место. Поджала ноги, укрылась поуютнее и достала из-под трона завернутый в полотенце пирог с красной смородой. Огляделась в поисках ножа или ложки, не нашла и, пожав плечами, колупнула пальцем из самой середки. – Если это единственное, что пошло не так, жить можно. – Ягоды окрасили уста алым. – Ну опоздали и опоздали. Верд ни разу меня не подводил.

Лайо шумно икнул, привлекая к себе нежеланное внимание. Колдунья сощурилась и уточнила, медленно облизывая красные губы:

– Это же единственное, что у нас случилось, верно, мальчики?

И кто его за язык тянул! Учила матушка не лезть, куда не просят... Да только она же учила сразу сознаваться, ежели где опростоволосился.

– Дарая пропала, – не узнавая собственного голоса, сознался юный наивный охотник. – Сказывают, её солдаты увели. Утром вернулся Ламард, которого отправили за ней, говорит: дом Хоря разрушен, соседи видели королевский отряд...

Узкая ладонь шлёпнула по середке пирога, смяла податливую начинку – в стороны брызнул рубиновый сок.

– Приведите его ко мне.

– Я схожу! Я схожу! – хором вызвались оба охотника.

– Ранн, – одёрнула колдунья.

– Слушаюсь, госпожа, – глухо, бесцветно отозвался тот. Что ж, он прожил долгую интересную жизнь. Жаль, некому рассказать о ней.

– Приведи мне Ламарда.

С полминуты мужчины не двигались. Один не верил в своё счастье, второй – просто не верил.

– Ранн, – поторопила женщина, медленно вытирая руки об одеяло. Принялась переплетать плотнее косу, чтобы не мешалась. С нажимом повторила: – Иди.

Охотник вздохнул, но не сказал ничего. А что тут скажешь? Положил руку на плечо юного, наивного, невезучего парня, ободряюще сжал и торопливо вышел, избегая ловить растерянный, обиженный взгляд.

Уже снаружи комнаты, которую колдунья звала не иначе как тронный зал, он сильно зажмурился, до боли, до мушек перед глазами потёр лицо. Такой молодой и такой глупый...

Госпожа не всегда угадывала со слугами: у некоторых всё же оставался кто-то, кого они любили в этом мире. Кто-то, кроме госпожи. Лайо всё ещё любил матушку, хоть та и молилась втихаря о скорейшей смерти чахоточного сына; любил сестёр, что вешались ему на шею, когда юный охотник приезжал в гости с гостинцами. Отца вот только у Лайо не было – давненько уже отправился к богам. Глупый, глупый мальчишка... Последнее, что нужно было ему в этой жизни, – встреча с сумасшедшей колдуньей. Лучше бы боги освободили его через хворь!

Ранн прижался ухом к двери, хоть и знал, что толстое дерево проглотит все звуки, погладил шершавые холодные доски.

Прощай, юнец. Жаль, что тебе довелось услышать лишь малую толику историй живучего пса.

* * *

Колдунья вывернулась из одеяла, скинула валенки, упираясь мысками в пятки, и подошла к трясущемуся пареньку.

– Ну-ну, мальчик мой, неужто ты напуган? – удивилась она, обнимая, утешая его, перебирая льняные кудри. Так она успокаивала, гладила его, когда умирающий, истощённый болезнью Лайо лежал в материнском доме и уже не отличал родных от чужих. – Ты же не думаешь, что матушка обидит тебя? Я люблю всех вас, всех – как родных.

Он знал, что нужно отвечать. Как знал и то, что уже не переступит порога тронного зала. Зубы стучали, а слёзы текли по щекам, не слушаясь, не давая мальчишке хоть ненадолго притвориться мужчиной.

– Я знаю, госпожа, – прозвучал высокий дрожащий голос.

– Ну-ну, разве госпожа? Вспомни, как звал меня раньше!

Редкие капли превратились в сплошные мокрые потоки. Лайо прикрыл глаза, но и сквозь веки видел синие искры, сплетающиеся в невесомую паутину, окутывающую, проникающую под кожу, ядовитыми змеями заползающую в уши, в ноздри... Паутина пульсировала, в нетерпении дрожала, как живая, готовая глотать и пить.

– Я знаю, матушка Кара, – прошептал юный глупый охотник, уже не чувствуя голодной плети, ныряющей ему в глотку.

* * *

После знакомства с уважаемыми бандитами низкорослый конёк Верда неожиданно подрос и сменил цвет. Вместо деревенского тяжеловоза наёмнику вручили статного жеребца в яблоках, ко всем своим весомым и часто демонстрируемым достоинствам ещё и оснащённого дорогушей сбруей, которая пришлась бы к месту разве что на параде.

– И на кой он мне? – Верд хмуро шлёпнул любопытную морду. – Он же на каждый забор запрыгнуть норовит!

– Зато красавец какой! Ножки изящные, копытца что камни драгоценные! – Судя по восторгам, с которыми Вран пытался впарить дорогим гостям скакуна, он и сам не мог придумать, куда бы пристроить осеменителя.

– А розы в зубах он, часом, не носит?

– А ты дарёному коню в зубы-то не смотри. – Хозяйственный Санторий сгрёб поводья, ловко избегая попыток жеребца пристроиться сзади хоть к кому, коль скоро достойных кобыл в зоне видимости не обнаружилось. – Продадим!

– Ага, рядом на рынке встанем: жеребец неезженный, только слегка поколоченный! Где Каурка моя?

Слегка поколоченная ремнём Талла хмуро покосилась на наёмника и соболезнающе – на коня. Но встревать не стала. Весьма вероятно, что из-за плотно завязанного рта и стянутых за спиной запястий. Но это не точно.

Каурку между тем и правда привели. Вычищенную, сытую, кокетливо отворачивающуюся от подозрительно ласкового конюха. Только что ромашки за ухом не хватало. Жеребец, не будь дурак, сразу всхрапнул, встал на дыбы и попытался сделать своё жеребцовое дело, но Верд бдительно охранял невинность своей кобылицы. Незаметно проверив, не слишком ли туго связана колдунья, он подтолкнул девушку:

– Ну, садись, что встала?

– М-м-м, м м-м!

– В седло, говорю, садись!

Девушка упрямо вздёрнула нос. Охотник рыкнул, но таки попытался подсадить: сжал талию, приподнял... Вреднючая колдунья брыкнулась, едва не заставив наёмника, поскользнувшись, упасть навзничь.

Вран благоразумно смылся, пока ещё каких претензий не предъявили, не постеснявшись утащить с собой и забракованного коня: пригодится. Санни тоскливо проводил красавца... жеребца, а не Врана, взглядом, но окликать не стал, оставшись верным Кляче.

– Так мне вас, может, уже за городом подождать? – предложил служитель, пока милые бранились-тешились.

Ему Верд не ответил, а вот девчонке захотел сказать пару ласковых.

– Садись! – вместо всех слов, что рвались из горла, потребовал он.

– М! – сквозь кляп обругала его колдунья.

– Да чтоб тебя! – Верд сдёрнул повязку вниз. – Чего?

Талла подвигала нижней челюстью, проверяя, не вывихнула ли от усердия, высунула и снова спрятала язык и, украдкой потерев ягодицы, повторила:

– Спасибо, я пешком.

На это наёмник ответа не нашёл. Вернул на место повязку, поднял девку повыше и кинул животом на седло. Сам устроился рядом и, не удержавшись, похлопал по выпяченной попке. Колдунья только возмущённо дрыгнулась, но, начав сползать, тут же успокоилась.

Видно, хорошо Вран напугался. Бандит не только безропотно отдал дурную, но ещё накормил-напоил важных гостей. Не преминувший воспользоваться оказией Санторий полусонно чмокал губами, вспоминая встречу с жареной уткой как свидание с любимой.

– Хорошо всё-таки, что Вран нас с кем-то попутал. – Служитель выколупал из зубов последние застрявшие кусочки птицы и с сожалением подумал, что, если бы чуток попрыгал, сумел бы уместить в животе ещё одну порцию. – Небось абы для кого так не расстарался бы.

Верд молчал. Он вообще всё больше мрачнел, отчего редкие вечерние прохожие предпочитали разбежаться перед всадниками в стороны, а не рассматривать, о чём им там жестикулирует связанная девка. Но откормленный и отогретый Санторий не замечал, что воздух сгущается, а бессмысленной речью он сотрясает его уже в одиночку.

– Но всё ж интересно, кто эта *она*, которой Вран так испугался. Хотя, наверное, хорошо, что не знаем. Лягнули бы лишнего, а то и вовсе сами бы в штаны наделали...

Верд придержал поводья, замедляя шаг, а вскоре спешился. В этой части города дома (не дома – хоромы!) возвышались над головами. Чтобы разглядеть крытые заморской черепицей крыши, приходилось вытягивать шею. Улочки, ясное дело, тоже становились шире. Теперь уже не то что две лошади свободно шли рядом, а и пара повозок разминулась бы.

И всё же наёмник спешился. Осторожно снял и поставил рядом колдунью, дёрнул, когда она попыталась припустить в переулок.

Он остановился перед огромным домом, огороженным таким плотным и высоким забором, что не каждое лесное селенье бы себе позволило, тоскливо посмотрел на витиевато украшенные ворота и провалы окошечек-бойниц, из которых наверняка уже кто-то рассматривал прибывших.

– Видишь ли, Санни, я знаю, о ком говорил Вран. Мы и так шли к ней.

Выражение, которое вырвалось у Сантория, служителю, конечно, не следовало бы использовать. Но, произнеся его, он не только нисколько не пожалел, а ещё и добавил:

– Шваргом тебя налево, Верд!

Санни неуклюже спустился с лошади и, наплевав на все последующие истязания, которым обязательно предаст его друг, вмазал наёмнику снизу вверх по подбородку. Попытался, точнее, потому что Верд увернулся и перехватил кулак в полёте, ещё и заломил, чтоб неповадно.

– Уймись, Санни, – отрешённо попросил он.

– Я уймись?! Я?! Взрослый мужик, а ведёшь себя как упрямый ребёнок! Ты либо слепой, либо дурак!

Талла согласно пискнула и пнула похитителя, но Верд удержал и её.

– Ты не видишь, что девочка... Да какая, к шваргам, девочка! Талла – красивая молодая женщина, умная и добрая! Хоть и дурная, – нехотя прибавил Санни. – И она не хочет с тобой расставаться, идиот! Она хочет быть с тобой! Неужто мне придётся стать гласом рассудка, чтобы эти недалёкие безбожники хоть раз его услышали?! Прошу тебя, друг, уйдём отсюда и продолжим путь вместе! Как одна большая... и ненормальная семья! Если в тебе есть хоть немного... Если ты правда любишь её...

Не стоило произносить вслух то, что и так всем ясно. Верд пихнул друзей вперёд.

«Если правда любишь её... – горько подумал он. – Если любишь. Если...»

Он отчётливо скрипнул зубами и шарахнул по воротам.

– Верд! Ты ли?! Уже заждались! – мгновенно отозвались из возвышающейся над ними башенки.

Когда они вошли во двор, Санторий всё продолжал ругаться, впервые за долгое время разбрызгивая чистую, не смешанную ни с чем злость. Ему хотелось двинуть этому упрямцу, надавать по заднице, как непослушному пацану, отстегать крапивой, лишь бы исправить то, что исправить уже невозможно.

А дурная колдунья молчала. Покорно шла, высоко подняв голову и не позволяя слезам, что до краёв наполнили глаза, пролиться. Потому что, сколько бы ни падали солёные тяжёлые капли, им всё равно не растопить льда, который морозил сердце тридцать с лишним лет.

«Если», – последний раз мысленно повторил Верд и, не решаясь даже посмотреть на колдунью, направился в дом.

* * *

Разве знает ласку уличный пёс? Примет ли за любовь миску похлёбки, станет ли доверчиво тереться о первую ногу, что его не пнула? Когда, брошенный родными, преданный другом, высмеянный теми, кого считал семьёй, Верд оказался здесь, он и не думал обо всём этом. Женщина, принявшая его с материнской заботой, вылечившая, сделавшая невозможное и снова подарившая калеке возможность ходить, стала роднее матери. Любил ли он её? Уличный пёс и знать не знал, что такое любовь! Но он служил ей так, как не служил никому. И Кара знала, что может довериться любимому охотнику, как и он знал то, что колдунья станет матерью для каждого, кто потерян и одинок. И для дурной девчонки, конечно, тоже. Ведь все, кого притаскивали сюда, измученные людской ненавистью, оживали, расцветали весенними бутонами. Оправится и Талла.

Поэтому он шёл по коридорам, короткими кивками здороваясь с такими же, как он сам, потерявшими и вновь обретшими семью охотниками, готовыми сражаться за неё до самой смерти. Одно было странно: в обычно пустующих переходах то тут, то там мелькали белоснежные макушки колдуний. Кого-то наёмник узнавал: сам привозил. С чего бы им всем снова вернуться? Устроились же каждая у своего покровителя, надёжного, выбранного хозяйкой, прижились. Случилось что?

Но виду он не подавал. Лишь исподтишка наблюдал за развязанной Таллой: расслабится ли, увидев сестёр по дару?

– Да это же натуральный военный форт! – прошипел Санторий, всё плотнее прижимаясь к друзьям, отскакивая от хохочущих и любопытно зыркающих на них оружных людей.

– Проваливай, коли не нравится, – обиделся Верд.

Ничего не попишешь, дом Кары и правда напоминал крепость. С высоким частоколом, крепкими стенами, охотниками, более верными колдунье, чем иные солдаты королю. Ну так и что с того? Каждый, кто оказался здесь, имел право не доверять, опасаться людей. Вот и закрылись изнутри. Главное, что в безопасности. Главное, что Талле ничего здесь не грозит, никто не обидит доверчивую девчонку. И может быть, если Кара разрешит, они и правда смогут видаться после. А она разрешит! Каждого, кто живёт под её крышей, хозяйка любит как родного. Иной раз, конечно, и наказывает... Но любит же!

Поэтому они обязательно ещё увидятся с Таллой. Если дурная захочет...

Кара обнаружилась в длинной узкой комнатке, смежной с кухней. Обычно здесь собирались свободные охотники или слуги. Ели, отдыхали и делились историями, сидя рядом за вытянутым столом: бывший богач и бедняк, сирота и ненужный рот в семье, вор и убийца... Прежде. Здесь все они становились семьёй, начинали новую жизнь.

В комнате пока сидели лишь два человека. Кара – не во главе стола, как следовало бы хозяйке, а на правой стороне его, подогнув одну босую ногу под себя. Вторая – в валеночке – стояла на полу, притопывая в такт кивкам женщины. Она говорила с незнакомой Верду колдуньей, ласково перебирая её белоснежные волосы. Длинные, густые, красивые... почти такие же, как у Таллы, но всё же чуть тусклее. Или просто наёмнику так показалось?

Незнакомая колдунья утёрлась предплечьем: горевала? А Кара, притянув девушку к себе, крепко обняла и лишь теперь, через её плечо, рассмотрела и узнала вошедших.

И Талла тоже узнала женщину.

Глава 21

Ты ничего мне не должна

– Разве так приветствуют названую матушку?

Кара поднялась навстречу первой, приветливо распахивая объятия, улыбаясь как бабушка, едва успевшая достать из печи свежий хлеб к приходу внуков.

Но вместо того, чтобы броситься к женщине, которую вспоминала все эти годы, Талла попятилась. Она бы пятилась до самого выхода, а там и вовсе умчалась подальше от странного дома, но упёрлась спиной в грудь Верда. Тот, погладив её по плечам и в последний раз задержав на них ладони, подтолкнул вперёд.

– Это была ты? – Дурная не спешила к Каре и вообще не слишком верила, что место, куда её привели, чем-то отличается от темницы. – Ты? С самого начала?

Кара подошла сама и с некоторым усилием обвила руками слабо сопротивляющуюся девушку:

– Конечно, доченька, зайнышка, солнышко моё! Я всегда рядышком, всегда слежу за тобой...

– Паучиха... – прошептала дурная, ошалело, невидяще таращась в стену.

Кара погладила её по волосам, разделила неаккуратно переплетённые пряди косы, пропустила шелковистые локоны сквозь пальцы.

– Я тоже соскучилась, доченька, тоже помнила, думала о тебе. Ни на секундочку не забывала!

– Ты знал! Ты ведь знал, что это она! – Талла попыталась извернуться, чтобы глянуть в глаза наёмнику, выплюнуть оскорбление, но не сумела.

– Не вини мальчика. Я запретила Верду называть моё имя. Даже намекать не велела. Разве ты пошла бы ко мне добровольно?

Верд едва на пол не сел в бессилии.

– Но ты ведь... Ты же сказала, что дурная обижена будет. Станет злиться, что ты бросила её, не пойдёт из зловредности, а не...

А дурная была напугана. Из страха бы она не пошла, предпочла бы остаться на дне Рогачки, лишь бы не оказаться в крепких объятиях женщины, которую Верд считал самой доброй и родной. Но, как говорится, кому мать... а кому и мачеха.

– Пусти, – хрипло попросила Талла.

– Не пущу. – Названная мать крепче прижала её, казалось, вот-вот выдавит воздух из лёгких упрямой девчонки.

– Пусти... Пусти! – закричала она, забилась птицей с подрезанными крыльями. – Не смей трогать меня, ты! Хватит! Отстань, отпусти меня наконец!

– Тш-ш-ш-ш!

– Верд!

– Тише, тише, хорошая моя...

– Верд, пожалуйста! Помоги мне! Верд!

И наёмник не выдержал. Сдался, шагнул помочь.

– Не лезь, – жёстко приказала Кара. – Девочка сама не ведаёт, что говорит. Давно не видела, забыла меня, напугалась. Не лезь.

– Напугалась?! Забыла?! Я прекрасно помню тебя и только поэтому в ужасе! Пусти меня! Пусти!

Точно бабочка запуталась в паутине. Волосы растрепались, налипли на лоб, закрыли перекошенное лицо, а вырваться – никак. Добродушная невысокая полнотелая женщина держала крепче стальных оков, не давая дурной шелохнуться.

Верд не хотел влезать. Приказали же... А он не привык нарушать приказы. Но когда Талла, нежная, растерянная, просила о помощи, разве мог он поступить иначе? Тело и разум рассорились, повернулись друг к дружке затылками, наплевав, что там творится у вечного врага.

Бить женщин – не дело. И уж точно не след обижать тех, кто когда-то спас его. Поэтому он мягко отстранил Кару, закрывая любимую колдунью. Но хозяйка отшатнулась так, точно её отбросил жестокий удар.

– Верд, ты же хороший мальчик! Делай, что матушка велит, не спорь!

Он надулся, как мальчишка, не желающий расставаться с притащенным с улицы грязным и непрестанно мяукающим котёнком.

– Прости, Кара. Дурной подумать надо, отдохнуть. Не пугай её.

– Ты... послушался меня? Меня, Верд? Ту, которая срастила сломанное, собрала разбитое? Ту, что подарила тебе новую жизнь? – Колдунья то улыбалась, то хмурилась, не понимая, шутит ли любимый охотник.

А он придерживал плечи съёжившейся девушки, доверчиво прячущейся у него на груди... у него! У того, кто привёл её сюда, кто повинен в случившемся! И не мог ответить... Пока наёмник прокашливался, пытаясь нащупать верные слова, подал голос говорливый Санторий. И никогда прежде Верд не был так благодарен ему за умение влезть в разговор!

– Простите великодушно! Нас с прекрасной госпожой так и не представили, так позвольте мне всё же обратить внимание... – Он галантно облобызал узкую изящную ладонь Кары, с полнейшим восхищением рассматривая гладкую бледную кожу. – О великие Трое! Да вы прекрасны! Почему Верд, дурья его башка, не упомянул, в какой чудесный дом и к какой восхитительной прелестнице мы держим путь! Я Санторий, уважаемая. Санторий, служитель Трёх Богов. Но вижу, что скоро им придётся потесниться и пустить на пьедестал ещё одну богиню...

Ни одна женщина на белом свете, какой бы силой она ни владела, ещё не сумела устоять перед оружием, освоенным мужчинами лучше меча и топора: перед лестью. И Кара, умная, предусмотрительная, властная, прекрасно понимая, что приземистый лысоватый толстячок лишь отвлекает её, разгладила готовые появиться жёсткие морщинки у рта, точно белоснежную скатерть на стол кинула. И улыбнулась:

– Разве служителю пристало сравнивать земную красоту с божественным величием?

Она заправила за ухо выбившуюся прядь и чуть быстрее затрепетала ресницами. Нет, Санни не был красавцем. Но кому нужны суровые, мускулистые, высокие и статные охотники, когда за столько лет ни один из них не додумался хоть единый раз сказать ласковое слово... А ежели и говорили, то не искренне; без блеска в глазах, но с потаённым страхом покорного пса, не чающего угадать, ласково потреплют ли за холку али оттаскают за какую провинность. А этот – погляди! – сам идёт в сети, ещё и хвостиком виляет!

Санторий набрал воздуха, чтобы долго и прочувственно оправдывать греховную слабость, но передумал. Огляделся, не

обнаружил в комнате боле никого незнакомого, галантно подставил колдунье локоть и, подмигнув, предложил:

– А мы никому не расскажем, ага? Так, может, вы покажете мне свой чудесный дом, госпожа? Как же вы, хрупкая, прекрасная женщина, одна со всем управляетесь? Вам бы ночей не спать от усердия, а между тем лик ваш свеж, как майская роза...

Они неспешно об руку обогнули длинный стол, но вдруг Кара передумала и вернулась.

– Верд, мальчик мой, обустрой Таллу в свободных покоях. – Добродушная улыбка на краткое мгновение выпустила на волю оскал. – И помни, что метки всё ещё на тебе.

Дурная боязливо выглянула из-за широкой спины наёмника, проверяя обстановку, но, едва парочка скрылась за дверью, помчалась проверять, сколько охраны ходит под окнами.

– Валим, – коротко, деловито скомандовала она. Ни слезинки, ни дрожащего голоса. Притворяется лучше матери, хоть и не родные.

Верд скрестил руки на груди, пошире расставил ноги, демонстрируя, что с места не двинется: ишь, придумала! Строила тут из себя плаксивую девку, а на деле снова лукавила! Как и с ним, когда надурила и сбежала из-под самого носа! А он, олух, снова не остался равнодушным к девичьим слезам!

– Пойдём-ка, – поймал он её повыше локтя.

– Ты что, нас же так увидят! И Санни надо вытащить ещё... Верд! Верд?

– Пошли, сказал, – сильнее нахмурился он, чтобы ненароком не показать, как злится, что снова остался обманутым.

– Верд! Верд-Верд-Верд! – Она отклонилась назад, выпрямила ноги, но и это не остановило, а лишь замедлило наёмника, тянувшего её, как на аркане. – Послушай меня! Стой! Верд, да дай же сказать!

Она скакала встрёпанной обозлившейся кошкой, лупила, кусала его за руку, и без того покрытую шрамами, как чешуёй, но мужчина не сбавлял шагу. Слишком обидно оказалось снова остаться в дураках. Бабы! Только врать и умеют!

До первых свободных покоев он дотащил её волоком. Благо ключ торчал в замке, так что не пришлось искать. Он распахнул дверь одной рукой, готовясь второй зашвырнуть девчонку внутрь, запереть и забыть как страшный сон. Но она повисла на нём:

– Верд, пожалуйста, выслушай меня! Кара – не хорошая. Она врёт, всем нам врёт! Всегда врёт! Она лживая паучиха...

– Что ж... – наёмник болезненно скривился, но всё же закончил дрогнувшим голосом: – Странно, что вы не родные.

Она обвила его шею, вцепилась в волосы, привстала на носочки, едва не касаясь губами губ, и часто-часто, глотая слова, то поглаживая, то дёргая захваченные пряди, заговорила:

– Прости меня, пожалуйста, прости! Знаю, что соврала, что обидела, – всё знаю! Никогда себя не прощю за то, что сделала. Сама – не прощю. А ты прости, пожалуйста! Ну, не можешь простить, так хоть поверь! Кара – само зло. Она никого из нас не любит, никогда не любила...

– Это неправда, – спокойно ответил наёмник. Теперь он знает, что такое любовь. Знает, что в семье случается всякое. И знает точно, Кара тоже любит всех своих детей. А уж такая это любовь, как у других, или нет – не всё ли равно?

– Она людей убивает, Верд!

– Я тоже убивал. И убью ещё.

– Нет, всё не так! Ей нравится убивать, понимаешь? Сколько помню её, сколько знаю, она всегда была чудовищем!

– Так что ж ты звала её мамой? Что ж вспоминала как самую дорогую и любимую, делилась со мной памятью о ней?

– Да потому что я люблю её! Она ужасная, злая, жестокая... Она ошибалась, много раз ошибалась, а я не могла ни помочь, ни остановить её. Но я люблю Кару! Ни у одной колдуньи не может быть детей, поэтому мы – семья. Сёстры, матери и дочери, единое целое. Я люблю её как мать, Верд, но это не значит, что приму вещи, которые она творит!

Он убрал её гипнотизирующие бледные руки. Вот уж правда семья: обе запутают и убедят в чём пожелают! Но больше наёмник не позволит этой девке обвести себя вокруг пальца!

– Ты просто дура неблагодарная. Кара воспитала тебя как свою. Да, ей пришлось уйти. Знаю, она говорила. Сказала и что жалеет об этом. Но сколько же лет она потратила на то, чтобы найти и вернуть тебя! Чтобы построить дом, где ты стала бы счастливой! Где все мы были бы счастливы! Кара столько сил вложила, чтобы найти тебя, а ты...

Талла рассмеялась. Горько и тяжело. Верд встречал людей, которые смеялись так. И объединяло их одно: им нечего было терять. Так смеялись только умирающие, без страха глядя на остриё меча и человека, который закончит их земной путь.

– Она сказала, что оставила меня? Да она же снова соврала! Верд, это я сбежала! Я убежала от неё, потому что мама... Кара убила человека. Солдат пришёл за нами, а она...

– Она защищала тебя!

– Нет. Я видела: она наслаждалась. А потом... потом она вложила его меч в мою руку. Поэтому мне снились кошмары. Мне снился не десятник, мне снились она и тот меч! Я сбежала от неё тогда и, поверь, сбегу снова. Я не останусь с этой женщиной и вас с Санни тоже с ней не оставлю!

– Ты была несмышлёным ребёнком. Напуганным, едва не погибшим. Знаешь, дурная, раньше я благодарил Кару лишь за то, что она спасла мою жизнь. Теперь же буду благодарен ей вдвое. И я не выпущу тебя отсюда, потому что неприятности находят твою задницу с завидной частотой, как только ты показываешься из дома!

Испугалась ли она по-настоящему хоть на этот раз или снова притворствовалась? Талла кинулась к нему, прильнула к губам, не давая отстраниться, изо всех сил удерживая за затылок и с трудом доставая ногами до пола. И поцелуй этот был горьким, солёным, злым, точно колдунья пыталась вернуть к жизни умирающего.

– Да она же околдовала тебя! Всех вас околдовала и держит за рабов! Послушай же меня! Если хоть когда-то слушал! Если любишь меня, Верд, пожалуйста, дай мне сбежать!

Треугольные метки на руках полыхнули синим пламенем, одуряюще обжигая, предупреждая болью, что глупость наказуема. Но эта боль не отрезвила наёмника, не на правильный путь наставила. Он нырнул в синие глаза-озёра и впервые подумал, что сжигающие носителя метки – малая цена за улыбку этой дурной девки.

– Чтоб тебя! – рыкнул мужчина, поспешно отворачиваясь, толкнул Таллу внутрь и захлопнул дверь.

– Нет! Верд! Верд, пожалуйста!

Она колотила кулачками сколько хватало сил. Кричала, плакала... Наверняка снова притворялась, как и прежде. Но отчего же тогда так заходится сердце?

Наёмник повернул ключ, но вместо того, чтобы уйти, тяжело опёрся о дверь спиной и сполз по ней вниз. Старый верный пёс, охраняющий несмышлёного детёныша. Он с самого начала был им. И только поэтому так хочется свернуться клубком и выть, покуда не охрипнет горло.

* * *

Слюдяное окошко расцвело морозными узорами. Солнечный луч метался меж них, запутавшись в ледяном лабиринте: туда, обратно, закрутился в вихре, скользнул по снежному стеблю ледяного цветка... Нет, не вырваться!

Талла стояла, уперев ладони в подоконник до судороги в запястьях, словно чаяла выдавить его вместе с куском стены. Она прислонилась лбом к белоснежному шершавому рисунку, растапливая, чуя, как стекают вниз поддавшиеся теплу тела капли и как они застывают вновь, лишь ненадолго освободившись от зимних оков.

Ей тоже не вырваться. Потому что убежать в одиночку – не выход. Это раньше она могла так. Смелой себя считала, дурной... А теперь трусит. Потому что есть за кого.

Она саданулась головой об окно. Не слишком сильно, чтобы не перепугать стражников-охотников, что невзначай то и дело прошагивали мимо запертой двери. Не караулили, но приглядывали. Ни разбить полупрозрачную заслонку, ни себе повредить Талла не собиралась: так, мысли упорядочить, выстроить ровными рядами, чтобы не мелькали цветными хвостами, не отвлекали. Не время суетиться. Дело делать надобно. И если и должно было когда-то прийти время повзрослеть, то пришло оно именно сейчас.

Замок едва слышно проглотил ключ. Щёлкнул. В комнату вкатилась невысокая упитанная и румяная женщина. Потопала на месте, стряхивая остатки снега с валенок, откинула за спину тяжёлую косу и по-хозяйски (а как ещё, хозяйка и есть) прошлёпала к кровати у стены, на которую Талла так и не присела. Томно откинувшись, безжалостно подминая башенку из подушек.

– Как ты тут, зайнька?

Колдунья зажмурилась, трижды коротко выдохнула, успокаиваясь, и только после этого повернулась:

– Здравствуй, Кара.

Потянувшись со вкусом, с блаженным стоном, та ударила кулаком нижнюю подушку, устраиваясь ещё удобнее:

– Кара... А когда-то ты матушкой меня величала.

– Когда-то ты не убивала людей.

Колдунья огляделась, точно и правда надеялась отыскать почивших, свесилась с перины, заглянула под кровать.

– Разве ты тут видишь бездыханные тела?

– Уверена, они припрятаны где-то ещё.

– Где? В кухне? В подвале? В хлеву с курами, может? Доченька, не делай из меня чудовище.

– Ты мне не мать.

На миг рот Кары жёстко, болезненно дёрнулся:

– Настоящая мать выбросила тебя из дому, едва приметив белую косу.

Словно отражение, Талла тоже скривилась:

– Смотрю на тебя и понимаю почему. Не зря нас боятся.

Женщина сощурилась. Нет, Талла выросла похожей на неё, как бы ни пыталась это отрицать. Такой похожей, что и посмотреть лестно.

– Волосы спутались, – разгладила морщинки у рта Кара. – Сядь, причешу.

Девушка попятилась бы, да некуда: и без того едва на подоконник не уселась. Она бессознательно пригладила непослушные локоны.

– Не надо.

Воды бы... Хоть морозный узор слизнуть, лишь бы горло так не сохло.

– Сядь, – твёрдо приказала Кара, указывая на нарочно устроенный девичий уголок.

Зеркальце на маленьком столике; перед ним тяжёлый гребень, флакончики с пахучими маслами, пара серёжек да очелье. Всё это принесли почти сразу, как заперли Таллу. Вместе с постелью и сундуком, в который колдунья по одной надобности заглянула и даже, пока никто не видит, поворошила лежащие внутри платья. Однако ж не купилась на красоту.

Гордо задрав нос, дурная прошла к зеркалу и медленно опустилась на стул перед ним, не отрывая взгляда от силуэта матери в стекле. Та сидела, внимательно наблюдая за каждым движением дурной, не шевелясь, будто расслабленно раскинув руки-ноги по кровати. Однако ж ясно: сорвётся, в мгновение ока окажется рядом, если захочет...

Талла отвлеклась на секундочку, чтобы осторожно, мизинцем, отодвинуть от края столика серёжки, подняла глаза – и вздрогнула. Кара уже стояла за спиной.

– Какая же ты красивая стала, девочка моя...

И всё же она постарела. Не так много лет прошло, но мстилось – целая жизнь. И ладони её, узкие, ухоженные, не чета рукам сельских баб, покрылись сетью мелких морщинок.

Былое пронеслось, как солнечный зайчик, ослепивший на краткое мгновение и испарившийся в небытии. Эти ладони утирали слёзы маленькой, брошенной всеми девочки, обречённой на смерть потому лишь, что довелось глупышке родиться беловолосой. И дурной... Конечно, она была дурной! Как же иначе? Все колдуньи притягивают нечисть, приносят неудачу в избу. Они противны богам, а значит, и среди людей им делать нечего. Потому четвёртую родители и отнесли в лес. К чему им четвёртый ребёнок, когда боги завещали держать тройню? Двух сыновей и дочь, как и в семье Троих. Только так можно замкнуть счастье...

Эти узкие, нежные ладони подняли почти обессиленную от обиженного плача малышку. Эти ладони причёсывали белоснежные волосы с гордостью, с неведомой Талле нежностью.

У колдуний не бывает детей. Что, как не это, доказывает, что боги против продолжения их ядовитого рода? Но Кара всегда так хотела ребёнка...

Забывшись, дурная коснулась запястья названной матери. Той, что выходила, выкормила, приняла её. Показала, что дурную девку тоже можно полюбить.

Солнечный зайчик сменился крылом тьмы.

Ту, что, окровавленная, сжимала рукоять меча, измарывала стены алым.

Талла попыталась вскочить, но старшая колдунья надавила на её плечи, вновь усаживая на место. Подцепила гребень и расплела пряди,

пропуская их между пальцами. Как раньше. Как когда-то в прошлой жизни...

– Я скучала по тебе, доченька.

Талла прикрыла глаза, прогоняя кровавое наваждение, заглушая предсмертный крик солдата, который просто просил воды...

«Они никогда не приходят просто так, – ответила тогда мать. – Он бы всё равно вернулся позже. С подмогой».

И сколько бы Кара ни пыталась отмыть рук, алое словно намертво въелось в них, как и в стены *того* дома. Талла видела кровь тогда, свежую, ещё горячую. Она точно знала, что горячую! Ведь брызги прожигали кожу и на её щеках... Она видела эту кровь и сейчас. Алые пятна точно расплывались по белым волосам. Но колдунья сидела ровно, прямо, боясь вдохнуть, чтобы не почуять снова *тот* запах.

– Они ведь не зря ненавидят нас.

Дурная видела в отражении, как узкие ладони приглаживают вихры, как скользит гребень, и представляла, что она кто-то другой. Кто-то, кому не приходилось просыпаться от кошмаров ещё долгие месяцы после того, как страшная женщина осталась далеко в прошлом.

– Людям нравится ненавидеть.

– Нет, неправда. Они... – Талла хотела повернуться, но страшная женщина оказалась слишком реальной, слишком близкой... Девушка снова подняла глаза на отражение: – Мы приносим беды. Притягиваем нечисть. Правда?

О, как бы она хотела услышать ложь! Сама догадалась, уразумела, поняла... Но как хотелось ошибиться!

– Притягиваем, – кивнула Кара. – И что с того? Костёр тоже притягивает мотыльков, но он же сжигает тех, кто подобрался слишком близко.

Белые волосы обернули Таллу саваном. А узкие ладони мелькали, точно пряли из них тончайшую нить, перебирали, оглаживали и успокаивали. Убеждали...

– Значит, правда...

– Не всё, что пишут в святых книгах, правда, зайчика. Но и не всё ложь. Ну, притягиваем. Колдовство к колдовству, так уж заведено. И что? – Она спросила равнодушно. Ей дела не было до тех, кто

лишился дома, кто потерял жену или мать, кто погиб после нападения нечисти...

Талла не расплакалась. Единственная слезинка скользнула к подбородку, но затерялась в пологе белоснежных прядей. Она шепнула:

– Люди умирают из-за нас.

– А ещё они нас убивают. Не просто из злости или ненависти. Король дозволил уничтожить весь колдовской род. Приказал и выплатил жалованье солдатам за то, чтобы истребили нас.

– Они боятся!

– Они – жестокие твари. Не лучше нечисти. Ну так пусть между собой и договариваются. – Кара стиснула её плечи, заставила развернуться и взглянуть в свои глаза, а не в обманчивое зазеркалье: – Они не тронут нас, доченька. Нечисть тянется к колдуньям, но и боится нас, обжигается, как мотылёк об огонь. Они – наша защита, последний рубеж!

– Если король приказал...

– Король – идиот! Думаешь, он правда волнуется за подданных? Как бы не так! Власть всегда боится более сильной власти! Он за себя боится, а не страну спасает! Ратует лишь о том, чтобы задница покрепче прилипла к трону! Но ничего... Мы ещё дадим по ней пинка. Боится? Ну и пусть! Не зря боится!

– Я тоже боюсь тебя... Ещё с тех пор.

Кара отпустила дочь. Растерялась ненадолго, порываясь не то обнять и утешить, не то закричать и снова запереть непослушную, чтобы подумала над своим поведением. Швырнула гребень в зеркало. Стекло пошло паутиной трещин.

– Чтобы защитить семью, приходится быть жестокой. А ты – моя семья, девочка. Все колдуньи – моя семья. И мы должны... мы будем вместе, нравится тебе это или нет. Люди – наши враги.

– И Верд? – Дурная запнулась. – И охотники? Они тоже враги?

– Они нанятые работники. Хорошие и верные. Я сама выбирала каждого. Но поверь, девочка, они предадут нас сразу же, как кто-то заплатит больше.

– Или как только ты попытаешься их убить.

– Вот же заладила, упрямая девка! Я убила того солдата, чтобы защитить тебя! Одного-единственного слабого, никому не нужного

человека! А ты припоминаешь мне это до сих пор?

– Он просил воды, мама. Он просто просил воды...

– А потом он убил бы нас!

– А потом он бы ушёл!

– Ты не знаешь этого!

– Ты тоже!

Они обе вскочили, разошлись по сторонам, как встопорщившие шерсть кошки.

– Ты бросила меня из-за жалкой человеческой твари! – Голос Кары стал выше, тоньше. Губы её дрожали, как у маленького ребёнка. Талла никогда не думала, что матери тоже было больно.

– Я бросила тебя, потому что ты хотела сделать меня убийцей, – прошептала она, подаваясь вперёд и снова отступая.

Обнять, утешить... Горло себе разодрать, лишь бы мама не плакала! Лишь бы не терзала виной, не резала сердце на мелкие кусочки и не втаптывала в ледяной, колючий снег.

– Мне было тяжело без тебя, – созналась колдунья. – Наверное, почти так же, как тебе без меня.

– Но ты не вернулась. – Кара тяжело опустилась на стул, повернувшись спиной к растрескавшемуся зеркалу.

– Не вернулась, – кивнула дурная.

Старшая колдунья утёрла щёки рукавом, тем самым движением, которым когда-то стирала кровь, брызнувшую из изуродованного тела незнакомого мужчины. И улыбнулась:

– Моя девочка. Упрямица...

Проглотить рыдания оказалось немногим проще, чем выплеснуть их наружу. Талла осела на пол, прижимаясь лицом к коленям матери, а та гладила её по волосам, утихомиривая, усмиряя.

– Всё будет хорошо, девочка моя. Мы теперь все вместе, семья, и никакая сила нас не разлучит боле. Ещё немного, и никто не посмеет нас тронуть. Никогда.

Она встала, подняла девушку, обняла. Отражение Таллы посмотрело сквозь паутину трещин растерянно.

– Что ты сделала? – шевельнуло губами оно.

– То, что сделала бы любая мать для своих дочерей. Я построила для нас дом. Осталось лишь пустить во двор злых собак.

Отражение открыло рот. Каждый кусочек истории, как разбитое зеркало, мог бы прирасти к соседнему, показать картинку целиком. Если бы глупая молодая влюблённая колдунья смотрела на него, а не на мужчину, занявшего все её думы. Она с самого начала знала, чья магия оставляла метки вдоль реки Рогачки. Знала, но не хотела верить...

– Ты была рядом куда дольше, верно? – хрипло проговорила девушка, не расплетая объятий, до последнего надеясь, что заблуждается. – Мёртвая деревня возле Больших Храмовников. Там была ты.

– В Храмовниках оказался слишком внимательный служитель. Пришлось малость отвлечь его, но проложить дорожку через это селение всё равно не вышло.

– Это ты прокляла господина Плессия. Из-за тебя он обращался в чудище!

Кара пожевала губами, едва слышно повторяя имя:

– Плессий... Нет, не помню. Может, и Плессий. Какое мне дело до служителей? Они первыми благословили истребление колдуний!

Отражение пыталось вырваться из паутины, но уже не могло. Слишком давно, слишком вязко она плелась. Слишком незаметно опутывала... И Талла стояла, не шевелясь, боясь выдернуть паучиху из логова неосторожным движением.

– А ты истребила целую деревню у озера...

– Я истребила?! – Кара ухмыльнулась, точно знала великую тайну. – Хочешь секрет? – И горячо шепнула в самое ухо: – Её истребили *мы*!

Кара хохотала, пока дочь бессильно ревела.

– Ты же не думаешь, что матушка за десяток лет ни разу не вспомнила о тебе? Или что Верд забрёл в пограничную глушь случайно, не представляя, где и кого искать? Нет, девочка, он шёл именно за тобой! И он знал, куда шёл, потому что я давно отыскала тебя и указала точное место! Знаешь, почему я так хотела оставить метку в Храмовниках? – Она залилась смехом, играя, как жестокий ребёнок. – Ну спроси меня, ну спроси!

– Почему? – едва слышно отозвалась Талла.

– Потому что это селение – ближайшее к тебе! Колдовство к колдовству, помнишь? Я лишь оставила метку, но питала её своей

силой ты! Каждый раз, когда лечила кого-то, когда тянула из незнакомцев смерть, ты питала мой клубок силой! А он притягивал к себе нечисть.

– Зачем?! – Ох и глупый вопрос! Ответ ведь и без него ясен!

– Чтобы вычистить территорию от людей, конечно!

– Ты убивала их! Жаловалась, что истребляют нас, а сама губила ни в чём не повинных...

Кара жёстко закрыла ей рот ладонью, заставляя замолчать:

– Никто не лишал их выбора. Кто поумнее, бежал в глубь страны. Я не изверг, чтобы убивать невинных. Я всего лишь освобождала землю. Не всю, заметь, а только маленький кусочек!

– Возле Крепости, на кладбище, тоже была метка...

– И возле Рощи, и в Нижних Загребах... Везде в устье Рогачки! И возле каждой метки жила колдунья, подпитывающая её. Я селила колдуний в нужных мне местах.

– Я не знала...

– Никто не знал! В том и прелесть! – Кара развернулась к зеркалу и принялась переплетать собственную косу, хитро поглядывая на дочь. – Мы собирали колдуний, привозили сюда. И отправляли каждую к покровителю, к тому, кто мог бы защитить её. До поры. До тех пор, пока я не позову вас всех домой.

– Ты продавала их, да?

– Сдавала в аренду.

Гребень чиркнул по волосам, как меч по животу человека, чья жизнь оборвалась на глазах у маленькой девочки. Чья кровь брызнула в сосуд, полный живительной прозрачной влаги. Мужчина доверчиво снял ножны, оставил на скамье и потянулся к чаше... И, наверное, так и не понял, откуда пришла боль и почему вода вдруг стала красной.

Теперь Кара смотрела на отражение дочери, а той казалось, что восемь паучьих глаз выглядывают из каждого осколка.

– Мне же нужно было платить охотникам жалованье! И построить на что-то этот дом, и обеспечить наше будущее...

– Как давно ты стала делать это?

Кара коснулась тонкими пальцами трещин на зеркале, точно надеялась, что что-то ещё способно срастить их в единое целое. Но разбитое стекло не склеить, а порванную на кусочки измаранную душу не сшить в белоснежное полотно.

– Порой мне кажется, что всегда...

Насколько же устала эта женщина, что целую жизнь отдала ненависти? Как глубоко разъяела её злость? Талла опустила на пол. Спрятаться бы в тёмной норе да сидеть тихонько, пока плохое не закончится, пока не явится сильный, смелый мужчина, способный отогнать от неё зло... Но мужчина не явится.

– За что ты ненавидишь их? За что ты так всех нас ненавидишь?!

– Ненавижу?! – Кара игриво прислонила серьги к ушам – примерить. Не одобрила, попробовала другие. Увлёкшись, не отвечала ещё долго, но всё же вспомнила: – Я не ненавижу. Я люблю тебя и всех наших сестёр. А на людей мне плевать. Уберегутся – скатертью дорога. Сдохнут – тоже не жалко. Королю пора подвинуть своё величественное седалище на троне, девочка моя. Мы – настоящая сила. У людей такой нет. И мы могли бы потребовать куда больше, но... но я всего лишь решила откусить кусочек земли. Отрезала, пометила его своей магией, чтобы нечисть выгнала недостойных. А нам эти твари ничего не сделают. Лишь будут шнырять вдоль границы, отгоняя тех, кто тут даром не нужен.

– И что же? Станем вечно прятаться, отделившись от остального люда?

– Почему же вечно? До времени. Надо же с чего-то начинать. А уж какая мощь вырастет из нас позже, поглядим. Колдуньи куда сильнее, чем кажется. Ты, глупышка, тянула из людей болезни, смерть тянула. Но ты и представить не можешь, сколько нам подвластно, если тянуть из них жизнь! Я должна научить тебя всему. И вот тогда мы поглядим, кто действительно не угоден богам: колдуньи или люди.

– Не надо. – Талла съёжилась маленьким комочком. Вот бы нырнуть в крепкие объятия, потереться о колючий подбородок... И вновь покажется, что нету на свете зла. – Ты ничего мне не должна.

Кара медленно приблизилась к дочери. Упитанная и невысокая, смешная, румяная и добродушная. Вопреки всему этому она казалась монстром, способным выпить до капли всё, чем являлась дурная. Женщина подцепила подбородок дочери, пытаясь рассмотреть хоть намёк на ту нить, что связывала их когда-то. И, горько скривившись, отпустила.

– А вот ты – должна. И я возьму долг сполна, девочка.

Робкий стук в дверь прогремел набатом. До чего же Талла обрадовалась пришедшему, кем бы он ни был!

– Госпожа Кара? – в щель заглянул грязный и резко пахнувший лошадиным потом мужчина.

– Ламард, ты уверен, что готов к встрече после последнего проступка? – холодно спросила хозяйка, повернувшись к нему. Талла не видела, но знала, что её глаза заискрились синим пламенем.

Мужчина поспешно уменьшил щель, в которую заглядывал, но не ушёл.

– Простите, госпожа. Я повиниться... Дараю всё-таки отыскал...

Кара всплеснула руками и поспешила к дверям, чтобы распахнуть их во всю ширь и крепко обнять мужчину, не думая, чем он там пахнет и насколько длинный путь преодолел верхом.

– Что ж ты сразу не сказал?! И почему вдруг госпожа? Звал бы меня матушкой, как раньше! Ламард, милый, как же ты вовремя! – Она обцеловала его чумазое лицо. – Хороший мальчик! Я знала, что ты хороший мальчик!

Прежде чем выскочить из комнаты, она вернулась к дочери, присела на корточки и убрала за уши её распущенные локоны.

– Что ещё тебе от меня нужно? – Талла подняла на неё пустые глаза.

– Платье возьми в сундуке, – деловито скомандовала Кара. – Волосы не сплетай. Прихорошись. Вечеру пришло за тобой.

Все совершают ошибки. Дурная смотрела, как тени под дверью, чуть помявшись и пошептавшись, расходятся, и повторяла про себя, что все совершают ошибки. Но об ошибках положено жалеть. А паучиха наслаждалась каждой. Кары не было в гниющей деревне, она не слушала вечерами пение бабы Руты, обречённой лесничихи, и не говорила с Отто, лишившимся жены. А Талла – да. И она знала цену ошибок матери.

Забиться бы в нору, укутаться в темноту, тихонько заплакать и ждать, пока придёт спасать сильный и смелый мужчина...

Но он не придёт.

Потому что он уже здесь.

Талла пробуравила взглядом тяжёлый сундук и, выравнивая дыхание, как можно спокойнее проговорила:

– Теперь ты мне веришь?

Крышка тяжело приподнялась, выпуская на волю покрытого шрамами охотника.

– Могли б и повместительнее какую тару притащить, – пробурчал он, разминая шею.

– Чтобы тебе удобнее устроиться? Ну так заранее бы предупредил.

– В следующий раз – обязательно, – кратко пообещал Верд. – А в этот просто свалим. Где грёбаный Санни?

Глава 22

СЛИШКОМ ПОЗДНО, ЧТОБЫ БЕЖАТЬ

Приземистый охотник, которому доверили приглядывать за своенравной колдуньей, откровенно скучал. С тех пор как Верд передал ему ключ с просьбой отнести Каре, не случилось ровным счётом ничего интересного, а суетящиеся в кормушке перед окном снегири лишь напоминали, что по тронному залу носятся сослуживцы, занимаясь чем-то куда более важным. Охранник хотел укоризненно зыркнуть на запертую дверь, но поленился оборачиваться. Вместо этого зевнул так широко и сладко, что самый любопытный снегирь спорхнул на ставень, проверяя, не припрятали ли хитрые люди самое вкусное внутри дома.

Захлопнуть рот уже не удалось: чья-то твёрдая рука затолкала в него скомканную тряпицу, заставив проглотить недоумённый возглас. Та же рука крепко, по-дружески приобняла за шею и прижала, пока не начало темнеть в глазах. Последнее, что разглядел горе-стражник, – физиономия дурной девки, почти уткнувшейся своим носом в его.

– Вроде дышит, – с долей сомнения протянула Талла.

– Сойдёт. – Верд подхватил вырубленного под мышки и отволол в комнату.

Талла больше мешалась, то приподнимая, то вновь роняя ногу безвинной жертвы, но наёмник на неё не цыкал, втайне любуясь на сосредоточенно нахмурившуюся девушку. Такая нежная и заботливая, что дух захватывает!

– Давай его свяжем. – Талла стащила с кровати подушку, приподняла за опасно затрещавший чуб голову надзирателя и подоткнула.

Чуть поколебавшись, наёмник отказался от затеи:

– Нечем. Лучше крышку сундука откинь.

– Ты же говорил, там неудобно!

– Ужасно неудобно, – подтвердил Верд.

Колдунья ухмыльнулась:

– Вот и ладненько.

Подушку тем не менее тоже положила. Правда сверху, на лицо охотника. Зато взбить не забыла.

Верд мысленно похвалил себя, что не поленился разыскать второй ключ от покоев. Теперь, покуда Кара не отопрёт замок лично, пропажи дурной никто не заметит. А ежели оставшийся внутри парнишка примется колотить в дверь, никто и внимания не обратит.

Талла легкомысленно пошла вперёд, так что наёмнику пришлось дёрнуть её за пояс, оттаскивая к себе за спину. Колдунья даже скорости не сбавила.

– Как думаешь, Санни ещё жив?

– Очень на это надеюсь. – Верд выглянул из-за угла, проверяя, нет ли кого в следующем коридоре, отпихнул высунувшуюся вслед за ним девчонку, – потому что хочу найти его и прибить сам. А это ещё у тебя что?

С некоторым недоумением изучив содержимое своих же рук, Талла сообщила:

– Швабра.

Верд приподнял брови, показывая, что информации всё ещё недостаточно.

– Вон там стояла, – пояснила девушка и тяжело вздохнула, вынужденная уточнять столь очевидные вещи: – Сражаться же!

Наёмник обидно заржал, представив дурную со шваброй наперевес, несущуюся на толпу мужиков. Полегли бы все. Хотя бы от смеха.

– На, – сунул он ей нож. Благо, вернувшись домой, успел и переодеться, и запас оружия пополнить.

Талла прикрылась от него деревянной рукояткой:

– Я лучше так. Знаешь, не очень люблю оружие...

И резко подалась вперёд, замахиваясь.

Дерево затрещало, кажется, аж дугой выгнулось, но выдержало. Подошедший к ним охотник сполз по стеночке до того аккуратно, что прихваченная им с кухни миска похлёбки так и осталась прижатой к груди. Талла любовно погладила швабру.

– Там второй такой нету? – Под впечатлением от выразительной продолговатой шишки на лбу сослуживца Верд потёр собственный. Нет, с этой девкой надо держать ухо остро!

Когда на кухне Сантория не обнаружилось, и Талла, и Верд малодушно подумали, что, в принципе, служитель в силах выбраться и сам. Однако вслух сказали совсем иное:

– Его могли где-то запереть?

– Боюсь, всё куда хуже. – Наёмник на всякий случай заглянул в холодное, но и там друга не обнаружил, только бочку с солёными огурчиками. Он перегнулся через её край, словно надеясь на лопаухий упитанный улов, поворочил и явил колдунье добычу. Та поморщилась, так что Верд пожал плечами и захрустел сам. – Он мог запереться где-то добровольно. И, боюсь, я догадываюсь где.

* * *

Найденный Санни натянул одеяло до самых лопаухих ушей.

– А я ей и говорю: как смеешь ты, распутница, предлагать мне – верному служителю Трёх Богов... – мгновенно нашёлся он.

– Ну-ну, – поддакнул Верд.

– И я такой: слушай же молитву, женщина!

– Да-да. – Наёмник привалился к дверному косяку, выражая готовность слушать байки, пока сказочник не утомится.

– Ну и того... покаяться предложил...

– Угу, и погрешить маленько, чтобы было об чём каяться.

– Да как ты можешь! Я долгие годы хранил верность святому делу!

Первой сдалась Талла, которой меньше всех нравилось находиться в опочивальне Кары, пусть и в отсутствие хозяйки.

– Ладно, мы поняли. Вы тут молитвы читали. Пойдёмте уже, а?

Верд попытался растолковать, мол, какие молитвы, они тут кой-чем другим занимались, но дурная зажала уши и замотала головой:

– И слышать ничего не желаю! Молитва – дело сугубо личное, обсуждать его не след. Санни, поторапливайся!

Служитель выразил готовность безропотно следовать указаниям, но, чуть приподнявшись, смутился и попросил:

– Только рясу подайте... Вон там, за дверку зацепилась...

Короткими осторожными перебежками они добрались до выхода. Почти все охотники готовились к невесть какому важному событию

и грохотали мебелью в огромной зале, которую Кара звала тронной (Верд раньше полагал, что в шутку). Людей в коридорах можно было по пальцам пересчитать, даже любопытные колдуньи попрятались по своим спальням. Так бы и прошмыгнула троица под самым носом у охраны, кабы тишину не нарушил звук разбитой посуды и знакомый зычный крик:

– Ты мне зубы-то не заговаривай! Я тебе ща морду-то твою самодовольную да порасцарапаю!

Талла поймала наёмника за рукав, заставив замереть перед дверью. Санни налетел на их спины и тоже вынужденно остановился.

– Дарая, – шепнула девушка.

А в комнате продолжали буянить.

– Подержи её, покуда не успокоится.

Тяжёлые шаги, удар и характерный стон – мужской.

– Руки свои убрал, я сказала! Думали, девочку наивную нашли? Я вам этот домишко по брёвнышку раскатаю!

– Ламард, держи крепче, а то я взаправду разозлюсь.

– Слушаюсь, госпожа, – простонал охотник.

– Только попробуй! Руки убери! Убрал руки свои! Ага! Не нравится?! Так я ещё добавить могу!

Пришлось держать, чтобы тотчас не ломанулась спасать подружку. Верд поспешно зажал ей рот, пока не выдала всех криком, но Талла и одним взглядом выражала достаточно негодования.

Побеждала ли Дарая, по звукам определить не удавалось. Но что не сдавалась без боя, так точно.

– Я до тебя доберусь, гадина! Дай только... ай! Пусти! У-у-у! Дай только время, я тебе все волосья повыдираю! Я тебе... я тебя... я всех вас...

А потом Дарая завывала. Горько, безнадежно, по-волчьи пусто. В том вое звучала глухая тоска и бессильная злость.

Тогда Кара заговорила. Так, как умела только она. Этот голос вытаскивал из бездны, срачивал разломленное. Все, признавшие Кару хозяйкой, когда-то слышали его. Верд точно знал, что сейчас узкие ладони скользят по волосам бессильно обвисшей Дарай. И что сначала голос кажется назойливым жужжанием, проникающим под кожу, мешающим забыться... Но он же мешал умереть тогда, когда смерть казалась избавлением. Этот голос до сих пор змеёй сидел под его

собственной кожей и заставлял подобострастно вилять хвостом, получив приказ от любимой хозяйки. Талла говорила, что мать околдовала охотников. Нет, это неправда. Но голос, который вырвал тебя из объятий темноты, не слушать невозможно.

– Плачь, Дарая, плачь. Люди говорят, слезами горю не поможешь, но это не так. Плачь, выливай горе. Матушка рядом, матушка утрёт слёзы.

Как бы не так!

Послышался короткий почти звериный рык, удар и женский крик:

– Сказала же, держи, Ламард!

Слова Дарай сливались в рёв попавшего в капкан зверя:

– Я больше не та глупая девочка, которую сюда когда-то притащили! Голову мне не задурешь! Что, больно? А ты подойди ещё раз, поглядим, сколько волос я вдругорядь выдеру!

– Ламард, что я тебе велела? А ты успокоилась бы! Я добра тебе желаю. Всем нам! Станешь слушаться...

– И что? И что тогда? Вы вернёте мне Хоря? Не-е-ет! Нет! Потому что вы убили его! Вы! Вы! Давай, иди сюда, гадина!

Забившуюся Таллу пришлось стиснуть в объятиях. Верд и сам чуял, как напряглись мышцы в плечах, как ладонь тяжелеет и тянется к мечу.

– Отобъём? – едва слышно спросил Санни.

Ламард – хороший боец. Лучший ли? Да все они, в общем-то, неплохи. Одни боги знают, в силах ли Верд одолеть его в одиночку. Но он-то не один: с ним Санни и Талла. И Дарая в стороне стоять не станет. Да вот только не охотник главная опасность. Наёмник скосил взгляд на проклятые треугольные метки. Поводок, колючий ошейник, который в любую секунду боя по воле хозяйки превратится в висельную петлю. Пока метки на ладонях не исчезнут, охотнику не видать спокойной жизни. Да, собственно, любой жизни не видать в случае непослушания. Верд знал это с самого начала: магия превратит его в горстку пепла, если он нарушит приказ. Именно поэтому ему так нужно было вызволить обоих: и дурную колдунью, и друга, который обещал её сберечь...

Жестокие боги, зачем же вы дарите надежду? Чтобы отобрать её сразу же, как наивный глупец вам доверится? До чего же смешно было придумать себе сказку со счастливым концом! Понадеяться, что

вольная птица согласится жить на цепи, как старый пёс, что дурная останется здесь, что приказ будет выполнен, а Кара позволит им остаться вместе... Да лучше бы он отпустил девку тогда, когда она просилась, и сгорел на месте, чем распрощаться с несбыточным сейчас, когда оно едва обрело форму!

– Выведу вас и вернусь за ней, – не моргнув глазом пообещал наёмник. Он не любил врать, но, кажется, всё лучше осваивал эту науку.

Кара ругнулась и сама же одёрнула себя на полуслове:

– Укусила! Представляешь, Ламард? Укусила меня! Нет бы спасибо сказать... Неблагодарная с-с-с... девочка! Думаешь, мне надо с тобой возиться? Вот ещё! Ламард, за эту отвечаешь лично. Через час приволочешь в тронный зал. Хоть связанную, хоть полуживую. Лишь бы не металась. Моченьки на них нету! Мне и так понадобятся все силы, что имеются, а они ещё и сопротивляются... Об ком забочусь, по-твоему, Дарая? А?

Та за словом в карман не полезла. Сказала – ровно плюнула:

– О своей маленькой слабенькой чёрненькой душонке ты заботишься! Нам даром не нужна твоя земля!

– Поговорим, когда граница станет непреодолимой стеной, – с достоинством ответила Кара. – И вы все мне в этом поможете. Пора отдать матери долг.

– Я сдохну скорее!

– Может быть. Но не по своей воле, а по моей. Зато будешь знать, что смерть твоя не напрасна, а ради прекрасного будущего сестёр. Тех из них, кто переживёт сегодняшний вечер.

Звук шагов стал ближе; Верд едва успел отволочь друзей в сторону, чтобы не столкнуться с Карой лицом к лицу. Но, прежде чем они сбежали, заигравшиеся боги вновь решили побаловать неудачников надеждой:

– И охотников тоже созови. Разом ваши метки и границу я не удержу, придётся оборвать связь.

Кара не заметила их. Прошла впритык, не вглядываясь в тень, улыбаясь собственным мыслям, предвкушающе причмокивая губами. А Верд не мог пошевелиться ещё долго после того, как белоснежная коса хозяйки скрылась из виду. Она уберёт метки! Снимет поводок! И тогда даже краткого мгновения хватит, чтобы...

– Ну же, Верд! – Санни пришлось потрепать друга за подбородок, чтобы привести в чувство. – Она без охраны пока!

Ох, если бы, друг! Если бы!

Верд положил ладонь на рукоять меча: вроде и сражаться покамест не с кем, а всё одно успокаивает.

– Выведу вас и вернусь за Дараей, – повторил он.

Разозлившись, Талла пихнула его в грудь:

– Ты не слышал разве? Не только Дарая – все в опасности! Она убьёт всех, Верд!

– Она лишь сказала, что не все могут выжить, – тактично поправил Санни.

– Ты её защищаешь? – нахмурилась колдунья, задиристо пнула служителя по голени. – Пояс сначала потуже затяни!

Служитель смутился и поправил одежду, а Верд подхватил обоих под руки и приказал тоном, не терпящим возражений:

– Вы бежите прямо сейчас. Меня дождёте в условленном месте и, если вдруг...

– Слишком поздно, чтобы бежать.

– И врать тоже не время и вообще грех, – поддакнул Санни. – Расскажи ей про метки.

– Да, расскажи мне про метки, – уперла руки в бока Талла и тут же удивилась: – Какие метки? Эти метки?

Верд попытался прикрыть засадившие треугольники, но надолго его невозмутимости не хватило. В конце концов, бежать уже и правда слишком поздно.

* * *

– Эгоистичный говнюк! – Бледная, тонкая, нежная девушка зло плюнула на пол, с трудом выбрав между ним и физиономией собеседника.

Да Верд и без этого понимал, как набедокурил. Она через голову стащила старенькое платье, не стесняясь ни служителя, ни наёмника, словно назло мужчинам демонстрируя наготу. Скомкала и швырнула в охотника. Тот, хоть и отвернулся одновременно с Санни, поймал. Подглядывать нехорошо, но всё ж так соблазнительно!

Эгоистичный – это уж точно. Талла вполне себе счастливо жила в деревне, а достань у наёмника воли пристроить её где-нибудь в городе в обход Кары, девчонка и вовсе бы не знала горя. Ан нет! Понадеялся невесть на что, перепугался жгучих меток, о себе, подлец, в первую очередь заботился! Если бы любил, сгорел бы, а колдунью не обидел. Однако ж предпочёл притащить в логово паучихи. Кто он, как не... Что там дурная сказала?

Тут дурная сказала ещё. Не более приятное и не менее смачное.

Оставленный в сундуке на отдых сторож пригрелся и так громогласно храпел, подложив под щёчку сложенные ладони, что вытащить из-под него хоть что-то оказалось непростой задачей. Мужчина устроился в гнезде из нарядов, укрылся и не собирался покидать пост. Поэтому из всего разнообразия щедро выделенных Карой платьев колдунья сумела добыть только огромное, светлое, похожее на саван или, если рассуждать более обнадёживающе, свадебный наряд.

– Помоги! Я потерялась! – запутавшись в длинных рукавах и тесёмках на воротах, Талла покорно ждала, пока Верд просунет её конечности в предназначенные для них отверстия, после чего с размаху влепила наёмнику оплеуху.

Верд отклонился, но совсем увернуться от неожиданности не сумел. Поймал хрупкое запястье, поборов порыв тела вывернуть противнику сустав. Талла с готовностью воспользовалась второй рукой, а Санни, сообразив, что выяснение отношений может затянуться, проверил, крепко ли почивает пленник, осторожно прикрыл сундук и присел сверху.

– Вы не отвлекайтесь, – напутствовал он, – я подожду.

– Говнюк! – повторила Талла, быстро исчерпавшая запас красноречия.

– Два голоса в пользу заявления! – поднял руку Санторий и только беспомощно пожал плечами, вместо того чтобы испугаться сурово изогнувшихся бровей друга: – А что, девочка очень ёмко описала твой характер. Мне и добавить нечего.

– Ничего, – пообещал Верд, – я тебе при случае сам добавлю.

– Ну вот! Как есть говнюк, – обрадовался подтверждению служитель.

И вот что им ответишь на правду? Санторию, заставившему выложить дурной истину о проклятых метках, Талле – такой красивой в этом белом, почти свадебном наряде, простоволосой, раздумывавшейся, часто вздымающей грудь...

Верд сумел сделать лишь одно. То, чего делать не следовало ни в коем случае, безрассудное, несвоевременное. Сгрёб в кулак ткань на животе колдуньи, притянул к себе, обвил руками, чтобы не шелохнулась. И прильнул к губам, не глядя, колючий ли подбородок, смотрит ли сконфузившийся Санни, отбивается ли дурная, царапается ли, пытается ли прокричать что-то злое сквозь поцелуй. Целовал, куда хватало дыхания, кратко хватал воздух и снова целовал, вытягивая сок из её губ, заглывая ругательства, напиваясь женщиной, как хмельным вином.

Она колотила его, пиналась, сопротивлялась, как могла, точно не любимый мужчина, а чужой, жестокий наёмник силой берёт, насмехается. А потом обмякла, прильнула, впустила глубоко в рот, как рыбка, пойманная на крючок, наслаждаясь этой сладкой беспомощностью, грубостью и напором. Застонала, выгибаясь, чтобы теснее касаться грудью его груди... Только тогда Верд отпустил. Пригладил растрёпанные волосы: сначала её, потом свои. Смущённо передвинул перевязь ножен.

– Прости меня, дурная. Знаю, что поступил плохо, струсил. Прости, я не должен был тащить тебя сюда. Думал только о себе и об этих отметилах...

Талла вlepила ему ещё одну оплеуху.

– Дурень ты, Верд! Ты должен был сразу сказать, что метки убьют тебя! Тогда мы нашли бы выход вместе, а я не сбежала! Я же, наверное, едва тебя не убила!

На это наёмник тактично не ответил, хотя запах палёного мяса преследовал его до сих пор.

– И только поэтому ты дурень! Научись, наконец, доверять мне!

– Нам! – невинно вставил Санни, вроде бы целиком занятый изучением кружевной салфетки на сундуке.

– Нам, – согласилась колдунья. – Ты больше не один. Мы семья теперь.

– Ну мы-то ладно, – потупился охотник, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать растерянно шаркать ножкой. – А этот нам кто?

Талла крепко задумалась, а Санторий поспешил ответить за неё:

– А я за любимого дядюшку.

– Разве что за четвероюродного... – протянул Верд. – Или ещё кого, кто седьмая вода на киселе...

– Зато дорогого! – отрезала Талла.

Наёмник охотно согласился: в дороговизне этой дружбы он не имел никаких сомнений. Как и в дороговизне всей задуманной ими авантюры. Однако два голоса против одного (хоть Верд и утверждал, что Талла не имеет права выбора в силу возраста, а Санни – ввиду отсутствия мозгов) постановили, что колдуний надо спасать, а Кару побеждать. Как – вопрос куда более интересный, и решать его по большей части приходилось методом посадки картошки в сельской полосе. Заключался он в тщательном перемешивании плодовых кустов с неплодовитыми по осени, хаотичной высадке по весне и традиционной сельской забавы «у кого в этом году урожай хуже», когда картошка вырастет. Однако иного случая избавить охотника от клейма в ближайшем несветлом будущем не ожидалось, так что приходилось рисковать в тёмном настоящем.

Самым разумным показалось убеждать хозяйку в незыблемости её коварных планов так долго, как это только возможно, и нанести удар в то краткое мгновение, как она ослабит связь с охотниками ради того, чтобы создать новую – на границе помеченной (Талла на этом месте каждый раз глупо хихикала) ею земли.

Колдунья наскоро расчесалась гребнем. Белоснежный водопад распался на ручейки и вновь сливался в единый поток. Верд наблюдал за ним как замороженный и всё не хотел, чтобы мгновение заканчивалось. Схватить бы дурную в охапку, Санни за шиворот – и дёру. Шварги с ними, с метками! Ну как случится ещё чудо, и взбесившаяся Кара не спалит непослушного пса на месте! Раньше бы наёмник поступил именно так: своё беречь надо, а на чужое добро и без него защитники найдутся.

Что изменилось? Почему теперь судьба потерявшей самое дорогое Дарай тоже волнует его? Почему и вовсе незнакомые колдуньи заботят? Подумаешь, несправедливость! Весь мир несправедлив, он понял это ещё тогда, когда валялся с перебитым хребтом в окровавленном снегу...

Так что изменилось, суровый наёмник?!

Верд ещё раз глянул на дурную девчонку. Красивую, как весенний рассвет, растапливающий слежавшийся грязный лёд. На Санни, сосредоточенно надувающего щеки в попытке наклониться и пристроить спёртый у Врана нож для писем под рясой...

Наверное, изменился сам Верд. А из-за кого – не всё ли равно?

Оставить Таллу одну в комнате оказалось не намного легче, чем вчера. Он сухо поцеловал её в лоб и смотрел в ноги, пока не запер вновь разделившую их дверь. Только на этот раз колдунья не билась в неё с рёвом, а тихонько поскреблась, зная, что мужчина никуда не денется, и проговорила:

– Не бойся, я рядышком.

Верд криво ухмыльнулся сначала, но почти сразу понял: простые слова и правда помогли, успокоили.

Деловито кивнув другу, Санни удалился в сторону тронной залы: ему полагалось заговаривать Кару, отвлекая от любых подозрений, но и на рожон не лезть, дабы не пришибли ненароком. Верд остался сторожить: без званой гостьи всё одно не начнут.

Глава 23

Четвёртый дар трёх богов

Мало кто по-настоящему понимал, что их ожидает. Все вместе, колдуньи, охотники и Санни в качестве единственного представителя нормальных людей, столпились у толстых деревянных дверей, покамест не распахнутых. В огромном зале они поместились бы с лёгкостью, но в коридорчике часто сталкивались, наступали друг дружке на ноги, шикали. Наивные! Никто не ждал от заботливой матушки Кары подвоха. Никто, кроме Верда, с показушным равнодушием стоящего чуть поодаль от Таллы, которую привели под конвоем. Наёмник скрестил руки на груди, хмурился и смотрел только прямо, чтобы не соблазниться и не дать в морду тощему долговязому Неру и Ранну, точно и не замечающему, что сжимает предплечье девчонки до синяка.

Санни стоял рядом и, видимо для разнообразия, помалкивал. Он вообще не был уверен, что его не вытолкают из дома али не принесут в жертву во время кульминации всеобщего веселья. Кара долго вспоминала, где видела толстячка, хотя всего полдня прошло с тех пор, как она могла разглядеть его куда детальнее, чем ныне. В конце концов просто отмахнулась, мол, не отвлекай, но не стала ни одаривать милостью, ни, слава богам, казнить. Слушать, впрочем, тоже не стала, так что служитель вынужденно переложил ответственность за выполнение своей части плана на многострадальную Троицу и принялся усердно молиться.

Талла выглядела решительной и настолько демонстративно не напуганной, что подмывало напомнить ей, что они, вообще-то, тут не на увеселительной прогулке.

Подождать пришлось хорошенько. Не то Кара напоминала, кто здесь хозяйка, не то попросту не рассчитала время и завершала последние приготовления, катаясь по тронному залу суетливым коlobком. Но миг настал: обе широкие створки дрогнули, заскрипели... и застряли на четверти пути, оставив на полу светлые царапины. Кара попыхтела ещё немного. Одна створка, которую открывали почаще, поддалась; вторая – ни в какую. Колдунья

судорожно искривила губы и, ткнув в двух охотников крепкой наружности, указала большим пальцем на двери. Чести отворить непреклонную створку удостоился Верд. Он безропотно шмыгнул в залу и, повинувшись приказу, одновременно с Ранном закрыл двери. Чтобы снова открыть их, уже с достоинством и подобающей случаю торжественностью.

Да уж, хозяйка подготовилась к встрече. Платье в пол, белоснежное, точно нарочно показывало схожесть с Таллой. Хотя как предугадать могла? Никак, ясно. Однако ж если дурная в своём наряде походила на голубку, рвущуюся в небо, то Кара не иначе утопница: с сероватым лицом, впалыми глазами... И куда румяные пухлые щёчки делись? Пугающая то была красота, жуткая. Но всё ж красота. Края рукавов с прорезями для ладоней стелились по полу, длиннющая накидка тянулась дорожкой следом за колдуньей. Королевы такие не всегда носят: тончайшей выделки, прозрачная, точно паутинка, колыхающаяся от каждого шага и случайного сквозняка.

Она дождалась, пока мужчины одновременно резко распахнут двери, точно так же распахнула объятия и растянула губы в обманчивой улыбке мёртвой красавицы, ползающей по зыбкой жиже болота.

– Девочки мои! Сёстры, дочери, любимые! – Она покачнулась. Ранн подставил плечо – придержать, но Кара отпихнула его, нетерпеливо приглашая столпившихся в зал: – Заходите, родные мои! Последнее усилие нам осталось, единый раз рванём – и кончится лихое время. Садитесь, рассаживайтесь, милые! Заждались вас ваши места...

Она вцепилась острыми коготками в первую попавшуюся колдунью. Потасила, подавая пример, усадила на один из двух десятков резных стульев, разбегающихся от трона вдоль стен, расправила её одежды, словно сидеть здесь предстояло ещё очень долго и ни одна складочка не должна была испортить вид чудесной статуи.

Кара направилась к трону, но на полпути заметила среди неуверенно озирающихся и присаживающихся на краешки стульев девушек Таллу. Почти бегом приблизилась к ней, поймала ладони, заглянула в синие глаза:

– Всё будет хорошо, девочка моя! Ты пришла, ты одумалась, я знала, что ты всё поймёшь!

– Ты меня под стражей оставила, – коротко и жёстко напомнила Талла, но мать не слышала, не слушала её.

– Ты такая красивая, доченька, зайнька! Такая взрослая и сильная стала! Такая... как я! – Она снова коснулась волос дурной, пригладила, спутала и пропустила между пальцами, наслаждаясь прикосновением каждой пряди к коже. – Садись рядышком. Всё будет хорошо, девочка моя! Обещаю!

Усадив дочь на ближайшее к себе место, Кара наконец и сама грузно, устало откинулась на высокую спинку. На несколько секунд спрятала лицо, не решаясь начать, перекинула на плечо толстую косу. Кажется, аж волосы её потемнели от непосильной ноши, потускнели, спутались, как грива больной лошади.

Колдуньи расселись. Охотники, по молчаливому согласию хозяйки, остались кто где. Ранн и Верд встали по бокам от трона. Один бесхитростно опустил руки вдоль корпуса, второй непреклонно скрестил на груди, по привычке прикрывая метки. Последней втащили Дарая. Замотанную верёвкой, как иная гусеница, возмечтавшая превратиться в бабочку, с крепко, до синевы перетянувшей рот косынкой. И при этом умудряющуюся извиваться, мычать и пинать Ламарда, уже и так покрытого ссадинами.

Кара прокашлялась:

– Наша сестра не пожелала выслушать меня один на один. Ничего, одумается. Не обращайтесь внимания, девочки, всё хорошо!

Судя по отпечатавшемуся на ликах собравшихся недоумению, во «всё хорошо» верилось слабо, однако ж добрая, заботливая матушка, некогда каждого из них вызволившая из беды, вызывала больше доверия, чем красная дородная баба, насквозь пропитавшая кляп слюной.

– М-м-м-м-м! – тщетно взывала Дарая, попытавшись вывалиться из выделенного ей стула и уползти на манер всё той же гусеницы. Ламард поймал её за шкуру и примотал к сиденью предусмотрительно прихваченным куском бечевы. На руках его отчётливо виднелись полукруглые следы зубов: дорого продала Дарая свободу.

Талла вцепилась в подлокотники, Верд видел, как побелели от напряжения её пальцы. Она бросила на него умоляющий взгляд, и больше всего в мире наёмнику хотелось сделать то, о чём безмолвно просит его дурная девчонка... Но нельзя. Кто-то в их ненормальной семье должен быть за взрослого и умного. И он, хоть и стиснул зубы так, что они вот-вот потрескаются, терпел и рассматривал пол у своих сапог.

– Простите великодушно... Прошу прощения! Ой, как неудобно вышло... Да благословит вас Бог с Ножом! – Санторий неумолимо приближался к трону, сталкиваясь даже с теми охотниками, которые пытались увернуться, а не просто обескураженно пялились на толстячка. – Только хозяйюшка, благословлённая Богиней с Котлом лично, могла собрать столько замечательных людей в одном месте и почтить своим присутствием... – начал расшаркиваться служитель.

– Ты кто? – Кара с трудом сфокусировалась на говорящем.

– Ну как же? – Санторий приосанился, принял позу святого человека (то бишь сложил ладошки лодочкой на выступающем вперёд животике, как бы намекая, что в них не мешало бы чего-нито пожертвовать). – Санторий, госпожа Кара. Санторий, служитель Трёх Богов, – и подмигнул настолько похабно, что сидящая поблизости молоденькая колдунья ойкнула и покраснела.

Но Кара, на глазах теряющая краски, с болезненно бесцветными губами, лишь нахмурила лоб:

– Кто?

– Ваш почётный гость и близкий друг, Санни... Санни! – Толстячок потыкал себя в грудь на случай, если Кара недопоняла, о ком речь. – Мы с вами... утром... познакомились...

– Кто?

– Мы утром... богов... поминали...

– Так уж и поминали? – не удержавшись, хмыкнул Верд, а Ранн втихаря показал ему большой палец.

– Богов? – Кара почти обвисла на троне, но всё же нашла в себе силы податься вперёд, да с такой ненавистью, словно Санторий повинен как в её личных бедах, так и в проблемах всего человечества. – Это тех самых богов, которые завещали людям иметь троих детей, а четвёртых выбрасывать?

– В Первой Книге немного не так сказано, – тактично поправил слугитель, но в ответах, тем более в ответах жалкого служки, колдунья не нуждалась.

– Ты служишь тем богам, которые объявили нас противными и неугодными? Нас всех, дочери, да-да, эти так называемые боги дозволили убивать! Уничтожать, чтобы ни в коем случае четвёртый ребёнок не выгнал счастье из дома! – Кара попыталась приподняться, опершись о подлокотники, но локти задрожали, и она упала обратно на трон. – Эти твои боги своим молчанием позволили королю истреблять нас?

– Но в Первой Книге ни слова не было об истреблении! Трое детей, как и Трое Богов, в семье приносят счастье, но разве Трое благословляли избавляться от четвёртого...

– Подойди сюда, слугитель. – Кара поманила его, но, когда Санни неуверенно приблизился, пнула, заставив кувырнуться с постамента. – Ты читал Первую Книгу, а?

Слугитель потёр отбитый зад и, позабыв, что ему полагается играть роль вежливого и благожелательного отвлекающего манёвра, буркнул:

– А ты как думаешь?! Я слугитель, а не бабка у храма!

Кара наклонилась, подперев подбородок:

– И что, внимательно читал?

– Да как видите!

– Вижу, что не очень. А вот мне довелось. И знаешь, что ещё сказано там о твоих богах, а, слугитель? Ты небось расскажешь о трёх дарах, которые они принесли первым людям...

– Ключ для старшего сына, дабы имелся у людей дом, Нож для среднего, дабы защищать его, и Котёл для младшей дочери, дабы никогда не переводилась под их крышей еда, – отчеканил Санни, гордо выпятив грудь: почти десять лет прошло с тех пор, как ему в первый и единственный раз доверили прочесть святую книгу. А до сих пор помнит! Ну, кто скажет, какой он молодец?

– Дара было четыре, – презрительно бросила колдунья и повторила, повысив голос, чтобы каждый в зале расслышал: – Боги принесли людям четыре дара! И в первой семье было четыре ребёнка, но последняя, младшая дочь, не успела явиться из чрева матери!

Служитель хотел возразить. Очень хотел, честное слово! Но в своё время ему показали лишь несколько страниц Первой Книги. Великая честь, событие, о котором не стыдно внукам рассказать! Но как же много любопытный Санни не успел прочесть...

– Знаешь, что было четвёртым даром? – Кара закашлялась. Даже стоящие поодаль охотники уже не могли думать, что хозяйке лишь слегка нездоровится, каждый заметил, что происходит худое. – Четвёртым даром были белые волосы, колдовство было! Возможность плести чужую жизнь... и чужую смерть. Но поганые служители решили, что благословенная сила – слишком большая власть, что только они достойны сочинять, что там повелели боги. И теперь мы с вами, дочери, вне закона! Так что же? Нужны ли нам такие служители?

– Нет! – Несколько колдуний негодуя вскочили, другие хотели крикнуть, но постеснялись.

Кара с трудом поднялась из кресла, колени её отчётливо подгибались, но она отвергла помощь досадливо нахмурившегося Верда.

– Нужен ли нам такой король?!

– Нет! Нет, не нужен!

– Нужны ли нам боги, создавшие и бросившие благословенных колдуний?!

– Нет! Нет! К шваргам таких богов!

Кара закрыла глаза, откинула назад голову, наслаждаясь ропотом.

– Поэтому мы возведём границу, которая не пропустит к нам ни одного поганого человека. Ни короля, ни солдата, ни служителя. Поэтому мы возьмёмся за руки и вольём силу в метки, которые ваша матушка оставила, обозначая наше... *наше* государство! Теперь это – наш дом! А эти люди и их боги... пусть гниют в одиночестве!

Ранн негромко прокашлялся, привлекая внимание:

– Госпожа Кара, мы – тоже люди. Что станет с охотниками?

Кара медленно повернулась к нему, повела рукой, намекая, что такие вопросы стоит задавать, глядя в глаза. Когда Ранн встал перед ней, она надавила на его плечи, заставляя опуститься на колени.

– Милый мой, старый, надёжный Ранн! – Она огладила его волосы, но, разозлённая вопросом, сжала их на затылке в кулак и наклонилась к уху: – Вы послужите кирпичиками для этой стены.

Охотник захрипел, судорожно засучил ногами, пытаясь подняться. Треугольники на его руках полыхали синим, зала наполнилась духом палёного мяса...

Кара действительно собиралась избавить охотников от меток. И избавиться от самих охотников – тоже.

Сначала Талла бросилась к Верду, разевая рот в беззвучном крике. И он, падая, всё думал: «Ну куда ж ты, дурная?! Всех зараз выдашь!» – а потом понял, что лежит, свисая торсом с постамента у трона, бьётся в конвульсиях, слепо глядя на бледное знакомое лицо, и не может проронить ни слова, потому что хрип застрял в глотке.

Точно снова оказался на дне Рогачки... Крики и всхлипы как сквозь толщу воды. И давит, давит на грудь прозрачная тяжесть, не даёт воздуху расправить лёгкие...

– Доченька, не марайся! Не трогай! – голос Кары.

Вроде и просит ласково, а твёрдые, отрывистые фразы выдают злость. Верд знал, он выучил все переливы речи этой женщины, чтобы угождать хозяйке, чтобы Кара могла гордиться им, чтобы оставаться... хорошим мальчиком.

– Верд! Верд! Ве-е-е-ерд!

Трясёт кто-то. Опускает хрупкие кулачки на плечи, лупит по щекам. Шлепки – слышно. Но кто лупит, зачем? Должно ли быть больно? Верда ли вообще приводят в чувство али он лишь неразумная мышка, наблюдающая за упавшим человеком из щели в полу?

– Верд! – Кто-то неуклюже плюхнулся рядом, куда сильнее ударяя друга. Так сильно, что, наверное, наёмник и правда мог бы вынырнуть из пучины невыносимой, тяжёлой, ледяной муки, раздирающей уже не только ладони, а и всё тело.

Не успел.

Измученная, посеревшая от неведомой хвори Кара опустилась на корточки рядом с ним, расправив невесомую накидку. Сжала подбородок тонкими пальцами... крепкими, жёсткими, с острыми коготками... Нет, хозяйка больше не покачивалась от усталости. Зарумянилась, волосы засверкали, двигалась легко, быстро, словно мгновенно скинула два десятка годков.

Кто-то невесомый прильнул к груди наёмника, на секунду отгоня прочь тяжёлую, давящую толщу мути.

– Мама, пожалуйста! У меня не получается, я не могу! Вылечи его, прошу!

Талла! Ну конечно же, это Талла сжимает в кулаках ткань его рубашки, дёргает, точно пытаясь выволочь из воды. Это её магия свежим воздухом втискивается в ноздри. И Санни тоже тут. Прижимает жилку на запястье, шевелит губами, чуть слышно подсчитывая удары замедляющегося сердца.

Ничего, матушка здесь. Она спустилась, она рядом. Однажды она выкрала его из объятий смерти, поможет и теперь. Не зря же Кара вглядывается внимательно в его затухающие глаза, ищет что-то... Она поможет! Он ведь был послушным псом...

– Нет.

– Кара!

– Матушка!

Санни и Талла просили, умоляли, обещали все богатства мира, которых никогда не имели, но колдунья была непреклонна.

– Он всего лишь человек, девочка моя. И ты, служитель, тем более не имеешь права ни о чём меня просить. Я потратила слишком много сил, выдохлась и устала. Пришёл черёд забрать то, что я давала охотникам на время. Я дала каждому из них жизнь. И теперь она моя.

– Пожалуйста! Мама! Матушка! Кара, прошу тебя!

Пощёчина. Звонкая, тяжёлая. Талла аж завалилась на спину от удара, но, поднявшись, не промолвила ни слова и не прикрыла пылающую щёку ладонью. Лишь буравила мать взглядом, полным ненависти.

Кара переложила косу на плечо, запустила пальцы в густые пряди. Сладко вздохнула, точно напилась после жары, и спустилась в зал.

– Не печальтесь, дочери мои! Не тревожьтесь! Охотники служили мне верой и правдой, но ни один пёс не должен пережить хозяина. Они исполнили свой долг и отдают последние крохи сил, чтобы мы с вами могли жить дальше.

Совсем юная колдунья поёжилась, свернулась комочком в своём кресле.

– Вы убиваете их? – дрожащим тонким голосом спросила она.

– Нита, милая, они уже были почти мертвы, когда я нашла их! Все годы их службы – дар, за который стоит благодарить! Тогда я забрала их смерть, теперь же могу забрать жизнь, ибо она моя по праву!

Смотрите, дочери! Смотрите и запоминайте! Прежде вы лишь спасали, вытягивали болезни из неблагодарных людишек. Смотрите, что бывает, если тянуть из них не смерть, а жизнь! Смотрите, что мы можем, что должны делать!

Кара правда переменилась. Будто стала выше ростом, шла величаво, медленно, кожа её светилась, прозрачно переливалась отблесками колдовства. И волосы... стали почти невесомыми, вспархивали от каждого движения, колыхались, как водоросли в ледяной воде.

– Прекрати!!! – Талла взвизгнула слишком рано. Не научил её Верд подкрадываться к врагу неслышно, молчать, задерживать дыхание, чтобы не обнаружить себя раньше времени. Да теперь уже, наверное, и не научит.

Талла взвизгнула слишком рано. Раньше, чем вскинула руку, сжимающую хвост искрящейся синей ленты, точно сплетённой из лунного света. Она взвизгнула до того, как успела хлестнуть Кару колдовской плетью, и только поэтому не успела.

Кара сложила щепоть первой, но не сама остановила дурную. Насмехаясь, издевательски изогнув брови, она заставила верного пса исполнить последний приказ, прежде чем издохнуть.

Верд всё так же лежал на полу. Тонул в боли и смотрел в синие, полные недоумения и обиды глаза колдуньи. Его собственная рука сжимала её запястье, грозя сломать, не давая замахнуться.

– Верд? Что ты делаешь?

– Он не слышит тебя, доченька. Он слышит лишь мой голос и выполняет лишь мои приказы. Ох и тяжело, ох и неприятно было оставлять на них эти метки, но зато с каждым охотником у меня нерушимая связь. Каждый из них исполнит мою волю как в жизни, так и в посмертии. И каждая из вас может научиться этому!

– Выпивать чужие жизни, как паучиха?! – Талла задёргалась, упёрлась стопой в бок наёмника, Санни, пыхтя, помогал, но и вдвоём они не могли избавиться от хватки. – Нет уж, спасибо!

– Пауку тоже нужно есть и оберегать свой дом... И этот дом мы уже почти создали. – Кара крутанулась на носках. – Вы готовы, дочери мои?!

А в ответ – тишина.

– Девочки? Я спросила, готовы ли вы ступить в новую жизнь?

Кто-то растерянно прочистил горло, кто-то виновато отвёл взгляд, Нита испуганно всхлипнула, а Дарая промычала нечто однозначно непристойное.

Кара дёрнула подбородком, медленно-медленно наклонила голову вправо-влево и глубоко, как могла спокойно, вдохнула. В последний раз она задала вопрос отдельно, твёрдо, и Верд, если бы мог проронить хоть слово, крикнул бы: «Бегите! Спасайтесь!»

– Я спросила, – ещё медленный вдох и тяжёлый, свистящий, шумный выдох, – готовы ли вы, дочери, – особое ударение на последнем слове, – войти со мной в новую жизнь? Добровольно, как равные.

И в ответ опять ни слова. Наёмник судорожно дёрнулся, пытаюсь предупредить, помочь... Но никто не понял, что корчи не случайны, что это не тело хватается за последние капли живительной энергии, а вопит разум. Верный пёс знал, когда хозяйка злится. Но все, кто мог бы догадаться, что Кара готова убивать, лежали на полу и уже не могли говорить.

– Что ж, – колдунья устало опустила руки, – значит, не добровольно.

Талла поняла всё слишком поздно.

– Бегите!!!

Санторий ещё попытался, кубарем скатившись с пьедестала, выдернуть из резного деревянного кресла маленькую Ниту, но тоже не успел.

Сотканые словно изо льда, холодные гибкие щупальца опутали руки колдуний, захлестнули в поясе, зафиксировали ноги: не сбежать, не встать со специально изготовленного сиденья, не пошевелиться... Ясно, куда ушли силы хозяйки, немудрено, что притомилась, аж качалась: такие путы не взять ни огнём, ни железом!

Покойный Лайо был прав: на подлокотниках аккуратно хватило места на волшебные кандалы.

Тяжело ступая по доскам, словно покрывающимся инеем вслед за ней, Кара прошла вдоль рядов. Остановилась возле Дарай, поправила той слипшиеся от пота волосы.

– Простите, девочки, – горько произнесла она. – Я люблю каждую из вас и клянусь, если бы был другой способ, ни за что не причинила бы вреда! Но чтобы наполнить границу магией, мне одной не хватит

мочи. Охотники лишь люди, а граница должна стать колдовской. Поэтому придётся... – голос сорвался на крик, точно подбитая птица пыталась в последний раз взмыть в небо, – придётся нам с вами рискнуть! Помните, те, кто выживет, никогда не забудут жертву погибших. Мы станем чтить вашу память... Талла, глупая девчонка!

Чудом успев увернуться, Кара налетела на Дараю. Та с готовностью брыкнулась, но, как бы ни хотела, пнуть хозяйку не смогла.

Дурная аж легла животом на пол, изо всех сил швырнув в мать найденное под троним тяжёлое блюдо, но та с лёгкостью отскочила. И немудрено! Напившись силой охотников, она бы запросто переломала упрямыце кости!

– Глупая, непослушная девчонка! – Не оглядываясь, Кара повела плечом, и Верд, не контролируя собственное тело, отпустил девушку, деревянно выгнувшись, встал на ноги и скрутил Сантория, надеявшегося под прикрытием Таллы напасть на колдунью. Короткий меч выскользнул из заломленной руки, бесполезно звякнув.

– Верд! Ты слышишь, друг? Я тоже безмерно рад, что ты жив, но нельзя ли чуть менее крепко обнимать меня за шею? – прохрипел служитель, вынужденный привстать на носочки, чтобы не задохнуться.

Кара отряхнулась, попыталась расправить накидку, но, запутавшись в ней, сорвала и отбросила.

– Он не жив, служитель. Он лишь оболочка, из которой вытекают последние капли жизни! Талла, немедленно займи своё место!

Дурная покосилась на пустующий в ожидании последней жертвы стул.

– Нет, спасибо, – фыркнула она.

– Талла, сядь немедленно! Мать приказывает тебе!

– Спасибо, я лучше постою... То есть полежу.

– Талла! – Кара зажмурилась, изгоняя собственную нерешительность, и ласково закончила: – Верд, мальчик мой, усади Таллу, куда полагается.

Руки охотника опустились по швам, точно игрушечные. Санни тут же упал, закашлялся, хватаясь за горло:

– Верд, стой!

Но наёмник не слушал.

Повинуясь чужой воле, не сгибая коленей, он шёл к напуганной дурной девке, чтобы проволочь через весь зал и насильно усадить на деревянный стул, на котором только что железных шипов не хватало. И голодные змеи заклинания скуют её, протянутся по тонким запястьям, врежутся в белоснежную кожу, лишая в последние минуты гордости, воли, свободы... А Верд будет стоять рядом, бессильно, отстранённо глядя на то, как умирает хрупкая, нежная, дурная... его колдунья!

От страха Талла не сообразила встать. Сучила ногами, спиной вперёд отползая от неотвратно приближающегося мужчины.

– Верд, – прошептала она умоляюще, – Верд, ты же не сделаешь этого, правда?

Где-то далеко-далеко глумливо хмыкнула Кара.

Санторий, прихрамывая, набросился на него сзади, да так и остался висеть на плечах, пока пальцы не расцепились под весом тела. Верд и не заметил. Он лишь смотрел в синие глаза, полные... не ужаса, нет. Понимания. Прощения. И чего-то ещё. Чего-то огромного, свежего, сильного, как порыв ветра, наполняющего паруса.

Когда он подошёл, девушка улыбнулась. Она протянула руки ему навстречу, позволяя поднять себя, доверчиво прижалась, обнимая в последний раз.

– Жаль, что мы так и не увидели моря, – проговорила она, касаясь губами его щетинистого подбородка.

– Жаль, – устало выдохнул Верд.

Завизжать от счастья, заплясать на месте, упиваясь вернувшейся покорностью конечностей, показать Каре пару неприличных жестов, мол, вот где теперь твоё колдовство, – он хотел сделать всё разом. Но вместо этого лишь крепче прижал к себе колдунью, и, наверное, никто и не заметил, но она тоже прижалась к нему чуточку сильнее. А от чего плачет: от страха или радости, кто разберёт?

Подражая прежним отрывистым движениям, охотник поволок добычу, куда указали. Глупая кукла на ниточках, не более. Потому Кара и не подумала беспокоиться, когда путь наёмника пролёт чуть ближе к хозяйке, чем можно было бы. И она едва успела удивиться, когда вдруг Верд отпустил и слегка оттолкнул Таллу, чтобы не подвернулась под удар, и выхватил меч.

Кара коротко охнула, впервые так близко встретившись с собственным отражением на лезвии клинка. Пошатнулась, взмахнула длинными рукавами, пытаясь сохранить равновесие, но всё равно плюхнулась на ягоды.

– Не надо! – Она закрылась ладонями, понимая, что это не спасёт от удара, а лишь превратит одну рану в десяток. Но вдруг показалось, что лишнее мгновение жизни стоит отрубленных кистей...

И Верд остановился. Не сумел, не смог, не выдержал. Он вцепился в рукоять меча с той же силой, с которой только что хотел опустить его на ненавистную белобрысую голову... И отвёл удар в сторону, громко, бестолково вонзая клинок в подлокотник одного из стульев.

– М-м-м-м м-м! – возмущённо замычала Дарая, едва не лишившаяся конечности из-за благородства наёмника.

Кара не решалась пошевелиться ещё какое-то время. Наконец прерывисто задрожала в такт бешеным ударам сердца.

– Х-х-хороший мальчик, – пролепетала она и едва заметно шевельнула пальцем.

Верд успел отскочить в сторону потому лишь, что Талла пнула под колено напавшего сзади охотника. Об одном наёмник напрочь забыл: кроме него, в зале страдало ещё два десятка мужчин. И каждый из них был такой же безвольной марионеткой Кары, как и он сам минуту назад. Колдунья запустила жала в каждого, заставляя верных солдат плясать на серебристых ниточках под её дудку. Одна кукла сломалась? Не беда! Заменяем второй, третьей, четвёртой... Хозяйка готова развлекаться, наблюдая за битвой, ещё долго. Потому что заведомо знала: противник проиграл ещё до того, как началась схватка.

Колдовская паутина выросла из-под ногтей Кары, скользнула вниз, быстрым хорьком увернулась от топнувшей на неё Таллы. Как кукловод на рынке, хозяйка натянула поводья, каждый из которых намертво врос в охотника. Мужчины повиновались, вставали, брались за оружие. Тот, что напал на Верда, лежал лбом в пол, не шевелясь и не пытаясь отбиваться, но стоило наёмнику убрать колено с его поясицы, вскочил как ни в чём не бывало.

Вот уж правда: паучиха. Стоя в центре сверкающего узора, играя нитями, управляя верными слугами, Кара походила на жирную, голодную, волосатую тварь. Но даже сейчас Верд понимал, что не

сможет заколоть её. Точно так же, как не сможет зарезать неловких, не по своей воле сражающихся собратьев. Особенно если кто-то из них до сих пор жив.

Однако невесёлые мысли не мешали наёмнику активно орудовать кулаками. Со смачным хрустом локоть вписался в чей-то нос, и тут же, почти без промедления, – наклон, чтобы пропустить над загревком свистящее лезвие.

Слепо плящущийся в стену Ранн попытался закончить начатое Вердом: поймал дурную и понёс к пустующему сиденью. Девчонка брыкалась и царапалась, но марионетка не реагировала на удары.

– На-а-а-аших бьют! – Пока Верд сражался честно, Санни принял, что в этом бою хороши все средства. Поэтому, подбадривая себя воплями, заглушающими визг Таллы, покатился по полу, сбивая с ног и Ранна, и пленённую им колдунью. Покатались все втроём, причём только Ранн – молча.

А Верда между тем теснили. Охотники были медлительны и неуклюжи, но их больше двух десятков, а Верд – один. К тому ж нападающих меньше всего волновало, выживет ли сопротивляющийся участии наёмник.

Кара играла нитями заклинания, как струнами.

– Ну что, доченька? Уже жалеешь, что не встала на мою сторону?

– Жалею, что арбалет не взяла! – Талла вытерла разбитые при падении губы. – Сзади!

Санни хотел эффектно выгнуться, но вместо этого получилось лишь с одышливым «уф» присесть на корточки. Впрочем, и этого хватило: охотник, польстившийся на его лысинку, не успел замедлиться, зацепился за рясу служителя, перелетел через него и растянулся плашмя.

– Да благословит тебя Бог с Ножом, – по привычке осенил поверженного знаком Трёх Богов Санни. – А, точно! – вспомнил, что и сам вооружён, задрал подол, заставив одну половину колдуний смущённо зажмуриться, а вторую с любопытством выпучиться (Дарая одобрительно хмыкнула, Нита захихикала), выхватил припрятанный аляповато изукрашенный камнями нож для писем и принялся пробиваться к другу.

– Не ко мне, дурень! К выходу!

Но Санни и не подумал послушаться:

– Ага, чтобы ты мне ещё десять лет это припоминал? Нетушки! Сдохнем вместе, как подобает! И тогда уже я тебе плешь проем за то, что ты нас во всё это втянул!

– Так это Верд тебе?.. – Талла зазевалась, рассматривая высокие залысины служителя, и тому вдругорядь пришлось приподнять подол и заткнуть за пояс, чтобы не мешался: иначе не получалось отвесить пинка Ранну, снова возжелавшему общества дурной.

Тот с угрожающим рыком оглянулся, чтобы пристукнуть надоедливую мошку, но служителя и след простыл. Развернулся обратно – а Талла уже перебежала за спину Верда и показывает оттуда язык.

– Я вам задницы надеру! Обоим! – Но вместо обещанного наёмник быстро оттеснил друзей к ряду кресел, чтобы хоть с одной стороны прикрыть от нападающих.

– Не за что! – отвесил издевательский поклон Санни.

– И мы тоже тебя очень любим! – добавила и тут же покраснела Талла.

Верд схватился за рукоять засевшего в подлокотнике Дарай меча. Колдунья, уже почти разрезавшая верёвки острым кончиком, укоризненно замычала. Она терпеливо грызла повязку на лице, поэтому вполне членораздельно смогла сообщить наёмнику, что думает о его поведении. Верд заботливо вернул кляп на место: он о себе и без того много хорошего знал.

– Придётся убивать, – заключил он, хмуро оценивая упёртость приближающихся марионеток. Как те мертвяки, ведомые одним голодом, охотники шли на них с единой целью – исполнить приказ хозяйки. И тут уж деваться некуда.

Ранн, Ламард, Шито, Невраско, Кин и многие другие, с кем он делил пищу и кров, – все они стояли здесь. Но за ним сидели обездвиженные Дарая и Нита, Лана, Калая, толстушка Лись, прокусившая ему плечо в прошлом году. Как выбрать между плохим и неправильным? Пойти с мечом на друзей, отрезать их, как плесневелый край с куска хлеба? Или оставить без помощи напуганных девчонок, Таллу оставить, отдать кровожадной лгунье?!

В этой битве не найти места ни чести, ни благородству. Хорошо, что у Верда давно их нет. Наверное...

Крик остановил его тогда, когда наёмник уже готовился, набрав воздуха в последний раз, нырнуть в темноту. Когда, плечом к плечу со старым другом, он пошёл на новых. Убивать и умирать.

– Стойте! – Талла с трудом пролезла между мужчинами и повторила, почти приказывая: – Стойте, сказала!

Не одна Кара заметила, как похоже на неё распорядилась молодая колдунья. Хозяйка польщённо зарделась и ради такого дела придержала псов:

– Ты чего-то хотела, доченька?

– Я хотела, чтобы ты... – Талла кинула на защитников вопросительный взгляд, наморщила лоб, вспоминая: – Как там? О, пошла лесом! Я хотела, чтобы ты шла лесом, мама! Но я предлагаю обмен.

Кара небрежно опёрлась о спинку стула толстушки Лись, которая тут же попыталась съёжиться и как только возможно в её случае уменьшиться.

– Очень интересно. Продолжай.

– Я займу своё место. Добровольно! – Дурная жестом остановила друзей, бросившихся не то героически прикрыть её, не то прибить, чтоб не болтала ерунды.

Кара подбодрила:

– Та-а-а-ак?

– А ты отпустишь...

Верд отметил, с каким усилием девчонка проглотила «отпустишь всех». Ясно, что на такой торг Кара не пойдёт.

– Отпустишь Санни и Верда. Они не нужны тебе больше, так? Ничем не помогут и ничем не помешают. Поэтому, если ты и правда любишь меня так сильно, как говоришь, сделай подарок: отпусти их. И я соглашусь на всё, что прикажешь. Добровольно.

Помедлив, Талла опустила на одно колено. На второе.

– Дурная, чтоб тебя! Задницу надеру!

– Помолчи, Верд. Когда ты пытался самоубиться, я не мешала.

– Это ты-то не мешала?!!

– Талла, вразуми тебя богиня, кончай дурить!

Она смотрела на ехидно изогнутые губы матери, но видела кого-то совсем другого. И говорила тоже не с ней:

– Вы хорошие. Честное слово, очень хорошие! Оба. И я ценю, как вы оберегали меня, как защищали. Но я не ребёнок, с которого вечно нужно сдувать пылинки. Я взрослая. И вправе сама принимать решения. Научитесь доверять мне. Пожалуйста, Верд!

Она всхлипнула, борясь с испугом, но тут же вытерлась рукавом, шмыгнула потёкшим носом. Обернулась, ловя взгляд мужчины:

– Позволь на этот раз мне принять решение. Хотя бы этот единственный раз. Я куда сильнее, чем ты думаешь.

– О, я знаю это, доченька! – Кара с готовностью распахнула объятия, тем не менее не бросая паутину. – Иди сюда, милая!

Талла всё смотрела на него, точно прося разрешения, умоляя и доказывая, пытаясь сказать что-то ещё, на что всё никак не хватало духу... у них обоих.

И Верд опустил меч. Едва заметно кивнул, принимая, что хрупкая, нежная девчонка по крайней мере имеет право на выбор. И ей действительно давно стоило бы начать доверять.

Сантория она всё-таки обняла. Порывисто, смущённо, не умея найти места суетливым рукам. А к наёмнику потянулась, но так и не смогла заставить себя попроситься.

Пошла. Послушно, уверенно. В этом своём проклятом белоснежном платье-саване, бледная, лёгкая... сильная. Верд скрипел зубами и с трудом сдерживался, чтобы не броситься следом, не прижать, не проглотить, лишь бы не досталась поганой паучихе! Но он доверял ей и стоял на месте. Стоял сам и крепко держал за плечо Санни, мелко подрагивающего и тоже порывающегося помчаться на защиту дурной девки.

– Садись, доченька. Устраивайся, милая! – Кара заботливо стряхнула с сидухи несуществующую пыль. – Я сделаю всё быстро, всё скоро закончится! Всё будет хорошо!

Колдунья обняла щёки дочери ладонями, полюбовалась и, прерывисто вздохнув, коснулась губами лба.

– Я очень постараюсь, чтобы всё было хорошо. Честно-честно!

– Я тоже... – тихо ответила дурная.

Кара вышла на середину зала, бегло проверила, всё ли и все ли на местах, недовольно покачала головой:

– Вот не хотела я тратить силы ещё и на это... Ну да шварги с вами! Хей!

Охотники одновременно развернулись к хозяйке.

– Этих двух – держать. Чтобы не вмешались. А то знаю я вас...
Никакой веры людям!

В зале не было окон, так что снег сгустился из самого воздуха. Завис, не решаясь ни упасть, ни взмыть вверх, и закружился метелью. Потемнело, точно зимней ночью, ветром, которому неоткуда взяться, задуло светильники под потолком, остался лишь мертвенный синий магический свет от стелющейся по полу паутины, от каждой снежинки, маленькой лампадой сияющей во мраке. Нити разрослись вьюнком, как живые, поползли к ногам колдуний, жилами соединяя в единое создание Кару и её дочерей.

Заплакала от боли и ужаса Нита, с ненавистью завывала Дарая. Талла стиснула зубы: она выполняла обещание, терпела и принимала участие добровольно, заставляя мать втайне гордиться дочерью. Кара не стала связывать дурную. Не то сил не хватило, не то правда позволяла умереть с достоинством... Да не всё ли равно? Синий светящийся вьюнок и без кандалов соединял их нерушимой связью, забирался под кожу и пульсировал, глотая, вытягивая магию из колдуний, как по притокам реки относя её паучихе с побелевшими, светящимися глазами.

Он обещал. Обещал, обещал... Проклятье! Верд кинулся к любимой, чтобы оборвать проклятую паутину, шевелящуюся под её кожей.

– Верд! – Талла покачала головой. Сильная, взрослая...

Санни вцепился в наёмника, едва не напоровшегося на мечи окруживших их воинов:

– Дай ей это сделать.

Проклятье! Как же тяжело, как неправильно взваливать на хрупкие плечи такую ношу! И плевать, что дурная сама вызвалась! Он яростно вцепился в собственные волосы, потянул в стороны, выдирая с корнем. Смотрел на неё, не мог отвести взгляда как замороженный. Будто впервые увидел простоволосую босую девчонку, бесстрашно распахнувшую дверь попавшему в метель усталому путнику. И, как прибитый, не мог сойти с места. Синие глаза-озёра сковали его, лишили воли, и безволие это стало таким желанным, таким спасительным... Лишь бы не отворачивалась, лишь бы смотрела на него вечно, лишь бы не потухало синее пламя в глубине этих озёр.

Пламя, способное прогнать зиму и заставить талые ручьи растопить самый твёрдый, слежавшийся, старый лёд.

Единое существо, чистейший сгусток колдовства, по венам которого от напуганных девушек к сумасшедшей паучихе текла жизнь.

Она не остановится...

Слишком ярко светились белёдые, мёртвые глаза Кары, слишком плотно оплела паутина её собственное тело, прожигая насквозь белый наряд тончайшей работы. Она закуталась в переливающиеся синевой нити, точно гусеница, мечтающая о крыльях.

Она не остановится.

Вольёт магию в границу, загодя размеченную вдоль реки, сделает её нерушимой, приманит нечисть, чтобы денно и ночью носилась вдоль невидимой линии, жрала сунувшихся слишком близко людей.

Но и тогда Кара не остановится.

Выпьет каждую девчонку до капли, до опустошённого трупа, до посеревшего, иссушенного скелета.

Как Верд понял это? По восторженному недоумению в уголках её рта? По скрючившимся, жадно тянущим паутину пальцам? По капелькам слюны, выступившим на губах?

Это не должно было стать ношей Таллы... но стало.

Белоснежная кожа дурной колдуньи теряла цвет. Волосы тускнели. Она смотрела на него, не отводила взгляда до самого конца.

Пока не достала припрятанный в рукаве нож Сантория. Никогда не давайте хитрым колдуньям обниматься с друзьями! Ни на мгновение не теряйте бдительность, особенно когда они умилительно шмыгают раскрасневшимся носиком!

Она шаловливо подмигнула наёмнику. Вот сейчас вскочит, последним усилием вонзит лезвие под ребро матери...

Талла перекинула через плечо тяжёлую косу, хотела зажмуриться, но не стала, словно ища поддержки, не теряя взгляда мужчины, наконец позволившего ей рискнуть самой.

Резанула раз по своим белым прядям.

– Нет!!! – закричала Кара, теряя связь с прекрасным, сладким источником. – Стой, глупая девчонка!

Талла ухмыльнулась и резанула снова.

– Ты же хотела эту магию, мама? Сама связала всех нас. Ну так получай.

Обрывая нити, с кровью выдирая их из собственных жил, Кара метнулась к охотникам за оружием. Неумело выхватила меч двумя руками, занесла над головой дочери...

Талла необычайно ловко выскочила из кресла, кувыркнулась, приняла лезвие на лезвие, отбивая удар, прежде чем наёмник успел защитит её. Крошечный, изукрашенный камнями ножичек скользнул по тяжёлому полуторнику, лезвие заскрежетало...

Не спастись бы девчонке острой игрушкой от боевого клинка, но отвести удар хватило. Паучиха покачнулась, накренилась вслед за мечом, а Талла жестоко, больше разрывая волосы, чем разрезая, отсекла остатки косы, словно разделяя пуповину надвое.

– Нет! Нет, нет, не-е-е-ет! – Кара упала на четвереньки, как распавшийся букет, собирая кончики затухающей паутины, тлеющей, тающей весенним снегом. – Что ты наделала?! За что?! За что, доченька?!

Магия уходила. Из Кары, из Таллы, из каждой дурной девки, находящейся в зале и за его пределами. Беловолосые колдуньи превращались в смешавшихся, удивлённых, напуганных женщин. Потерявших силу или обретших свободу?

– Потому что никто не должен владеть такой силой, мама. – Талла провела ладонью по тусклым, серым волосам женщины. – Ты связала нас этим ритуалом, обратилась к источнику, который не понимала... который не понимал никто из нас. И это не принесло бы счастья никому. Пора было прекратить затянувшуюся вражду.

Кто-то из охотников пришёл в себя сразу. Иные попадали на пол, потеряв слишком много сил, и Верд очень надеялся, что упали они не замертво. Кому-то уже не суждено было очнуться... Но думать наёмник мог лишь о дурной девке, без проклятой волшебной косы казавшейся ещё более беззащитной.

Как же сложно было довериться, позволить ей отправиться к паучихе с крохотным ножичком и терпеть, не вмешиваться, лишь надеясь, что она справится... «Я куда сильнее, чем ты думаешь»... О нет! Она куда сильнее, чем кто угодно мог бы подумать!

И хитрее.

Эта невыносимая девка всё же обманула его ещё один раз! Коса, значит, за ночь у неё отрастает, потому нельзя остричь! Несносная, вредная, любимая лгунья!

Он и не заметил, как оказался рядом и сгрёб её в охапку.

– Дурная!

– Я знаю, – счастливо вздохнула девушка.

– Шварги тебя сожри! Откуда? Когда научилась? Ты же говорила, что не любишь оружия!

Талла хитро хихикнула:

– Не люблю. Но не говорила, что не умею пользоваться...

А Кара всё-таки постарела. Лишённая магии, она превратилась в обиженную на весь мир тётку, способную лишь ядовито ухмыляться. Она так и сидела, обняв колени, посреди зала, пока охотники приводили в чувство выживших, пока помогали подняться колдуньям... ныне уже обычным женщинам. Тягуче плюнула и в последней попытке подгадать ядовито протянула:

– Дурные. Вы, все трое. Решили новую жизнь начать? Шварга вам тухлого! Связь охотника и колдуньи нерушима! Колдовать мы, может, больше не сумеем, но ты всё равно сдохнешь, Верд! Как бездомный пёс, под забором, в одиночестве! Метки не исчезнут без моей помощи. Они сожгут тебя, как только Талла уйдёт!

Последнее проклятие Кары долго крутилось в умах друзей. Пока Дарая, по всеобщему молчаливому согласию взявшая на себя главенство, раздавала указания; пока искали место, где можно было бы запереть старую хозяйку, чтобы не повредила ни себе, ни окружающим; пока во всеобщем недоумении восполняли едой потраченные силы и выхаживали тех, кто пережил ритуал тяжелее прочих.

...А потом слова забылись, стёрлись из памяти, как только стало ясно, что дара у колдуний и правда не осталось. Ни лечить, ни вредить ни одна из беловолосых больше не могла. Кто-то печалился, кто-то не знал, что и думать. Иные спокойно поблагодарили Таллу: ни служки короля, ни торгаши, жаждущие наживы, больше не страшили их.

Ни одна не упрекнула.

Разъезжаться тоже не спешили. А что, дом крепкий, ладный. Никто не гонит, да и... семья тут какая-никакая.

Но вот дурная оставаться больше не могла. Она день за днём напоминала Верду о море, звала повидать горы, рисунки которых видела в книгах, и притаскивала показать яркие изображения животных в старинных фолиантах. Кара оказалась права: рано или

поздно Талла уйдёт. Такие, как она, отпив из чаши свободы, на месте уже не усидят.

И однажды Верд сдался. Оседлал поутру заскучавшую Каурку, потрепал по холке Клячу, по обыкновению увязавшуюся вслед за подругой. Санни с необычайной нежностью чмокнул кобылу в морду.

– Ты ж её на колбасу продать грозился, – припомнил Верд.

– Ничего, на колбасу никогда не поздно! С голодухи на костре зажарим, – хмыкнул Санни, проверяя, не начнёт ли упряжь где-нибудь натирать.

Бывший охотник, заслонив глаза козырьком ладони, чтобы не слепило солнце, вглядывался в чёрные на фоне сверкающего снега окна. Казалось, где-то там, в одном из них, можно рассмотреть силуэт колдуньи, молчанием провожающей путников в бесконечную дорогу. Но, конечно же, увидеть её так и не удалось...

– Можно я тоже на Каурку? – Талла протянула руки, требуя, чтобы её посадили.

Наёмник только устало вздохнул, заставив лошадь укоризненно на него покоситься: серьёзно? Это ты тут ещё вздыхаешь? Но посадил, удобно устроил в седле и закутал в новенький тёплый плащ, чтобы от мороза разве что нос пощипывало.

– Я тебя теперь далеко не отпущу, – со смешком, выдающим скрытое беспокойство, хмыкнул Верд. – Метки ж сожгут!

Да-а-а, казалось, забыл уже ядовитые слова Кары, ан нет. Едва расслабился – сами выскочили!

Талла доверчиво откинулась в седле, опираясь на его грудь, щекекотала подбородок короткими, лёгкими волосами и счастливо вздохнула:

– А я пока и не собираюсь никуда уходить.

Эпилог

Море оказалось бесконечно прекрасным. Первые дни Верд мог часами смотреть на идеально ровный горизонт, любоваться пеной под кормой, белоснежной, как волосы Таллы.

Волн размером с дом, а то и с два дома, как обещал наёмник, они пока не видали. Да и, если верить вечно сонному капитану, изредка высывающемуся из каюты с отчётливым отвращением, это к лучшему. Оно и без волн красиво. Солono, свежо... Только уши вечно болят от ветра, ну да привыкаешь. На манер матросов Верд повязал платок на голову, и этого хватало. Зимой, наверное, такой ветер мгновенно выдул бы все лёгкие, и помышлять о морском путешествии тут же расхотелось бы, а сейчас, по жаре, мелкие брызги на липкой от соли коже только в радость.

Он сидел в тени мачты, спрятавшись от ошалело плящущегося на одинокий корабль солнца, подогнув под себя одну ногу, и... вязал носки.

– Опять петлю упустил, – приоткрыл глаз устроившийся рядом Санни, лениво чавкающий яблоком. Метко запустил огрызок через борт, мизинцем ткнул в нитку и сладко зевнул.

Верд застонал: чтобы добраться до петли, предстояло распустить четыре ряда, которые он терзал последний час.

– А раньше сказать не мог?!

– Раньше я занят был.

– Чем?!

– Продумывал проповедь на вечер. О щедрости и умении делиться с ближними самым дорогим.

– Да не дадут они тебе больше эля! – пихнул друга наёмник свободной ногой. – А начнёшь опять звать себя наместником богов на земле, ещё и за борт выкинут, чтоб проверить, пойдёшь ли по воде!

– А и пойду! – с готовностью подтвердил служитель. – За эль ещё и спляшу!

– Я раньше вязать научусь, – буркнул Верд, хмуро распуская труд бессонных ночей.

– Ну за язык-то тебя никто не тянул. Дурная мечом орудует? Орудует. Значит, проспорил.

– Не мужицкое это дело...

– Тогда не вяжи, – легко согласился Санни. – А ежели делать больше нечего, иди спроси...

Служитель не успел сунуть руку в оттопыренный карман, а Верд уже торопливо прихлопнул его по ладони и воровато заозирался: не подглядел ли кто?

– Потом... – И без того смуглый, у моря он рисковал стать и вовсе антрацитовым, однако всё одно заметно покраснел. – Вот взять научусь для начала...

– Эдак ты ещё полгода учиться будешь, – хмыкнул Санни, но руку вновь подложил под затылок. – Помяни моё слово, скоро поздно будет.

Наёмник забеспокоился, зыркнул на висящую на борту Таллу, пробурчал что-то невразумительное и снова низко склонился над вязанием. Санни мерзко захихикал: не так много способов смутить друга он знал, так что этим пользовался с завидной частотой, а спёртое некогда у Врана кольцо с синим, как глаза Таллы, сапфиром и вовсе не убирал из кармана.

– Эй, Талла! Талла! – окликнул он девушку. – Яблочко будешь?

Девушка молча, не оборачиваясь, показала ему средний палец. Море, конечно, встретило её безмерной романтикой, ветром, теплом и свободой, но никто не предупредил, что в комплекте шли невыносимая вонь тухлой рыбы (которая почему-то не мешала никому, кроме неё), качка, потные полуголые моряки и шваргов эль!

Она в очередной раз склонилась над бортом, прощаясь с остатками того яблочка, которое с мыслью «Да ладно, усвоится как-нибудь!» съела ещё утром. Вытерла потный лоб, убрала под узкую повязку мешающиеся короткие волосы и безнадёжно уставилась на палящее солнце, стараясь не обращать внимания сначала на негромко переругивающихся спутников, а потом на мнущегося позади Верда.

Вот же мужик мужикастый! Вообще не до него сейчас!

Талла снова склонилась над бортом.